

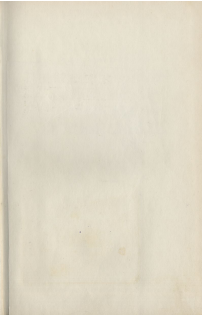
9(c)1

У-472

n

Н.Н.Улащик

Введение в изучение БЕЛОРУССКО- ЛИТОВСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

9(2)1
7-472

Н.Н. Улащик

Введение в изучение БЕЛОРУССКО- ЛИТОВСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Отвественный редактор
доктор исторических наук
В. Н. БУТАНОВ

МОСКВА • «НАУКА» • 1987

Содержание

Биография писателя история писателя, опубликованной в критическом научном или критическом и историческом время белорусско-литовской литературы. Особенно много внимания уделяется Справочной литературе и критике Белинского. Специальный раздел посвящен литературе Литовской литературы времени М. Стрыйковского и той части, которая содержит историю Вильнюсской литературы Литовской. Одна из литературных частей является разделом, посвященным прозаическим и содержательным литературной части литовской. Вторым в литературе освещены вопросы о городской прозаике, развивавшей в разных городах Литовской в XVII—первой половине XIX в.

Рецензенты: М. Е. ВИНЮГА, Н. А. ЧЕЖЕРНИКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Белорусско-литовскими называются литовские, в которых названы историки Великого княжества Литовского и которые написаны на территории этого государства. **1**

Первоначально такие литовские назывались только литовскими. Однако О. М. Бодянский, обнаружив в 1846 г. литовские, получившие название литовских Рачинского, высказался, что не следует называть белорусскими о Великом княжестве Литовском ². Это название не прижилось, и несколько времени спустя Н. И. Костомаров, учитывая факт и Бодянский мним, назвал эти литовские белорусскими **3**. Подобное название, длительное время не вызывая споровников, породилось в недавнее время ⁴. Сомнительно к названию «литовских» отнесся Е. Ф. Карский, организовавший одну из своих работ «О языке так называемых литовских летописей» ⁵. Против прилагательного «литовских» был и А. А. Шахматов, занимавший их «западнорусскими» ⁶. Порой случалось, что одна и та же исследовались в одной и той же работе называл литовские то литовскими, то литовско-русскими. Так, Н. А. Тихомиров, посвятивший свою статью «О составе западнорусских, так называемых литовских летописей», в тексте называл их то литовскими, то литовско-русскими ⁷. В последнее время Р. К. Витура и В. Т. Пашута предлагали называть их литовскими Великого княжества Литовского ⁸. В целом их чаще всего называют или литовскими, или западнорусскими.

Почти так же долго выработывались и названия для каждой из литовских в отдельности. Так, первую из найденных литовских называли то литовской, то литовско-Двинской, а в конце концов от неё маркировалось название по месту происхождения — Оупрачская. Вторая же литовская называлась или по месту, где она была найдена

¹ Бодянский О. М. О литовских мним в Польской провинции библиотеки. — ЧИИИР, 1846, № 1, с. 1.

² Рачинский М. М. Лекция по русской истории. СПб., 1861, ч. 1, с. 36.

³ Тихомиров Н. А. Белорусские летописи на южной литературе. Минск, 1893.

⁴ Карский Е. Ф. О языке так называемых литовских летописей. — В кн.: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 395—413.

⁵ Шахматов А. А. Замечания о западнорусских летописях. — ЛНАК. СПб., 1894, вып. 13, с. 61.

⁶ Тихомиров Н. А. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. — ЧИИИР, 1906, № 1, с. 1.

⁷ Витура Р. К., Пашута В. Г. Культура Великого княжества Литовского. — Белорусская история, 1977, № 4, с. 113.

(Ольвинская, Сутрасльская, Слуцкая, Великая), или по фамилиям владетелей (Красинского, Рачинского), хотя применяются и смешанные: «Рачинского, или Польвинского», «Слуцкая, или Умаровская».

Когда созданы летописи Великого княжества Литовского прекратилось, в Белоруссии около середины XVII в. начали писать городские хроника. Это был последний этап летописания. В настоящее время известны три хроника белорусские (Т. Р. Сурты и Турбывакиш, изданы Ореста, включившая в себя латвианскую), литовская Пилиянского в Аверса, эти в силе, в аномалия Слуцкая.

Более важно за последнее опубликовано И. Н. Даниловичем Сутрасльской летописи (1823—1827 гг.)¹, то означает, что издание и изучение белорусско-литовских летописей продолжается почти 160 лет. Срок весьма охватительный, однако сделано в этой области очень немного.

В работе Р. П. Дмитриевой² зарегистрированы издания летописей на русском, украинском и белорусском языках и исследования о них до 1959 г. — более 2 тыс. изданий. Из них на белорусско-литовские летописи приходится около 66, в том числе примерно в 20 работах белорусско-литовские летописи рассматриваются в связи с изучением канонич-то-ных летописей. Что касается изданий (включая т. XVII ИСРЛ), в которых включены тексты новых известных в начале XX в. белорусско-литовских летописей (за исключением Румицкой), то их немного — больше десяти.

Несколько более интенсивно изданием и изучением белорусско-литовских летописей стали заниматься в последние годы. В библиографии за 1960—1972 гг. (является продолжением книги Р. П. Дмитриевой), составленной А. Н. Казаневичем³, исследован, включен белорусско-литовских летописей, учено примерно 25.

После 1952 г. вышли в свет т. XXXII и XXXV ИСРЛ, в которых включены белорусско-литовские летописи⁴, а также несколько исследовательских работ по той же теме. В общем, усилия в деле изучения белорусско-литовских летописей в последние годы увеличились.

Недостатком существующей литературы является прежде всего то, что в ней отсутствует начало (это есть, но в крайне упрощенном виде), т. е. не осуществлен учет летописей, не сделано их полное описание, не указан (из отодвинутой даты) точный адрес, не всегда сообщено, в каком городе, в какой библиотеке или архиве хранится рукопись и где она находилась ранее, не всегда сказано, какими способами подготовлен текст рукописей редакторы, публикаторы или другие летописцы. Таким образом, источниковая база, на которой основаны наши знания об истории страны, изучена мало. А между тем дальнейшее изучение летописей (как и других источников) должно дать, несколько точно передачу и издания текст рукописей. Кроме

¹ Удильс Н. М. Открытие и публикация Сутрасльской летописи. — В кн.: Летописи и хроники, 1970 г. М., 1970, с. 202—214.

² Дмитриева Р. В. Библиография русского летописания. М.: Л., 1962.

³ Казаневич А. Н. Советская литература по истории России (1950—1972 гг.). — В кн.: Летописи и хроники, 1974 г., с. 294—326.

⁴ ИСРЛ. М., 1972, т. XXXII; М., 1980, т. XXXV.

известий, во что пришлось у нас пойти, нам неизвестно. Самыми крупными собраниями рассказов Радзивиллы, к которым перешли все собрания князей Слушков, но работ, в которых было бы особенно культурное значение хотя бы Есенина, «стоимые» Радзивиллов, нет.

Наша библиотека фамилии самых крупных феодалов, но многие менее значительные феодалы, даже из среды средней и малой власти, тоже имели хроники, нередко очень богатые, в которых хранились и летописи. Примером тому служат имена Ягеллоны Бызовны и Ольгины Хавитовны.

Литовские, которые имеются в наших распоряжении, далеко не всегда сохранились полностью: во многих из них недостает то начала, то конца, а иногда и середины. Узнать, что утрачено, можно частично путем сопоставления текстов отдельных летописей, а для определения, какие летописи (сфера включалась сейчас) были в XVI в., больше всего надо польские хроники в главном образом хроники Матвея Стрыйковского¹¹.

Ряд белорусско-литовских летописей начинается с легендарного сведения о прибытии 30 семей занятых ремеслом по главе с Палемном из Италии в Литву. Об этой легенде сказано немало, однако до настоящего времени не решен вопрос, когда и кем она создана, не известно, как она изменялась (в разных литовских летописях немало подделок), неизвестен и процесс включения ее в летописи, содержащие вполне реальные данные.

Вопросу известности Стрыйковского литовских известий, как и вопросу о происхождении и развитии легенды, в нашей работе отведены специальные главы.

Относительно много внимания в монографии уделено последнему типу белорусско-литовского факта, чисто белорусского) летописания — городским хроникам, ведь это наиболее изученный этап летописания. Например, самые крупные и содержательные из этих произведений — Ягеллоновские хроники — издали лишь в переводе (она написана по-польски)¹², к тому же, перевод сделан с опечаточного варианта и недостаточно квалифицированно. В довершение всего Н. Г. Гортинский, не знавший о существовании полного списка хроник, приписал авторство Александру и Матвею Турбинским, хотя на самом деле это произведение начал писать Т. Р. Сурта, продолжил К. Турбинский, а участие Александра и Матвея Турбинских было второстепенным. Сурта, который в предисловии Гортинского выглядит как лицо почти легендарное, продолжает жить в этом жанре до последнего времени. В нашей работе сделана попытка

¹¹ *Archiwum M. Krasińskiego, Hrońska, Lublińska i węgierskiej Biblii...* w Katedrze 1582. Польскими текстами изданы этого труда: *Strzykowski M. Kronika...* Warszawa, 1914, кн. 1, 2. Далее: Хроника; римскими цифрами указывается часть, арабскими — страницы.

¹² Хроника белорусского города Ягеллоны. Собранные и переведенные Александром Турбинским, ретингом Ягеллоновской канцелярии, во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолженные его сыном губернским секретарем Матвеем Турбинским/Переведена с польского... Николай Гортинский. — ЧОИИР, 1907, кн. 3, отд. 1, с. 1—142. Есть и отдельный выпуск.

узнать, кем были Сурга и Трубяцкие, а также историю создания могилевской хроники в целом. Полностью отсутствуют исследования, касающиеся «Синьского» издания Ораста. Все, что известно о самом авторе и его работе, основано на кратких сообщениях Ф. Г. Елесьского — редактора т. II «Астрографического сборника документов»¹¹. Пятибской летописи Пятибского в Америке повелева балмиза она задана в оригинале и в переводе (написаны на польском языке, переведена на русский)¹², однако исследований о ней нет. Что касается Случайки (не летопись, а хроника), то она вообще была неизвестна¹³.

Отсутствие литературы о названных памятниках в какой-то мере объясняется их «молодостью» — это произведения поздние, тогда как исследователи в первую очередь изучали и изучают наиболее древние. Другая причина, притом гораздо более основательная, заключается в крайне слабом знании истории Белоруссии вообще. Наличие летописей или хроник не только повышает культурный уровень города, селения, страны в целом, но и отражает многие стороны жизни своего времени вообще.

Городские хроники отличаются от предыдущих прежде всего тем, что они посвящены почти исключительно событиям, происходившим в самом городе или вообще в своей местности. Кроме того, они написаны или на польском, или на русском языках, тогда как предыдущие писались или на древнерусском, или на старобелорусском.

Учитывая, что о городских хрониках литература отсутствует, данные о их поисках и изданиях помещены не в главе второй, как о летописях, а в пятой, содержащей вообще все известное, касающееся этих хроник.

В целом данные монография посвящена разным вопросам, но ни один из них не решен сколько-нибудь полно. Слишком много возникает вопросов, связанных с летописанием, и слишком мало исследована история Белоруссии и Литвы, чтобы можно было написать относительно полную обобщающую работу по этой теме. Поэтому, с точки зрения автора, предлагаемое исследование представляет собой лишь введение в дело изучения названного вопроса.

В монографии рассматриваются летописи и хроники. В чем между ними различия? Вообще, считается, что летопись — это хроникально-летописный документ, относящийся к годам (летам), отсюда и название. Хроники же представляются собой сводные рассказы на какой-то отрезок времени, не обязательно в хронологической последовательности, а иногда без указания лет. Однако белорусско-литовские летописи и хроники под эти определения не подходят. На-

¹¹ Астрографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси. Вильна, 1907, т. II, с. IX—X.

¹² И оригиналы летописей Пятибского в Америке вторично напечатаны в Конне: Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комитетом для разбора древних актов. Киев, 1888, с. 213—226. Вторично летопись напечатана в ПСРЛ, т. X, XLI (дл., 1876, с. 192—203). На русский язык летопись переведена А. П. Савиновым Восточная старина. Вильна, 1900, т. I, с. 402—413.

¹³ Русская хроника напечатана в Вильнюсском Чартерийском в Кракове (Специальный отдел, № 148, л. 529—534).

пример, в старейшей летописи — Сувальской — часть, содержащая описание событий, происходивших в Великом княжестве Литовском, озаглавлена «Летопись великих князей литовских», но включение там ведётся в виде рассказа без указания года, т. е. лежит под хроной. Обозначение «Летопись» для всех произведений, включённых ранее в т. XVIII, а сейчас в т. XXXV ГИРЛ, дано публикаторами независимо от того, как они помещались в рукописи. Название «Хронопис» Быловича дано им первым издателем Т. Нарбутом; оно и закрепилось в литературе, хотя по своему характеру эта хроника почти не отличается, главным, от летописи Радзивилла.

Надвин двух томов белорусско-литовских летописей и связанные исследования о них начали немало лет, в течение которых ряд лиц оказали нам весьма существенную помощь. Прямую глубокую благодарность В. А. Чечеринскому, пригласившему к печати хронику Быловича в Сурты — Трубнянское и сделавшему ряд замечаний по вышедшей рукописи, а также сотрудничавший институту истории СССР, специалистом в белорусских, принимавшим участие в обсуждении рукописи в немском ряд важных предложений: В. И. Буганову, М. Е. Быковой, Ф. А. Гресулу, В. И. Корсакову, Л. Л. Мраморной, А. И. Рогову, Б. И. Файер, А. Л. Хорошкович.

Глава первая

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Первым исследователем белорусско-литовского летоисчисления был Н. Н. Давыдович — профессор Вильнского, позже Харьковского, Московского и Киевского университетов.

К этим сочинениям еще раньше обращался А. Я. Шайер, но так как в это время еще не была белорусско-литовская летопись ни была известна, а выдана лишь рукопись Я. Стрыйковского на русском или литовском языках, то Шайер полностью отрицал возможность их существования. Он исходил в этом случае из предположения, что грамотность (т. е. способность записать письменно свои замечания) начиналась только с принятия христианства, а так как Литва начала христианизироваться в 1386 г., то лишь с этого времени и возможно было начинать создание своих летописей, тогда как у Стрыйковского ссылки на них давались из гораздо более раннее время. Под Литвой Шайер понимал не только собственно Литву (Литву историко-географическую), но все Великое княжество Литовское, упустив из вида, что к моменту христианизации Литвы в состав Великого княжества входили все Белоруссия и большая часть украинских земель, где письменность существовала уже столетия. Кроме того, Шайер под латинскими названиями памятников, касающиеся на литовском языке, а так как подобная литовской действительности не была, то это и служило для бы подтверждающего его взгляды¹.

Давыдович был во отношении со Шайером в более выгодном положении, так как сам видел и опубликовал первую летопись, сохранившую данные по истории Великого княжества Литовского, — Сутраславскую. В 1836 г. Нарбут сделал фотолитографическое списание хроники Вильнова и дал ряд ссылок на этот источник². Располагая такой фактической истиннонашей базой, Давыдович написал свои исследования о литовских. Эта небольшая по объему (всего около двух печатных листов) работа оказалась очень выской по содержанию³.

Давыдович явился в Сутраславской летописи таким исследователем и настолько обоснованным образом, что она в ряде случаев не потеряла своего значения и до наших дней; вместе с тем его исследования о языке литовской полны противоречий.

¹ Шафер А. Я. Открытие и публикация Сутраславской летописи. — В кн.: Литовский язык, 1876 г. М., 1876, с. 203.

² Нарбут Т. *Даро історыі народа Літоўскага*. Вильна, 1836, с. 311, с. 323.

³ Давыдович В. О литовских летописях. — *ЖМНП*, 1848, 36 II, с. 76—114.

Посвящен и после находок Даниловича в Нарбута основным источником знаний о литовских Великом князстве оставались «Хроника» Стрыйковского, то Данилович в дальнейшем главное внимание уделял этой работе, стараясь углубить, анализ источниковым пользовался зрелост на всем протяжении своего труда, сосредоточив внимание на тех, которые Стрыйковский заимал русскими для литовских летописей.

Начиная первую работу о литовских по-русски, Данилович, видимо, учитывал, что интерес к этим летописям был сильнее всего у тех, кто читал по-польски (я кто часто не знал русского), в 1841 г. опубликовал перевод статьи на польский¹. Автор считал, что в период высшего некоторые восточная. Действительно, в польском тексте местами имеются формулировки, а также пороки следования некоторых параграфов. Главное же заключается в том, что в переводе автор не полемический тон в тех местах, где Данилович выступил против Шляйсера и Крашевского, который отрицали наличие летописей, написанных в Великом князстве Литовском силами жителями этого государства.

Спустя еще пять лет, в 1846 г., та же работа под тем же названием была опубликована как бы в качестве введения ко второму изданию «Хроника» Стрыйковского².

Учитывая, что во всех трех статьях Даниловичем поименован в общем один и тот же текст, они рассматриваются здесь как одно произведение.

Русский текст работы начинается с анализа источников, на основании которых Стрыйковский писал о начальном периоде литовского народа, и содержит утверждение, что этими источниками была литовская епископа Христиана (облет сомнения, что история XVI в. получила первоначальные сведения от прусских и славян на литовских на литовских первого прусского епископа Христиана, который жил в начале XIII ст.)³. Позже она интерпретировалась, и проверить точность использования ее Стрыйковским для Даниловича оказалось невозможным.

Стрыйковский сообщил, что он пользовался четырьмя литовскими хрониками, однако не назвал их. Данилович, проанализировав его данные и литературу о литовских хрониках, пришел к выводу, что Стрыйковский пользовался не четырьмя, а тремя хрониками: Герарда Литвиновского, Альберта и «Первой литовской хроникой», что собой представляла четвертая хроника и пользовался ли по вообще Стрыйковский, Даниловичу установить не удалось⁴.

¹ Dąbrowski J. Władysław o władcych Litewskich Litwiniach. — In: *Ateneum*. Włocławek, 1841, t. 6, s. 13—42.

² Dąbrowski J. Władysław o władcych Litewskich Litwiniach. — In: *Strzykowski M. Kronika polska, litewska, ruskoka (współnie) Włocławek, Warszawa, 1846, t. 1, s. 31—42. Ссылка на 38 источников дана по тексту, помещенному в «Хронике».*

³ Данилович К. Указ. соч., с. 70.

⁴ Там же, с. 70—80. Ссылка, хроника Альберта — это реформированная хроника (Litwiniach Litwiniach / Ed. L. Meyer. Paderborn, 1876. Ca.: Danneberg S. T. Официальное Литовского государства. М., 1928, с. 124.

Историк Литвы Стрыйковский начинает с латвийских легенд о бегстве предков литовской элиты из Италии в Литву, причем он приводит две версии этого события из двух латвийцев. Сам источник одинаков эти легенды очень высоко, утверждая, что «Литва и Самогития (Жемайтия. — Н. Я.) имеют подтверждение ими как достоверными латвийцами»¹. Того же мнения придерживался и Данилович, писавший, что история Литвы основана Стрыйковским преимущественно на двух чисто латвийских латвийцах, из созданных коих [их и] составил свое основание»². О первой из них Стрыйковский же сообщил раньше, которую же он получил в подтверждение у князя Заславского — владельца селения Великий Берестовица (сейчас в Простокое обл. БССР). Исходя из повествования в латвийских данных Нарбута о времени Бисюва, Данилович пришел к выводу, что легенда, которая была получена Стрыйковским у князя Заславского, оказалась последствием у Литвы и поэтому стала называться временем Бисюва. «Смело и с убеждением», — писал Данилович, — утверждая, что эта легенда (Бисюва. — Н. Я.) есть именно та легенда, которая названа Бисювом и которой другие в начале по достоверности Т. Нарбута Стрыйковский не видел и не видел»³. Данилович был настолько уверен в этом, что даже продолжал переносить ее в Заславскую. Когда же время Бисюва была переименована полностью и оказалась невозможным сверять ее с теми местами латвийцев Заславских, на которые ссылался Стрыйковский, то между временем Бисюва и легендой Заславских было обнаружено так много общего, что одну можно было принять за другую. Лишь после тщательного текстового анализа, проведенного А. Н. Роговым, было доказано, что у Стрыйковского было две или больше очень близких по содержанию легенд, но все же это были разные списки одного и того же произведения»⁴.

Опять-таки, используя данные Нарбута и сопоставив с ними, Данилович пытался восстановить как бы контингент истории создания времени Бисюва. Данилович утверждает, что та часть, в которой описываются события до правления Миндовга, основана частично на народных преданиях, частично на русских и венгерских хрониках, частично же просто на соображениях автора. На Польской (Нативской) и еще каких-то неизвестных дожде латвийских источниках и русских латвийцев, вероятно, использованы данные из первой правления Миндовга — Гедимина: от Гедимина из латвийцев, иной латвийской Кутрасельской. — Н. Я., а о времени Кайшора и до конца (1306 г. — Н. Я.) могут быть произведения самого автора»⁵.

Кроме двух основных, у Стрыйковского, согласно его замечаниям, являлись еще две легенды достоверные легенды, найденные у пред-

¹ Стрыйковский М. *Культура народа, история, легенды и верования* [Кул. Вярствы, 1849, т. 1, к. 27].

² Данилович Н. *Указ. соч.*, с. 80.

³ Там же, с. 80—81.

⁴ Рогов А. Н. *Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения*. М., 1966, с. 128, 145, 147 и др.

⁵ Данилович Н. *Указ. соч.*, с. 94—95.

нижского старосты А. Н. Ходковича. Давалонич считал, что это части Вильянской летописи¹⁴.

Однако Стрыйковский ответил, что у него, кроме четырех вполне достоверных, была еще «крошечка» летописки, т. е. путаница, неаутентичная (Давалонича, исходя из известных высказываний Стрыйковского, считал, что «крошечка» у kronista было несомненной). Из этой летописки Стрыйковский привел цитату из книги оригинала, но польской графией. Давалонич высказывало не усомнился в том, что это действительно фраза из летописи XVI в. В ней сообщается, что новгородский князь Рымович после поражения в победоносной битве у Могилы во Новгородке «убил троих сынов, да вот какому какому делу из этих сынов были». В том, что Рымович — лицо маркитанское, Давалонич не сомневался, но язык фразы указывал, что она написана в XVI в. Занимаясь источниками XVI в., Давалонич понял, что это действительно отрывок летописи, составленной летописцем Великого княжества Литовского, и обрушился на своих противников (Шайнера и Крашевского) и на совсем неадекватной форме. «Пускай же после этого пересят, — писал он, — что крабим (читали Великого княжества Литовского) — *М. К.* не писали латышской, если подобная, согласно утверждению Стрыйковского, из древности в качестве языка употребляла Литва — не только были (в Литве) древние латышские, но (они) всегда по-русски, не по-литовски писали с добавлением литовского акцента»¹⁵.

Стрыйковский в самом начале своей работы утверждал, что все использованные им «крошечки» были написаны на русском языке, с чем Давалонич полностью соглашался в полемике со Шайнером и другими исследователями. (Вопрос летописей в работе Давалонича отведен составительный параграф, причем входящий не совсем адекватно в название: «О литовском языке русских летописей»). Этот параграф начинается словами: «Все литовские летописи написаны по-русски, которые Литва в древности употребляла как крошечку» (2). Далее говорится о том, сколь велико было воздействие русской культуры. Согласно мнению Давалонича, Литва была со всех сторон окружена русскими (это именно, так как литовцы граничили частично с родственными им русскими, частично с поляками, а на севере с поляками латышской). — *П. К.* и поэтому, хотя в свое время литовцы «освобождала» и поднимала себе русским области, они приняли язык русский на язык двора, науки, судопроизводства, права, дипломатии, только с его посредством понимали друг друга и писали латышские»¹⁶.

В другом месте Давалонич называет язык, на котором писали упомянутая книга фразы о князе Рымовиче, русско-литовскими про-извольными наречиями¹⁷. Если принять положение, что существовало русско-литовское наречие, да еще провинциальное, то следует говорить не о наличии русско-литовского языка. Но дело не явилось

¹⁴ Там же, с. 96.

¹⁵ *Opis źródeł i źródeł o wileńskich źródłach listopisu*. — In: *Strzykowski R.* Op. cit., т. 1, с. 38—39.

¹⁶ Там же, с. 38.

¹⁷ Давалонич *Н. Указ. соч.*, т. 37.

кажется и на этом. Обращаясь к той же фразе еще раз, Давылович сообщает, что литовские литовцы употребляли для своих произведений «литовский диалект», а сами русские никогда не писали¹⁷. Здесь Давылович хотел подчеркнуть, что русские литовцы (жешковские, погорельские и др.) писались иным языком, чем «литовские»; вместе с тем он говорит уже не об акценте и не о провинциальном наречии, а о диалекте, причем не русском, а литовском. Подчеркивая слово «литовский», Давылович таким образом акцентировал внимание читателей на нем, утверждал, что это не ошибка, что автор писал именно то, что хотел, что считал верным. Следовательно, соглашаясь со Стрыйковским, что литовские литовцы писались на русском языке, Давылович тем не менее утверждает, что они писались и на литовском диалекте и на русско-литовском наречии.

Фраза о Рынгольте заимствована из «сказания литовских, литовских же иа, во мнѣши Давыловича, отличалась от «городских» не только содержанием, но и языком¹⁸. Однако, когда была найдена литовская Рынгольта, а затем и еще несколько литовских, то оказалось, что фраза о сывоньях Рынгольта есть в некоторых из них, а хотя в «ронике Быховца (городских, основной литовских) сыном Рынгольта назван Рындоит, но язык литовских Рынгольта и «роника Быховца почти одинаков (очень близок к разговорному белорусскому). Значит, и «роника Быховца написана не то на литовском диалекте, не то на русско-литовском провинциальном наречии. Вместе с тем, опровергая мнение Нарбута, что «роника Быховца (вернее, ее начало) написана на «красном» (в данном случае на литовском. — Н. З.) языке, Давылович начался «Для кого и кто писал бы историю ле-литовских? Он возмнил, что если бы они и были литовцами, то их никому было бы читать, так как неграмотные крестьяне «роника не читают, а кто умел читать, тот, очевидно, не знал литовского языка¹⁹. Давылович явно продолжал мысль стилизации диалектизмами литовского диалекта (в титле, введении, в начале), так как во времена обоих Сяпко-Видом его констатировать только переставки гласных и в городе никакой стилизации среднего и низкого диалекта (галеты).

Чтобы закончить перечисление тех определений, которые давал Давылович языку литовской, добавим, что в одном случае он назвал его русско-польским «с примесью местных притворов»²⁰.

Как все это следует понимать (столько различных мнений по одному и тому же вопросу, причем автором очень высокой квалификации)?

Все как почти всё становится понятным, если принять, что Давылович белорусский язык называл литовским. Тогда литовский диалект окажется белорусским диалектом русского языка, тоже с «инвентаром», тоже с «провинциальным наречием». Мы знаем, что это не наречие и не акцент, но в языке Давыловича белорусский диалект на-

¹⁷ Давылович Г. Сп. с. 1. 38. Подчеркнуто автором. — Н. З.

¹⁸ Давылович Н. Указ. соч., с. 96.

¹⁹ Давылович Г. Сп. с. 1. 38. Подчеркнуто автором. — Н. З.

²⁰ Ibidem.

жовата литвиница¹², а не жила литвинська, и даже в конце XIX — начале XX в. стоял вопрос, как ли это (белорусский) или наречие. Правда, будучи уроженцем Белоруссии (крайнего юго-запада), Давыдович, конечно бы, должен был разбираться в языке лучше, чем оказался на самом деле, но поскольку получалось так, а не иначе, то можно считать, что, говоря о языке литовский, автор ошибся.

Давыдович уделял внимание и еще некоторым вопросам. Так, он считал, что литовские писатели «родовитые литвини» (т.е. то и писали «с принадежью». — *Н. В.Д.*) Учетным является это предположение о Литве и Руси, только быть уверенным, что он выискал под литовским этнонимом¹³.

Персонально, по мнению Давыдовича, в дом старинная зреница Стрыбковского привнесла роль принадлежала писателю жемайтскому Мелашкуру Гейрабур, у которого, конечно, была «литвинская» литвинька, послужившая Стрыбковскому основным источником в его труде¹⁴. Странительно упрям Стрыбковский делался в том, что она писала без дат. Давыдович догадала, что литовские литвиньки заимствовали такую форму у польских зрениц, которые писала свои зреники не по годам, а по тридцатилетним поркам¹⁵.

Безусловно, что в своей работе Давыдович уделял внимание и той литвинке Сутраславской, по сравнению с ним. — *Н. В.Д.* которую он искал в издал, сравнивая ее как «чисто литовскую, долее никому неизвестную»¹⁶. Впрочем, разницу между «чисто литовской» и «особенно литовской» автор не разглядел.

На основании отдельных замечаний, приведенных в литвинке, Давыдович определил, что она написана между 1394 и 1446 гг. Публикатор очень плохо понял найденный им замечание: «Смело утверждать, что доселе мы не знали лучшей и даже древнейшей литовской литвиньки»¹⁷.

Заключая этот параграф, Давыдович еще раз обратился к Шейнур со словами: «Следовательно, несовершенство копирования Шейнера, что нет в не было литовской старе XV или XVI века, ибо истинная зреница около 1394 г.»¹⁸.

Далее Давыдович оставил нас на публикатора литвинке, тогда находившейся в свое время в Сутраславском монастыре и изданной в 1836 г. М. А. Оболенским¹⁹. Заключительный параграф свел к одной «литовской литвинке» — Сафоница, не изданной и до наших дней²⁰.

¹² Например, в книге «Картина России и был революционных ее народов СРБ... 1899 сказано, что «литвинский язык... является частью португальского Чарльса...», «литвинский и литвинский» (с. 313—314).

¹³ Давыдович Г. *Ор. сд.*, т. 1, с. 18.

¹⁴ Давыдович Г. *Ор. сд.*, т. 1, с. 80, 83.

¹⁵ Давыдович Г. *Ор. сд.*, т. 1, с. 28.

¹⁶ Давыдович Г. *Ор. сд.*, т. 1, с. 181.

¹⁷ Там же, с. 186.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 108—110.

²⁰ Там же, с. 110—112.

перечисления языков Гедимина и указания, что каждому из них досталось после смерти отца, а валией — хроника Быховца¹².

После выхода «Лекций» Костомарова в изучении белорусско-литовских летописей наступил опять длительный перерыв. Положение было настолько обескураживающим, что в дело вникались Академия наук. В объявлении о предстоящем присуждении диссертации графа Уварова было высказано пожелание, чтобы работа, представляемая на эту премию, была написана о западнорусских летописях. Далее было заявлено, что, хотя Академия не имеет ставить соперников выбором темы, она «хотела бы самым... образом особенное внимание уделить на два следующие предмета». Затем сообщалось, что «в ряде источников отечественной истории занимают не последнее место западнорусские летописи о Великом княжестве Литовском». Академия предлагала на решение следующие вопросы, связанные с белорусско-литовским летописанием: 1) время составления летописей; 2) их состав; 3) установление, какие заимствования сделаны из западнорусских летописей как русскими летописцами, так и польскими хронистами¹³.

На премия Академия не останавливалась много, в то же время два года объявление было повторено¹⁴, но результат был прежний. Лишь в 1881 г. Н. А. Тихомировым была подана работа, озаглавленная «О составе западнорусских, так называемых литовских летописей», однако в печати она появилась лишь спустя 20 лет, в 1901 г.¹⁵

В 80-е годы XIX в. об этих летописях появлялись небольшие заметки в работах по истории Украины. Так, Н. Матвиюкский в своем исследовании о Подолье использовал Сутрысльскую летопись, хроника Быховца и ту часть Слуцкой летописи, которая была подана Подольем. С летописью Ровинского Матвиюкский был знаком по имени, принадлежавшей Литвинскому; о том, что сообщил о ней Бодянский, Матвиюкский не упоминает. Он считал, что хроника Быховца и Слуцкая летопись местами схожи, а Сутрысльская значительно отличается от них. Это верно, но Матвиюкский рассматривал источники лишь в части, касавшейся Подолья, а так как сведения Сутрысльской летописи в этом месте действительно отличаются от данных хроника Быховца, то отсюда и сложил такой вывод¹⁶.

Кратко и очень путанно информировал своих читателей о Сутрысльской летописи галицкийский ученый П. Островский, который сообщал, что эту летопись назвал не Давидович, а Сороковской. Затем киев. Павел Одоевский, по указу которого были перепечатаны исто-

¹² Костомаров Н. П. Труды, т. 1, с. 52—58.

¹³ Отчет в диссертационном приказе графа Уварова. СПб., 1870, с. 11. Второй предмет — это вторая тема, предлагаемая историк, который имеет право участвовать в конкурсе.

¹⁴ Отчет в двадцатом присуждении награды графа Уварова. СПб., 1870, с. 23.

¹⁵ Тихомиров Н. А. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. — ЮЖНП, 1901, № 3. 5. Сообщения Тихомирова, что он в 1881 г. получил за это исследование премию Уварова, напечатаны не в полном объеме (см. работы Н. Шарановича и С. Сасюльска) в ЮЖНП, 1901, № 2, с. 402.

¹⁶ Матвиюкский Н. Очерк князей и Подольской земли до 1438 г. — Университетские известия, Киев, 1883, № 3, с. 2—3.

гость, являясь князем Друцким. Острожский имел лишь издание 1827 г., на эту дату было известно, что она раньше печаталась в «Валенском даянии», и т. д.¹⁸

В 1883 г. вышла работа украинского историка В. В. Антоновича¹⁹ и Н. Дашкевича²⁰. Они сводились летописные не только-даже, но, изучая историю Украины, критически проверили данные источников, среди которых белорусско-литовские летописи занимали особое место. Больше всего эти авторы уделали внимания хронике Бычкова, причем к свидетельству источника о завоевании Гедимином Вильны, Киева и Поддипрова они отнеслись весьма скептически.

В 1885 г. по поводу одной из почти обязательных частей литовской — Повалы Витовту — выступил М. С. Грушевский. Прежде всего он высказался о названии воле их комплекса: «Русские Летописи Великого княжества Литовского, — писал Грушевский, — или русско-литовские, так называемые писанные русским языком летописи, имеющие целью изобразить историю Великого княжества Литовского. Эти летописи содержат важные сведения, но мало научны. Повалы, во мнению Грушевского, имеет характер официальный, он цель — доказать право Витовта на Великое княжество Литовское»²¹.

В 80—90-е годы XIX в. в дело изучения литовских летописей польскими учеными Н. Шараневичем²², С. Смольским²³ и А. Прохаской²⁴.

Важнейший вывод Шараневича заключается в том, что историк, где создавались белорусско-литовские летописи (все эти авторы называли летописи только литовскими), был Смольский. Но что известно, летописи представляли собой своды, составленные в разное время в различных местах. Шараневич считал, что составлены эти летописи до 1446 г. пользовались какой-то старинной литовской, а затем события начала XVI в. приписывали государственным и частным актам, т. е. документы официальные.

Смольский рассматривал свою работу как историческую статью к будущему изданию под названием «Русские источники о польской истории». Цель этого издания — установить взаимосвязи между польскими, русско-литовскими летописями и хрониками. Основными объектами изучения Смольского были Сутраславская и Служба литовская, причем автора больше всего интересовали различия между ними, что в конечном итоге должно было привести к решению вопроса о

¹⁸ Острожский С. Новейшая литература русской. Киев, 1887, ч. 1, с. 194—194.

¹⁹ Антонович В. В. Эпиграфика на истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1883, т. 1, с. 14 и др.

²⁰ Дашкевич Н. Записка по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1883, с. 13, 14, 42 и др.

²¹ Грушевский М. С. Повалы воле, на Витовту. — В кн.: Зап. Науковий товариство (м. Львів). Львів, 1885, т. 8, к. 1, 4.

²² Dąbrowski J. O literaturze historycznej XV i XVI wieku w związku o literaturze historycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego i Ziem Litewskich. — In: Wstępny i pierwszy tom z rozpraw Wydziału historyczno-filologicznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1882, т. XV, с. 381—423.

²³ Smolka S. Najdawniejsze pomoce dziejopisarstwa rusko-litewskiego. Wskazie krytyczne. — In: Pamiętniki Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział historyczno-filologiczny. Kraków, 1883, т. VIII, с. 1—33.

²⁴ Prochaska A. Litojska Hronika. Kritisches Verzeichnis. Lwów, 1880.

тем, какими источниками пользуются составители этих летописей. Сымак считал, что основными источниками Стрыйской и Стрыйской летописей были летописи и хроники, составленные в Ольвии, и летописи Великого княжества Литовского; использовались также летописные материалы.

Протаска полагал, что эти летописи летописаны летописцами (т. е. летописцами, начинающимися с перечисления сыновей Гедимина), которая много раз перерабатывалась и дополнялась, но является монолитным произведением, а состоит из двух частей: повествовательной (основного рассказа общего характера) и отдельных сведений, вернее отдельных повествовательных эпизодов. Протаска подчеркивал, что часть много отрывков принадлежит Ольвии.

Г В 1901 г. появилась работа Н. А. Тихомирова, написанная в 1881 г.¹⁰ По сравнению со временем Давидовича количество опубликованных летописей сильно увеличилось (были изданы летописи Стрыйской, Красноводской, отрывок летописи Рачинского, хроника Выговца), но еще оставались неизвестными летописи Ольвицкая, Евревицкая, Румяновская, хроника Литовская и Жмйтская. Тихомиров изложил все известные ему летописи на краткое, перекладное и полнотное. К кратким он относился Авраамов (в сущности, только тот раздел, который начинается с перечисления сыновей Гедимина и указывает на то, что оставалось выводу из них отцов), Стрыйская, Стрыйская, Летописи Красноводского и Рачинского, а также того, что в них содержится летописное сказание. Тихомиров считал в перекладные — от кратких и полных. Полной же была им названа хроника Выговца (Тихомиров редко употреблял эти названия, предпочитая также, как летописцы, названия Давидовича: Стрыйская, Ольвицкая, Повествование Стрыйское) и т. д.¹¹

Тихомиров считал, что известные ему летописи представляли собой своды, составленные из выписанных в разное время и разными лицами отдельных произведений. «Таким образом, — пишет он, — краткий свод летописей летописцев есть произведение, составленное из разных источников составных частей». Части, из которых состоит краткий свод, следующие: 1) запись о борьбе Ягайло с Кейстутом; 2) запись о князьях Выговца и повествование из русских летописей; 3) Сказания о битве на Вороне; 4) Повесть о Подолье; 5) Повесть о Витовте; 6) Сказания о борьбе Свидригайла с Сигизмундом; 7) погодные записки о Смоленске и Южной Руси.¹²

Далее Тихомировым дается краткое изложение содержания летописей Красноводского и Рачинского с указанием, что эти произведения содержат много неизвестных ранее фактов, но особенно пространно изложено содержание хроники Выговца, т. е. «описание» летописей. Автор отмечает, что в ней много летописного (кроме летописей о прибытии из Италии, летописи о дереве Святого креста, о походе Ольгерда из Москвы и др.)¹³. Ряд данных у Выговца (о приходе

¹⁰ Тихомиров Н. А. Указ. соч. — ЖМНП, 1901, № 3, с. 1—26; № 4, с. 78—106.

¹¹ Там же, № 3, с. 3, 4, 7, 26.

¹² Там же, № 3, с. 53, 56.

Майдонга и Найшюка, об убийстве Таштинца) Тихомиров считал действительными (в Литовской летописи). В то же время в архивной Библиотеке находились ряд сохранившихся, совершенно оригинальных, отсутствующих в других источниках (о борьбе Свидригайла с Сигизмундом, об убийстве Сигизмунда и др.)¹⁰.

Большой раздел работы посвящен заимствованиям, которые были сделаны польскими хронистами Длугошом, Ельским, Стрыйковским на литовская летописи. Тихомиров отмечает, что эти заимствования были значительными у Ельского и еще более у Стрыйковского, причем оба порой пользовались летописями, которые им неизвестны. Он считал также, что все летописи, которыми пользовались указанные польские хронисты, представляли собой лишь отдельные редакции одной и той же летописи. Вопреки Давидову Тихомиров считал, что Супрасельской летописи у Стрыйковского не было¹¹, что, добавив от себя, совершенно справедливо. Споря с летописью с архивной Стрыйковского, Тихомиров постарался «реабилитировать» этого автора, которого долго укрывали в фальшивованиях. «Трудно уже говорить, — пишет Тихомиров, — о недобросовестности почтенного кавказца, написать его сочинения полубышевскими и полустойскими верю, так как очевидно передавал лишь то, что было написано в летописях»¹².

В 1910 и 1912 гг. вышла две работы польского ученого Яна Якубовского. Первая из них¹³ посвящена сбору литовских источников Стрыйковского, а также истории вхождения литовских в литературу, касавшейся белорусско-литовского летописания (Якубовский пишет, что эти летописи вошли только литовскими). Он отмечает, что у Стрыйковского, который делал так много ссылок на литовские и русские архивы, трудно определить, где означаются тексты, основанные на одной летописи, а где на другой, невозможно также установить, чем различались между собой сделанные летописи, которыми пользовался этот автор. Вместе с тем в работе указывает, что все летописи, бывшие у Стрыйковского, начинались с легендарного вхождения предков литовской племенности из Рима.

Якубовский указывает на слабую Стрыйковского, настаивая, что он был единственным автором, который пользовался летописями как источниками для своей работы. И действительно же, говорит Якубовский, уже Ян Длугош использовал ту часть летописи, в которой говорится о борьбе между Ягайло и Кейстутом, и почти полностью включил этот отрывок в свою работу; то же сделал и Кромер. Знал летописи и Мартин Вельский. Но более поздних авторов литовскими пользовался А. Ковальский-Вана, причем в его распоряжении была летописи, Стрыйковскому неизвестные.

Кратко, но с большим знанием дела изложены историография вопроса, причем указаны работы почти исключительно польских

¹⁰ Там же, т. 60, 86, 117 и др.

¹¹ Там же, с. 86.

¹² Там же, с. 117.

¹³ *Jakubowski J. Książki litewskie*. — In: *Wzrost i rozwój literatury polskiej w XV-XVI w. 1898, Włocław, 1910, t. 3, s. 68-77.*

авторов. Особо выделены Якубовичи, устьянские, что летописи писались в Смоленске.

В заключение Якубовский отмечает, что в XVI—XVII вв. литовцы рассматривались не только как историческое происхождение, но и как художественные, а даже в качестве примера они дают в польском переводе рассказ прохваса Бизюка о походе Сигизмунда на Москву.

Вторая работа Якубовского гораздо больше по объему и несравненно богаче по содержанию¹². Содержание ее значительно шире тематики, и в основном она посвящена истории литовщины в Великом княжестве Литовском. Якубовский был единственным дореволюционным автором, который изучал историю литовщины в связи с общим ходом событий в Великом княжестве. Монография начинается с попытки определить место, занимаемое собственно Литвой, т. е. Литвой этнографической, в составе Великого княжества, установить, какой процент территории занимала эта Литва и какую часть населения составляли собственно литовцы. По его расчетам, в XVI в. (около 1500, перед Люблинской унией) территория, заселенная литовцами, занимала примерно 1/3 всего пространства государства, а население составляло едва ли не половину¹³. Таким образом, по расчетам Якубовского, Литва в середине XVI в. была заселена гораздо плотнее, чем Белоруссия и тем более Украина.

Второй вопрос, изученный автором, касается государственного языка и национального самосознания различных этнических элементов, входивших в состав Великого княжества. Общеизвестно, что Литва, присоединив к себе огромные славянские территории, была языковой и безязычной. Естественно, что если у подчиненного народа языковость на своем языке существовала уже сотни лет, то победителя приняли его язык. Этот язык Якубовский принимает по-разному. Традиционно он называется русским, но в действительности это был разговорный белорусский, который одновременно с подлинным Русь распространялся среди местного класса в Литве. Уже во времена Ягайлы, а возможно, и ранее белорусский язык употреблялся дворян в литовском боярстве¹⁴. Далее он утверждает, что употребляемый в Литве литовско-русский язык выделялся в особый диалект, который, учитывая его первоначальный состав, можно назвать польско-белорусским¹⁵.

¹² *Jakubowski J. Studya nad etnografią państwowości litewskiej na Litwie przed Unią Lubelską*. Warszawa, 1911. В монографии отсутствуют историографический обзор и обзор источников. Она, однако, представляя работу является как бы вводной главой к монографии.

¹³ Там же, с. 6. По подсчетам автора численность населения литовской территории относилась к белорусско-украинской как 1 : 2,5, т. е. составляла примерно 38%; в 1430 г., в период наибольшего распространения государства, собственно-литовская земля относилась к остальной как 1 : 1,2, т. е. примерно 50%, а к центру Люблинской унии — как 1 : 7, т. е. около 10% (Давидов Р. К., Мазарко А. Г. Культура Великого княжества Литовского. — Востр. история, 1937, № 4, с. 95).

¹⁴ *Jakubowski J. Studya...*, с. 12.

¹⁵ Там же, с. 14.

Национальный вопрос в Литве и отчасти в Белоруссии в начале XX в. принимал острые формы. Среди литовского населения быстро нарастал протест против польского национального давления. Работа Якубовского (который на самом деле упоминает об этом), очевидно, должна была ответить на ряд важных вопросов современности.

Говоря о начальном этапе литовского национализма, Якубовский отмечает, что первое проявление литовского характера было создано в 1286 г. в окружении Витовта. В переводе на литовский язык оно соотвечало в Коронной метрике¹⁷. (Сейчас оно называется *Ordo regis*.) Следующий этап представлен описанием войны между Смиргайло и Сигизмундом Кейстутовичем. Писал эту работу староста Смиргайло, который, однако, критически отнесся к некоторым действиям своего князя (князь князя Гельмиского, союзник митрополита Герайска)¹⁸. В целом же войну описал дружно, сепаратист, мечтавший оторвать Русь (включая белорусские и украинские земли) от Литвы¹⁹. Дальнейшие литовские работы, такие писанные русскими, были уже пронизаны противостоянием чувствами. Это Повесть Витовту и Повесть о Подоле. Принятие Сигизмунда 1434 г., дававшей русским боярам равные права с боярами литовскими, вел к обострению представлений высшего класса разных национальностей между собой, а в то же время отношения с Польшей и связи с избранном великого князя Казимира короля польским сильно обострились. Дальнейшие этапы литовского отравляют свету обитателям.

На период правления Казимира приходится появление первого литовско-русского свода, написанного в Сильноске, который в то же время стал интеллектуальным центром Литовской Руси (Белорусия и Украины. — Н. У.)²⁰. Хронису Бизюка, по мнению Якубовского, составили участники битвы под Вироном в Клязьме²¹. Он знал обстановку при дворе, но документами двор не пользовался. Прискадал составителя, более вероятнее, из окрестностей Слуцка или Новогрудка. «Временами создается впечатление, — пишет Якубовский, — что составитель рассказ о современном или белорусам²². Общий тон хроника Якубовский объясняет тем, что к началу XVI в. процессом консолидации различных этнических элементов господствующего класса, у которого появились потребности в истории, удовлетворенный интересом «обоям народам» (литовского и белорусско-украинца. — Н. У.)²³.

В дальнейшем литовские вожди по двум направлениям: одни литовцами продолжали работать в архивах дуба, т. е. «составляли

¹⁷ Там же, с. 18—21.

¹⁸ Там же, с. 22—24.

¹⁹ Там же, с. 25.

²⁰ Там же, с. 26—27. Замечательные мысли в монографии указаны литовской частью литовской.

²¹ Битва под Вироном между войсками Великого княжества Литовского и русскими произошла в 1286 г., битва под Клязьмой между войсками Великого княжества Литовского и татарам — в 1288 г.

²² Там же, с. 41.

²³ Там же, с. 44.

предания, дополняя их собственными размышлениями, другие же, «более образованные», не ограничивались критической обработкой того, что «вытискивала» работа литовских летописцев⁴⁶. «Более образованным» была полька, в первую очередь Стрыйковский. Подобная характеристика кажется странной, поскольку Стрыйковский сделал ряд приоритетных замечаний в адрес «бессознательных летописцев», но все же писал свою «Критику» на основании данных «бессознательных».

Литовским, считал Якубовский, назидаться под сильным воздействием запоздало, да и сами литовцы являлись чаще в запоздалых дорах⁴⁷.

Примером до правления Сигизмунда-Августа языком Литвы (польши, дора, латыш и т.д.) влиять влиять был «русский», которому в повседневной жизни соответствовала «белорусщина», причем белорусский являлся как язык собственно Литвы. С правления Сигизмунда-Августа начал распространяться язык литовский, а вместе с тем стало усиливаться националистическое самосознание собственно литовцев⁴⁸.

Работой, замыкающей двенадцатитомный период в деле изучения литовской, является монография Ф. Сулянского⁴⁹ (она, правда, вышла в 1921—1929 гг., но вышла до революции). В смысле ценности исторической как самый источник, так и литературы о нем Сулянский не имел равных. Кроме литовской, которые помещены в т. XVII ПСРЛ, а также Руминский, этот автор использовал (по крайней мере писал о ней) летопись Баркулабовскую и все те литовские хроники, с которых упоминались в предисловии к т. XVII ПСРЛ. По сравнению с нашим критиком у него недоставало только хроник Литовской и Жойтовской. Большой плюс Сулянского состоит в том, что он не использовал работ Якубовского.

В начале монографии Сулянского помещен историографический обзор, причем автор проводит структурный анализ точности передачи его предшественниками литовских текстов. Проверка осуществлена не по рукописям, а по тексту, опубликованному в т. XVII ПСРЛ, но тем как в этом издании текста передана почти без ошибок, то такая проверка достоверна. В обзоре (в котором сказано много прекрасных содержащих работ в литве) Сулянский подчеркивает, что во всем этом тот или иной последователь в дело изучения литовской, и дает из критическую оценку (Сулянский слишком историчен в своих суждениях; Бодзинский, приближая строк из литовской Рачинского, ошибся, считая, что это чуть ли не Византизм; и т. д.). Неза-

⁴⁶ Там же, с. 53—54.

⁴⁷ Там же, с. 57.

⁴⁸ Там же, с. 63—64.

⁴⁹ Сулянский умер в 1920 г., эта работа издавалась посмертно. Часть первая вышла на русском и украинском языках, причем текст русского издания основан на с. 54 и основан на рукописях. Часть вторая вышла только на украинском. См.: Сулянский Ф. Як (яко) руські літописці на писали літописи. Київ, 1921—1929. Ч. I, 2. В тексте Сулянский обычно называет изучаемые им литовские летописи так.

служению высшего чинам Сувидзкой предлохны Вазыныч, предс-
лавные виданы Румянецкой лётонск; о скарыванні т. XVII ПКРП
я прадставіў яго віданя скалава очыра кратава.

Ка ўвясненні выхода ў свет работы Сувидзкаго была как бы ўстано-
ўлена класіфікацыя беларуска-літоўскіх лётонскіх: яны дэталі
на дзве або тры групы, прычым групка Басюна ўсёгда адмічалася
важнымі стаскамі. В гэтой групцы яна ўсёгда была аднаасобковай, по-
тому Сувидзкому не было пуды адрозніваць асобна, а лавіа ас-
тальныя групцы. Он раздэлаў лётонскіх на кратава, славяны і па-
нону. К кратава былі стасоны Сутраславская, Слуцкая (Удзровская),
Нікіфоравская, Алашчыцкая, Віленская лётонскі і лётонскі
Дубровенскі; к славяны — Румянецкая, Крысавіцкая, Археа-
лагічэскага абшчына, Тыхавіцкая, Рачынская, Іарэвіцкая і Па-
трыарая лётонскі; к панону — зрочка Вышона. Разліччя междз
кратавымі і славянскімі лётонскімі заключаецца в том, што в славянскіх
ёсць легендарныя скалавы, тогда как в кратавах ёго нет. Асноўнай
кратавой Сувидзкой счытаў лётонскі Сутраславскі, асноўнымі сло-
вамі — Крысавіцкага і Румянецкую⁴⁴.

Па ўсталяванайся традыцыі Сувидзкой палытаў, што цэнтром,
гдз скарываліся лётонскі, был Савінык, пераважна же ўсе гэ-
то дэла скарываліся с дэталёвасцю савінога Герасіма⁴⁵.

Важнае выніканне в работе ўдзельна «полюваў» лётонскі, прычым
падробна атычыла, што новаго знаёцца в этом памятанне на скарыва-
нне с другіма. Вмесе с тым он атычыла акаблівасць (ала бясмыс-
леннасць) легендарнай часты, прычым праводзў неспольна генеа-
лагічэскіх табліц, аснованых на матэрыялах разных лётонскіх, чабы
показаць, паскольна яны разліччя междз сабой. Істочнаскімі лётон-
Сувидзкой счытаў скалавыя вытанымі лётонскіх фамілій. Завясы
савінык, акаблада, дэталіся в XVI в., для чаго невольнаваліся
кніжка дакумэнтны, дапоўненныя сабствёнай фантазіяй.

Сувидзкой такжа вынікала даць абясвечэнне ряду геаграфічэскага
выніканій в Літве, якіяны лётонскі выводзілі на імя легендарнага
героя. Акаблада счытаў ёго он адна ла удзельна, чым лётонскі, так
як паспрабаваў абясчыць названне, вёскада не на лётонскаго мовы,
а на немскаго или рускаго (назваванне «Карнов», по-лётонскі «Кар-
нава», будо бы праскадаваў от немскаго «Карн», т. в. зёрна)⁴⁶.

В главе VII «Повесты и рассказы лётонскага лётонскі» перачыслены
21 прачыніцка, якіяны, по імяны аўтара, вёскады в асцява «Лі-
товскага лётонскі».

В 1838 г. была выдана монографія А. А. Шахматова, вавісаванная
ёсць на вельнаком, то в акаблівасці савой часты до рэвалюцыі. Ака-
на ёе глава пасвячана беларуска-літоўскім (западнарускімі) лёт-
онскі. Здысь аўтор констатувў незначытальна абідрусскага часты,
гаворы боляе тольна — на істочнаком. Акабладрун лётонскі Сутраслав-

⁴⁴ Сувидзкой Ф. Захадна-рускі лётонскі на сав'етам літэратуры, ч. 1, с. 60, 61, 62.

⁴⁵ Там жа.

⁴⁶ Там жа, ч. 2, с. 158.

⁴⁷ Там жа, с. 159.

скую, Слуцкую (Гоманскую), Никитовскую, Академическую, т. е. наиболее старые. Шашков принял к сведению, что основным источником из были Новгородская 4-я, Софийская 1-я летописи, митрополитский свод, доведенный до 1446 г., и западнорусские летописные источники. Протограф Сутраславской летописи, считал Шашков, составил в Смоленске ¹⁰.

После революции первым, кто обратился к белорусско-литовскому летописанию, был В. И. Пачета, комментируя краткие сообщения о них в своей работе, посвященной источникам и историографии ¹¹. Пачета, в то время ректор Белорусского в Минске и профессор Московского университетов, был первым ученым, причисленным (в 1918 г.) к курсу истории Белоруссии в новом учебном издании — в Белорусском народном университете в Москве ¹². Очевидно, в связи с чтением этого предмета и был разработан курс по источниковедению истории Белоруссии. Белорусско-литовскому летописанию Пачета посвятил главу «Источники истории» ¹³. Здесь Пачета перечисляет восемь видов источников, первый из них — «литовско-белорусские летописи».

По мнению автора, летописи представляли собой свод отдельных исторических повествований — «самостоятельных из украинских летописей со включением в них раннего рода народных преданий и сказаний, а также народных знаний». Что касается общей их направления, то автор считал, что она отражала недовольство белорусско-литовского народа поляками ¹⁴, т. е. полетикой польского господствующего класса. Начево не добавивший к тем сведениям, которые имелись в литературе, но включивший в общий курс источниковедения и историографии России, курс Пачеты означал читателю с непримечным в то время комментарием «Источники [по истории] Белоруссии».

В полерискоязычный период несколько небольших (К. Аножко, Н. Ковалька, Н. Жилика) статей о летописях было помещено в литовской буржуазной печати ¹⁵.

В последние десятилетия исследованием летописей ведется главным образом в Белоруссии и Латвии. В вышедшей в 1968 г. монографии М. А. Юкса ¹⁶ подведены итоги всем осуществленным в этой области исследованиям. Относительно небольшой объем (всего 10 печатных листов) вынуждал автора к краткости изложения.

Юкс уделял много внимания вопросам атрибуции летописей и историографии, но эти разделы даны в начале глав, причем только в главе «Летописи Волынского княжества Литовского» такой раздел назван историографическим, в остальных случаях разделы имену-

¹⁰ Шашков А. А. Описание русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.: Л., 1908, с. 341—345.

¹¹ Пачета В. И. Введение в русский историю (Источники и историография). М., 1922 (из издания — 1923).

¹² Пачета В. И. История белорусского народа. — В кн.: Курс белорусоведения. М., 1926—1928, с. 1—86.

¹³ Пачета В. И. Введение... с. 76—86.

¹⁴ Там же, с. 76.

¹⁵ Jurga M. Lietuvos patyčiai. Vilnius, 1968, p. 54—55.

¹⁶ Там же.

ются «Результаты исследования» или «Что известно о хронике Быдгоцкой». Тот же в общем характер имеет и вступительная часть к главе «Стрыйковский и его исследования». Таким образом, в работе Юнуса вопросы историографии занимают важное место, причем он коснулся работ и тех авторов, которых предшественники исследователи обычно не затрагивали (упомянутых Антоновича, Никитича, Желко, А. Гаванки).

Основное внимание автора сосредоточено на трех вопросах. Первый вопрос — что представляет собой летопись Великого княжества Литовского и Жемейтского. Здесь значительное место уделено легендарной (мифической) части летописей и подробно рассмотрена антиваранская критическая легенда. Второй вопрос касается хроники Быдгоцкой. Тому же вопросу автор посвятил и специальную статью¹². Наконец, третий вопрос касается «Кривака» Стрыйковского. Здесь автор проанализировал, какие летописи были использованы Стрыйковским, что из них было, исходя из личных наблюдений, в какой мере достоверны приводимые им сведения; в той же главе дается обзор использованных данных летописей польскими хронистами Длугошом, Малюховым, Кромером, М. Бельским.

В 1931 г. вышел перевод на литовский язык хроники Быдгоцкой, сделанный Р. Яном¹³. Работа состоит из предисловия, где подробно изложена историография вопроса, самого текста и комментариев, причем комментарии значительно превышают по объему как текст, так и предисловие, вместе взятые. В комментариях очень подробно и систематично анализируются основные данные хроники.

В Белорусии летописями занимается В. А. Черняцкий¹⁴. Называя его труды сводящими к названию книги Сушицкого, но в основных выводах эти авторы резко расходятся. Сушицкий продолжал традиции, сложившиеся во второй половине XIX в., Черняцкий пытается осмыслить кардинальные вопросы литовистики по-новому, уделяя больше внимания политическим обстоятельствам в Великом княжестве Литовском. Существеннейшей новизной, предложенной Черняцким, является классификация летописей. Прежнему исследователю делали все белорусско-литовские летописи на три группы (критическую, сложную и полтерую, причем в сложной отсылали летописи, в которых имелись легендарные сказания, — Крюковского и Рачинского, но мало, в сущности, между ними различия. Черняцкий полагал, что эти летописи различаются между собой, причем и в части, содержащей легенду. Основной идеей новой классификации, как полагает Черняцкий, состоит в том, что предшествующие исследователи считали, будто это три типа летописей, тогда как, по мнению Черняцкого, они представляют собой ряд сводов, возникших в результате переработки и объединения в одно целое нескольких отдельных произведений¹⁵. Черняцкий предлагал разделить все летописи

¹² Юнус М. А. Хроника Быдгоцкая. — В кн.: Литовские и хроника, 1933 г. М., 1934, с. 220—228.

¹³ Lietuvos metraštis. Būdvytės kronika. Vilnius, 1931.

¹⁴ Черняцкий В. А. Белорусские летописи из литовской литературы. Минск, 1933.

¹⁵ Там же, с. 18—20.

на четыре группы, представляющие отдельные литовские княжества. К первой группе он отнес литовских Валуевскую, Дубровскую, Ойдо-годо, Погодаевскую, БАН № 24.4.32 и ЦГАДА № 20/25, составившие «Литовию великая князей литовских»; к второму ряду (вторая группа) — Наскафоровскую, Академичевскую, Супрасльскую, Студинскую; ко второму ряду (третья группа) — литовских Красинского Патриаршую Б⁶⁴, Телларовскую, Поняевскую (Рачинского) и Барановскую; к третьему ряду — трансу Валуев.

В своем новом издании Чеммеридэй уделял первому ряду, в частности усиленно истощавшей обшаруженной части этого ряда. Здесь автор в ряде случаев вступал в полемику с А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, которые, признавая большое значение Супрасльской и Студинской литовских для истории русского летописания, считали, что основным источником для них были Новгородская 4-я, Софийская 1-я и некоторые западнорусские источники.

Чеммеридэй, не претендуя на окончательный вывод, считает, что первый ряд основан на «материалах литовских 1445 г. и Московский ряд 1469 г. (Троицкий литовский). Затем Чеммеридэй установил, что известиями составитель белорусско-литовских летописей не имел мезанического характера, а делаясь весьма идеологизированным летописец выбирал известия, имеющие отношение к истории Великого княжества Литовского. В тех случаях, когда в русском летописи содержались вымышленные для этого государства или отдельных деятелей характеристики, он исключал их. Летописи сокращал также растянутые места, исключал те, которые касались отдельных местностей России, предпочитая давние общегосударственные. Кроме того, события, произошедшие за ряд лет, он иногда объединял, делая последние более конкретными. Летописец, используя русские летописи, пытался игнорировать историю Литвы и Литовской Руси (Белорусская и Украинская) в ее связи с историей Руси Московской и в ее взаимосвязи с Русью Киевской.

Для таких выводов автору потребовалось, кроме обычной в таком случае очень кропотливой работы над текстами летописей, основательно изучить политическую обстановку в Великом княжестве Литовском. Особенно необходимо это оказалось тогда, когда потребовалось объяснить некоторые темные места в литовской, например, отношение летописца к борьбе за Смоленск и Мстиславль между смоленским князем Святославом и Великим княжеством Литовским. Это место летописи написано русским, а не просто православным, а лицом духовным, которое вдобавок цитирует библейские тексты. Вместе с тем это лицо враждебно к смоленскому русскому православному князю и дружелюбно к Литве, католической и притом католической.

Как и почти все последователи, Чеммеридэй считает, что большинство произведений, на которых составлена Белорусско-литовская

⁶⁴ Патриаршая А. В. В начале первого литовского характера, включенных в сборник № 790 РГМ. При издании г. XVII РГМ они были использованы для восстановления недостающих мест в литовской Архивистического общества.

летовско 1446 г., написаны в Свидоме и что вдохновителем много дела был епископ (тоже митрополит) Герасим, сторонник целостности Великого княжества, сторонник Витовта, а после его смерти и утверждения на престоле Сигизмунда Кейстутиевича тайный его сторонник, да что и князь коняра и был соседом Свидригайлом. Герасим оказался на стороне католика Сигизмунда, а не князя Русская Земля Свидригайла потому, что в случае победы последнего славянские земли вышли бы из состава Великого княжества, а потому, что Герасим предвидел победу Сигизмунда. Литовский, очевидно, был латин, близкий к Герасиму, опираясь в своей работе на латышского епископа, почему и признавал князя Свидригайла, врага Витовта, к определенным библейским персонажам.

Переходя к «Летовисту великого князя литовского», т. е. к той части, которая начинается с перечисления князей Гедимина, Чернявский считает, что это произведение состоит из собственно литовских и новостей о Падоме и что *Stigo regis* является предисловием «*История*».

Второй труд представляет собой сочинение «Летовиста великого князя литовского» с «Хроникой Великого княжества Литовского», сопровождающей летописью князя.

Значительные места в монографии уделено хронике Витовта. По мнению Чернявского, составитель хроники заимствовал из «Хроники Великого княжества Литовского и Жмудского» летописную часть, немного переработав ее, затем взял ряд известий из Ипатьевской летописи или подобной ей, но потом, добавя до реальной истории Великого княжества, пошел вслед за текстом первого свода, а еще далее за вторым. В некоторых случаях составитель хроники непосредственно пользовался Случайной летописью. Чернявский допускает возможность того, что рассказ о походе Ольгерда на Москву написан составителем хроники Витовта. Затем отмечается, что хроника содержит много данных, которых нет в других источниках¹⁴.

Последней во времени работой философа является только хроника Витовта является статья Ю. Н. Драгуна¹⁵. Эта работа выделена по объему. Наиболее существенными в ней являются указания на хронологическую неточность хроники.

Автор впервые представляет себе постановление Паризской генеральной конфедерации от 29 августа 1696 г. о языке русского (т. е. старобелорусского) языка польским. Драгун пишет, что «слова с хроника Витовта были взяты еще до издания закона 1697 г. о введении на территории Белоруссия польского языка и латинского алфавита»¹⁶. Здесь сразу несколько ошибок: упомянутое постановление касалось не одной Белоруссии, а всего Великого княжества Литовского; об алфавите там ничего не сказано, так как об этом не было смысла и говорить, поскольку поляки пользовались только

¹⁴ Чернявский Я. А. Указ. соч., с. 78—80, 118, 115, 121, 160, 162, 163 и др.

¹⁵ Драгун Ю. Н. О «Хронике Витовта». — В кн.: Вопросы истории. История СССР. То СССР. Древний мир и средне века. Минск, 1981, вып. 8, с. 20—28.

¹⁶ Там же, с. 22.

латинским алфавитом и, значит, перевод со старобелорусского на польский автоматически означал перевод с кириллицы на латиницу; в постановлении говорится не вообще об обязательном переводе всей письменности Великого княжества на польский, а лишь о том, что решения великого суда великий писарь должен писать по-польски⁴². Ко всему этому стоит добавить, что во времена правления конфедерации этого постановления письменность в Великом княжестве почти целиком перешла на польский, кириллическое же письмо было забыто настолько, что когда приходилось перепечатывать кириллические тексты, то их переписывали (не копируя буквы) латиницей (примером этого служат хроники Бисюва).

Однако самой большой небрежностью автора было то, что он пользовался не оригиналом хроники, а ее переводом.

* * *

На историографическом обзоре видно, что предыдущие исследователи касались в той или иной степени едва ли не всех важнейших вопросов белорусско-литовского летоисчисления. Значит ли это, что поднятые вопросы решены, не говоря о том, что о городских хрониках вообще никто ничего не писал (а это ведь тоже летоисчисление)? И все остальные проблемы давно от решены? Впрочем, едва ли они «в окончательной форме» будут решены когда-либо, так как каждое поколение исследователей прочитывает источники и дает им оценку по-своему.

⁴² *Voluntatis Regum*. SPb., 1880, t. V, s. 416.

Глава вторая

НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ ЛЕТОПИСЕЙ

Сутрасльская летопись

Первой из белорусско-литовских летописей была найдена и опубликована Сутрасльская летопись, хранящаяся в Сутрасльском монастыре недалеко от Белостока (сейчас по Белостокские воеводство в Польской Народной Республике).

Сутрасльский монастырь был основан на земле Ходковичей, и история монастыря, в особенности ранние ее этапы, тесно связаны с этой семьей. Затерявшиеся или забытые рукописи были обнаружены профессором Вильнюсского университета Н. Н. Давидовичем.

В создании Сутрасльской летописи решающую роль сыграли две знатные фамилии: князья Одановичи, по заказу одного из которых летопись была переписана, и Ходковичи, фундаторы монастыря, в котором летопись была обнаружена.

Сборник, содержащий Сутрасльскую летопись, начинается (л. 1-а—2 об.) с родословия князей Одановичей по женской и мужской линиям, в конце же сборника (л. 173) сообщается, когда рукопись была создана, кем и по чьему заказу. Согласно этой записи, переписчик закончил свою работу в 1528 (1519) г. 6 октября «на память святого апостола Фомы... князьмилостию благоверного и христолюбивого князя Симеона Ивановича Одановича, жена которого княжовались Евкатерина, имела же детей, зана в них и упоминаются, не названы. О себе переписчик сообщал, что он называется Григорий Иванович».

Родословие князей Одановичей, как оно изложено в начале сборника, главным образом в путанице, чтобы считать его достоверным. В одном случае родословием этой фамилии называется Федор Оданка, жена которого Агния была праправнучкой князя Михаила Черниговского. По другой версии, родословием фамилии был Иван Оданка, проживавший в Новгороде и получавший княжеское «русо Друцку». (Выражение «у-во Друцку» следует понимать как «издалека от Друцка» — в восточной Белоруссии.) Даже родословием сообщает, что князь Александр с сыном Григорием уехал в Москву, на отставку своего Ресухова и сына князя оставал у-во Друцку¹. О записке в Москву нескольких Одановичей сообщает и материал Литовской метрики. Согласно этим данным, родословием Одановичей был князь Федор, живший в середине XV в. У Федора было четверо сыно-

¹ ПСРЛ. М., 1888, т. XXXV, с. 262—263.

ней, одна из которых, князь Дмитрий, купил немцев Гольдано и в то же время стал именоваться Гольдовским. Сын князя Дмитрия (к жене Федора) бежал в Россию¹.

Во всех случаях, когда имеются данные о географическом положении владений Одиновичей или хотя бы упомянуты район действий, называется восточная Белоруссия или Смоленщина: один из Одиновичей был князь на князю Соколинской², Соколинское же — одна из левых князей Друцких. В 1535 г. Семан Богданович Одинович получал подтверждение на владения в Потоцком повете³. В 1532 г. Одиновича спорили за владения в том же повете⁴. Другие материалы подтверждают, что владения Одиновичей находились в восточной Белоруссии и что эта фамилия хотя не принадлежала к верхнему феодальному, но занимала среди представителей этого класса положение князя среднего. Из материалов Литовской истории известно, что Богдан Федорович купил вместе с сыном Семаном князя Остроуляны и что он был обязан выставить 28 вооруженных всадников⁵. Когда была совершена посылка, известная, но подтверждена польским князем литовским в 1534 г.⁶ Остроуляны находится в Городицком районе Витебской обл., т. е. на севере Белоруссии⁷. Что касается числа всадников, то оно показывает, что Богдан Одинович был богатым человеком, так как один всадник выступался с восьми крестьянских дворов. Значит, у князя Одиновича в 1535 г. было не менее 224 крестьянских дворов. Для сравнения можно сказать, что князь Смоленский во время из посылки ставил 40 всадников, а Чарторыйские — 55⁸.

Из летописей известно, что князь Федор Одинович, сторонник князя Свидригайла, в 1431 г. и битве под Ошвенноном попал в плен к Сакшераду Кабиступовичу⁹. Возможно, это тот Федор, который, согласно Голубинскому, был родоначальником Одиновичей, а по родословию — прапрадед Никола, происхожд. из Нимич. Уточняя, что реально Одиновичи происходили из князей Друцких, можно принять версию родословия, так как князья Друцкие известны с 1390 г.¹⁰, а значит, существовали раньше и Одиновичи. Если считать на каждом поколении по 25 лет, то, согласно родословию, князь Никол Одинович жил примерно в середине XIV в.

¹ Лавинский А. Поход кочев в Восточную Европу Литовцами в XV—XVI ввек. Житомир, 1887, с. 315, 321, 328.

² ИСРП, т. XXXV, с. 261.

³ Одиновичи документно и факт. принадлежали в Московском князе Министрства юстиции. М., 1813, кн. 21, с. 78.

⁴ Там же, с. 261.

⁵ Лавинский А. Ср. сб., к. 213.

⁶ Там же.

⁷ Жукотин В. А. Крайний геополитический сдвиг. Белоруссия, Минск, 1979, с. 217.

⁸ По данным Голубинского, Одиновичи по роду из посылки 1535 г. ставили 53 коня (Голубинский М. К. Литовско-русский союзу. М., 1891, с. 357). Данные о Соколинской и Чарторыйском см. в Голубинского.

⁹ ИСРП, т. XXXV, с. 261, 27, 141, 161, 183, 218 (в Барановской описке) в 1430 г. — Там же, с. 250).

¹⁰ Лавинский А. Ср. сб., к. 20.

Сторонниками Свидригайла в его борьбе за великокняжеский трон были почти исключительно крутые феодалы, причем главным образом православные, так как второй женой князя была княжна в бояре «русская вдовушка» Великого княжества.

В связи с участием в битве под Олешнями князя Федора и его плоским любопытством, что родословие Олешневичей означает, сообщается, что женой великого князя Сигизмунда, победителя под Олешнями, была козлянка ровняющая того князя Григория, который бежал в Москву. Далее в родословии сказано, что князь великий (Сигизмунд Кейстутевич — *Н. У.*) приобрел с нею сына Мазилука. А князь великого Жигимонта дабыли Черторыйские, так великого князя сына Мазилука шло до Москвы, и там охранили в выере¹³. («Охранили» — значит отравили. — *Н. У.*) Следовательно, исходя из близкого родства с князем Сигизмундом, Федор Олешневич выступил против него, а так как за Свидригайла выступили главным образом феодалы Подляны, Смоленщины и Киящины, то это может служить еще одним доказательством того, что Олешневичи были из тех районов.

Ряд других документов Литовской метрики свидетельствует о том, что представители фамилии Олешневичей были связаны с юго-восточной Белоруссией и Смоленщиной. Так, великий князь Казимир пожаловал 6 вол смоленского мыта князю Григорию Олешневичу¹⁴. В 1481 г. Федор Олешневич (возможно, тот самый, который бежал в Киев в 1434 г.) получил от великого князя Казимира село Присады, что за Костыльвином Рыбачим было¹⁵. Из книги Западной метрики известно, что смоленский боярин князь Иван Олешневич получил 12 вол дельтами, а князь Семен Иванович Олешневич — 10 вол¹⁶.

Все это должно подтвердить высказанное ранее суждение, что Олешневичи сидели в восточной Белоруссии и на Смоленщине и что они принадлежали к богатым землевладельцам.

Был ли Семен Иванович Олешневич (это имя в известных нам источниках упоминается только один раз), получивший 10 вол, тем самым лицом, во ввержение которого была вверстана Литовская?

К сожалению, записи о дарении восточных земель, что по ним можно было установить, был ли Иван отцом Семена Ивановича. В датированном разделе книги Давид великого князя Казимира, в котором перечислены люди, получившие князе с Олешневичами пожалования, записано: «В Трехох, князь П, индикт 4». Затем следуют записи о пожалованиях еще десяти человекам; всем им дарения были сделаны из смоленского мыта. После этого comes подыгловых «Богдан смоленским с князем дьяком», и в числе тех, кому «дьяком», числится оба Олешневича, т. е. здесь совершенно определенно сказано, что Олешневичи были смоленскими боярами. Год датации пожалования не указан, но сделано оно было в правление великого князя Казимира, убитого в 1492 г.,

¹³ ПСРП, т. XXIV, с. 264.

¹⁴ РНБ, СМ., 1910, к. XXVII, стр. 136.

¹⁵ Там же, стр. 26. Селение Присады существует в настоящее время в Белорусском районе Литовской обл., а также в Рязновом и Селитинском районах Белорусской обл. (Фролов А. А. Указ. соч., с. 204).

¹⁶ РНБ, т. XXVII, стр. 211.

соседнем же документе датированы 1486 г.¹⁰ Учитывая наличие слов «подает 4», можно предположить, что Одишевичи получали свои земли в 1489 г.

Значит, исходя из имеющихся материалов, нельзя утверждать, что Семён Иванович был лавичанином, но вполне с уверенностью можно говорить о том, что родинами была обидана или в восточной Белоруссии, или, что более вероятно, в западной Смоленичине.

Какова же путём она попала в Сутрасль, находящийся на крайнем западе Белоруссии?

В XVI в. Одишевичи занимали разные и довольно высокие посты уже в центральной или западной Белоруссии (может быть, это явилось следствием того, что Великое княжество Литовское потеряло Смоленск). Так, князь Семён Богданович Одишевич в 1532—1541 гг. был гродненским городничим, а его сын Андрей в 1549—1556 гг. — мнишским городничим, князь Василий и Григорий Одишевичи в 1548 г. были волыцкимскими дворянами, т. е. служили при дворе великого князя.¹¹

Возникло впечатление, что представители рода Одишевичей, занимая посты в западной Белоруссии (Гродно), привалили туда рукопись, первоначально в восточной части, но когда и каким путём она попала в Сутрасльский монастырь, остается невыясненным.

Если об Одишевичах данные редки и невысочислимы, то этого нельзя сказать о Ходковичах. Давный род, знаменитый в истории Великого княжества Литовского, дал едва ли не самых талантливых полководцев, не говоря о том, что Ходковичи принадлежали к богатейшим фамилиям в Великом княжестве. Еще Ходковичи наряду с Радзивиллами были известны как самые непрерывные противники Либавской унии.

Фамилия Ходковичей происходит от Ходы, что значит в славянском произношении имя Ходор или Федор. Родинами Ходковичей считается Ходко Юрьевич, известный с 1436 г. Сын Ходы Иван в 1470 г. был королевским маршалком, в 1476 г. — витебским князем, а в 1482 г. — князем воеводой. Во время нападения татар на Киев он попал в плен и умер в неволе. Сын воеводы Александр Некович и был основателем монастыря. В течение почти 50 лет (с 1501 по 1549 г., когда он умер) Александр Ходкович занимал ряд важнейших постов в государстве (наместник псковой, староста брестский, маршалок, воевода новогрудской и пр.). Из четырех сыновей Александра (из которых старший — Иван — рано умер) Перовым с 1536 по 1561 г. занимал посты от деревни одишвицкой до великого князя, Григорий с 1544 г. — подканцлер литовский и великокняжеского старосты, с 1555 г. он уже великий гетман. Григорий был одним из самых известных членов фамилии Ходковичей; Юрий Александрович в 1554 г. был стольником и державной окольником, а в 1566 г. троюм князем.¹²

¹⁰ Там же.

¹¹ *Беліцкі А.* Ог. с. 8, т. 218—217.

¹² Там же, т. 28—29; *МЗЛ*, Вильна, 1879, т. IX, с. 456.

У Григория Ходковича, женатого на кнзине Вильневской, было два сына и две дочери, одна из которых — София — была женой Филом Кюмты, старосты армянского и номинального воеводы смоленского, оставившего интересные литературные заметки — письма к разным лицам (умер в 1872 г.). Самый младший из пятерых Александре — Юрей — был дважды послом Великого княжества Литовского в Москву; вторично он был женат на дочери князя Юрия Слуцкого.

Ян-Карл Ходкович был польским, а затем польским ретинком и вильнюским воеводой¹⁸.

В семье Ходковичи принадлежала к верховной знати в Великом княжестве Литовском и как таковые находились в родственных связях с самыми известными фамилиями в этом государстве, в том числе с князьями Слуцкими, располагавшими огромными собраниями рукописей и все более развитой радой культурных знаний.

Ни о каком другом монастыре Белоруссии не опубликовано такого количества материалов в столько исследованной, сколько о Супрасльском. Однако большинство авторов, писавших о нем, не обладали достаточной квалификацией, чтобы осудить значение этого монастыря как культурного центра. Нарочит, русские авторы, преимущественно лишь дружными, интересовались прежде всего религиозной стороной, утверждая, что монастырь находился в плачевном состоянии, пока был православным, сниски же православие на унию, если и не пришел в полный упадок, то все же перестал быть оазисом православия в своем районе.

Публикация документов о монастыре началась вскоре после подавления восстания 1863—1864 гг., когда Е. А. Говарский извещал рю документов, касавшихся монастыря¹⁹. Затем архимандрит Модест опубликовал свое исследование о монастыре²⁰. Главные внимание им уделено записочной деятельности монастыря, как бывшие места отселения деятельности Бальминского уездного ордена в Россия. Что касается монастырской библиотеки, то она мало интересовала архимандрита, но, во всяком случае, это был последний автор, который писал о библиотеке во личном наблюдении. При этом, когда архимандрит писал свою работу, библиотека еще находилась в монастыре, и он частично использовал материалы, которые потом были утеряны.

В 1870 г. были опубликованы важнейшие документы монастыря (в том числе и монастырская летопись)²¹. С того времени почти все

¹⁸ Wojł J. Szlachetność i dygnitarstwo Włodzkiego księżstwa Litewskiego, 1186—1793. Kraków, 1863, s. 30.

¹⁹ Бест. Западная Россия. Вильна, 1863/1864, кн. 7, в. 1862, кн. 1.

²⁰ Модест, архимандрит. Супрасльский Вильнювский монастырь. — Бест. Западная Россия, 1867, кн. 3, с. 73—81; кн. 3, с. 83—117; кн. 4, с. 1—44; кн. 5, с. 75—104; кн. 6, с. 121—146; кн. 7, с. 1—46. Эта же работа архимандрита Модеста печаталась в «Литовском епархиальном ведомости» (1863, № 3—4, 13, 22, 1864, № 1, 23, 24; 1865, № 4, 5, 7).

²¹ АСДЛ т. IX.

работы в монастыре базировались на этом надписи княги архимандрита Николая Далматова¹⁰, Ф. Н. Добровского¹¹.

О том, какие рукописи находились в монастыре в 20-е годы XIX в., сообщал Давыдович¹². О судьбе пергаменной Супрасльской рукописи в конце в монастыре много писал П. О. Бобринский¹³. К сожалению, описания книг и рукописей, которые были в монастыре, сделаны очень кратко (не составляет в этом смысле исключение и работа Давыдовича). Поэтому проверить, что сохранилось от собранной середины XVI в., невозможно.

***

Супрасльский монастырь был основан Александром Ивановичем Ходковичем, воеводой виленгрудским и маршалком Великого княжества Литовского. Первоначально, в 1698 г., монастырь начали строить в местностях, называвшейся «Груды»¹⁴, но уже в 1700 г. его с согласия основателя перенесли на другое, более удобное место на реке Супрасли. В 1808 г. в монастыре уже на новом месте начали строить каменную церковь-крепость. Благочинием, ставшим главной архитектурной достопримечательностью монастыря; в середине XVI в. она была расписана внутри фресками. Эта церковь простояла до конца второй мировой войны, когда были повреждены, а оставшиеся детали сожжены на кострах.

Первоначально православный, монастырь в начале XVII в. стал униатским, здесь и пробыл до 1836 г., когда его превратили в православный. В 1732 г. униатский митрополит Леон Квишка сделал Супрасльский монастырь главной резиденцией ордена Базильянов и основал там типографию. Впрочем, типография при монастыре была еще в XVI в., но затем ее перенесли в Зельудов¹⁵.

В самом начале существования монастыря действовали средства для него выделял А. Н. Ходкович, он же снабжал этого для строки, отведен для этого участок земли. К середине XVI в. в монастыре находилась богатейшая собрание драгоценной утвари, роскошных церковных одежд, большое количество книг, украшенных драгоценными камнями, много книг, частью пергаменных, и дорогих переплетов. В приобретении всего этого решающую помощь оказал А. Н. Ходкович (подробно утверждению П. О. Бобринского, Ходкович приобрел для

¹⁰ Давыдович Н. Супрасльский Базильяновский монастырь. Историко-статистическое исследование. СПб., 1892. На титульном листе этой книги стоит «Печатно, архимандрит (Далматов)». Ссылка на книгу обычно делается на Далматова.

¹¹ Добровский Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских. Вильно, 1893.

¹² Łopaciński Litwy i Księstwa rządu z opisem zabytków historycznego zabytku... Zarysów i rysów Ignacego Daniłowicza. Wilno, 1897, s. 328—337.

¹³ Добровский П. О. Судьба Супрасльской рукописи: Историко-библиографическое исследование. СПб., 1885; в др.

¹⁴ «Груды, «Груды» (на белорусском языке) означают возвышенное место горы. По архимандриту Модесту, это не «Груды», а «Груды» (Фосты, западной России, 1867, кн. 2, с. 76). По мнению исследователя славянской географии, Нордмана, архимандрит Модест дал искаженное название местности — Груды.

¹⁵ Бобринский П. О. Гродненская губерния. СПб., 1862, т. 2 (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба), с. 1028.

монастыря «боже ста рукописных книг») ⁴⁰. В дальнейшем монастырь приобрел еще много и рукописных и «битых» (печатных) книг.

Инвентарь 1537 г. показывает, какими богатыми располагал монастырь в то время. «Ревстрика» (так называл документ, в котором описаны ценности, состоявшие архимандритом Сергеем Княбарем) не содержит описания всего имущества монастыря — ничего нет о постройках и о содержавшемся там имуществе (мебели, посуде, одежде, обуви и т. д.). В инвентаре указаны расходы на украшение главного храма, в первую очередь на украшение иконы, на приобретение разной церковной утвари и одежды для духовенства, на оплату монахов, делавших работы, и художники, расписывавшего храм, а также на покупку книг.

Перечисляются вещи, полученные в подарок от митрополита Салтана, от «наша традиция» (А. Н. Ходяков) и других лиц. Среди разных вещей, подаренных митрополитом Салтаном, названа «Книжечко перстеманное серебром саранское с позолотом». Как подарочное, оно не вошло в общий список книг ⁴¹. Еще одна книга — «Летописец церковный» — не вошла в список книг, вдобавок, описанию этого «Летописца» странное и заставляющее предположить, что укачена не книга, а что-то иное, называемое летописцем: «За летописца церковный, што на таблице, 3 коны тролей, а золото церковное» ⁴². «Таблиц» — это часть иконостаса, которая выводится над иконой или иконами. «Летописец», выходящийся на таблиц, есть, вероятно, доска, на которой был вырезан небольшой текст.

В конце инвентаря, являвшая весьма значительной частью «ревстрики», перечислены книги. Почти все они были необходимы для церковной службы, и книги все в дорогих переплетках, украшенных драгоценными камнями и золотом ⁴³. В начале идет перечисление шести святей, одно из которых «перстеманное старое, повожованное серебром, с камнотом по вола старым». О других не сказано, что они перстеманые, а это, видимо, означает, что они были выписаны на бумаге, но «пожованые». Далее следуют «книги старые». Поскольку перстеманное святило тоже названо старым, то, видимо, почему и следующие книги относятся к старым. Очевидно, «старыми» названы книги все книги, бывавшие в монастыре до того, как Сергей Княбарь стал там архимандритом, так как в конце списка сказано: «А все книги старые 126». Однако и среди «старых» выделяются еще «старые»; например, среди «старых» числятся «Евангелие топяное великое», а затем «Евангелие утешительное старое». Вдобав, среди «книг старых» перечисляются книги принадлежащие тем, которые необходимы для церковной службы, но есть и другие, чрезвычайно популярные в середине XVI в. (даны в том порядке, в каком они перечислены в источнике): «Книга Звараца», «Книга Златая чета», «Две книги «бы Маргареты», «Книга Григория Бислосла, книга пророкства», «Книга великая Дионисие Арсинагитский», «Книга Кирилла Иерусалимского», «Книга Григория

⁴⁰ Кобринский П. Ф. Судебн. Справочный рукописи, с. 8.

⁴¹ Там же, т. IX, с. 20—22.

⁴² Там же, с. 22.

⁴³ Там же, с. 22—23.

Дюссельман», «Книга другая Григория Дюссельмана на паратамнене. Далее названы еще «Апостол великий на паратамнене», «Книга царственных и литовских», «Книга Кривича». Имелись в монастыре в Ковно-Печерский патерик, и «Книга с писанием перраламненским», и «Книжка Тарнопольская — новгородская». Все это были, очевидно, книги рукописные, так как в конце списка сказано: «Книг бытихъ 3а».

После перечисления «книг старым» следует заголовок: «А те книги новыя, кто на мене, Сергия, прибавилъны верою святой». Сергей Кумбартъ стал архимандритом в 1532 г. Следовательно, новые книги в количестве 74 были приобретены в течение 25 лет. Невозможность приобретения для тех времен столь большого количества.

Заметим, в кривичском 1557 г. числились две «Литовския», одна из которых называлась «на тибоме, второй же — «Царственикиа и литовичица» — является вполне реальной литовскою. Правда, в последующих инвентарях «Литовския» не числится, но зато появляется «Кривичика». Замена заголовка «Литовския» на «Кривичика» (с особенностью, когда это происходило переписывалась) для второй половины XVI в. и после была вполне едина ли не всеобща, и потому изменение заглавия для той рукописи, которая хранится в Супрасле, не является делом невозможным. Но как назвать слово «Царственикиа»?

В 1544 г. в Супрасле была рукопись, которую М. А. Оболенский, издавая в 1836 г., назвал Супрасельской¹⁰ (в т. XXXV ИРГА она названа Волынской кривою). Нато, что эта летопись находилась в монастыре в 1544 г., указывает запись на самой рукописи: «В лето от аказа мору 7032-а,— свидетелствуютъ летописи,— инокъмъ Я. Ситимиренъ мессаи 15, в неделю, на память великомученики Пафнии величание. Жакимурт Август, королъ польскыи, великимъ князь литовскыи и иныхъ панствъ господаръ и дедя, король Жакимуртосъ сынъ в Калонира Ягалавонича мору, бысть в дому Богородице обители Супрасельской с многими великоими святами»¹¹.

«Царственикиа» здесь не упоминается, но подразумевать это название можно. Кстати, оба литовских числились среди «книг старым», т. е. приобретенным до 1532 г., Супрасельский же летописец в то время в монастыре не было.

Среди «новымъ» книг непосредственно церковные, необходимые для церковной службы, занимают гораздо меньшее место, но почти все они религиозного содержания. Обращает на себя внимание, что сильно увеличилось количество книг Библии («Книга Иисусъ Новый и царства и ней писания в дестъ», «Книга быти», затем отысканы пять книг пророков, Апостол на литовскомъ языке, «Калтырка провадения новонаставленна, а другая быти», Апостолъ три рукописнымъ, а четвертый «быти», книга Федора Студита «отъ Советъ». Обращает на себя внимание, что среди «новымъ» книг нет «жизновитъ». Из «новымъ» иметь только две «быти», причем можно думать, что Апостол был славяно-русского издания.

¹⁰ Супрасельская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую свиражные летописи. М. А. Оболенский, М., 1836.

¹¹ ИРГА, т. XXXV, с. 127.

Значит, когда в монастыре в 1557 г. было 208 книг, из них только две «битые». Но после переписки «битых» книг сделана привязка: «А потом еще прибавлено книг новопечатных: Трехбук и десь новых, оклеянных черным покров, букви и з вышудского трехбукна старого собрания: собрания серебряные на его наложены, а по середине баника и з образом Иоанна Богослова... А то Якоб покарсарьбы бывшего княги, которая ся во его смерти осталы: Листина в полдства, Кома Надвояло в десь, княга Андрея Уродавого в десь»¹⁶.

Наличие новопечатных книг, из которых попали детали старин, может быть, говорит о существовании в монастыре скаритария, о чем так определенно заявлял Ф. Н. Добринский¹⁷.

В общем, в 1557 г. монастырь располагал таким количеством утири, книг, украшенных золотом и драгоценными камнями, а также священнического облачения и разных тканей, расшитых золотом или тоже украшенных драгоценными камнями, что оно составляло своего рода музей, собрание которого эквивалось в очень значительную сумму.

Следующая оценка монастырского имущества сделана почти через 20 лет, в 1575 г., когда монастырь был уже униатским. Инвентарь 1575 г. почти в два раза больше предыдущего, и в нем описаны такие предметы, которые в предыдущем описании, но и на этот раз главным образом сосредоточено на священническом утири и одежде духовенства. Новым является то, что в ряде случаев называют имена мастеров, сделавших ту или иную вещь, и чаще называют имена дарителей. Вообще же этот инвентарь гораздо детально предыдущего¹⁸.

В инвентаре 1575 г. приводятся списки книг, находившихся тогда в монастыре. На этот раз книги переписаны по языкам: латинские, польские и русские. О латинских книгах отмечено, что некоторые из них прибыли из Варшавы в 1550 г., другие — из Галицка и Тимотины, а том же 1550 г.¹⁹ Среди латинских числится Библия Вульгаты, но в большинстве это были книги светского содержания. Очевидно, все латинские книги были «битые».

На полном языке имеется троечка Суржиковского и продолжения Яна Козаковского, Библия, работа Касими Веронетты и др. В целом книг латинского содержания было больше, чем латинских.

Список книг русских (в оригинале он подпадается «Рештр описания руския книг в скарбиу монастыря Суржиковского») указывает на очень большую разницу между количеством «русских книг» в 1557 и 1575 гг.

¹⁶ АСД, т. IX, с. 34—35.

¹⁷ Добринский Ф. Н. Указ. соч. Добринский писал, что в Суржиковском монастыре, пока он был православным, имелись также канцелярия для переписывания рукописей. Переписыванием занимались два дячкины и канцелярия одна рукописейном, канцелярия, своего рода канцелярия или канцелярия или опытного стилиста из братии (Там же, с. XXIV). Добринский не дает ссылки на источник, который, по его мнению, и не был, и делает такое заключение, исходя из деятельности других монастырей, но наличие скаритария в Суржике вполне вероятно.

¹⁸ АСД, т. IX, с. 145—156.

¹⁹ Наличие в инвентаре 1575 г. датировки из 1550 г. показывает, что он в действительности составлен именно в 1575 г. или, на крайний случай, что в него были внесены дополнения.

Во-первых, количество их вообще сократилось. Во-вторых, из описанных в 1557 г. роскошно отделанных фолиантах осталось очень мало. Список начинается с перечисления книг «дружеского» (в предыдущем инвентаре подобные издания назывались «братско» библей). Затем следуют апостолы, евангелия, прологи, Четьи лютые, Каноа-Почерский шесток, книга Ксенома Индикополона и др. Часть из них, видимо, имелись и в 1557 г. Числится так и «Кройника руская», которой не было в инвентаре 1557 г., но началась книга под названием «Царственикх з летописи». В свое время Н. Даламтин высказал предположение, что «Кройника руская» — это бывший «Царственик» и что эта рукопись в 1536 г. была подарена М. А. Оболенским¹⁰. Это предположение можно считать вполне вероятным.

24 апреля 1654 г., накануне войны между Речью Посполитой и Россией, Януш Радзивилл, гетман Великого княжества Литовского, был на время из монастыря «Кройника» и армянский, на что шло для расписку.

По инвентарю 1668 г. в Супрасле среди книг числились «своица руская». Значит ли это, что Радзивилл возвратил книгу в 1654 г. книгу, была ли в монастыре в то время две «кройники», на которых она осталась, или между 1654 и 1668 гг. в монастырь поступила еще одна летопись (если Радзивилл не возвратил), остается неизвестным. Нельзя также: если Радзивилл возвратил книгу, то была ли это летопись, издавшая впоследствии Оболенским, или та, которая сейчас называется Супрасельской?

По сравнению с 1557 г. в 1645 г. не оказалось двух пергаменных евангелий, но появились «Соборник на церковные писания». Кроме того, добавились еще «соборники 4 на евангел писания». По предположению Даламтина, пергаменный «Соборник» — это и была знаменитая Супрасельская рукопись¹¹.

Следующий инвентарь составил при архимандрите Гаврииле Коноше в 1668 г. Как и в предыдущих, в этом инвентаре прежде всего описана церковная утварь, причем она по-прежнему отличалась роскошью отделки. Как и в инвентаре 1645 г., шесть евангелий и бархатных периметов, оправленные в золото или серебро, описаны среди разных перебранных вещей¹².

Оставшие книги, как и раньше, находятся в конце инвентаря, и книги опять разделены по языкам: литовские, польские и русские.

¹⁰ Даламтин М. Указ. соч., с. 515, примеч.: Супрасельская рукопись, содержащая Навигаториум и Каноа-Почерские летописи. М., 1835. Шесть былых украшенных евангелий числятся по инвентарю среди дорогих вещей; очевидно, они тоже принадлежали (МДЛ, т. IX, с. 187).

¹¹ Даламтин пишет, что это был самый обиходный, рукописный XI в., который обиходный евангелистический канонический... М. Воеводский в 20-е годы настоящего столетия, который этот же обиходный из монастыря и не возвратил» (Даламтин М. Указ. соч., с. 158, примеч.). При этом Даламтин дает ссылку на книгу П. О. Воеводского «Судьба Супрасельской рукописи». Однако М. К. Воеводский был только главным редактором того, что рукопись оказалась разрозненной, но никогда не издавал ее. Эта рукопись напечатана лишь в 1904 г. (Свердлов С. М. Памятники старославянского языка. СПб., 1904. Т. II. Вып. II).

¹² МДЛ, т. IX, с. 379—380.

Среди латинских преобладают svenske — труды Цандера, Скадга, Саника и др.; среди польских — Литовский статут (не сохранил, какого года), «Права и привилегии русского народа», труды Ш. Старошолского, М. Балообразовского, правоведы П. Скарга, математик, Библия польская и чешская и др. Русская книга числится немножко, чем не было в 1837 г. Вместе с тем увеличилось количество печатных (поскольку известны все друкованные и «печатные», то можно думать, что отмечены все друкованные, но не в титрах очень немногие). Среди печатных известны Библия (не сохранил, чье издание), три служебных издания Яковлевых, труды восточные и труды шестые, трифолония, истоки, Пергаминская только три: Апостол (очевидно, тот который был еще в 1837 г.), «Книжки» и «Сборник»²².

Дальматов дал краткую подсказку наличия книг в монастыре по неопубликованному инвентарю 1764 г. «По сбалансности библиотечного инвентаря привел только данные за этот год о количестве книг на разных языках, разделен на в том же по формату. Оказалось книг латинских 836, польских 305, чешская одна (Библия, видимо, та же, которая упоминалась в предыдущих инвентарях), французская, итальянская и немецкая 152, богословская и философская (иных не узнали) 64, печатных и печатных славянских 102 (надо помнить, что под славянскими понимались и писанные на старобелорусском языке), а всего 1458»²³.

Война 1812 г., очевидно, в какой-то мере затронула монастырь, но об этом не опубликовано никаких документов. О наличии книг после войны можно составить представление лишь по работе Давыдовича, который занимался в монастырском хранилище в 1832—1834 гг.

Публикуя Супрасльскую летопись, Давыдович в самой краткой форме сообщил, какие книги имелись в монастыре в это время. Восток, согласно сообщению Давыдовича, там было около 80 томов русских рукописей, преимущественно религиозного содержания. Многие из этих книг были очень красивые. Имелись там рукописи с рисунками, пылкими и золотом, а тогда-то в монастыре было святилище, шедшее алмазными золотом. Многие из пергамента рукописей — XII—XIII вв.²⁴ По сравнению с 1858 г. собрание монастыря едва ли уменьшилось, тем более что было отмечено наличие очень древних пергамента рукописей. В общем, сведения Давыдовича о монастырской библиотеке очень кратки и неопределенны. Возможно, он намеревался дать более подробное описание рукописей, но нежданная высылка из Вильно навсегда оторвала его от этого края, и предположительная работа не была выполнена. Даже пергамента рукописи XI в. не были упомянуты. Нечего не сообщил он и о времени поступления в монастырь Супрасльской летописи.

Ароньянрит Медост в своем труде перечислил четыре свиселки, старейшие из которых Валентин 1695 г.²⁵ Далее сообщается, что «в об-

²² Там же, с. 341—343.

²³ Дальматов М. Указ. соч., с. 582—583.

²⁴ Там же, с. 35.

²⁵ Давыдов, ароньянрит. Указ. гл.— Восток, западной России, 1867, кн. 4, с. 127—128.

ном большом зале помещается монастырская довольно богатая библиотека, особенно много рукописных четь-минов, разных служб и поучений, много из них прежде было вкото книг для составления библиотеки Литовской духовной семинарии (в Вильно. — Н. У.)²⁰.

Дальний отметил, что его предшественник (Дальний в 1860 г. был архимандритом Суражского монастыря) Вонятей Журовский «много рукою раздал монастырские документы и книги всем обращавшимся к нему с просьбою об одолжении их»²¹. Судя по всему, пристрастие раздать рукописной «корме» обращавшимся существовала задолго до того, как Журовский стал архимандритом, так как Суражские рукописи были вкото М. К. Бобринским еще в 30-е годы. В 1876 г. обращавшиеся в монастырь книги и документы были переданы в Вильнскую публичную библиотеку и в Суражск остались лишь «некоторые книги, вероятно всего, богослужебного характера, которых, по данным Дальнего, было 700 экз.»²²

* * *

Наиболее трагической оказалась судьба древнерусской церковной рукописи XI в. — очевидно, самой ценной из всего собрания монастыря за все время его существования. Отправил ее за границу в своем раздании на части священник в пору отъезда с деятельностью М. К. Бобринского, который, впрочем, получил указание из столицы. М. К. Бобринский был известным церковником и профессором Вильнского университета, родным дядей полковника (раннее генерала) Генерального штаба, автора серии работ о Гродненской губернии П. О. Бобринского, который постарался выяснить, как произошло отправка рукописи, почему она была раздана на три части, оставаясь в разных местах.

Судя Бобринский была известной по рязань и белорусской по языку. М. К. Бобринский в 1795 г. поступил в Белостокскую семинарию, которую окончил в 1806 г. С 1808 по 1812 г. проходил курс в Главной Вильнской духовной семинарии. Еще до окончания этого учебного заведения, в 1811 г., получил степень магистра филологии, в 1812 г. — магистра богословия, в 1814 г. — магистра философии. В 1816 г. он стал священником и почти одновременно адъюнктом (преподавателем) Вильнского университета. С 1816 г. он — доцент Главной Вильнской духовной семинарии, в 1817 г. брестский инок. В том же 1817 г. Бобринский получил заграничную командировку для усовершенствования в богословских науках, изучая славянскую древней и восточных языков²³.

²⁰ Там же, с. 128.

²¹ Дальний Н. Указ. соч., с. 401.

²² Там же, с. 482. Видно, данные Дальнего в том, что в Суражск не остались почти стоящего значения, впрочем. Во многих случаях, в Археографической комиссии в 1868 г. находилось рукопись — сочинение Георгия Адамовича, — принадлежавшее ранее Суражскому монастырю. В связи с рядом обстоятельств (о чем писалось у Бобринского в он с трудом воспринимал в Киевском (Арте Адамовича) и в Лейпциге, ф. 103, кв. 1, № 894, л. 2—12).

²³ Бобринский П. О. Судьба Суражской рукописи: с. 1—6.

Во время пятилетнего пребывания за границей Бобровский работал в архивах и библиотеках Сансона, Вазарен, Чези, Далмаци, Итала, в Париже, Риме и Вене. При возвращении на родину он, кроме русского и польского, знал германский, латинско-славянский(?) (польский, белорусский), хорватский, болгарский, церковнославянский, греческий, латинский, еврейский, «алдейский» (?), сарайский, арабский, немецкий, французский, итальянский и швейцарский языки, провозглаша для народа провозгласил на народном чернорусском наречии, т. е. на белорусском языке. По возвращении Бобровский становится (в 1822 г.) экстраординарным профессором Славянского славяно и библейской археологии Вильнского университета, в 1823 г. получает степень доктора богословия. В 1823 г., став ординарным профессором, преисидает в университете арабский язык. Стремительное продвижение по служебной лестнице неожиданно прерывается: в сентябре 1824 г. он был удален из университета. Его биограф объясняет этот факт «протектами бабалами», т. е. монахом Бабелинского университетского ордена, но более вероятно, что это было связано с делом филоматов, когда из университета удалили немало профессоров.

В 1826 г. Бобровский вернулся в университет, но опять произошло что-то, и он в 1827 г. был назначен младшим соборным протоиереем Жаровицкой кафедры (Жаровица — местечко в Гродненской губ. — была местом пребывания университетского митрополита). В то время была активная подготовка к ликвидации уни, и назначением в Жаровицу Бобровского, видимо, было связано с этим. После закрытия Вильнского университета в 1822 г. Бобровский какое-то время был профессором богословия в Главной Вильнской духовной семинарии, изучал итальянскую литературу¹⁸.

Западнее, длительное время в библиотеках Супрасльского и Жаровицкого монастырей, он обнаружил в Супрасльском одну из самых древних рукописей на славянском языке (древнейшая из славянских памятников, кроме, может быть, Барберанского псалтыря)¹⁹.

В 1830 г. знаменитый славист В. Кошитар обратился к А. Х. Востокову с просьбой прислать ему копию какой-либо древнейшей церковнославянской рукописи для сравнения с найденной им славянской. Востоков, в свою очередь, обратился к М. К. Бобровскому с просьбой переслать Кошитару что-либо из супрасльских собраний²⁰. М. К. Бобровский посылал Кошитару через посредство проф. Завальды треть Супрасльской рукописи с условием, что, когда Кошитар вернет ее обратно, Бобровский пошлет ему вторую треть²¹. Как получалась, что Бобровский — лицо вообще для Супрасльского монастыря постороннее — смог войти из монастыря и отправить в Вену часть уникальной рукописи с обещанием прислать еще, остается неясным.

Кошитар возвратил первую часть в обмен на вторую, но вторую так и не вернул, и сейчас она находится в библиотеке Люблинского универ-

¹⁸ Там же, г. 4—7.

¹⁹ Там же, с. 18.

²⁰ Там же, г. 28—29.

²¹ Там же, с. 35.

сигнату. Первая часть впоследствии попала к графу Заневскому в Варшаву, а третья была приобретена Публичной библиотекой в Петербурге. Первая и третья части рукописи были куплены у городского помещика Стрелицкого. Как они попали к нему, тоже неизвестно. Таким образом, рукопись оказалась расчлененной. Однажды она чуть не погибла полностью, когда находилась в доме Бобрковского в Шеремиев (нынешко в Пружанском у. Гродненской губ.): он упал на диван, остоном на столе, заваленном бумагами, горюciendo свечу, свеча упала, начался пожар, бумаги загорелись огнем, но рукопись осталась целой¹⁴.

Данилович, публикатор и издательница Суражской летописи, обнаружил эту рукопись с помещиком М. К. Бобрковским¹⁵. Человек широкого образования и огромной работоспособности, Данилович с одной целью своей жизни поставил разыскание и публикацию источников по истории права Великого княжества Литовского. Поиск старинных рукописей Данилович начал с 20-х годов, причем в очень короткий срок разыскал несколько списков первого Литовского статута (1529 г.). Продолжая поиски, Данилович обнаружил и в Суражском монастыре летопись (частко литовская... летоже нинешу великопольскою)¹⁶.

Выше сообщалось, что в инвентарях 1557, 1645 и 1668 гг. об этой летописи ничего не было сказано, о книгах, числящихся во инвентарях 1764 г., Данилович сообщает в столь общей форме, что определить, какие именно книги хранились тогда в монастыре, невозможно. Однако можно думать, что если бы там оказалась еще одна «Кривичка», то Данилович обратил бы на нее внимание. В общем, остается предположить, что Суражская летопись попала в монастырь в конце XVIII или даже начале XIX в.

При каких обстоятельствах Данилович нашел эту летопись, не совсем ясно. Известно лишь, что былчас участие в поисках правитель М. К. Бобрковский. В одной работе П. О. Бобрковский очень определенно утверждает, что рукопись «в груди великого монастырского хлама» нашел М. К. Бобрковский в 1823 г. и что он помог Даниловичу «найти» эту летопись¹⁷ (надо полагать, прочесть ее. — Н. У.). Чтобы у читателя не оставалось сомнений в том, кто нашел рукопись, П. О. Бобрковский в другой работе писал, что М. К. Бобрковский «открыл каменнорусского летописца, известного по польскому изданию Даниловича под именем „Литовского летописца“ и русской транскрипции в что М. К. Бобрковский был намерен напечатать летопись русским шрифтом, однако это осуществить не удалось, так как у каменнорусца не было доста-

¹⁴ Там же, с. 36, 43. В инвентаре книги в Петерб. находится 118 листов; в Национальной библиотеке в Варшаве — 150 листов; в Государственной Публичной библиотеке в М. Е. Сахарово-Щедрина в Ленинграде — 16 листов (Роман А. Н. Суражская как один из центров культурных связей Белоруссии с другим славянскими странами. — В кн.: Славянские языковые контакты. М., 1976, т. 1, 329).

¹⁵ С собранием Суражского монастыря М. К. Бобрковский впервые ознакомился в 1826—1828 гг. (Бобрковский П. О. Суражская Суражской рукописи, с. 7).

¹⁶ Данилович Н. О литовском летописце. — ЖМНП, 1868, № 11, с. 106—107.

¹⁷ Бобрковский П. О. Еще заметка о Суражской рукописи. — ЖМНП, 1868, № 4, с. 387.

точных грехов, да и жил он в Шеремеве, где печатать было невозможно¹⁴.

Давыдовым «благотворительство» названо потому, что, как и, кажется, более правдиво. Он пишет, что виланд Сутрасель во время поездки не менее двух раз (последний раз в 1824 г.), в обоих случаях он был там вместе с М. К. Бобровским. Если принять верою П. О. Бобровского, что рукопись была обнаружена в 1823 г. доме пещной (во время пасхальных каникул), то быстрого, с которой латонь была выдана в печать (она стала издаваться в т. III «Вильского дневника» в 1823 г., а этот том был последним в году), кажется невероятной. Давыдову (если рукопись была обнаружена пещной 1823 г.) известно, что четыре месяца было необходимо переписать латонь латинскими буквами, написать предисловие, дать перевод многих слов на польский язык и сравнить текст латонь с соответствующими местами древней Стрыйковского. Даже учитывая намерение Давыдова первоначально издавать мемориальную часть латонь (ру, в которой виланды Великого княжества Литовского, это слово быстро. Была вероятным кажется предположение, что Давыдов и Бобровский встретились в Сутраселе (во всяком случае, начали там совместно работать) в конце лета 1822 г., поскольку Бобровский возвратился из польской заграничной командировки в августе 1822 г.¹⁵

Давыдов писал, что М. К. Бобровский, которого он считал очень высоко, сказал ему при разборе рукописей в Сутраселе «богатейшую находку и что тот собственноручно переписал рукопись в Вильно. Судя по тому, что латонь обнаружил Бобровский, он не говорит, вернее, на работа Давыдовича следует, что Бобровский указал ему на наличие в Сутраселе огромного количества рукописей, не выделяя особо ничего¹⁶, а в более поздней работе Давыдович прямо заявил, что рукопись была «дополне никому неизвестна»¹⁷. В 1820 г., когда Археографическая комиссия рассматривала потерянную рукопись и обратилась с запросом к Давыдову, тот ответил, что аналогично была в Сутраселе рукопись «для собственного моего употребления» в 1822 г.¹⁸ Значит, 1822 год в следует считать тем временем, когда Давыдов стал заниматься Сутрасельской латонью.

В Вильно с латонь была снята копия (надана, латинским шрифтом), а в 1824 г. рукопись «исключением виландского княжеского университета» была отослана обратно в Сутрасель. В 1823 г. рукопись (или копия с нее) какое-то время находилась в распоряжении университетского священника и профессора Вильнского университета М. Сасновского¹⁹.

¹⁴ Давыдов А. А. Михаил Карлович Бобровский (1786—1868): Историко-биографический очерк. СПб., 1888, с. 82.

¹⁵ Там же, с. 82.

¹⁶ Litwin: Litwa i Księstwo r. 1, с. 2.

¹⁷ Давыдов А. А. Там же, с. 181.

¹⁸ Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 133, от. 1, № 184, л. 14 об.

¹⁹ Давыдов А. А. О Сутрасельском списке виландской латонь. — ТРАЖ, СПб., 1861, вып. 13, с. 3—4. О том, что произошло с Сутрасельской латонью после 1824 г. (после отъезда ее из Вильно в Сутрасель), неизвестно, но крайней мере, две версии. Были разные были попытки в 1868 г. М. С. Кословским, который в

В настоящее время Сутрадальская летопись хранится в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР № 115, № 143, составляет основную часть рукописного собрания ²². Рукопись в четвертку, переплет — латвийские доски, обтянутые кожей. На первой доске верхнего сохранились два медных огуза, на второй все огузы утрачены. Бумага везде одинаковая — плотная, белая с сильным желтоватым оттенком. Бумажный знак — тигра. Несколько близкая к нему фалератской является у Н. П. Ладомы; она относится к 1532, 1534 гг. ²³ На верхнем листе приложена бумажка, на которой поочередно в начале XIX в. написаны «Молитвенник Подолья и южной литовской», в нем картина восточно-славянской церкви начала 1820-х. Вост. латин.

[illegible]

⁴⁰ Г. К. Козлов, Р. В. Писаренко, *Известия Академии наук СССР. Технические науки*, 1989, № 2043, с. 406, 410.

на польском и латинском языках в XVIII в. Большая часть листов 126—128 заключена записками, сделанными разными почерками в различные периоды в XVIII в. на старо-белорусском языке. Л. 126 об. остался чистым. На л. 173 об. были написаны белорусской скорописью разные почерками; они заглавы и заголовки чернилами. На л. 174 записки о рождении сына. Также проба пера («Покровилася пера ля, дай се лав»). То же на польском языке. Далее из той же лавки записки под условием об убийстве Иосифа Кунявичи. На л. 174 об. польские стихи.

В сборнике на л. 1 и 125 находится указатель описательных чтений. На л. 1-а и 2 помещено родословие князей Олшанкевичей. На л. 3—108 (на включенном л. 85 об.) находится текст летописи; начал: «Ибраво летописавши календарю гваритку. Сказавши о верах святых князе руських, коней «Тяже была Датыгара из города не Казаня сходили на рату к себе и до риди не допустили самого князя в городати, в Казаньх засели, и лето не забрала, што Подольские деляи держати. На л. 108 об.—125 перевод Василианого статута с пространным введением. На л. 125—126 родословие князей мажовичей и запись королю на жемойтского старосту (без описания). На л. 127—172 Кюмо-Печерский патерик. На л. 173 записки переписчика.

Первоначально страницы рукописи были пронумерованы Давыдовичем чернилами¹⁰. Позже нумерация листов сделана карандашом в прямом вертикальном углу. Когда рукопись описывал Шахматов¹¹, в внутренней стороне обложки были прибиты указатели синагогических чтений; в настоящее время они отклеены и вставы в книгу, в связи с чем современная нумерация листов не совпадает с предыдущей. (При публикации Сурицкой летописи в 1907 г. в ДКРМ, т. XVIII нумерация листов начиналась с первого, в настоящее время это лист третий. Расхождение на два листа имеется во всей летописи.)

По предположению Шахматова, сборник, в котором помещены Сурицкая летопись, был составлен в середине XV в. и назывался «Летописца»¹².

Последний раз Сурицкая летопись переписана в 1880 г. в ДКРМ, т. XXXV, с. 38—87.

Никифоровская летопись

Старшей из известных в настоящее время белорусско-литовских летописей является Никифоровская, получившая свое название от фамилии владельца крупного собрания старинных рукописей жителя города Горыдея Н. П. Никифорова, у которого летопись была приобретена Библиотечной Академией наук. В литературе имеется указание, что летопись ранее находилась в Жировицком монастыре, однако опирая на источник этот, кроме того, о нахождении рукописи в Жировицком скитине неизвестно: «По традиции (летописи) известна на

¹⁰ Давыдович М. Указ. соч., т. III.

¹¹ Шахматов А. А. О Сурицкой летописи..., с. 4—6.

¹² Там же, с. 3.

из старинных книг — и другим путем вырванным что традиция, возможно, следует понимать так, что об этом в Жировниках существовало своего рода предание. Однако в какой степени оно обоснованно, тем более что одна время руины — падали в Янские Синодальском монастыре?

Жировский монастырь принадлежал к числу наиболее известных в Белоруссии, но в литературе о нем очень мало что сообщается. Было всего одним — вместе с студийской — воем большой матери, принадлежал тем в, тако помать, служившей монастырному источнику дохода для монастыря. Как обычно, Жировский монастырь был основан в XV в. на земле крупного феодала — Солтана. В начале XVII в. среди лиц, делавших пожертвования в монастырь, были Лев Сапега, Иван Радзивилл и др. В начале того же XVII в. монастырь из православного перешел в униатский. В 1828 г. в Жировниках была открыта униатская духовная семинария (ранее там находилась гимназия). После воссоединения униатов с православием Жировские верховы стали кафедральным собором. В общем, это был крупный религиозный центр Белоруссии, так, вероятно, находилось большое количество как разных церковных ценностей, так и книг, рукописей и печатных. Однако условия для сохранения были неблагоприятны. Неоднократно там происходили пожары: в 1836 г., произошедший как раз с армян, в 1854 и 1863 гг. В результате этого, а также, вероятно, небрежного хранения и раздачи, как было в Супрасле, рукописей и книг нем, что хотел, в конце XIX в. от бывших богатств осталось очень мало¹⁰. Л. Паньский, обследовавший архив монастыря в 1893 г., писал, что в то время он состоял принадлежал монастырю и духовному училищу, представлявшему старую многоконную библиотеку от прежних еще времени, когда в Жировниках (до 1846 г.) были размещены старинный архив и при нем в монастырских зданиях помещались консистория и духовная семинария. Паньский писал архив «в образном порядке», что было осуществлено великим усердием учителя Хлобачевича. Из книг были собраны, согласно данным Паньского, «несколько десятков рукописей и ред книг были в 1845 г. переданы в Валенский Троицкий монастырь, 40 рукописей попали в Валенскую Публичную библиотеку и после смерти Ф. Н. Добринского».

Упомянутое о летописи или о летописях Паньский в монастыре не назвал, но в одной сельской церкви (не сказано какой) им были найдены «отрывки белорусской рукописи», названной «черезвычайно художественным письмом, четкого старинного полуустава, с заглавными, писанными каноны с превосходными миниатюрами значительных букв, изображенных золотом на таком же художественном фоне, представляющем белорусскому творчеству и относящего к концу XV в. началу XVI века»¹¹. Очень кратко данные Паньского не дают возможности

¹⁰ Лавинский В. Писарь Белорусский феодалский и др. Варш. 1888, с. 108.

¹¹ Жировский «духовный архив» воем в Жировниках «история». Варш., 1893, с. 13, 14, 17, 18, 24—25.

¹² Лавинский В. Жировский и Прот. Лавинский архивы (К вопросу о состоянии про-

рукописи не сохранились, так как рукопись, которую автор считал ее «мозаичной», не оказалась, что с ней случилось позже, но ясно, что это не Никифоровская летопись.

В настоящее время Никифоровская летопись хранится в Рукописном отделе Библиотечки Академии наук в Ленинграде (MS. B. 1. 18), составляет часть рукописного собрания и находится почти в середине его (д. 225—227 об.). Рукопись в четвертку, переплет — доска, обшитые кожей. Всего листов 354, бумага плотная, желтоватая. Писана каллиграфом, в основном в XV в. Нелетованные тексты собрания писаны поперечками XVI, XVII и XVIII вв., чернила коричневые. Бумажных листов около 10. Среди них гробов-винограда — у Н. П. Ладичева подобный лист под № 1075 датируется 1469 г.; бычья голова с крестом под подбородком — у Ладичева № 1129, 1469 г.; бычья голова, над ней корова — у Ладичева № 1155, 1477 г.; бычья голова, между рожками старик, с тремя листьями ослепкой формы — у Ладичева № 1179, 1490 г.¹⁴ Рукопись не имеет ни начала, ни конца; начинается со слов «Аздох, Кучакиги поба, а мила фоза за Юрьими князи и поби»; заканчивается описанием борьбы Сивирятыны Олысерамной с Сивирамом Кобистумсичем: «После того побиты 3 ведери оура и князь великий Ждановит събра всю свою силу липовскую и посла сына своего князя Михаила на Русь. И прииде князь Миса...». На первом листе рукописи поперечком XVII или начала XVIII в. сделана надпись «Folien 1. 18. 118», указывающая, что когда-то рукопись принадлежала Маврому Святодуховскому монастырю.

Что собой представлял монастырь, в котором хранились старинная летопись? Данные о нем предельно бедны. Архимандрит Николай приводит кратко сведения только о двух мисских монастырях — Вознесенском в Святодуховском, с очень большим преобладанием данных о первом. Согласно этим сведениям, Вознесенский монастырь находился в местности на левом берегу реки Саваслея, которая называлась «Троицкая горка». От монастыря со времени архимандрита Николая сохранились две надгробные плиты, на одной из которых была надпись «1603» (?), вторая была вделана в стену Мисского кафедрального собора (собор в настоящее время разрушен). Достоверные данные о монастыре имеются с XV в., когда существовал в XIV в. В 1613г. монастырь стал униатским и был присоединен к Вознесенскому Святодуховскому, а в 1835 г. Вознесенский монастырь соединился с Мисским Святодуховским. Последняя запись об этих монастырях архимандрита Николая гласит, что около 1660 г. церковь и монастырь были разорены разбоями кобасками¹⁵.

Русские войска во время войны 1654—1667 гг. несколько лет занимали Мисск, и потому можно предположить, что тогда один из

самыми близким архивом для средне-русского языка. — В изд. Тр. IX Архимандритского съезда в Вильно, М., 1899, в. 200—201, 205.

¹⁴ Ладичев Н. П. Палеографическое значение бумажных надписей на листах. СПб., 1899, ч. 1—IV.

¹⁵ Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Мисской епархии. СПб., 1864, с. 79—81, 98.

русских помещальников или администраторов и забрал из монастыря рукопись, которая волею судьбы в Городец и Никифорову.

Описание оформления, в котором помещены летопись, сделано в 1898 г. С. А. Белоусовым¹⁰, который также описал летопись, а в 1903 г. В. Н. Срезневский¹¹, всего же выдал авторами «Описания Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР»¹².

При издании в 1907 г. т. XVII ПСРЛ Никифоровская летопись была использована для подшивки вариантов к Суздальской. Таким образом, Никифоровская летопись в том виде, в каком она сохранилась, впервые полностью напечатана в 1903 г. в ПСРЛ, т. XXV, с. 19—38.

Случная (Ушаровская) летопись

Хранится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве (Собр. А. С. Ушарова. № 1381 (1831). Рукопись в восьмикусу, бумага белая с желтоватым оттенком, чернила коричневые, почти на всем протяжении одинаковые. Писана белорусским полууставом, за исключением нескольких листов, сделан в том же почерке. Бумажный лист — тетра. Наиболее схожий лист у Лавинского датируется 1824 г.¹³

Листы пронумерованы арабскими цифрами в правом нижнем углу почерком XIX в. Кроме того, на первом поле черными арабскими цифрами пронумерованы обе стороны листов, но первые пять дефектных листов пронумерованы после реставрации на приклеенных к остаткам листов полосках: буквы на одной стороне. Таким образом, нумерация с двух сторон начинается с л. 6; на этом же листе (листом) на первом поле сделан выносной знак, а на втором поле почерком XIX в. записи «Описаны страницы целых листов летописи арабскими цифрами мной 14 января 1829 г.а Сидоромъ затем подперъ матеръа. Всего листов 105, кроме тех, которые помещены в начале при переплетении рукописи и на который сделаны выносы».

Летопись делится на две части. В первой (л. 1—70) описаны события, происходившие в Великом княжестве Литовском. Во второй (л. 76 об. — 105 об.) находится летопись обшаруского характера, охватывающая «Летописьъ в великомъ князѣ московскомъ, како дался отъ реди Володимирова». В этой части на л. 79 есть подзаголовок: «Летописи отъ великого князя Володимѣра киевского».

На л. 104, 104 об., 105, 105 об. рукописи белорусской скорописью XVI в. другими чернилами, чем написана летопись, нанесены записи, свя-

¹⁰ Русские летописи/С предисловием С. Белоусова. — ЧОИДР, 1898, кн. 4, отд. I; описание — с. IX—XXI, текст летописи — с. 18—93.

¹¹ Срезневский В. Н. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, находящихся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук в 1903 г. СПб., 1903, с. 7—18.

¹² Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.: Л., 1903, т. 2, кн. II. Исторические описания XV—XVII вв./Сост. А. М. Копытов, М. В. Кривичева, В. Ф. Шереметьев, с. 107—118.

¹³ Лавинский М. П. Палеографическое описание белорусских летописей, № 1024.

листа в Слуцке. Она начинается на л. 106 об. на вложенном листе, причем автор записи держал рукопись «навер» и таким образом буквы записи идут в противоположном направлении к основному тексту. Край листа, на котором находится начало записи, настолько истерт, что прочитать невозможно. Пальцемся передачей текста А. Н. Павлова, когда он делал первое описание рукописи в 1854 г.: «В лето и... Па... раб... верю а с прозвуч так, як на восточного служебника признають, а добродию мову. Государина князя Яковлевича Родимовича... великоимым. В лето 7050 (1542.— Н. Р.) месица апреля 18 на день пр. еста Самона, иже в Персону, и вделю, вперело в 2 годие в год, преставися князь Курья Слуцкий; была голова на промысле. Означивется рожд[ай] Голановский. Пакуныя рожд[ай] Жаславский, Кудимовича рожд[ай] Алесковича. Яковлев рожд[ай] коронный. Писает Кастунович (л. 104—106 об.).

Эти записи, а также сообщения о князьях князе Семьме Александровиче Слуцком в Слуцке (л. 7) об. рукописи дают основание считать, что летописи были созданы в Слуцке (Слуцк в середине XVI в. был столицей самого крупного в Белоруссии княжества — Слуцкого), почему и названа Слуцкой¹⁶. Летопись приобрел от учителя Успенского Н. П. Сахаров, отмечавший, что Успенский был из Литвы. Успенский терминологично серединой XIX в., когда Литвой, кроме собственно Литвы, называли всю западную и центральную Белоруссию, можно думать, что Успенский обнаружил рукописи где-то в районе Слуцка. Сахаров ошибочно считал, что рукописная им рукопись является Слуцкой (которая в то время числилась утраченной). То же, что сообщил на Сахарова, повторил в своем описании архимандрит Лобин¹⁷. От Сахарова летопись в 1847 г. перешла к А. С. Умарову.

Первые листы рукописи утеряны, а сохранившиеся первым листе веро. оторваны и от стран остались лишь отдельные буквы. На первом листе встречается начало Костутова его сыну Витовту на князя Ягайло. Первая часть летописи начинается словами: «В лето 6000. Живися князь великий Василья Дмитровича, повел за себе дщер Витовтову Сафьяну. «Некогда о великом князе московскомъ пишавется со слов: «В лето 6000. То предана в Невку 3 брата в Новгородъ» — и заканчивается описанием погрома Руси татарами: «И прииде Кавасьян, и не моти робети сими, и в Жаславлю, и вни его. И прииде во Креничю, иде же Креничъ град тверд...».

Среди остальных летописей и дроня Слуцком выделяется тем, что она не является частью сборника, а представляет собой отдельное произведение, сохранившееся в том виде, в каком она была создана

¹⁶ В г. XVII ПЕРЛ эта летопись названа «Яковлевской, или Слуцкой». Считая, что «Слуцкая (рукописная) принадлежала князю д. сл. Слуцкой» подтверждает фактом, тем более что Умаровские пометы еще несколько лет назад.

¹⁷ Лобин, архимандрит. Систематическое описание рукописей рукописей собрания графа А. С. Умарова. М., 1894, т. 2, с. 46—47; текст летописи — с. 67—74.

¹⁸ Успенский называет погрома («Новгородский»), можно думать, что автор писал в году на Новгород Великий, и Новгородский («Новгород») в Белоруссии.

в первой половине XVI в. (из гонора, конечно, и тем, что часть рукописи за истекшее время утратил).

Описанные рукописи сделал А. Н. Поном, он же опубликовал первые 24 листа летописи, т. е. ту часть, в которой излагаются события, происходившие в Великом княжестве Литовском⁴². Вторично рукопись описана архимандритом Лоевским, опубликовавшим остальной текст летописи. Случайно летопись полностью включена в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 85—124, там же есть краткое введение рукописи (с. 1, 10), а также в 1960 г. в т. XXXV, с. 68—81.

Origo regis Jagyelo et Witoldi duces Lithuaniae

Летопись, получившая название *Origo regis*, впервые опубликована А. Прохаской в 1888 г.⁴³, вторично в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 219—221, в третий раз в 1960 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 115—117. Эта рукопись находилась в составе т. III «Libri legationum» Кароной метрики (Государственного архива Польского королевства, хранившегося во время первой и второй публикаций летописи в Польском архиве Министрства юстиции). Публикуя летопись, Прохаска в вступительной статье ничего не сообщает о составе книги, в которой находилась летопись, не дал ее палеографического описания, но зато высказал соображения, при каких обстоятельствах это произведение было создано. По мнению Прохаски, *Origo regis* является переводом на латинский язык какой-то хроники, писанной на русском (староболгарском) языке, причем хроника была переведена в книгу Метрики в конце XV в., перевод же не был сделан ранее по заказу Дзигуна (который умер в 1480 г. — Н. Р.) в связи с тем, что историком при канцелярии вступительной части к «История Польши». При переводе текст местами был искажен, но в нем есть места, оспариваемые в других летописях.

В т. XVII ПСРЛ *Origo regis* включена по оригиналу, в контакт с рассказом о тексте, приведенным Прохаской, нет, хотя она не совсем далека от истины. Так, в т. XVII ПСРЛ вместо с у Прохаски стоит а, а вместо ей для А. Затем вместо *Wloclak* (Влоцк) у Прохаски стоит *Polonia* (Польша). Учитывая составы Палацкого при переводе текстов, можно думать, что прил был он.

В летописи излагаются события, происходившие в Великом княжестве Литовском от смерти Ольгерда до первого бегства Витовта в Орду.

⁴² Летопись вводит список латинских Прегис, а название А. Н. Пономин — Учен, ма. II издание Академии наук, 1934, кн. I, отдел III; продолжение — с. 21—22, текст летописи — с. 27—28.

⁴³ *Przebieg A. Przewodni krolewskiego krolewstwa Litewskiego na jęz. łaciński* — *Kwartalnik historyczny*, Lwów, 1888, кн. II, том. 2, вступительная — с. 159—191, текст летописи — с. 201—206.

Валенская летопись

Составляет концы летописи Арзамаса, написанной в конце XV в. в Ско-левском. Хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (Р. 53—59). Рукопись в 0,3 листа, бумага плотная, почти белая, чернила голубо-красочные. При переплетении боковые поля сильно смяты, местами почти до самого текста. Нумерация листов сквозная — по полям на первом слое. Всего листов 459. Валенская летопись начинается на л. 427 (из листа) — 484 об. Первые 426 листов написаны четким полууставом конца XV — начала XVI в., л. 426—450 — полууставом мелким, почти в два раза меньшим, чем предыдущий. На полях Валенской летописи писаны построчные записки ит., в предыдущей части лондонской рукоп., эти записки в раннее время и раннее померзали.

Листы 1—113 заняты хронографом с включением краткого сообщения о крещении болгар. Далее следуют Актоний, софийская «Начало Русии земли». На л. 314—365 летописный сводок за 6432—6494 гг. Листы 366—427 начинаются с перечня русских князей и заканчиваются сообщением о событиях по время правления Василия Васильевича в первом его сыновей.

Валенская летопись начинается с переселения князей Гедимина и заканчивается сообщением о том, как князь Сявиряло после бегства у князя Фомы возмал за Днепр на восток. Концы летописи утерян, сохранившиеся последние листы сильно померзали.

Летопись впервые была напечатана в 1860 г. А. Ф. Вильховым²², вторично в 1907 г. в ПСРЛ, т. XXII, стр. 191—204, а третий раз в 1929 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 85—90. Одне время рукопись числилась погребенной²³.

Летопись Арзамаса издана в Польше А. В. Рачинским в 1834 г. и дополнена в Вильнюсе Публикацией Библиотеки.

Летопись Археологического общества

Хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шчурина в Ленинграде (ф. Археологического общества, № 43), составляет концы рукописного сборника (л. 42—73 об.). Рукопись в четвертку, бумага на первых 42 листах белая, желтая, на последующих более желтая и темная. Первые 42 листа написаны архаичными померзлыми свирскими XVII в., летопись — полууставом XVI в., одной рукой в основном темными чернилами. В сборнике оставлены чистые л. 16 и 16 об., 15, из л. 20 и 20 об., последующий из 20 непереработанный, л. 31, из л. 39 и большая часть л. 39 об. Листы 63 и 64 в верхней части сильно померзаны от сырости, правый верхний угол л. 13 вторичен. Бумажная закладка летописной части раз-

²² Описана в каталогической летописи, написанной в летописном сборнике, написанном летописцем Арзамасом. Изд. А. Ф. Вильховым, СПб., 1860.

²³ Летопись Л. С. Рачинского летописи в издании Рачинского летописца. М., 1907, с. 465—467.

ныи часть вавогради, кушангичи, истабди». Словесно феллигранн у Брени фасты вавогради — № 1326, 1376 г.; № 13498, 1906 г.)¹⁰ и Ларушавичюса (кушангичи — № 506, 507, 1582 г.)¹¹. Листы прокумер-р-даны карандашом и правом перстом усту; кроме того, в литовской части буквами старославянского алфавита на кончике листе имеются нумерации тетрадей (на л. 43 тетр. 2, на л. 54 тетр. 3 и на л. 59 тетр. 4).

На л. 1—9 об. находится «Слово с печатных с царских и с галицких листы, кляком карандашом и выписано по 173 году октября в 13 день». На л. 11—13 «Слово турецкого салтана к великому великому о грамоты 1603». На л. 11—14 «Слово с грамоты царя турецкого к турецкому салтану». На л. 16—18 «Послание турецкого царя Салтана к царю и великому князю Ивану Васильевичу». На л. 18—20 «Послание царю и великому князю Ивану Васильевичу бывшего во боярина князь Андрей Михайловича Куртского». На л. 22—26 перевод с немецкого письма турецкого султана великому князю. На л. 26—27 «Слово с письма турецкого султана Магомета швейцарцам владетельно». На л. 27—29 «Сказание о воеводе в Бракове король Яна Соборского и о погребении королей Яна-Казимира и Михаила Владиславского». На л. 30—42 разные известия.

Литовская не имеет ни начала, ни конца. Начинается со второй колонны слова: «стало», которую выписывает систем Прокосны, а по руски Пороховою, которая же у Речи и выстил будавиан — в заглавывается рассказом о походе Олехарда на Паране: «Этот слово печен. Коем князь Олехард вывел у нем и литовским войском и победил татар, татарской князя, Калюк».

Рукопись описана в 1879 г. Д. И. Прохоровским¹². Напечатана дважды: в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стб. 246—278 и в 1960 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 94—302. При публикации в т. XVII С. Д. Плавинский неоднократно места ископаны по литовским Румянской и Патриархия, причем надписи (Кройником Велюмо княжества Литовского и Жолитского) заимствованы из Румянской литовской, надписику начало Археологической литовской отсутствует. С дополнениями из других литовской литовской Археологического общества в т. XVII ПСРЛ занимает стб. 233—294. В ПСРЛ, т. XXXV напечатана только тот текст, который сохранился до настоящего времени.

Вольевская краткая летопись

Хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 181, оп. 1, ч. 1, № 21/26). Литовская составляет шесть оборотов. Рукопись в 0,5 листа, бумага белая, плотная, с желтоватым оттенком. Фалатрава бумага — голова была. Вязком в этом месте датируется у Ларушавичюса 1486, 1500 и 1506 гг.¹³ Писала рукописи постр-

¹⁰ Deljan S. M., Les Histoires, Götting, 1907.

¹¹ Samoylov S., Proprietas Litavica XV—XVIII aevi, Vilnius, 1907.

¹² Плавинский Д. Слово древних русских, хранящееся в Музею им. Румянова археологического общества, СПб., 1879, с. 66—68.

¹³ Samoylov S., Op. cit., № 1449, 1450, 1451.

князя, главным образом полууставом начала XVI в. В начале ватикан для князя митрополита Евгения А. Ф. Малиновскому от 20 марта и 13 июля 1829 г. Затем следует лист, на котором почерком конца XVIII или начала XIX в. написано «Киевская летопись от происхождения славян по 7025 (от Р. Х. 1517) год безпрерывно продолжалась (II старинного письма на 75 листах. Внесен в Библиотечку Государственной коллегии Иностранных дел Московского архива коллежским доктором Алексеем Малиновским».

На л. 1—59 находится обширная летопись, составленная «Почетом Руской земли, князю предана словесно племянн Афетова и сего да Руской земли по родом, то есть летописи Киевские и всея Руской земли и Палской и Литовские», начинается словами: «Будеть имя словесным от племянн Афетова, нарицаема верная», заканчивается изложением разгрома Москвы Тохтамышем: «То все едином пограблено и таки другом суио куплен в граде, все суио Батан люди хранили их наполнены всякого добра». На полях этой части много-численные записки, касающиеся различных событий, на ватиканском и русском языках разными почерками.

В ПСРЛ, т. XXXV помещается текст, начинающийся на л. 59 об.—74 об.

Листы 59 об.—верх л. 71 писаны одной рукой, тем же полууставом, что и предыдущий текст, остальная часть л. 71—верх л. 74 об.—полууставом значительно более поздним. Часть л. 71 об., состоявшаяся частью, принадлежала летописи XVIII в., не имеющей отношения к летописи. На верху л. 72 написано крупным полууставом, покое зачеркнуто: «К том титрети чытром адриетом конст престоанта шесте титрети, как будет выиети верономм неписаным сироксинам про писан на летоиснеи от даски адиеи». На л. 62—71 много записок на разных языках и разными почерками.

✓ Сама Великая князя летопись разделяется на три части. Первая принадлежит (князь): «Начало русских князей русского княжества. Она заканчивается на л. 67 об. сообщением о женитьбе великого князя литовского Александра на княжне Елене Наимовне. На л. 67 об.—71 известия почти целиком относятся к Волыни, в частности к борьбе с татарами в 1485—1515 гг. Эта часть заканчивается сообщением о взятии Смоленска войсками великого князя московского Василия Ивановича. Последняя часть, писанная особым почерком (л. 72—74 об.), полностью посвящена прославлению деятельности князя Константина Ивановича Острожского, титула Великого княжества Литовского.

На л. 74 об. после повала князя Острожскому другим (более ярким) чернилом запись о посольстве Острожского к митрополиту великого княжества литовского Сигизмунду II Августу в 1544 г.

При первой публикации летописи она была названа Н. А. Оболенским Киевской летописью. Однако, позднее Писаревский критически поднимает и эту летопись больше, поскольку ее оригинальная часть целиком посвящена Волыни, в то время составлявшей часть Великого княжества Литовского.

Описание рукописи сделано М. А. Оболенским¹⁸ и В. А. Арсеньевым¹⁹, текст напечатан М. А. Оболенским старославянским шрифтом с передачей всех особенностей написания²⁰. Валацкая краткая летопись в ПСРЛ, т. XXXV, с. 118—127.

Летопись Рачинского

Две из известных сейчас летописей были обнаружены в хранилищах Пыляки графов Рачинских в Польше (погод этот город принадлежал Пруссии) и графов Красинских в Варшаве.

В Библиотеке Рачинских имеется много материалов, относящихся к истории Белоруссии, но, к сожалению, всего меньше тот сборник, в котором помещена летопись, получившая название «Рачинского» (или «Пылянского»). Эта летопись интересна своим языком, народным, разговорным, почти таким, какими писались древняя Библия. Затем известны в ней выписки за относительно позднее время (последнее сообщенное датировано 1548 г.). Пыляма интересно также «окружение» летописи: она находится в сборнике, содержащем ряд литературных произведений. Вот остальные летописи (на включенном еще летописи Красинского) находятся в сборниках, в которых летописи соседствуют с разными историческими произведениями или просто с документальными исторического характера, тогда как летопись Рачинского сопровождается средневековыми художественными повестями на старобелорусском языке.

Летопись составляет часть сборника, хранящегося в отделе рукописей библиотеки Рачинских в Польше (№ 94, л. 225—291). Рукопись в лист, бумага белая. Филигрань двух видов: одна представляет собой вытянутый круг, в котором нарисован подобие креста; вторая примерно такого же размера, как и первая, имеет вид каллиграфа. Первая из филиграней близка к № 313 в работе Н. Казанова и О. Ветвишской²¹ и датирована 1582 г. Перелет кожаный, местами шерстяной, на корешке надпись по-латыни: год 1487 до 1621. *Kodeks biuławski BK 94b*. На первой обложке имеется бумажка с надписью: *«Kodeks dawnyj dawnyj po piatku o królu Marku... o królu Szwedzi, o Attyli, królu węgierskim, iudaki dyle dawnych królów Habsburskich»*. Сборник до л. 292 писан одним почерком и одним чернилами. Заметки на полях, написанные по-белорусски, сделаны другим почерком и другими чернилами; привнесены на полях из польского языка сделаны чернилами более светлыми или каллиграфич. Во многих случаях буквы написаны пером тем же чернилами, какими писан текст. Заголовки небольших разделов написаны уставом крупными буквами. Листы пронумерованы в правом верхнем углу чернилами, тем же, какими писана рукопись, но приведены только нечетные шифры.

¹⁸ Сувальская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую свирские летописи, с. 157—159.

¹⁹ Арсеньев В. А. «Киевская летопись Сувальского сборника: К вопросу о древней летописании». — ИОРЛС. СПб., 1903, т. XIV, кн. 3, с. 1—24.

²⁰ Сувальская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую свирские летописи, с. 121—122.

²¹ Казанов Н., Ветвишская О. Вклады иши на матери рарыскага дакумента XVI і XVII вв. (1582—1621). Вилья, 1923.

На л. 1—127 помещена повесть о Трыстане («Починається повесть о витанках с кнѣз сѣрбскихъ, а тамъ о славномъ рыцарѣ Трыстане, о Аядаме и о Бои и о кнѣзѣ многихъ вѣковъ до (далеко край листа оборванъ). Л. 127 об. — 128 чистые. На л. 129—171 «Исторія о князѣ Кладомѣ». Л. 171 об. — 172 чистые. На л. 173—224 «Исторія о Атыла, королѣ угорьскомъ». На л. 225—291 «Писмо до великого князя Литовьского и Жемайтского». На л. 292—331 «Корѣ рошѣвѣсѣвѣиа рѣки Шѣдубѣва IV зъ года 1535 до 5 марта 1551а о рѣку двора кнѣзя Кашинѣвѣа».

В конце собрания четыре фото, снятые с разных листов рукописи, и к ним приписка, что приложилась каталожно доцентомъ Петербургскаго университета докторомъ Савицкимъ Писавскимъ («Załączono fotografię zabytku wykonany fotografem i kustosiem Dr. M. Pissowskim, docenta uniwersytetu w Petersburgu»).

Начинается летопись Радзевского со словъ: «Сталося естъ выходящеи сьмѣ божьего отъ духа свѣтлого а благословенное девами чѣстои Маріе» — и заканчивается описаніемъ «оставанья в Вильно в 1548 г., после смерти короля Сигизмунда I, а сообщеніемъ, что князь король Сигизмунд II Август извѣстил, что онъ ѣдетъ изъ Варшавы Радзавалъ».

Сборникъ, содержащий летопись, описанъ по архиву своей заграничной владѣи О. М. Баденскій, давший критическое изложеніе содержанія летописи и опубликованной страницъ изъ нее¹⁴. Описание всего сборника сделалъ А. Вронскіемъ, неизрѣченно этой летописи авторомъ посвященныя послѣдняя страница¹⁵.

Факсимиле летописи Радзевскія имеется в Библиотекѣ Академіи наукъ СССР во Львовѣ. Е. Баранскій извѣстил в своемъ трудѣ, посвященномъ Сигизмунду Кейстутовичу, два отрывка изъ этого факсимиле¹⁶.

Полностью летопись напечатана дважды: в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 295—388 и в 1980 г. в ПСРЛ, т. XXV, с. 145—172.

Летопись Красинского

Летопись находилась в Библиотекѣ графа Красинскія в Варшавѣ (№ 408). Потеряна во время второй мировой войны, и потому данные какъ о самой летописи, такъ и о сборникѣ, часть которыхъ составляла летопись, заимствованы изъ работы Е. Ф. Карского¹⁷. Согласно даннымъ Карского, рукопись поступила в Библиотеку Красинскія 20 ноября 1833 г. отъ Клементина Свидвинскаго, известнаго собирателя рукописей. Более точно, т. е. годъ, когда у кого эту рукопись приобрѣлъ Свидвинскій, не сказано.

¹⁴ Adamiński O. M. Ołowicki kłm i Pismowski drukarni. Warszawa. — МОНУР, 1948, № 1, с. 7—11.

¹⁵ Adamiński J. Ein Weizenwälder Codex manuscriptum des Großfürstlich Warschauischen Bibliothek in Polen. — In: Archiv für deutsche Philologie. Berlin, 1896, Bd. IX, H. III, S. 345—350.

¹⁶ Баранскій А. Життєвий Кейстутовича, вѣдний князь Литовьско-руської (1433—1488). Житоно, 1965, с. 162—163.

¹⁷ Карскій Е. Ф. О князѣ такъ извѣстномъ Литовьскихъ летописей. — В кн.: Карскій Е. Ф. Труды по Западнорусскому и другимъ славянскимъ языкамъ. М., 1902, с. 289—329. Кроме Карского, сборникъ описанъ С. А. Писавскимъ (ПСРЛ, т. XVII, с. 146).

Края некоторых листов рукописи сверху и снизу повреждены. Начала и концы сборника, когда рукопись свивали Вринвер и Карский, не были сдвинуты 179 листов. По прежней нумерации рукопись начиналась с л. 53 и заканчивалась на л. 230, за которыми следовало несколько нумерованных листов. Листы были пронумерованы буквами старославянского алфавита, когда часть рукописи была утрачена, а оставшиеся листы перенумерованы. Весь сборник написан, по-видимому, на единомовой бумаге, довольно толстой, желтого цвета; и листы, которые особенно часто читались, бумага потемнела. В то время когда рукопись изучал Карский, переплетки не было, но ранее она переплеталась несколько раз, о чем свидетельствуют надписи в листах, сделанные в разное время.

По наблюдению Карского, бумажные листы разные, но чаще всего это свинья, чересчур похожая на № 439 у Лихачева. Другие листы имели над двойным крестом, щита с коровой и товаром а, алло-ни, знак города щита с волнообразной линией справа вальков. В общем, Карский определял четыре фальшивки, подобные которым у Н. П. Лихачева следуют под номерами 439, 525, 545 и 547, что соответствует 1542, 1595, 1533 и 1573 гг.¹² Очевидно, не все фальшивки определены верно. Учитывая, что рукопись переписана одним писцом (крупным каллиграфом XVI в. с корелю изстранившими скорописными буквами), невозможно править даты написания бумаги с разрывом в 80 лет. В данном случае наиболее вероятно дата 1543 г., так как другие фальшивки указывают на вторую половину XVI в. Лихачев и некоторые другие считают крупный разрыв написания каллиграфом. На л. 177 каллиграфическая записка на переплетной доске. По записке можно видеть черными чернилами: «Премудрость тогда себе края и утверди отом леде, дала свои жертвенная и черна и чина своей мню. После свои раба славящая со всеми... ния...на».

На полях много записок на русском (старобелорусском) и польском языках. В самом конце летописи, по свидетельству Карского, было написано: «Што ж вышай описуется в русской кривичах», хотя «вышай» об этом ничего не сказано. Эти слова Карский объясняет тем, что, видимо, прежде расположение статей в сборнике было иным, а кроме того, возможно, в нем была статья, сейчас отсутствующая¹³. Эти соображения представляются весьма вероятными, тем более что подобные слова есть во всех белорусско-литовских летописях, содержащих легендарную часть, и относятся к тому месту, где Тройца приравнивается по своей жестокости к Антиоху Сирейскому, Проду Нерудильскому и Неруду Равскому. Очевидно, известные сейчас летописи составляли часть обширных хронографов, в которых говорилось о каллиграфических записках правителей.

«Летописцы» (полный заголовок его таков: «Летописецъ Великого князя Литовского и Жемайтского») начинаются на л. 64. Первая часть оканчивается на л. 72 об. Вторая часть, озаглавленная «Крив-

¹² Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные изделия в Московском государстве. СПб., 1891.

¹³ Карский Е. Ф. Там же, с. 212.

вещи о великом князе литовском», выводится на л. 73—96 об. Она начинается со слов: «Намерей у великого князя Ксудамни отъ сына быти — и заглаживается сообщением 1438 г. о разгроме русских татарам у Мурома и пленении великого князя Василия Васильевича. На л. 91 об.—128 выводится «Хожение Давыда иудея в святой град Иерусалим». На л. 128 об. разные записи, не имеющие отношения к летописи. На л. 129—143 «Починается книга Тохма». (Карский отмечал, что это произведение написано на очень частом «литвино-русском» наречии старого времени.) На л. 144—158 об. «Видение Тудала» («Починается книга о Тудале рыцарей. На л. 159 «Починается реч о трех ставех». На л. 159 об. «Починается первый став судам в бранех мужем и женом христианым». На л. 161 об. «Второй став есть воеводский». На л. 165 «Тутъ ся починает о ставу дивном». На л. 171 об.—176 об. следует «Сказание о Сивилле пророчице». На л. 177 после заставки следует заглавие: «Проречение святыя пророк о Христе Исусе». На л. 181 концевой заголовок: «Сказание, бывающее вкратце в Иерусалиме при Софони архиепископе, о вере християнстей верою, ожиданием и хреставом». На л. 185 «Проречение святыя пророк о превращен рождени сына божия, иже от отца и о великолетия Християне, иже от святыя деви богородицы Марии. Проречение Соломона, иже о Христе и вкратце на ответныя ерей. Усты Соломона. Сын божий пророк о себе, иже бы превретен о отцем в свое рождество от отца иже о немъ повелъ, в рече. На л. 220 последний заголовок: «Слово о поеленем древе, о Матильде царстве. Госводи благослови, отче».

По мнению Карского, оригинал, с которого был списан сборник, составлен в конце XV в., но переписан на второй половине XVI в.¹⁰

В некоторых стилистических летопись Красинского отличается от других, сохранившихся летописное сказание. Прежде всего во всех остальных летописях сказание представляет собой как бы органическую часть всей летописи, ничем не отделяющуюся от прочего, тогда как в летописи Красинского летописная и реальная части имеют отдельные заголовки («Летописецъ Великого князства Литовского и Жемовитского» и «Крайняя о великих князех литовских») в таком образе представляет собой две отдельные произведения. Второе различие заключается в том, что летописная часть в летописи Красинского не разбита на параграфы и не имеет продолжения до Гедимина, как во всех остальных; очень мало в ней и параграфов за пределами летописного сказания. Поэтому можно предположить, что в оригинале, с которого списывалась летопись, летописная и реальная части («Крайняя» начинается с переписки с князем Гедимином) летописи представляли собой отдельные произведения, причем, возможно, параграфов в летописной части было еще меньше (я может, их в вообще не было, т. е. «Крайняя» представляла собой сплошной текст без какого-либо деления). На это указывает хотя бы то, что из девяти выходящих в настоящее время параграфов три, кроме очень кратких и помещенных один за другим, являются Символическими.

¹⁰ Там же, л. 226.

Особенностью летописи Красновского является и то, что ее переписчик пытался уточнить этимологию слова «Жомойты» — того района Литвы, куда, согласно легенде, впервые вступил батискал из Италии. В тех случаях, когда в других летописях понимается тот же вопрос, там сказано, что «жмоайты» происходят от французского. Это звучит не только убедительно, но, пожалуй, и бессмысленно. Переписчик же летописи Красновского заявил, что происходит «ромляно», которая Жомойты называлась, «назвала туя земля словенским языком — Побережная земля (очевидно, следует понимать „Поверье“ — Н.У.), а литовским языком называли Жомойтская земля»¹⁰⁴. Любопытно отметить, что летописцы, которые так уверенно разделяют Литву на собственно Литву и Жомойты, никак не говорят о наличии жемайтского языка в Литве в данном случае, пытаясь определить смысл слова «Жомойты», отсылаются на язык не жемайтский, а литовский.

На пытаясь более детально установить границу между летописью Красновского и другими, содержащими летоисчисленную часть, остается лишь, что летописи Красновского по-за указанных особенностей не могла служить прототипом других летописей, хотя и принадлежит к числу старейших.

Летописи которые были выпущены в 1860 г. А. Ф. Вышеславским¹⁰⁵. Текст летописи в этом издании напечатан полужирным, но без предложения и без палеографического описания рукописи, и не сказано, каков графический прототип Вышеславского издания летописи.

При издании летописи в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII обе части были выпущены раздельно, причем вторая часть равная, чем первая: первая — на стр. 154—190, вторая — на стр. 227—238. Последнее издание этой летописи осуществлено в 1960 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 126—144. Обе части там выпущены вместе.

Ольшанская летопись

Это единственная летопись, которая до времени не опубликована в ПСРЛ, т. XVII издавалась в частном издании — в издании помещика Смирновского г. Валуйский губ. Ольшане (сейчас село) Малой обл., принадлежавшем Александру Хоминскому. Летопись издавалась четыре раза: впервые в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 421—472, вторично в 1907 г.¹⁰⁶, в третий раз в 1932 г.¹⁰⁷, в последний раз

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. XXXV, с. 126.

¹⁰⁵ Летописи Литовских князей, подготовленные в библиотеке графа Красновского, СПб., 1860. В издании 1860 г. по словам, что летописи, подготовили к печати А. Ф. Вышеславский, что не сказано его разгласило. Археографический ежегодник. О том, что подготовили к печати осуществил А. Ф. Вышеславский, см.: ПСРЛ, т. XXVI, с. IV.

¹⁰⁶ Календарь Ольшанской летописи. Вильно: Издательство Литовского университета, 1907. Под редакцией в 1907 году С. Флауцкого. Вильно, 1907.

¹⁰⁷ Календарь Ольшанской летописи. Вильно: Издательство Литовского университета, 1932. Летопись не печатались даже вновь: это отнесено к ПСРЛ, т. XVII, которому предшествовал летоисчисленный предшественник отдаленного издательского издания.

1880 г. в ПСРЛ, т. XXV, с. 173—181. Палеографическое описание сделано С. А. Птавицким несколько раз. Впервые в ПСРЛ, т. XVII — довольно кратко. Гораздо полнее оно в вышедшем издании в почти таком же в переиздании.

В настоящее время рукопись Ольшанской летописи находится в Национальной библиотеке в Варшаве (№ 8068)¹⁰². Описание приводится по данным Птавицкого.

Летопись находится в составе большого рукописного сборника, переплет картонный, чернила черные, заглавия и титулы славянскими буквами¹⁰³. Фальсум — кабат (Птавицкий отметил, что подобное изображение в 1907 г. было неизвестно). Из записей, выкопанных в рукописи, следует, что она была создана в 1880 г.

В начале сборника находится «Правда земская, т. е. список черпанный Литовского статута 1529 г. в польском переводе. Далее следует принятой великого князя Казимира 1457 г., затем «споведанье Святослава I Войтеза Гангольда, после чего текст Статута 1529 г. в польском переводе, а потом, с л. 263, «Кройника», т. е. Ольшанская летопись, из которой находится еще «Кройника».

В предисловии 1892 г. Птавицкий пространнее, чем в 1907 г., говорит о языке летописей, помещенных в ПСРЛ, т. XVII. Он указывает этот язык русским и вместе с тем отмечает, что он славянский, отличающийся от языка московского и современного русского. На этом языке, — продолжает Птавицкий, — была обширная литература. Выработался он из языка белорусского и был языком не только литературы, но и правительств в Литве до конца XVII ст.» Там же Птавицкий утверждает, что в XVII ПСРЛ языка под его редакцией, отличающимся от языка А. А. Шапштова¹⁰⁴.

В предисловии к ПСРЛ, т. XVII Птавицкий отметил наличие «довольно толстой книги XVIII ст.», находившейся в Русской библиотеке Национальной библиотеки в Варшаве (с. IX), но эту, видимо, осталась неизвестной книге, принадлежавшей в Отделе рукописей Ягеллонской библиотеки в Кракове (№ 6434); эта рукопись находится там с конца XIX в.

Судя по записям в Краковском сборнике, в составе которого находится летопись, он был переведен в 1558 г., в притом едва ли не тем же писцом, который переписывал Ольшанскую летопись (факторы Краковского списка и копии фото, приложенного к изданию 1892 г., совпадают). При сверке текста, напечатанного в ПСРЛ, т. XVII, со списком Ягеллонской библиотеки расхождения обнаруживаются редко и незначительные. Вместе с тем в Ягеллонском списке в двух местах имеются пропуски строк, а в нем нет текста Статута; кроме того, порождая следующие чтения в нем не тот, что в Ольшанской.

Из записей на обложке Ольшанской летописи известно, что она в XVII в. принадлежала Христофору Добиньскому; но основным владельцем, она досталась ему от Фридриха Комаровского, последнего истославского князя, умершего в 1808 г. (т. XVII, с. pIX—X).

¹⁰² Kodexbroszura f., Lactonia R. Pismaja Litteratur statuta aliorum monarchiarum. — Lietuvos TSR Aukštojo Mokslo darbai. Istorija, 1986, XVI (1), p. 128.

¹⁰³ Kodexa Olshanskij Chrestomologos, s. 4.

В 1902 г. Б. А. Вазаня опубликовал летопись, получившую название «Румянцевская»¹⁰⁷, поскольку она хранилась в Румянцевском музее (сейчас — в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 37, № 434). В том же 1902 г. печатался т. XVII ПСРЛ, в который были включены все летописи и «Кройники», содержащие историю Великого княжества Литовского, а также фрагменты хроник, относящиеся к истории этого государства, причем почти все они были опубликованы ранее. Тем самым из печати в 1902 г., во Румянцевская летопись не была в него включена.

Почему было сделано такое исключение? Очевидно, для этого имелись две причины. Во-первых, Румянцевская летопись вышла в свет, когда т. XVII ПСРЛ печатался, и поэтому редакторы т. XVII, возможно, посчитали неудобным для и вот же источник одновременно приближать к двух изданиях. Во-вторых, редакторы т. XVII ПСРЛ использовали Румянцевскую летопись для реконструкции летописи Археологического общества.

Сборник, в котором помещена Румянцевская летопись, или «Кройники», размеры в высоту и ширину, бумага белая, плотная, с желтоватым оттенком, поперек в разных местах разная, по ширине поперек, чернила черные, заголовки раздельно, за очень редким исключением (когда они написаны чернилами), каллиграфич.; каллиграфич. часть написана и начальные буквы. В ряде мест края листов оторваны. Часты листы в середине и конце рукописи пер. Перешит кожаный переплет XIX или начала XX в.

Первоначально листы были пронумерованы буквами славянского алфавита в правом верхнем углу листов. Всего пронумеровано 410 листов, но в действительности их меньше, так как во многих вместо 313 вставлены 323, т. е. пронумеровано десять листов, отсутствует еще 19 листов. Буквами же на левом поле обозначены номера тетрадей, по 8 листов каждая. После переплетения рукопись пронумерована латинскими арабскими цифрами в правом верхнем углу листов, причем четные не нумеровались (каждый лист пронумерован только один раз — 140-я). Таким образом, буквами пронумеровано 410, а цифрами — 376 (в конце рукописи написано: «Всего 376»). Все сошло в данной работе, если это не опровергено особо, даны на цифрами обозначения листов. По буквенной нумерации в рукописи отсутствуют листы 8—11, 12—13, 27, 104, 105, 117, 163, 177, 283, 286, 288, 313—322, 328, 353, 376—384, 402. Отсутствующие листы 109,

¹⁰⁷ 1) Кроме названия «Кройники Литовского и Жемовитского». — В кн.: Зап. Славянского общества истории и древностей, 1902, т. XXIV, отд. 1, с. 361—373. Вазаня Б. А. Западнорусская летопись по списку Румянцевского музея. Санкт-Петербург, 1903. Впервые при публикации источник перед тем, как дать название, которое носит и рукопись, назывался иначе: 400, 1. с. 361—373. Кроме того, оригиналы листов «3 кройки» (только название публикации: «3 кройки Великого княжества Литовского и Жемовитского»), но в статье, которая следует в следующем после книги летописи, она названа иначе: Западнорусская летопись по списку Румянцевского музея. Это название в сокращенном виде и закрепилось за летописью.

Краківская рукопись в лист, бумага плотная, белая, переплет картонный. Листы разноцветными карандашом, на полях многочисленные записи другим почерком и другими чернилами. Весь текст писан крупным почерком готического характера. Заглавные буквы, заголовки разделов и масса рисунков сделаны пером чернилами, большие буквы в заголовках первоначально обводились пером, а затем заштриховывались. В рукописи есть записка о принадлежности ее Уладиславскому и отметка Библиоотекаря, что установить, кто был Уладиславский, не удалось.

Ольшанская летопись представляет собой перевод со староцерковнославянского. Переводная слово владит польским языком, в частности не знает, где ставить носовые буквы и как переводить отдельные слова. Проблеская летопись, Пташицкий часто ставил «и», давая знать, что в этом месте текст несправен, иногда он делал скобки, указывая, как следовало писать то или иное слово. Но ошибок в этой летописи столько, что сделать по ней не оказалось возможным. Судя по очень четкому почерку переводчика, речь о том, что сам Пташицкий неправильно прочитывал написанное, не может быть: это ошибка и искажения рукописи.

Какие рода расхождения получились при переводе по сравнению с оригиналом (о том, что это не ошибка оригинала, говорит терминология польского текста)?

По-первых, неровности, не зная, как перевести слово, просто перепечатывал его польской графиней, нередко ставя носовые звания там, где они были не к месту. Так, слово «иже» переведено как *иже* (435/174)¹⁰⁰. В самом начале слово «корабли» переведено на польский *korabliach*, а «корабли» (*korabliach*) (422/173), слово «субраше» переведено на *subrów*, а *zdrón* (423/173) и т. д.

Во-вторых, сильно искажены географические названия. В Польше Викенту при переезде своем прибывает гостей упоминаются и «от гдавского короля», тогда как должно быть от царского, т. е. датского. Согласно известной легенде, Кибелуг нашел свою будущую жену Вирту в Палави, но Ольшанский во летописи истречи провозвеша в Польше, притом это сказано дважды (440, 441/181). Свядрыгайла, направлявший после похода на Литву в Берков, захватил там не Михаила Ивановича Голынского, а Михаила Палковского (462/189). Еще два подобных случая.

Еще о некоторых особенностях перевода. В рукописи отсутствовало «и» твердое (и); смещения над согласными ставились очень редко, в притом только над буквой «и» (ио) и не всегда там, где нужно. Звук «и» передается двумя буквами: *и* и *у*, притом буква *и* означает также «и» (и). В ряде случаев звук «и» в одном и том же слове передан двумя буквами: *и* и *и*.

В общем, это очень ценный памятник белорусско-польских культурных связей в XVI в., когда верховная белорусская феодальная власть переходила на польский язык и читала литературу на польском языке.

¹⁰⁰ Звук «и» здесь впервые указан столбиком в ГРПД, т. XVII, а воле воле — строками в ГРПД, т. XXV.

173, 177, 176, 378, очевидно, были чистыми, так как они следуют за чистыми листами перед началом новых разделов⁴⁰⁰.

В разных местах рукописи, главным образом на чистых листах, имеются записи владельцев. Первая из них, сделанная на нижних полях л. 12—67, свидетельствует: «Сия книга, глаголющая летописи, Бронницкой округы Псковской десятины, села Слободина, перера Паскрия Пречастые Баторидны перера Василья Маркова собственная ево... Подписана ново древою рукою 1780 года». На л. 148 запись чистыми чернилами, надписи слова: «Сия книга летописи принадлежит...» На л. 163 об. (чистом) померком XIX в. написано: «Сия книга принадлежит села Слободина Покровской округе помещика Василью Андреичу Успенскому». На л. 178 об. (чистом) померком конца XVIII в. написано: «Сей летописец села Слободина перера Василья Маркова. Подписал города Бронницы помещик Иван Васильев 1788 года декабря 19 дня». Последние два слова написаны по записи, сделанной померком XVII в. На л. 22—23 об. есть частично срезанный записок, сделанный скорописью XVII в., надписи слова: «История... летописи»; кроме того, сохранилось еще несколько записок, но входящая, однако, записанная при определении принадлежности в семье владельцев⁴⁰¹. Впервые считал, что рукопись написана померком конца XVII в. (с. 214). Наличие записок, сделанных на полях л. 22 скорописью XVII в., говорит о том, что приближенный Васькович приватизировал.

На первых 11 листах (последних трех листов в этой части нет) говорится о раздвоении земли между потомками Илая; описывается часть (в связи с недостачей листов) на незаконном рассказе о Гостомале. На л. 12—69 начинается «Бронницкая». На л. 100—104 рассказ о зимних, предвещающих Иерусалиму гибель. На л. 106—135 говорится о захвате Иерусалима Титом («Повествование русского царя Тита на Иерусалим»). На л. 135—140 «О Иерусалиме и его многих комах и о Мелхиседе». На л. 141—163 рассказ из отечественной истории «О пленении безбожного царя Батыя, где пленен Рязанский земле и прочие места». На л. 164 «О взятии града Византийского». На л. 165—176 об окончании Константинополя и его гибели. На л. 177—183 «О Албанской стране и о князьстве ево». На л. 184—222 «О деянии Царяграда от безбожного Магомета Амуратова сына, турецкого царя, ево при Константинополе, сыне Мануилова». На л. 222 об.—236 «Сказание Ивана Пересветова о царя турецком Магомете, како зде соиде княги греческие». Заголовок следующего раздела написан чернилами (а не скорописью): «Повествование ис татарского князя из летописца Шайхадина Хамма да по сказке Магомет Муртави; соидеся слово в слово. А означивала Мурта Карен, царевича крымскому, коли он был в Астрахань».

⁴⁰⁰ На сноску, сопровождающей публикацию Васьковича, сказано, что описание оформления, принадлежащее Румянцевскому летописцу, было осуществлено В. С. Долгачевым, который также сделал корректуру с оригиналом. Сие Васьковичу рукописи не видел и подделывал текст и печатал на той бумаге, которая была сделана для проф. Н. А. Погодина (См. Одесского областного историко-и древностей, 1903, т. XXIV, стр. 1, с. 213—218). Сказание оформлено в «Полнометри» сноске, которая, и которую дана была пространно.

⁴⁰¹ В «Полнометри» приватизирована только та запись, которая находится на л. 176 об.

ию (л. 231—233). На л. 234—242 «Выписана из книги, глаголющая Словеса. Ова словеса вторая на десять. Два митрополиты, Киприан и Пимен, и граф вторая на десять. В ней же глава 19 о житии и подвизех божанного и достопамятного великого князя и царя русского Дмитрия Ивановича». Остальная часть рукописи посвящена преимущественно деятельности Дмитрия Донского и его жены Елены. Далее следует публицистическое памфлетное XVI в.: «Послание турского царя Салтана к царю и великому князю Ивану Васильевичу, вели Русь самодержицу» (л. 346—352) и др. Кроме разделов, касающихся непосредственно истории русского народа, имеются краткие известия об истории Византии, Албании и радостворная монгольских делов, выписанная «из татарская книга».

На перечисленных памятниках в сборнике материалов видно, что «Кройника Великого княжества Литовского и Жемайтского»¹²² является памятником чужеродным, причем не только по содержанию, но и по языку: «Кройника» написана на старобелорусском языке, как и другие «Кройники», а весь остальной текст на русском. Основная часть «Кройники» заканчивается изложением событий 1446 г.

Совсем особый характер имеет текст на л. 95—99 — он не встречается в остальных белорусско-литовских летописях и близок лишь к тексту «Кройника», включенной в ПСРЛ, т. XVII и написанной на польском языке¹²³.

«Кройника» начинается с описания бегства из Рима 500 семей знатных рыцарей по приглашению Паламозом, а заканчивается словами: «Лета 7095 (1562. — Н. Я.) году. В том же году на берегу против крымского стоял князь Володымир Андреевич, с ним царь и великий князь Бояре и воеводы» (л. 99).

В летописи недостает двух листов (по французской нумерации — л. 97 и 104). В первом случае недостает кода описания восстания в Смоленске. В коде л. 96 об. начинается: «И после того дымства была великая в Смоленску, и помысли Смоленские моршала смоленского Петрику, и уговарив его в Двиню, и поставили себе войводу в Смоленску князя Ая...», а л. 96 заканчивается словами: «престави с короном была, и миром людя извести по слову и по дороге с великою студеною, а стог был велика велика, на многия лета таковыя зимы не было в таковыя зимы...» (л. 96 об.—91)¹²⁴. В коде л. 103 об. следует: «Того же году татаров побито на Галты, и тогда был князь Иван Дубровицкий», а л. 106 начинается словами: «и лежала тогда Стародубом 3 недели из дол бжков, сны же подолжанинские ворах забавали, и выжигали 4 города и замок князя. Сичну князя Федора и много конюх и

¹²² Литовское название памятника «О кройника» встречается только одной. Проведением такого рода работы выполняются «Кройники» или «Кройники».

¹²³ «Wielkiary Księstwo Litewskiego kęstytia kęstia rękaz. «Kroynika» napisani i tam że (указываются) «Кройники», в которых упоминается Смоленская летопись, непосредственно из летописи. Напечатана в ПСРЛ, т. XVII, стр. 460—472, г. 1838, с. 462.

¹²⁴ В летописи Радзевского, которая в этом месте близка к Радзивиловской, даже включены листы на 1413, 1412 (т. 1424, 1444) и частично на 1447 гг. Указаны разрывы в формате обеих летописей, только отметить, что в Радзивиловской здесь недостает пяти страниц.

детей боярских в полях выбрали, а немцев востыкали, бояров 10 000 и 30 000 волевою силою (л. 96 об. — 97) ¹⁴¹.

Летписец Археологического общества Шалытов относит к той группе летописей, к которой принадлежат Румянцевская, Ратиславская и Патриаршая ¹⁴². Четверичный же считает родственными ей летописи Красинского, Патриаршую Б., Олмукскую, Румянцевскую, Пономинскую, Таврическую и Карвинскую ¹⁴³.

Среди известных в настоящее время белорусско-литовских летописей и «Кройки», очень бедная датями, летописи Румянцевская и Археологического общества едва ли не самые бедные в этом отношении. После года, помеченного в первой фразе в Румянцевской летописи (1526), в продолжение всей первой половины текста о годах не упоминается, и лишь на л. 82 об., в месте, где сказано о нападении Святослава Сильникого на Мстислава, отмечается: «Тое ж лето князь, во так час, в каком году происходило предшлющие события, не сказано, то остается неизвестным, какой год имелся в виду. После описания смерти великим князем Князем, дата которого не указана, следует рассказ о походе войск Витовта на Вильну: упоминается на словах: «Того же лето князь великий Витовт» (л. 74. Не указана даже год смерти Витовта, хотя, по преданию, ход борьбы между князьями Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутиевичем, летоисчисляется так: «Тое ж лето, другой раз князь Шенстригайло» (л. 85), но, в данном году происходили события «тоже ж лето», ранее указано не было. Далее идет рассказ на это ж лето, — «Четверть был сообщенна, в каком году это происходило (л. 85), и то ж лето на л. 86 об. (это о той же борьбе между Свидригайлом и Сигизмундом). О битве под Вильно сказано, что она произошла «на Св. день в пятницу, без указания года (л. 87 об.).

Первая дата (л. 74) относится лишь к 1418 (1526 г.); дата здесь, как и везде, помечена буковками славянского алфавита. В указанный год (1418) князь Данило Федорович заточил Князя у поляков.

Сообщения с точными датами встречаются лишь с 1506 г. (в действительности с 1506 г.), что явно означало переход к другому источнику. Первая определенная дата привнесена с чрезвычайной поспешностью «В лето 7013 (1506. — Н. Я.). Месца августа в 15 день, в пятницу, в Вильновском месте великим князем литовским отцом Сигизмундом (л. 92 об.). Далее также не подробно даты следуют одна за другой. Коронация Сигизмунда произошла «в лето 7008 (5 г. л. в 1492 г. — Н. Я.) сентября 21 день, в пятницу в 10, во вторник» (л. 99 об.). Этот при всей полноте сообщения очень неточен, так как в 1492 г. бы коронация не Сигизмунд, а Александр, коронация же Сигизмунда происходила в 1506 г. Князь Константин Острожский вернулся в русское плени в 1507 (7015) г., в пятницу 11, в субботу (л. 103). В ту ж лето Михаил Глинский ездил Заблудовского (л. 103). В 1514 (7022) г. «пятница 12, месца мая в 16 день, на память святого отца папы»

¹⁴¹ Если считать, в этом месте Румянцевскую летопись, с Карвинской и учесть разницу в форматке аббас латинских, то можно считать, что утерян один лист.

¹⁴² Давыдов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М., Л. 1928, с. 230.

¹⁴³ Четверичный В. А. Белорусские летописи из личной библиотеки, Минск, 1899, с. 2.

Григорий-русский войска водили в Селенску, а 1 августа, в понедельник, Селенск воеводою московскому великому князю (д. 94). Селенск выехал из Вильно на войну против русских князя в 22 день, на имени святых Марии Магдалины, в субботу, и дано приказано, что это было в 9 годовне дано (д. 94 об.). Битва под Оручей произошла сентября, в 8 день, на Рождество пресвяты Богородицы (д. 94 об.).

Можно думать, что значительная часть этих ошибок произошла не только от путаницы действующих лиц, но и от того, что алфавит — буквы славянского алфавита были в оригинале написаны нечетко.

В большинстве случаев «Кройник», написанный на старобелорусском языке, находится в сборниках, написанных на том же языке, что и весь сборник. Однако Руминцевский летописец помещен вместе с русскими, написанными по-русски и содержащими материалы, которые не имеют отношения к Великому князю Литовскому. Этот сборник был переведен в Россию русским человеком, который старался преодолеть свою работу добросовестно, но так как ему не удалось много неизведанных слов, то некоторые термины он перевел неправильно.

Какие соображения могли бы заставить включить в сборник летописец, откуда был добыт оригинал для списывания и т. д., остается вопросом. Если даже, то, что в летописи Археологического общества в Вильно к ней относится одно выражение антикварных конструкций, которые имеются в литовских Еврейской и Вильно (пока Ольгерда на Москву), нет в ней в тех же выражениях настоящих, которые так богата древняя Вильно.

Еврейская летопись

Хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 181, кн. 1, ч. 1, № 76101) в составе русского сборника. Рукопись в четвертку. Бумага белая, в различных частях неодинакового качества. Значительная часть листов написана на бумаге золотистого оттенка, низкого качества, чернила на которой раскислились и проступили на обратную сторону листа, вследствие чего текст многим трудно читать.

Бумажные листы — герб Амстердама и голова жука, во избежание увидеть фальшивую полностью. Однако в рукописи имеется запись, что текст переписан в 158-м году, т. е. в 1589 г. Поскольку эта запись находится в конце сборника, то можно принять как достоверное, что он переписан в конце XVII в. Переплет — дубовые доски, обшитые кожей. На внутреннем переплете доски склеены вдоль по середине. Застежки обрешены, кожаный корешок остался. По кожаному переплету выписаны разные узоры. Листы 357, 368, 346 пронумерованы дважды.

Вся рукопись написана корявыми чернилами, во из которых 165 листов начальные буквы часто написаны каллиграфом, так же как и некоторые, тоже написанные каллиграфом, во всех остальных случаях текст, написанный каллиграфом, написан только чернилами.

В начале сборника выложены два вступительных листа, на первом из которых даны: «На 536 листов, 1916 г., номер 33». На обороте того же листа надпись: «Ф. П. Сувидай. 1916. VII». Далее следуют три листа, архитектурные карандашом латинскими заглавными. На первом из них вверху начала XIX в. написано «оглавление», далее, на л. 1—3 то же оглавление повторено, а в конце написано, что рукопись подарена (Архиву Министерства иностранных дел. — Н. Э.) надворным советником Пис. Евреюшом в 1834 г. Литовская библиотека выложена на месте пропущенного вступления — Еврейковская.

Всего в сборнике 534 листа. Содержимое выверенных в нем материалов разное, но в основном они относятся к событиям, происходившим в России. На л. 1—86 об. «От литовских избранов вырвите о начале рождения от Адама первого дня и от иного клана его повелева царя, судя на владыки и кто сколько лет быть междуцарства кола сего». Заглавывается сообщением об избрании на царство Михаила Федоровича. На л. 86 об. — 88 «Сказание, что ради Великого Погнати архиепископа на словах своих носить белые клобуки и тако и прочая патриархаты и епископы». На л. 89—178 об. «Краткое, описанье литовских от великого князя Василия Ивановича начато пред и сдержанности сына его великого князя царя и великого князя Николая Васильевича зова Рука и о христианском царстве протопеченного царя и великого князя Федора Ивановича зова России». На л. 179 об. — 183 об. «Начало вырвите о царях московских и о избране их, и о возрасте, и о труде». На л. 185—317 об. «Ряд государей великого московского удельно князья». На л. 319—428 «Краткая летопись. Сказан во 83-м году ноября и день. Начало «Летописи на л. 330: «О начале древнего словенского народа и о поречии или избрании его». На частом л. 440 надпись: «Сказано во 198-м году ноября 11 день, т. е. 11 ноября 1990 г. В конце рукописи, на л. 443—534 об., выходится летопись, оглавленная «Книга Великого княжества Литовского и Жемайтского».

Начинается летопись со слов: «Бысть выхождение наша быва от духа святого, а — и заглавывается сообщением о смерти Сигизмунда I и взошел Сигизмунд II Август на Варшаву Радзивилла. На л. 534 об. привнес: «Полная kronika пишет: рад Альбрехт — 12 сынов: Якоб, Сигизмунд, Шварц, Якоб, Барто, Курбарт, Витус, Корнелий, Нориконт, Лавитан, Либора, Андрей, Витан».

Среди других белорусско-литовских летописей Еврейковская выделяется огромным количеством ошибок и ошибок небрежностью вычисления. Перепечатчик явно не понимал языка и поэтому сделал много ошибок.

Хроника Выхова

Низарка Супрасельской летописи показала, что Стрийковский, составляя на литовские русские и литовские, не фантазировал, что подобные летописи были, однако Супрасельская очень мало походила на те летописи, на которые Стрийковский делал ссылки (в ней прежде всего отсутствовала литовская часть). Полностью резко измене-

дась, когда была найдена и введена в научный оборот хроника Быкова.

На один из белорусско-литовских летописей не слышала и не вызывает такого интереса, как хроника Быкова, и не об одной ветвь столько суждений. Достаточно сказать, что некоторые исследователи до сих пор считают ее фальшивкой, софреной, воюю вероятнее, Теодором Нарбутом.

До 30-х годов XIX в. хроника находилась в вешен Могилевея Словянского у. Гродненской губ., принадлежавшая помещику Александру Быкову. Как название Быкова, так и фамилия алашались векут в восточную Беларусь, в Подляшские (Белые) — значит урочища Быкова, города на Днепре в современной Могилевской обл.). Эта фамилия, видимо, не выделялась знатностью происхождения, так как в работе Бонинского, в которой собран материал о топонимике примечательными алашались фамилиями Великого княжества Литовского, Быковы не упоминаются¹⁰⁰. Ничего не говорит о Быкове, владельце рукописи, и «Польский биографический словарь», в котором ларисифицировано огромное количество лиц, часто весьма выдающихся. В этом словаре есть только статья о философе Юлифе Быкове¹⁰¹. Малопримечательным оказалось в списке Люблинских, о котором «Географический словарь Польского королевства» даже не упоминает¹⁰².

В архиве, где рукопись хроника находилась в Могилеве, там был значительный архив, от которого в вешенние архив сохранилось очень мало, причем эти материалы касаются почти исключительно хозяйственной жизни вешен¹⁰³. История рукописи до того времени, когда она попала в руки учителя Виленской гимназии И. Климашевского, остается неизвестной. Климашевский, получив рукопись, опубликовал фрагмент, содержащий описание убийства великого князя Сигизмунда Кейстутовича¹⁰⁴.

Когда Климашевский вычитал отрывки хроника, Нарбут работал над своей «Древней историей литовского народа»¹⁰⁵ и, очевидно, вскоре ознакомился с этой рукописью, а в 1834 г. Быкова передал рукопись хроника Нарбуту в его вешен Шауры. При подготовке к печати «Древней истории» Нарбут широко использовал новый источник, дал ему название «Хроника Быкова» по фамилии владельца и сделал биографические описания. В 1846 г. Нарбут вычитал хроника великом отдельным изданием¹⁰⁶. Вскоре после публикации рукопись вешала.

Дальше пытались искоренить против названия «Быкова», утверждая, что хроника следует назвать Заславской, так как он считал,

¹⁰⁰ Быков А. Ог. 10.

¹⁰¹ Polski słownik biograficzny. Kraków, 1897, т. III, с. 158.

¹⁰² Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych ziem słaviańskich. Warszawa, 1865. Т. VI.

¹⁰³ Хроника Быкова. М., 1895, с. 15.

¹⁰⁴ Новичков И. Новизна на год 1835. Вильна, 1835, с. 93—103.

¹⁰⁵ Нарбут Т. Давня історія народа літоўскаго. Вильна, 1835—1841. Т. 1—IX.

¹⁰⁶ Родзин А. Давня історія. Вильна, 1846.

что это то самое произведение, которое Страйковский получал в свое время у князя Заславский¹⁴⁰. Однако это предположение Данилович не получило поддержки, тем более что позже было доказано, что рукопись, бывшая у Страйковского, и рукопись Вильсона хотя и близки между собой, но не идентичны.

С течением времени о публикации Климаковского перестали вспоминать, во всяком случае когда возник вопрос о подлинности хроники. Нарбут был известен в качестве исследователя, делавшего ссылки на достоверные или даже вымышленные источники, а так как, кроме него, рукописи никто не видел (исключая Климаковского), то вполне подожрился, не написала ли в хронике Вильсон самим Нарбутом.

Польский историк К. Ходзинский, цитируя источники Нарбута, доказал, что использованным им так называемая Радзиская хроника в действительности никогда не существовала, и обещал провести в будущем соответствующее исследование в отношении хроники Вильсона¹⁴¹. Однако такое исследование не появилось. Тот факт, что в одной из своих более поздних статей Ходзинский подверг анализу некую, называемую в хронике Вильсон, архив вопроса о подлинности источника он не ставил, может служить доказательством того, что этот исследователь отказался от мысли признать хронику фальшивкой¹⁴².

Исследован Р. Шалута, обнаружившего в Радзиском отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР письма Вильсона Нарбуту, в которых Вильсон сообщил о перепишке рукописи Нарбутом, а также письма Вильсона Нарбуту, родственника Теодора Нарбута, содержащая сведения о ходе печатания хроники, говорит о том, что она существовала в действительности¹⁴³. К этому можно добавлять, что хроника вышла из печати при жизни ее владельца — А. Вильсона, который, надо полагать, осуществлял бы подобное действие, если бы предполагал, что фальшивой хроника была «придуманна».

Ходзинский был уверен, что рукопись, если она и писалась, возникла сразу после ее публикации. На самом же деле она находилась в Шаврае еще в 1884 г., и лишь в начале 1884 г. (после смерти Вильсона после смерти Нарбута рукопись принадлежала племяннику Соколовым) она уже не числилась¹⁴⁴.

Пытаться доказать, что хроника Вильсона была фальшивкой, написанной Нарбутом, последователя как бы не замечают обстоятельства, делавших ее выводом несостоятельным. При намерении публикации Климаковского Нарбут мог списать отрывок об убийстве Сигизмунда из «Новорочисла», но никакой нужды было написать так,

¹⁴⁰ Данилович К. Указ. соч., т. 82—83.

¹⁴¹ Chodźński K. Za śladem pod dziejopisarstwem radzi-Straszkim. — In: *Archiwum Wileńskie*, Wilno, 1926, tom. 18/19, s. 387—401.

¹⁴² Chodźński K. Uwaga i uwagi radzi o fałszywości Zprawyta Kiejstowskiego. — In: *Archiwum Wileńskie*, Wilno, 1926, tom. 18, s. 79—80.

¹⁴³ Šaluta R. Vėlybės lietuvių. — *Lietuvių TSR Mokslų Akademijos darbai*, Ser. A., 1928, N 163, p. 146—154.

¹⁴⁴ Хроника Вильсона, с. 18.

слова он не опирались, хотя бы по аналогии, от оригинала, опубликованного Климовским. Литовский Рачинский, мало отличающийся по аналогии от хроника Быкова, была обнаружена и видна: вполне в поэтическом образном для Нарбута не могла служить.

Трудно также представить, что такой литовский патрист, как Нарбут, называл все река, вытекающие пункты в смысле действующая для Литвы не в литовском, а в белорусском произношении.

Поскольку в рукописи не хватало начала, конца и части середины, то возник вопрос о размерах текста. Изданная хроника, Нарбут сообщил, что утеряно около половины рукописи¹²⁹. При публикации хроника была выписана продолжением, что недостает не более четверти¹³⁰. Последние слова наблюдателя говорят, что утерянные были.

Каким образом можно определить потерю? Нарбут указал, что рукопись хроника была размером в четверть¹³¹. При наличии семизначного в издании Нарбута фактически небольшого отрывка рукописи можно подсчитать, сколько знаков приходилось в оригинале на строку. Из вычисления в среднем 43. В ПСРЛ, т. XXXII, где опубликована хроника, в строке уместится 95 типографских знаков корпусом, строка же, в которой вычислялись страницы утерянной рукописи, — 35 (Нарбут при печатании указывал страницами рукописи). Значит, на одной странице рукописи находилось примерно 1000 знаков. Разделив число знаков в странице на число в строке, получим на странице 30—31 строку. Таким образом, утверждение Нарбута, что рукопись была в четверть, подтверждается.

Сравнивая хроника Быкова с хроникой Стрийковского и рядом белорусско-литовских литовских, можно установить, какие места хроника Быкова отсутствуют. Установим, что тексты совпадали с источниками как перед утерянными местами, так и после них совпадают почти буквально (или даже буквально) с соответствующими местами хроника Быкова, можно думать, что точно так же совпадают в утерянные места и что, следовательно, они вполне восстановимы по сохранившимся источникам. При издании в ПСРЛ недостающие места в хронике Быкова (я вычислялся в других источниках) дались в скобках над строкой четким. Типографских знаков в этих местах на строку приходится 106. На с. 128 под строкой оказалась 16 строк, а знаков, следовательно, 1696; на с. 131, 132 — 23 строки, знаков 2436; на с. 134 — 13 строк, знаков 1378; на с. 163 — 12 строк, знаков 1272; на с. 170, 171 — 28 строк, знаков 2968; на с. 183 — одна строка.

При переводе этих подсчетов на страницы рукописи получим следующее число строк (разделив количество знаков, потребовалось для восстановления утерянных мест, на 45, т. е. на число знаков в строке в рукописи): на с. 128 знаков 1696, что означает 38 строк оригинала или несколько больше страниц; на с. 131, 132 знаков 2436, или 57 строк, т. е. примерно две страницы текста; на с. 134 знаков

¹²⁹ *Patinski da dlejeju litovskis*, с. 11.

¹³⁰ *Хроника Быкова*, с. 12.

¹³¹ *Patinski da dlejeju litovskis*, с. 1—11.

Составлен указатель, Нарбут имелал как имени, так и фамилия, причем иногда переделывал русские имена на польские (оним Крый Лявоньевич в указателе назван «Евон»). В других случаях переделка предает именам литовское звучание (в тексте написано «Куковойте», а в указателе — «Куковойтис»). Имяется и такие переделки: в тексте — «Зубриничай», а в указателе — «Зубрич» и т. д. Нарбут считал, что в языке особенно правильно имя князя — не «Аренд», а «Рдинка», поэтому в указателе «Рдинка» пишется и на его месте показывается «Аренд».

Географические названия и тем более предметы даны в очень небольшом количестве, и выбор их предельно случаен. Громадное количество ошибок в указателе наводит на мысль, что и в тексте их тоже должно быть немало.

Палеографическое описание рукописи было дано Нарбутом дважды впервые в т. III «Древней истории»¹²⁰ и вторично в 1846 г. при публикации хроник¹²¹. В первом случае Нарбут писал, что хроника представляла собой рукопись в четвертку, 20 листов (считает почитать тетрадей. — П. Р.), польским письмом XVII в., писано на тонком покрове, ровном, сытом, очень чистом, на старой бумаге, поданой знак которой показывает местную польскую фабрику. Фалитрава, по мнению Нарбута, представляли собой изображения алмазных гербов. Во втором описании добавлено, что бумажный знак на одной половине листа изображает зарица, а на другой — буквы GG; далее отмечено, что на подобной бумаге писались алмазными документами XVI — начала XVII в. (на основании чего Нарбут и датировал рукопись тем же временем).

На обороте последнего листа рукописи написано по-польски: «Kronika Niewska z takiegoż dziejów na rokiki rozbiętnostoją» («Хроника литовская с русского переведена на польский»), хотя здесь не перевод, а лишь передача польской графикой белорусского кириллического текста. После этой записи в издании 1846 г. помещен исторический отрывок, опубликованный в 1836 г. П. А. Мухомовым, в котором говорится о женитбе польского короля и литовского великого князя Сигизмунда II Августа на Варваре Радзивилл¹²². Затем на новой странице следует родословие витебских князей («А же jest tydenkowicie kłianiej witebskich»), перед которым имеется запись Нарбута, что родословие находилось в самом конце рукописной хроники в виде приписки. На приписке и в этом месте следует, что приписка сделана не тем покровом, каковы писаны хроника¹²³.

Надпись первого хроникки Выхова и пытается определить время, когда она была написана, им, учитывая, что в альбоме К. Я. Троицкого встречается фалитрава, на которой изображены как рыбы, так и соответствующие буквы¹²⁴, сделали вывод, что хроника была переписана в 70-е годы XVI в.¹²⁵

¹²⁰ Лявон Т. Опр. ил., т. III, с. 274—275.

¹²¹ Potulski do dziejów Niewskich, с. 1—11.

¹²² Описание Архангела. М., 1836, с. 140—141.

¹²³ Potulski do dziejów Niewskich, с. 21.

¹²⁴ Троицкий К. Я. Иллюстрированное издание, выданное на печати бумаге. М., 1844, № 1384.

¹²⁵ Хроника Бяленина, с. 22.

1378, или 31 строка, или одна страничка рукописи; на с. 163 знаков 1372, что тоже должно означать одну страничку; на с. 170, 171 знаков 2868, что значит 66 строк, или две завершенные с обеих сторон странички рукописи; недосталя одной строки на с. 123 может рассматриваться как ошибка. Значит, в тексте рукописи (в середине) недостает 2868 знаков, или 220 строк, или 7,5 завершенной с одной стороны странички, а точнее, около 4 листов.

Труднее определить недосталя в начале и конце. У Стрыйковского при передаче первого варианта легенды (сказки по-мн. жестиностей Нерона)¹²⁰ текст занимает 49 строк по 47 знаков в строке, всего 2303 знака. Второй вариант предания бегства (спасения) от нашествия Атиллы¹²¹ — строк 24, знаков 1608; следовательно, начало всего 4891, или 104 строки, что составит примерно 1,5 странички. Так как на первой страничке должна была находиться заставка, то можно принять, что в начале рукописи нехватало двух листов.

Применить тот же способ подсчета относительно недостающей части описания битвы под Кляном нельзя, ибо это событие описано Стрыйковским стихами, в результате у него получается так много строк, что сравнить стихословную передачу с прозаической невозможно. Учитывая, что основная часть описания в хронике Бискупца сохранилась, можно дать как минимум на украинскую часть одну страничку. Что касается восстания Михаила Глинского, в котором official рассказывать составлял хроник Бискупа¹²², то описания его занимает у Стрыйковского несколько больше странички¹²³, что составляет 79 строк, в переводе на странички рукописи это означает несколько менее трех странички.

Таким образом, во начале недостает, во рукописи утрачена в начале четыре, в середине семь с половиной, в конце около четырех странички, всего примерно 15 странички, или 8 листов. Если считать, что у Бискупа было 166 странички, то всего в рукописи было 174 странички, или 87 завершенных с двух сторон листов. Значит, потеря составляет около 9% текста.

Естественно, что яма подсчет условный, однако одно положение бесспорно: утрата не так велика, как предполагалось раньше.

В конце своего издания Нарбут поместил указатель фс. 83—804, в доса в заголовке к нему сказано, что здесь перечислены лица (события), в действительности давая указатель именной, географической и отчасти предметный. Поскольку Нарбут верил тому, что записано в хронике, это получало отражение и в указателе; например, относительно персонажа, названного Анонимом, сказано, что это, вероятно, Палико (или более что подобный персонаж у Стрыйковского назван Паликом).— Н. У.Д. который выехал из Вильны в Литву.

¹²⁰ *Krótki opis M. Księcia polaka, Hęwła, Smółka i węgierskiej Rusi. Warszawa, 1846, т. I, с. 35* (в этом отношении сг. jest ułożono i oznaczono w sposób szlachetny od siebie).

¹²¹ Там же, с. 36 (в этом отношении szlachetny i oznaczony w sposób szlachetny).

¹²² *ПСРЛ*, т. XXXIII, с. 168.

¹²³ *Krótki opis M. Księcia polaka, Hęwła, Smółka i węgierskiej Rusi. Warszawa, 1846, т. I, с. 115—118.*

И. А. Юзе, осылясь на работу Лаврашевска, считает, что рукопись переписана в начале XVIII в. на бумаге армянского происхождения¹⁴. Предположение, что рукопись переписана литовцами в XVIII в., было более вероятно, причем такой вывод получается независимо от весьма сомнительной фальсификации. Дело в том, что в Великом княжестве Литовском караимское письмо в XVIII в. было почти забыто, и поэтому, когда приходилось переписывать белорусские тексты XV—XVI вв., это делалось польской графикай, польскими содранными буквами. Но так как подобного в XVI и XVII вв. не встречается (или встречается крайне редко), то можно считать, что хроника Битвы была переписана в XVIII в., причем не всеми определенными людьми.

Нельзя спорить в литературе о том, каковы истинные религиозные принадлежности как составителя хроники, так и переводчиков ее содержания. Сказавши о прибытии предков литовской шляхты из Рима и дальнейшие события на протяжении сотни лет не являются индивидуальной особенностью хроники Битвы, так как все это содержится в ряде белорусско-литовских летописей (вот и в некоторых польских хрониках). Исходя из этого литовское сказание следует рассматривать не как часть какой-либо летописи, а как определенный этап в развитии литовского дела в Великом княжестве Литовском.

Как отразился в хронике вопрос религиозный? Вот текст этого произведения говорит о том, что его составитель был чрезвычайно терпим, но, будучи человеком определенной нации, он не мог не трагизировать возможный исторический шаг. Авторское отношение к событиям, показанным в литовской части, очевидно, было не одно: только раз когда литвины разгромили на реке Воляне войска польских князей, Русь «исполася волкам плечом, як так вси суть победы от безбожных литов»¹⁵ (да в это восклицание, судя по всему, едва ли не заимствовано из волянской летописи).

Весь дальнейший текст говорит о «свободномыслии» автора. Так, обстоятельство, что призывание в Литву из Рима крестоносцы и их походы еще в XIII в. совершали языческие обряды, не вызывает у составителя ни какого-либо осуждения. Как совершенно обыденное дело записано, что польский князь князь Гитвал, потомок Палея, живящийся на твердой земле, «окрестился в русскую веру». Его сын Борис был русской веры и очень добрым¹⁶. С полным равнодушием отмечено, что Младок крестился по католическому обряду, а затем вернулся в язычество как его Войналек «крестил также крещением, но так как он крестился по православному обряду, то можно думать, что хронист относится к этому сдоброжелательно (святое крещение)»¹⁷.

Начиная с того времени, когда хроника (как и вообще все литовское) призывает звать был отчасти черты реальности, составитель отмечает, что кому-то из борющихся бог помогал одерживать победы, но при

¹⁴ Юзе И. А. Хроника Битвы. — В кн.: Литовские хроники. 1873 г. М., 1874, с. 221.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXXII, с. 131.

¹⁶ Там же, с. 130—131.

¹⁷ Там же, с. 132.

ним рассматривал как победителя, так и побежденного значения не имела: Бог всегда оказывался на стороне княжича литовцев и против христиан. Так, Бог помог княжичу Гедимину одержать в течение одного короткого времени победу как над католическим Орденом, так и над православным владимирским князем Владимиром¹⁴⁰. Олигер в свое время «окрысился и русскую веру», но «князю литовскому неа были и своя вера помыслива. И князь великий Олигер не чинил им силы и в веру свою не веруа, и рыцское веры в Литве аки не была, только руская знахалась»¹⁴¹. Здесь нет и намёка на то, что князь, отказавшись от христианства, поступил неправильно (не заботился о спасении своей души. — *Н. В.*), не осуждает христиан и Олигера, не настаивает на христианизации своих вассов¹⁴². Сочувствие хрониста вызывает поведение князя Константина Корватовича, которому польский король предложил свою дочь в жены, а вместе и польский престол после своей кончины, при условии, что тот перейдет на православие и католичество, на что Константин ответил отказом¹⁴³, а далее, тоже без всякого комментария, сообщается, что князь Гайслад, женившись на дочери бургундского старосты, «окрысился в латинскую веру»¹⁴⁴.

При таком положении, казалось бы, ужиться, «дружбой» или «дружбою» веро-согласителю хронист, не всегда возможно, единственно-дальше, которые выказывают, что хронист был веро-«дружбой». Например, Ягайло вошёл в «веровы», чтобы там окреститься в «римскую веру»¹⁴⁵. Для католика назвать храм не костелом, а веровым было едва ли возможно. Кстати, Ягайло согласился принять «веру из латинскую»¹⁴⁶.

При изучении равнодушие к делам веры составляли большие сложности и православным, чем и католическим. Отмечая, что хрониста снисходительна на отдельных частях, начала, концов, вот исследователи этого памятника, но один отрывок при изучении вопроса о возможном составителе представляет интерес. Это место подается рядом исследователей интерпретировать к синонимальному князю Святославу, вместе с тем там обычно цитируются библейские тексты, чего в хронике больше не встречается. В отрывке описывается событие, происходившее вскоре после коронации Ягайло, когда синонский князь Святослав в союзе с польским князем Андрием (к которому на помощь пришла лавонская немца) начал войну в северной Белоруссии, намереваясь оторвать от Великого княжества Литовского. Основан без сомнения князь Андрием и немцами, хронист обвиняется на Святослава, обвиняя его в нарушении князем о мире и в страшных жестокостях, которые тот совершал над Орденом. (Поступая «не по-человечески и не по-христиански», Святослав загнал жителей в кабы и считал их там жидом.) В других случаях поднимались срубы кабы, людей кабы князи из фраздменты и, опустив срубы на место, де-

¹⁴⁰ Там же, с. 155.

¹⁴¹ Там же, с. 159.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же, с. 159—160.

¹⁴⁵ Там же, с. 165.

¹⁴⁶ Там же, с. 161.

иных людей. На священные утесыisma доверились армян под командо-
ванием князей Сасргата и Витота. Крайне набожные персидские
Сасаниды князя, идя, повинуясь слову божью, гонимые,
а своим миру вернее и открылись им. Эти слова в хронике написаны
каллиграфией. Далее следует ряд библейских фраз, написанных калли-
графией¹⁰⁰. После вероятно, их написал другой.

Естественно, что при изучении хроник возникает вопрос, по чьей
инициативе она была создана. По мнению Южа, инициатором был
польский католический еврейский еврей Павел Гольдшмидтский¹⁰¹.
Однако то место хроник, где в католической религии сказано (на
язык латыни), стоит под сомнением участие в этом деле самим католи-
ческим церковью Литвы.

Публикуя хронику в ПСРЛ, т. XVII, С. А. Павловский в ряде
случаев прочитал и вычитал текст более правильно, чем Нарбут,
но и он при этом иногда перепутывал слова и даже предложения, а
иногда отмечал несоответствия между двумя вариантами (дубли-
катами).

Учитывая крайнюю сложность хроник Стрыйковского с хроникой
Вышова, Павловский восполнил недостающие места в хронике Вы-
шова соответствующими местами из хроник Стрыйковского, поме-
щая их прямо в текст. В других случаях утерянные слова при
допущении из хроник Стрыйковского помещены под строкой.
Помня о том, что из них касается хроник Вышова — русский
описание татар в 1560 г.

Особенно для заметки в ПСРЛ, т. XVII встречается очень редко,
при этом из большого всего в хронике Вышова. Следует отметить, что
иногда слова, правильно написанные Нарбутом, в т. XVII даны не-
правильно. Так, в хронике Нарбута написано *мидр*, а в т. XVII —
мидр; у Нарбута — *орчи*, а в т. XVII — *орчи*; у Нарбута —
орчи, а в т. XVII — *орчи*; у Нарбута — *орчи*, а в т. XVII — *орчи*.
Следовательно, слова, данные
у Нарбута в белорусском произношении, а в т. XVII правильно польские
дубликаты. Это же направление (польский характер) усиливается тем,
что прописки в строках были поставлены так, как это принято
в польском языке, а результаты чего, например, город «Царыград» на-
писан со строчной буквы, а «тайстра» (хотелось сказать) — с пропис-
ной (это, очевидно, дано основанное составитель указавший в т. XVII
ПСРЛ писать «тайстра» за выделенный текст).

Хроника Литовская и Жмойтская

Все известные в настоящее время белорусско-литовские летописи и
хроники фактически между собой по содержанию, и тем не менее каждая
из них представляет собой индивидуальное произведение, отличаю-
щееся в одном смысле. Что касается Хроник Литовской и Жмойтской,
оставшихся после других — в 30–50-е годы XVIII в., то известные

¹⁰⁰ Там же, с. 145.

¹⁰¹ Южа М. А. Указ. соч., с. 137.

¹⁰² Хроника Вышова, с. 13.

четыре ее листа, находившиеся в библиотеке СССР в Польской Народной Республике, кроме того, есть в гетто — Эрмитажный, переписанный в конце XVIII в., в конце которого сильно присутствуют элементы современного украинского языка, но который по содержанию не отличается от других.

В зависимости от места нахождения или места, где они были переписаны, списки называются Тобольский (Тобольский архив Тюменской обл., Отдел рукописных книг, № 79), Ленинградский (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шчурина в Ленинграде, Р. IV.173), Красноярский (переписан в Красноярске в 1750 г.; Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шчурина в Ленинграде, № Р. IV.127, ч. 1, 2), Краковский (Библиотека Польской Академии наук в Кракове, Отдел рукописей, № 381) и Эрмитажный (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шчурина в Ленинграде, № Р. 320, ч. 1, 2, 3).

Первоначально Н. Н. Улашкин был обнаружен в обследованном Ленинградский список, затем Красноярский, потом В. Н. Буцаевым найден Тобольский, который после окончательного изучения был помещен в основу публикации в ПСРЛ, т. XXXII. Краковский список обнаружил Я. Н. Шахов. Ленинградский и Красноярский списки до выделения вариантов. Красноярский, представляющий собой копию Тобольского, и Эрмитажный списки с сильно модернизированным языком при издании древнего источника не были.

«Крайняя Литовская и Жмуйская» является частью большой рукописи, озаглавленной «Литовка», то есть крайняя волонка с рисунками многих крайняков диалектов русского языка, а найденный с оговорками от бога в двух местах. Все известные сейчас списки «Крайняки» представляют собой рукописи в лист, Тобольский и Ленинградский списки переписаны примерно в 30—50-е годы XVIII в., Красноярский — в 1750 г., Краковский — в XVIII в.

«Весь Тобольский список» — это один лист. Тем же очень четким почерком, темно-коричневыми чернилами. Заголовок разделен и по нему случаются заглавные буквы заглавным капиталом. Каждый лист обведен рамкой; на верхнем и боковых краях рамка двойная, имеющая форму вытянутого прямоугольника. Внутри верхней рамка обычно помечена заглавными буквами разделов, на боковых дано краткое содержание происходящего на страницах текста или (гораздо реже) выражено отношение к описываемым событиям. Переплет — доска, обтянутая кожей. В нижней части корешка кожа оторвана, в других местах осталась. На последних листах заметны следы сырости, а также углубляя рода листов истончили. »

В начале рукописи несколько два чистых листа, затем следует обращение к читателю «Слова ко любезному читателю исканию» и «Оглавление речей, которые в сей книге обретаются». «Слова» и «Оглавление» имеют собственную нумерацию листов (16). После заглавием слова два чистых листа, а за ними текст собственно «Литовки». Листы рукописи с 1-го до 42-го пронумерованы буквами старославянского алфавита в правом верхнем углу листов, параллельно нумерации дана

арабскими цифрами, после л. 42 нумерованы только цифрами. Вскрещиваются листы 375 (л. 211 пропущен). Затем следуют еще два частных листа, на которых овердупе цифры написаны фантастическими чернилами, овердупе, в 20-е годы XX в.

«Летопись» состоит из ряда разделов или частей, в каждом из которых содержится история какого-либо народа или народа за определенный период времени. Первый и самый пространный раздел занимает л. 9—349. В начальной части его излагаются библейские события, прерываемые другими вставками из рассказов о Троицкой войне, об Александре-Македонском, из сочинений Иосифа Флавия и т. д. л. На л. 350—382 находится краткая заметка, относящаяся к истории Западной Европы, Турции и о начальном периоде истории славян. Листы 382—430 заметки латвийские о «христианском столетнем восте» народа русского големом месте Кавказа и заканчивается сообщением о Четвертом входе 1677 г. Листы 431—543 занимает «Кройника» (Вывод и початок в Великом князстве Литовском и Жмудтском, отъезд воеводств в полаты). На л. 543 об.—576 — «Короткие собрание кройника польской».

События, описанные в «Кройнике», начинаются с времен легендарных — бегства из Рима в Лату и кончат своей датой римлян по главе с Палемоном, а заканчивается избранием на престол Рима Понтифики Сигизмунда III.

В основном по своему «Летопись» «Кройника» представляет собой старейшее произведение, мало связанное с предыдущими и последующими текстами. В своей основной части, т. е. там, где излагается история Великого княжества Литовского, «Кройника» следует за «Хроникой» Я. Стрыйковского, являясь как бы переводом его произведения. Однако автор «Кройника» пользовался не печатным текстом Стрыйковского, а рукописным переводом, так как при отсылках на Стрыйковского упоминаемые в «Кройнике» листы не совпадают со страницами напечатанной работы Стрыйковского¹²⁸. Вместе с тем ясно, что «Хроника» Стрыйковского не была единственным источником для составления «Кройника», так как в последнем произведении имеются ряд вставок, отсутствующих у Стрыйковского, а некоторые события изложены по-иному. Рядом рассказывается об хронике в датировке событий, причем Стрыйковский, несмотря на всю уловчивость его дат, ближе к действительности, чем «Кройника».

Кроме Стрыйковского, составитель «Кройника» при изложении истории Великого княжества Литовского использовал «Европейскую Сариатию» Александра Галляна¹²⁹, народные предания и отдельные документы (такой документ использован при описании сватовства и женитьбы великого князя Александра Казимировича на княжне Елене Нахович). Кроме того, в «Кройнике» включены повесть о Куляшовской битве, «Повесть о дождях, господари великом и описании осады Пскова Стефаном Валурием».

¹²⁸ Указан Я. Я. «Литовская и польская кройника» и ее отношение к произведению Я. Стрыйковского. — В кн.: Славян в Русь. М., 1928, с. 368.

¹²⁹ Sarrasin A., *Levante Europe desirée*, Ginevra, 1878.

Повесть о Куликовской битве вставлена в «Кройник» без малейшей попытки указать ее с последующим и предыдущим текстом. Таким образом, эта повесть «Кройника» вписывает в себя ряд произведений, отсутствующих во всех остальных белорусско-литовских летописях и хрониках. К этому добавим, что в «Кройнике» содержится повесть о походе Ольгерда на Москву. Кроме «Кройника», подобные произведения есть только в хронике Витовта и Евровитовской летописи.

Ленинградский список имеет на отдельном листе заголовок: «Литовские и Жмудские хроника»; непосредственно же перед текстом есть еще заголовок: «Вывод в походы о Великом о князстве Литовском и Жмудском, откуда походятся в походы». Вся рукопись написана одной рукой очень четким почерком, почерком из того, каким писали Тобольские. Перелом картонный XIX в. При переломлении края рукописи была обрвана, причем частично срезами и надлами из полых. На обороте переломе карандашная надпись: «Из собрания книг Степана Кулоса». Всего в «Кройник» 121 пронумерованный лист (от 484 до 604 включительно), а в начале имеется еще один, как бы титульный, на котором написан заголовок. Наличие такого листа, надпись на котором сделана теми же чернилами, каким писаны все рукописи, говорит о том, что «Кройник» рассматривался как самостоятельное произведение, хотя рукопись и начинается с л. 484.

Собственно «Литовская хроника» занимает л. 484—571, а на последующих повествование историк Пальма, озаглавленное «Описание собрания крайних войсков, ведутся наустраивания одного по другому всех князей в кроме вараду того войского, починки набиршей от Леха, первого вояры и сирены полков, аж до короля Владислава Четвертого, знаменити пороков». На следующем деле «Кройника» начинается обзор событий 60-х годов XVI в. Далее следует «Повесть о Падкове, гонимому войскову»¹⁰⁷, а в конце повествование о «чужбинных делах, озаглавленные «Тут помянутые некоторые речи от крайних вояры», они являются тем, которые помещены в последнем разделе Тобольской рукописи.

По-видимому, Ленинградский список ближе к оригиналу, с которого списан в Тобольский, но так как эта близость чаще всего выражается в ошибках, а также в искажениях имен, то при публикации продолжением было отдают Тобольскому, который, возможно, ближе к какому-то более раннему списку. Кроме того, Тобольский имеет дополнительные данные по истории Великого княжества Литовского, тогда как в Ленинградском они отсутствуют, по-видимому из большей части рукописи. (Часть известий, выходящих в Тобольском списке и касающихся Великого княжества, помещены в ИРЛ, т. XXXII в виде Приложений; с. 206—214.)

Красноярский список также восторжеств, писаны четким и во-
лким; почерком первичным. Почерк Красноярского значительно крупнее почерка, каким писаны Тобольской и Ленинградский

¹⁰⁷ Повесть о Падкове перемещена на рукописи под *Opis o arbiroch. Valovici*, 1877, N 4, p. 440—441.

денная, и поэтому размер Краковской значительно больше Тобольского (Краковская состоит из двух частей того же формата, что и Тобольская). На титульном листе первой части записано, что книга переписана «в Краковскую в 1736 году». На первом листе первой части обложки первой книги «Ф. Буслика, Москва, 1838, февраля 26». В первой части имеются и другие записки: «Сей книга, переписана в Краков, переписана в Сибири в городе Краковской». На последнем листе первой части четвертом века XIX в. дарственная записка: «Александру Васильевичу Чапкову подарена Д. Беклановым». Подобные записки есть и во второй части, но там фамилии как дарителя, так и того, кому она подарена, совершенно неизвестны, хотя из чернил, какими сделана надпись. Разница между Тобольской и Краковской списками формы порядковых букв на полях записывается в том, что в Краковской вместо «у» часто стоит «ю» (например и др.).

Краковской писан сороковыми XVII в. Начиная с л. 114 на боковых полях сделаны записки, которые при переплетении частично утрачены. Эти записки начинаются в том месте, где говорится о поминании литовского великого князя Радзивила на коронность в Новогрудке, и заканчиваются на событиях, связанных с разделом земель после смерти великого князя Гедимина. Записки, которые можно прочесть, если они не утрачены, связаны с событиями, происходившими в Новогрудке, причем автор этих записей, очевидно, лично присутствовал, о самом Новогрудке идет речь: «Великом князе о том, который находится в Белоруссии и называется сейчас Новогрудок (где и происходила коронация Младшица».

При переплетении в начале рукописи имеются два первых листа, на обороте первого из них сделана записка (даты и название с тольскою): «Листок этой книги, как видно из содержания рукописи, был очень почетным и знал массу старых авторов, еврейских, греческих и римских... была также много польских историков». На следующем листе записка на русском языке четвертом веке XIX или начала XX в.: «Почетный он есть человек».

Текст Краковского списка начинается с л. 321 и заканчивается на л. 636. Перед текстом имеется оплывшее, причем оно начинается с того места, которое относится к л. 329. Значит, в свое время рукопись была разделена на части, но, судя по запискам в начале, владелец ранее имел полный текст «Летописи», во всяком случае сообщается дата создания рукописи и даются ссылки на источники, которые находились в начале рукописи. По сравнению с Тобольской и вообще всеми остальными в конце Краковского приведены «Галицкий лист», письмо великого митрополита Ивана Казанского, адресованное князю Норманно Ивановичу, росстр князей черниговских и ряд мелких записок на польском и литовском языках.

В отличие от других списков Краковской имеет более «твердое» написание: после «и», «о», «е» редко стоит «ю»; за крайне редким исключением, твердо звучат в буки «р». Особенности Краковского списка являются частые устаревшие слова «и» в середине слова (например, тогда как в других списках это слово очень редкое).

Ранне рукопись принадлежала известному польскому исторiku С. Крыжановскому и носила название *«Кривола»* (Уманский у. Киевской губ.).

«Кривола» напечатана впервые в ПСРЛ, т. XXXII, с. 15—127.

• Баргулабовская летопись

Хранится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве (Синодальное собрание, № 790) в составе рукописного сборника и занимает его концы (л. 137—174). Текст, представляющий летопись, весьма разнообразен, но в большинстве — это отрывки летописей или тексты религиозного содержания. Замечательна часть сборника писана на старобелорусском языке, остальная — на русском. Белорусский текст весь написан полкой белорусской скорописью, которую разные исследователи оценивали по-разному — от конца XVI в. до конца XVII в.⁴⁹, но несколько фальшива бумага, на которой написан сборник, датирован 1624—1629 гг., то можно считать, что он переписан в 60—70-е годы XVII в. Сама же летопись создана не позднее 30-х годов XVII в.

Летопись написана в селехв Баргулабове (включена от г. Старого Выхова, сейчас Могилевский обл., БССР). В ней содержится ряд сообщений общегосударственного характера о событиях, происходивших в Великом княжестве Литовском или вообще в Речи Посполитой, есть значительное количество известий о церковно-религиозной жизни, в частности материалы, описывающие подготовку к Брестской унии 1596 г. (фрагментально отражена точка зрения православного населения); есть ряд сообщений об обстановке в Русском государстве (всегом любопытны правдивые данные относительно Алексея Михайловича, который будто бы был ранее убителем в Шане и Могилеве). Главные же значения этой летописи заключаются в ряде известий о событиях, происходивших в Баргулабове и окрестностях, близких к нему, в частности о Могилеве, Полоцке, Витебске, Минске. Нередко в летописи упоминаются и «Шан», т. е. Украина, куда бежало население во время голада.

Большая часть летописи написана на разговорном (народном, белорусском) языке и при первом чтении вызывает впечатление от голада: концами язык приобретает высокую диалектную выразительность. Летопись начинается с сообщений о сейме 1546 г., происходившем в Бересте, и заканчивается весьма кратким описанием движения восставших отрядов, направленных из Речи Посполитой в 1606 г. в Россию. Последним известием — о походе короля Владислава IV в Смоленск в 1635 г., но оно сделано после перерыва в 27 лет и едва ли явилось в первоначальном тексте.

Летопись впервые была издана П. А. Кузиным, но с большими ошибками (выражена также не вполне буквально летописная характеристика материала, как «хронологический универсал» и «записурованная

⁴⁹ ПСРЛ, т. XXXII, с. 16.

1806 г.)¹⁰⁴, затем М. В. Довнар-Запольский — в 1826 г. в «Университетских известиях» и в 1808 г. отдельной брошюрой, — который дал после печати палеографическое описание рукописи и назвал свои соображения относительно датировки как исторического источника и ее возможной ценности. В обоих случаях Довнар-Запольский не исключил в подлиннике «романовый универсал» и «исторический»¹⁰⁵.

Белорусский этнограф, архивист и историк Е. Р. Романов, в то время редактор неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей», в 1839 г. напечатал текст летописи в листе выпусках «Ведомостей», а в 1850 г. — в сборнике «Могилевская старина», причем назвал летопись «Барышбоской»¹⁰⁶. Романов следовал тексту Довнар-Запольского (в издании 1808 г.), указывая в построчных примечаниях различия с подлинником Кулиша. Впоследствии текст летописи был издан Е. Р. Романовым еще дважды¹⁰⁷.

В 1903 г. летопись напечатал А. Н. Ушачев¹⁰⁸. В своем издании Матвей напечатал текст Довнар-Запольского 1808 г., но напечатал все предположения разных мест, т. е. поместил полностью все тексты, находившиеся на л. 137—174 оборотки, да и тому же в виде Приложения «Описание собора в Барысн», помещенное на л. 14 об.—16 об. рукописи. Таким образом, публикация Ушачева была самой полной. В предисловии Матвей напечатал историю публикации летописи, указал примечания, которых придерживались читатели. В начале текста были введены примечания по историко-ведическим данным этого памятника.

В 1953 г. летопись опубликована в ИРЛИ, т. XXXII, с. 174—192; там же дано палеографическое описание памятника и введены исторические публикации.

¹⁰⁴ Барышбоская летопись (1541—1606). — В кн.: Кулиш П. А. Материалы для истории происхождения Руси, М., 1877, т. I, с. 48—89.

¹⁰⁵ Барышбоская летопись. — Университетские известия, Киев, 1808, № 12. Приложения, с. 1—38; Довнар-Запольский М. В. Барышбоская летопись, Киев, 1808.

¹⁰⁶ Могилевская старина. Сб. статей Могилевских губернских ведомостей. Могилев, губернский, 1839, вып. I, с. 1—18; Романов Матвей Летопись, Киев, что это была летопись, по тем соображениям, что кн. «Барышбоской» по-русски значит кн. «Барышбоской». По мнению Романова, название кн. «Барышбоской» на «барышбоской» является результатом перемены кн. в подлинной публикации (Полное описание Киевской губернии за 1849 г. Киев, 1848, ч. III, с. 8). Однако, почему в таком случае не назвал летопись кн. «Барышбоской», а «Барышбоской». Такая ошибка совершенно неслучайна, поскольку в тексте летописи есть слова «Барышбоска».

¹⁰⁷ Барышбоская летопись. — В кн.: Полное описание Киевской губернии за 1849 г. Киев, 1848, ч. III; историческая летопись — с. 3—8, текст летописи — с. 9—38, указатели — с. 39—40; Барышбоская летопись. — В кн.: Переписанные для истории Могилевской епархии. Острога, 1848, кн. I; историческая летопись — с. 1—19, текст летописи — с. 1—31, примечания — с. 34—36, указатель указаний — с. 37—41. На вклейке летописи, осуществленной Довнар-Запольским, Романов указывал только сокращения в «Университетских известиях», которые введены 1808 г.

¹⁰⁸ Матвей А. М. Барышбоская летопись. — В кн.: Палеографический сборник за 1903 год. М., 1902, приложение — с. 281—294, текст летописи — с. 285—329.

В 1975 г. летопись изымалась еще раз в Могиле¹⁰⁰. Издание летописи А. Ф. Корсаковом представлялось тем же набором подлинки, как и предыдущее, т. е. раскрыл титул, надстрочные буквы вниз и строки, ряд букв старославянского алфавита заменен современными, но есть сохранена вежда. Текст летописи сохранен полностью, и к нему дан обширный комментарий, а также составлены гленики и географической указатели и словарь чужеземных слов (в основном это польские слова).

Последним является издание Н. Т. Вайтович¹⁰¹. В нем сохраним как текст, так и подлинное. Кратко сказано о предыдущих изданиях, а затем следила пространный очерк о жизни Баркулабона (оно существует в сейчас). Наряду с проанализирован и летопись современными летописи Баркулабона, автор получил возможность сравнить его с другими летописями. Вайтович дала наиболее подробное палеографическое описание рукописи, причем привела 15 рисунков флигелей и дала варианты написания веж. буква во всей рукописи.

Среди остальных изданий публикации Вайтович выделяется тем, что летопись изымалась с максимальным приближением к оригиналу — в нем сохранены надстрочные буквы и титул, алфавит, первоначально в оригинале буквами старославянского алфавита, не летописи арабскими. При издании года (кроме божьего зарожения) сохранены буквы старославянского алфавита (в скобках даны и арабские). Не вынесены из поля и границы листов, но начала листа отмечены из поля буквой «а». Вайтович полностью сохранила пунктуацию рукописи, а также употреблении строчных и прописных букв, в результате чего собственные имена и географические названия написаны обычно со строчных букв. Прописные полууставным шрифтом набраны только буквы, написанные в оригинале заглавными.

Как видно из сказанного, ни одна белорусско-литовская летопись не подливалась столько раз, сколько Баркулабонская. Причиной этого является как ее язык, так и конкретность изображенных обстоятельств в одном очень небольшом районе.

¹⁰⁰ Польский старославянский летописец. Минск, 1935, с. 116—118.

¹⁰¹ Вайтович Н. Т. Баркулабонская летопись. Минск, 1975.

Общий обзор использованных Средств защиты деталей

При создании раздела формы своего труда, которые посвящены истории Великого искусства Литовского, Страбонский использовал работы известных авторов, польских и немецких архивистов (Другош, Вальковский, Ковальский, Мельников, Волжанин, Давыдов и др.),

[illegible]

много летасшим им по личным наблюдениям Стрыйковский много лет прожил в Белоруссии и Литве), а больше всего — на основании летописей. А. Н. Радом, специально занимавшийся вопросами об использовании Стрыйковским белорусско-литовских летописей, высказал предположение, что у стреев были не только летописи того типа, которые известны сейчас, но и другие, «которые включали в свой состав более подробные известия по истории западнорусской земли, летописи, основанные, вероятно, на каких-то данных, полученных в городах Западной Руси», а также, что у Стрыйковского, как видно, было несколько списков летописи «Лаврентия» (древнейшие из них употреблял термином «летописца для летописания», а иногда «летописцы или летописца»).

1931: Mikoyan M. Tristatun des dipteres Sarmatis. Asians et Europeans. Cracovie. 1947: Stev. nov.: Mikoyan M. Tristatun o dipteres Sarmatis. 1. 1939.

Географо-политическая терминология Стрыйковского

В своей «Кронике» (в тех разделах, которые относятся к Литве, Жмуде, Русей Стрыйковский, определял место, где происходили события, или вообще говорил о стране, применяя, кроме названий «Литва», «Жмуда», «Русь», еще «Литва Завалейская», «Литва Польнейская», «Белая Русь», «Черная Русь». На этих названиях только «Жмуда» (Жамойтия) понималась им всегда как территория вполне определенная, ни с чем не смешиваемая, все остальные такой определенностью не обладали.

В особенности важным представляется, что называя Стрыйковский под Белой и Черной Русью. Этой стране (Белой и Черной Русей Стрыйковский посвятил раздел третий и четвертый своего труда. Уже пространный заголовок раздела «О Белой и Черной Руси, восточных, северных и южных народов старожитных, и их князьях: великокняжеских, киевских, полонских, белонирских, киевских, лужич, владимирских, польских, галицких, подкарпатских, подольских и т. д.» говорит, что в представлении Стрыйковского Белая и Черная Русь — земля (в современном понимании) русские и украинские, но не белорусские. Однако дальше упоминаются в литовские белорусы. Значит ли это, что под последними следует понимать население Волыни или

- ч. I, с. 242 — сообщения литовскими о князе Парасковий;
ч. I, с. 253 — собственные слова литовцами о князе Рыгостас;
ч. I, с. 286 — простые собственные слова литовцев о князьях Мазирея перебить слова литовцами;
ч. I, с. 297 — сообщения литовцами о Байболом и Мендого;
ч. I, с. 308 — рассказы литовцами о князе Риндас;
ч. I, с. 364 — слова литовцев о князе Витовт;
ч. II, с. 11 — обращение к князю Шайбур на Москву есть только у литовских литовцами;
ч. II, с. 12 — в рассказе между Русскими государством и Великим княжеством Литовским (византизм) другие литовцами;
ч. II, с. 14 — согласно данным русскими литовцами, Галицкая был подольским князем;
ч. II, с. 43 — слова литовцами о Варте, или Кайшту;
ч. II, с. 58 — согласно данным литовской и польской прованс исторически князей Олигарх;
ч. II, с. 73 — слова литовцами о князе и князь князь Ядвиг;
ч. II, с. 120 — князь литовцами, Другов и Кривора и князь Витовтом Соловьев;
ч. II, с. 122 — сообщения литовцами с польскими князьями относительно князя Писков;
ч. II, с. 202 — сообщения литовцами о князьях князь перебить литовских князь на Парасковий князь;
ч. II, с. 243 — литовцы в битве при Хайшчик;
ч. II, с. 244 — рассказ литовцами о том, что князь Витовт строит в стране, так как в действительности он строит в князь;
ч. II, с. 264 — о истории князя Казимира из князь Риндас;
ч. II, с. 266 — собственные слова литовцами о князе Стрыйковский, князь князь князь князь Казимира в литовских князь о князь князь;
ч. II, с. 285 — слова литовцами в начале войны между Русскими государством и Великим княжеством Литовским, в 1499 г.;
ч. II, с. 325 — слова князя Габора, обращение к князь князь Литовскому.

Владимирцами для юга бы частью современной Белоруссии» (т. I, с. 111). Ясно лишь, что под литовскими белорусами Стрыйковский понимал православное население, а поскольку это явилось после Люблинской унии, когда Украина уже отошла к Польше, то можно предположить, что литовские белорусы — предки современных белорусов. В другой раз Стрыйковский назвал Белой Русью более определенную территорию, часть которой составляла Белоруссия. Говоря о начале борьбы Свидригайлы с Сигизмундом, Стрыйковский отмечает, что Свидригайло, послав свои гарнизоны в Полоцк, Смоленск и Киев, захватил в срочности всю Русь, на поле же против этого места отмечено, что Свидригайло захватил всей Белой Русью (т. II, с. 186).

Стрыйковский, вводя Белую и Черную Русь в самых различных районах, не был для своего времени исключителем. Оба термина долгое время были «брошены», пока первый из них не установился на определенном месте, а второй не исчез из употребления⁷.

Вообще же, Стрыйковский Белой Русью чаще всего называл Русь Масковскую и часть южной, и опять очень неопределенно; современную Белоруссию. Так, князь Иван Данилович (Калита) у него называется князем белорусским (т. I, с. 126). Великие князья московские называются владельцами Бело-Русской монархии (т. II, с. 10). В Луцк на съезд крупнейших феодалов Восточной Европы в 1428 г. приходила в числе прочих и «князь Белой Руси» — Одревский (т. II, с. 169). В настоящее время Одрев находится в Орловской обл. В то же время, по Стрыйковскому, Белая Русь должна находиться в где-то на юге. По его утверждению, князь Владимир Святославич захватил всю Северо-Восточную Русь и «князю на юге Белую и Черную (Русь)» (т. I, с. 125).

Черной Русью назывались часть Белоруссия, которая расположена по среднему течению Немана (в настоящее время эта территория находится в основном в составе Гродненской обл. БССР).

Черная Русь, по одной версии Стрыйковского, должна была находиться к югу от Киева, а по другой — на западе; во всяком случае, Львов у него один раз назван «главой Черной Руси» (т. II, с. 20), хотя на той же странице тот же Львов называется главой всей Руси. Еще более запутывается этот вопрос, когда читаем, что «Василий, князь галицкий и владимирский... в то время был в Черной и Белой Руси ста-

⁷ О происхождении названия «Белая Русь» можно только предположить, но никак не утверждать, что этот вопрос решен, как утверждает В. Феликс Руты — Виль: Киевская старина. СПб., 1894, вып. III, с. 245—250; Калачовский Г. К вопросу о происхождении названия Белая Русь. — Мелитя, Рудня, 1907, кн. 3/4, с. 369—381; Афанасьев П. С. Происхождение названий «Русь», «Белая Русь», «Черная Русь» и «Малорусская Русь». — Киев: Академия наук БССР, Сер. гуманитарн. науки, 1956, № 3, с. 53—67. Все названные работы имеют к указанному вопросу косвенные отношения. Сами же сведения относительно территории, к которой принадлежали названия «Белая Русь», даны А. Н. Соловьевым (Соловьев А. Н. История, Россия и Белая Русь. — В кн.: Сб. Русские археографические общества в Югославии, Белград, 1940, т. 4). В описании этой работы Соловьева приводятся не в статье, помещенной в журнале «Византизм и история» (1947, № 7, с. 24—28). Однако в этой статье и Белой Руси почти не сказано. Наилучшее полное обзор литературы о Белой Руси сделал Я. Кюс (Kües Я. «Про историю Белорусии». — Польша, Минск, 1868, № 1, с. 179—182).

районах и Белогониме (т. I, с. 266). Здесь под Черной и Белой Русью понимались Галиция и Волынь.

Если же обратиться к другим источникам XVI в., то при делении Великого княжества Литовского на исторически сложившиеся области выделялись Подляныне (в основном территории Белостокского воеводства в современной Польской Народной Республике), Жемайтия, или Жмудь, Русь (область к востоку от р. Березины, вернее вся современная восточная Белоруссия и области Украины, которые входили в состав Великого княжества) и Литва (пространство между реками Неманом и Березиной). Однако чаще всего Литвой понимали всю территорию Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского или Литовского, Жемайтского и Русского (официальное название этого государства). После 1569 г. Украина и Подляныне отошли к Польше, в связи с чем понятие «Русь» (когда делалось о Великом княжестве Литовском) исключительно сократилось, а Подляныне вообще вышло из областей этого государства. Вместе с тем начиная с XIV в. в обиход все чаще стало входить выражение «Белая Русь» применительно сначала к Белорусскому Подляныню, затем и к Подляныню, пока впоследствии это название не стало употребляться в отношении всей белорусской земли (окончательно такое название закрепилось только после Великой Октябрьской социалистической революции).

Стрибковский если добавляет от себя, т. е. отступал от текста летописей, то обычно называл Великое княжество Литовое, если же придерживался терминологии источника, то постоянный (в отношении территориальном) смысл вкладывался им только в понятие «Жмудь» в полномом или отчасти, т. е. так понималась им область между Балтийским морем и рекой Неманом. Что касается Руси и в особенности Литвы, то граница их на разных этапах истории Великого княжества у Стрибковского резко изменялась.

Вопрос о границах Литвы, Жмуды и Руси у Стрибковского тесно связан с его представлениями о начальных этапах существования Литвы и Жемайтии, близких между собой, но все же не идентичных. При всей противоречивости и запутанности его выводов на этот вопрос получается, что жемайты (жмудины) были населением литовским, тогда как литваны — элемент чуждый.

Однако и в вопросе о границе между Литвой и Русью у Стрибковского не было полной определенности. Так, говоря о нападении татар в 1536 г., он указывает, что те пришли из Немана (в районе Новогрудка — М. Ж.) в Литовскую землю (т. II, с. 337). Следовательно, до Немана была земля не литовская, а русская, но терминология того времени, по современному же — белорусская. На той же странице у него сказано, что Мамонт-Гарей, стоявший под Минском, «я земле Литовской и в Полоцке, и в Витебске, и в Друцке выде причинил много вреда и много пролил крови, а на соседней стороне он сообщает, что после ухода татар распространялась весть: «в Минске и прочих литовских городах». Почти во всех этих случаях Стрибковский передает терминологию летописей.

Для выяснения вопроса, какие первоначально территории были известны литовцам, как возник литовский народ, откуда возникли наобо-

нии «Литва» и т. д., Стрыйковский обращался к литвиным и средневековым авторам, к польским и немцам хроникам, но больше всего к летописцам. Великим достоинством в его рассуждениях является то, что ни он ни касался исключительно литвинов, т. е. что подобные вопросы в отношении Жемайтии не ставались, поскольку жемайтия числилась населенным литвинами. Опять-таки, опираясь на данные летописей, Стрыйковский утверждал, что собственно литовские территории (между Неманом и Вальней) были заселены смешанным жемайтийско-литовским населением (ч. I, с. 85—86). В дальнейшем, когда население около реки, вытеснилось, что жемайтия заселяла область от Балтийского моря до реки Немана, между Неманом и Вальней расселились литвины, а восточу от литвинов и к югу от реки Вальни были Русь (ч. I, с. 235, 236, 239 и др.). То, что первоначально литвины заселяли область только между Неманом и Вальней, для Стрыйковского было абсолютно безусловным, он цитировал это много раз.

Следовательно, название «Литва» у Стрыйковского в одном случае означает небольшую территорию между Неманом и Вальней (границей этой области на севере служила Западная Двина, на востоке — город Вреставаль, в другом — территорию от Немана до Вальни плюс Жемайтию, в третьем — Литву от Немана на западе до Немана на юго-востоке, но чаще всего (когда не указывался содержание источников) Стрыйковский под Литвой понимал все Балтийское княжество Литовское.

Литвины, которыми пользовался Стрыйковский

Судя по замечанию, встречающемуся в «Кронике», Стрыйковский писал свою книгу (или, во всяком случае, приступил к ее написанию) в 1575 г. (ч. II, с. 36). В отношении с этого времени он и стал приобретать литвинов — в 1574 г. у него были только один (ч. I, с. 316), через небольшой промежуток времени после начала работы над «Кроникой» у Стрыйковского появилось уже 13 литвинов, а вскоре их число возросло до 15 (ч. I, с. 87, 88; ч. II, с. 38). О большем, чем 15, числе литвинов составитель «Кроники» нигде не говорит, и мы можем принять эту цифру как вполне реальную. Он собрал столько литвинов, чтобы согласовать 15 датчик между собой, а в некоторых источниках чтобы путем сопоставления сообщений разных авторов установить истину (ч. I, с. 57).

Литвинов Стрыйковский приобретал с большой трудностью, а времена в с немалыми расходами (ч. I, с. 316). Однако можно предположить, что некоторые литвины он получал в собственность или в пользование бесплатно. Так, едва ли ему пришлось заплатить за рукопись, которую он «целил» в соловья Волкова Берестовица (сейчас Врестская обл. БССР) у князя Заславского (ч. I, с. 88, 289).

В общем же, из сообщений «Кроники» Стрыйковского о приобретении им рукописей следует, что литвины в Белоруссии и Литве в начале второй половины XVI в. были предметом купли-продажи, что speaks о ее дороговизне и что их было немало, поскольку в относительно короткий срок он смог приобрести 14 литвинов, учитывая при этом, что хронист не располагал сколько-нибудь значительными средствами.

Спайковский, как уже отмечено, получал одну летопись от князей Заславских; другую летопись он получил от Ходковичей. Сутраславская была переписана по заказу князей Одринских, а фольклорной долей вероятности можно предположить, что Стружскя находилась у князей Стружских или у кого-то близкого к их двору. Следовательно, в тех случаях, когда удается установить, летопись в XVI в. находилась в собраниях магнатов. У кого Спайковский приобрел еще 12 или 14 летописей, которые были у него, он не сообщил. Однако известно, что летописи находились не только у магнатов, но и у простых людей, свидетельством чего является летопись Радзивилловская, единственная известная в настоящее время рукопись. Записи на листах этой летописи дают возможность определить, кто был ее владельцем и когда эти листы были сделаны². Первая из них следующая: «Две недели у Пиликова говенио Парфея Пыркая жито скар у року деовидистом. «Деовидистый» год следует назвать как 1690 (в 1690 г. рукопись уже находилась в Кюнгсберге). Дата (две недели у Пиликова говенио) не совсем точная (неизвестно — до или после заговенио), но независимо от этого запись должна указывать на приближенность события, так как жито как-то осуществлялось по крайней мере на два недела ранее. Свое существование, однако, подтверждает и то, что в записи говорится как о листе жито незнакомом, так и о событии небольшого масштаба. Следовательно, и означал это человек весьма скромной, вероятнее всего, житейской деревни, а так как трудно представить, что в конце XVI или начале XVII в. грамотным был крестьянин, то, видимо, запись сделал какой-то шляхтич или даже духовное (монашеское или secularное). Рассуждая дальше, можно предположить, что запись сделал не кто-то посторонний, а сам владелец рукописи.

Вторая запись почти такого же характера: «В року шестом третей за шесте недела перед великоцном воддут старого календара кобыла скар ошербабася». Такая запись могла сделать лишь тот, принадлежавший к малой шляхте, некому духовному или, наконец, к мещанству, но никак не к знати. То, что событие отмечено воддут старого календаря, указывает на автора не католика (у католиков уже был введен Григорианский стиль), а вероятнее всего, православного (шляхтизм в том времени только начало распространяться).

Третья запись указывает с относительной точностью, где жил владелец летописи: «В, Фуре Сарока, воимы повету Городенского ошмываю скар мовым вятком...». «Вятный» — это вятковский или вятского рода, избравший из шляхты. Шляхтич среднего достатка и тем более знатный на такую должность не попал бы. Поэтому можно считать, что и в данном случае владельцем был небогатый и тем более незнатный и что он был жителем Городенского (Гродненского) повета.

² Радзивилловская, или Кюнгсбергская летопись. 1. Филологическое исследование рукописи. II. Список и текст в миниатюрной рукописи. СПб., 1902. Описание рукописи и подведение к ней научных выводов А. А. Шахматовым (с. 1—114). На с. 1—2 «Описание» Шахматов приводит текст латинской, сделанный на л. 1 об. и 3 рукописи. Все они написаны на старобелорусском языке белорусского старошляхетского XVI — начала XVII в. Запись в конце рукописи в дарении рукописи Зосимовичем Юрием Радзивиллом сделана на латинском языке. Приведенные цитаты взяты из «Описания» А. А. Шахматова.

О том, что Кристоф Цылле женился, имеется даже две записи. Очевидно, первая оказалась неточной, потому и была сделана вторая. В первом случае написано: «Рoku 1605 месеца марта 30 дню свенчался ест пан Цылле Кристоф перед великоднем старым за три недели перед великоднем старым три...». Во втором написано: «Рoku великим Кристоф Цылле свенчался у великого пост подлуг старого календаря за три недели перед великоднем». В гутенбергской редакции записи имеется гад (в 1605 на 1606) и, возможно, слово *маша*, видимо, потому, что Цылле этого не заслуживал.

Еще одна запись гласит: «Женихом третий, бывшею властью корол польския, великая князь литовския, Сигизмунд III был королем и литовским князем с 1607 по 1632 г. Скорее всего, запись относится к концу XVI или началу XVII в.

В конце рукописи имеется запись о том, что летописец была подарена Станиславом Зеноновичем князю Янушу Радзивиллу. Зеноновичи принадлежали или не к магнатам, но к высшей прослойке белорусских феодов. Представители этой фамилии занимали в конце XVI—XVII в. крупные должности в воеводской администрации. Так, Кристоф Юрьевич был в 1668 г. брестским воеводой; Ян Юрьевич — в 1660 г. витебским канцелярием; Николай Богуславич — в 1618 г. минским старостой и канцелярием воеводы; Станислав Зенонович был около середины XVII в. польнолитовским подканцелярием, затем канцелярием новогрудским². Сказать с уверенностью, что именно этот Станислав подарил рукопись Радзивиллу, нельзя, но такое предположение весьма правдоподобно, тем более что основные владения Радзивиллов находились в Новогрудском воеводстве. Следовательно, можно предположить, что около середины XVII в. делались от мелких дворянских порцалов по владениям богатых магнатов, а многие из таких магнатов были людьми образованными, учившимися в университетах Лейдена, Париза, Болоньи, Падуа и, конечно, Кракова. Переход рукописи из их рук в руки Януша, а затем князя Богуслава, одного из самых образованных Радзивиллов, был весьма естественным.

Князь Богуслав с мая 1662 по конец 1664 г. находился в Пруссии (прусская канцелярия был его родственником), уезжал он в 1669 г., а в 1671 г. рукопись поступила в Кёнигсбергскую библиотеку. Значит, можно думать, что князь Богуслав, residing в Пруссии, забрал рукопись с собой и так подарил ее канцелярии, а тот после смерти князя передал ее в библиотеку.

В 1715 г. Петр I, будучи в Кёнигсберге, осмотрел рукопись и просил снять с нее копию, а в 1761 г., когда русские войска заняли Кёнигсберг, рукопись была забрана из Кёнигсбергской библиотеки и передана в Библиотеку Академии наук в Петербурге; сейчас она находится в Библиотеке Академии наук СССР, инв. 34.5.30.

Стрийковский довольно долго прожил в Витебске (остерия белорусов), был в Слуцке (осколок Белоруссии), Лукомли (восточная Белоруссия), Литве, но, кажется, восточнее Лукомля не бывал, и, таким

² Wład J. Szulcowski i jego bracia Włókno, Kłopotek, Litwiniak, 1586—1795. Kraków, 1953, т. 9, 129, 126, 131.

образов, крупнейшие центры восточной Белоруссии — Могилев, Мстиславль, Старый Быхов, Орша — остались ему неизвестны. Имя Стрыйковский, вероятно, приобрел летописец прежде всего в центральной и западной Белоруссии и Литве.

В связи с темой о приобретении Стрыйковским летописей и вообще в связи с интересом об источниках, которыми он пользовался, возникает вопрос в отношении Полтавской летописи. Нет сомнения, что в Полтавской летописиные велась, но ясно, что этой рукописи Стрыйковский не видел в событиях, связанных с историей Полтавской земли, изложены им по другим, мало достоверным источникам. В то время, когда Стрыйковский писал свою «Кроникку», Полтава находилась у русских и был воеводой войсковым Стефаном Батором в 1579 г., когда значительная часть работы над «Кроникой» была осуществлена.

О качестве использованных источников, о точности содержащихся в них данных, об откровенно составленной летописи в своем деле Стрыйковский высказывался порочно. Например, он считал, что о Пальмове, оправданном в суде литовцем, о котором так много историков пишет и о котором такие старые летописцы, очевидно, так себе, без ничего истории из памяти не выкопали (я. I, с. 67), т. е. что «старые летописцы», говоря о Пальмове, ничего не надумывали, а писали о том, что происходило в действительности. В другом случае, касаясь обстоятельств, при которых была заключена уния 1404 г. между Польшей и Великим княжеством Литовским, Стрыйковский отметил, что летописцы русских и литовских изображают обстановку являя, чем польские, и вернее русских и литовских источников кажутся Стрыйковскому более достоверной, так как «небожата, старые литовские писари писали правду» (я. II, с. 135). Таким образом, Стрыйковский признает, что старые летописцы русские и литовские были объективны и правдивы. Однако порой Стрыйковский отыскивает о них презрительно. Особенно раздражало его то, что в литовских были перепутаны или вовсе отсутствовали даты «Такие были писанные и безмолвные писари» (в смысле — ослепшие). — *Н. У.*) русских и литовских летописей, что свои истории писали все-таки «без бачення, что им «слава в рои приносеть» (я. I, с. 243). Выше им сказано, что летописцы «так глубоко в ныне истории впасть не могли в-дн простоты того времени» (я. I, с. 234). Достойно внимания и то место «Кроникки», где сожалеет, утверждая, что «в то время (говорится о событиях середины XV в. — *Н. У.*) писари литовские и русские простови [были], а вонто былии московиты у нас служили писарями». На этот же простяк этого места сделана запись: «В Литва раньше [перед этим] вои русские [русскими] писарями были» (я. II, с. 254).

Если же можно сомневаться в том, что в Литве, т. е. в Великом княжестве Литовском, в качестве писарей (писков) работали выходцы из России, но вернее, что они писали летопись, не может быть признано, потому что язык белорусско-литовской летописи настолько отличается от языка русских летописей XV—XVI вв., что предположение, будто даже-каждый из белорусско-литовских летописей записан на русском (русском), кажется совершенно невероятным. В то же время это предположение не кажется фантастическим, если принять, что Стрый-

ковской имел в виду не составителей, а переписчиков некоторых летописей.

При создании отдельных глав Стрыйковский пользовался разными источниками. Например, описание военных столкновений Великого княжества Литовского с немцами на ордынах, Полтавой и Малойшей (поскольку Яковин де 1528 г. была отдельным княжеством) сделаны почти целиком по польским и ордынским хроникам, войны же с татарами изложены по белорусско-литовским летописям; по летописям написана и внутренняя история Великого княжества Литовского. Ряд событий (в особенности конца XV — начала XVI в.) передан по польским хроникам Кромера, Маховского, Витовского.

В хронике Стрыйковский использовал как белорусско-литовские, так и древнерусские летописи, причем он строго различал эти два вида источников, древнерусские называя русскими хрониками (я чрезвычайно редко летописями), а белорусско-литовские — летописями и только в крайне редких случаях хрониками (я. I, с. 114, 117, 121, 123; я. II, с. 3).

Давая ссылки на летописи, Стрыйковский применяет к ним около 36 различных названий. Очень часто они называются вообще летописями, но есть «старые летописи», «старые летописи русские, литовские и жмудские», «все летописи русские, литовские и жмудские», «старые литовские летописи», «русский летописец» и т. д. Общим для всех белорусско-литовских летописей, которыми пользовался Стрыйковский, является то, что все они написаны на «русском», т. е. старобелорусском языке (я. I, с. 354; я. II, с. 11), и что все содержат версии о прибытии предков литовской знати из Италии (я. I, с. 77).

Цитирование Стрыйковскими летописных текстов

(передача «собственных слов летописцев»)

Ссылаясь на летописи, Стрыйковский в большинстве случаев пересказывал содержание источников, но иногда и цитировал их, опираваясь, что это «собственные слова летописцев». Сравнительно сокращенные слова оригиналов (по тем летописям, которые имеются в настоящее время и в которых есть подобные тексты), можно определить, насколько точно Стрыйковский передавал свои источники, а это уже в какой-то мере может служить показателем точности передачи источников и при их написании.

Особую ценность представляют эти цитаты из Берестовицкой летописи, поскольку в таком случае становится известно, из какой именно летописи цитата приведена (Берестовицкой будем называть летопись, полученную Стрыйковским у князей Заславских в описании Великая Берестовица).

Начав цитировать летописи, Стрыйковский сразу подчеркнул, что это высококачественный источник, во вступительном разделе крайне неудачном. Раздел седьмой книги второй хроники начинается так: «Свидетельства из летописей о прибытии италийцев в те страны, которые

связи между названием «Юмуды и франковичны» (в других литовских подобных текстах есть). Срайковский подчеркивал, что совпадение в прибытии литовской элиты из Рима есть во всех литовских, которые имелись у него, однако в Берестовицкой (и только в ней) приводилась и вторая версия прибытия бегства, а также иные даты, причем в путь, по которому беглым двигались из Италии в Литву, показана более «утопияны».

Согласно названию, можно заключить, что во всех известных редакциях литовских и, по-видимому, во всех тех, которые были в распоряжении Срайковского, принятой бегства считалось восточности Нерона, а беглым франкович из Рима, и лишь в Берестовицкой литовских, а также Юмуд по стране, сохранялись и в хронике Вилова и в хронике Вилова колонины две версии: по одной (так же, как во всех остальных), принятой бегства была восточности Нерона и привозило до в 526 г., т. е. в 18 в. (т. I, с. 56; т. XXXII, с. 126); а по другой, она бегала из Вонны в 404 г., списалась от восточности Аппана (т. I, с. 56; т. XXXII, с. 126).

Согласно литовским Рачинского и другим литовским, беглым, вине с собой «одного островника», поплыла в кораблях из запад и добралась до «Мелитского моря», из которого поплыла в реку Шуму, из Шумы плыли в «Море Окана», затем в Малое море, из которого поплыла в Невку. Согласно же Берестовицкой литовским и хронике Вилова, хотя конечный пункт путешествия был тот же, но он показан более детально, причем вместо фантастической реки Шумы в Берестовицкой назван вполне реальный Эуд (у Вилова Эунда неф) (т. I, с. 57).

Очевидно, Берестовицкая литовских, как и хроника Вилова, были сходны несколько позже остальными и из составителя постаралась описать путь из Италии в Литву более достоверно¹⁰.

Берестовицкой литовских Срайковский удалил спонимативный раздел, озаглавленный «Второе свидетельство из другого литовских», а далее он сообщает, как и откуда получил его. «Другой литовских, — пишет Срайковский, — который достал в Вильке Берестовице у издателя князей Заславских, так же как хроника литовских и юмудских, является простым словом, который в здесь объективный текст (хотя бы это и стоило исправить) привожу» (т. I, с. 58). Следовательно, Срайковский подчеркивает, что он далее цитирует свой источник буквально. Берестовицкой литовским у нас нет. Цитируемое же место почти дословно совпадает с текстом хронике Вилова, но так как в хронике недостает одного листа, то сравнивать текст можно лишь с того места, которое имеется.

Хроника Вилова

«... Dėiū a tom mėsai, baciasty tik vėli-
kai oia kuber jėsi, lyti dšmeryi sta-
čien vėlikū y kachėliai a mėsai, a
mėliakoryi pabėgli dš dškolonių taryb

Берестовицкая литовских и хроника Срайковского

«... Dėiū tik vėlikū taryb bėdi jėsi
dškolonių, lyti dšmeryi dškoloni
vėlikū i mėsai dš a mėsai, a
mėliakoryi pabėgli dš dškolonių taryb

¹⁰ Уточняя «Нечку», можно предположить, что конечные сведения маршрута бег-
ла связано с имен Срайковского, означая географию Европы по-разному другим
del'villom.

у tam sia poszali bodewał na ostrowie;
ta sie narwała Winięwa. A krolata imie-
nem Ardon, krotoscia mi a toz panno
bodo, odbranywala do swiat... (ф. XXXII,
с. 128).

I poszali się bodewał na ostrowie,
kiedy imiada narwała się panno Wi-
nięwa. Imię też było imieniem Ardo-
nem, krotoscia imię w Bysiuie na ten
czas przetrwała, odbranywa się a wpr-
stkiem dozwoli (ч. 1, с. 57).

Сравнив эти тексты, можно предположить, что обе рукописи имеют протограф или очень схожий, или общий, но когда с него списывалась Берестовицкая летопись, то он был в гораздо лучшем состоянии, чем когда с него списывались хроника Бисюва. Наиболее существенная разница между ними заключается в том, что Палеон (этот персонаж встречается в Палеоние по всей сохранившейся летописи) у Бисюва назван Апполонием. Далее, в Берестовицкой летописи сказано, что у Апполы было много женовых людей, тогда как у Бисюва о женовосте ничего не сказано. В Берестовицкой сообщается, что Палеон жил в Риме, чего нет у Бисюва. Однако все эти различия слишком важны, чтобы оставить под сомнение общность протографа. Собственные слова источника, писавшие на старобелорусском языке, в этих случаях даны в переводе на польский, но из чего точность перевода должна быть очевидна. Но в при таком положении ясно, что это перевод отрывка летописного текста и что Берестовицкая летопись, когда она находилась у Стрыйковского, была в более исправном состоянии, чем хроника Бисюва в ее текущем виде.

Между летописями в хронике Стрыйковского в самом начале есть еще одно различие. В летописях Речицкого, Силецкой, Ровенской, Каренинской утверждается, что в Риме в правление Августа уже сообщалось ранее (уже во время писания) (т. XXXV, с. 145, 175, 193, 214). Это можно принять как утверждение, что летопись или ее протограф составляли часть хроника, в который входили истории Рима. Очевидно, и в летописях, которыми пользовался Стрыйковский, имелись те же слова, однако в этом месте у него найдено неопределенное «что-то подобное». Исходя из этого, можно думать, что у Стрыйковского были летописи, также представлявшие часть хроника, но что он, не поняв выражения «уже во время писания», добавил от себя вместо неопределенного ему неопределенное читателю.

Следующее место, где передается собственная речь литовских летописцев (это отмечено на полях), касается наследников великого князя новогрудского Рыгальта. В соответствии с основным своим источником Стрыйковский сообщает, что после смерти Рыгальта Аминьри-тинис его наследником стал Миндауг (Миндава, «Мендалф» — в других хрониках), который позже был литовским королем (ч. 1, с. 252). Совершенно таким же образом содержится в хронике Бисюва (ф. XXXII, с. 132). Учитывая близость хроник Бисюва к Берестовицкой летописи, можно думать, что подобное сообщение велось в Берестовицкой летописи, откуда и было заимствовано Стрыйковским, который из разных хроник прибавил некоторые детали (другие имена Миндауга), почему, возможно, ссылки на Берестовицкую летопись в данном случае отсутствуют.

Однако дальше, чтобы уточнить вопрос о источнике Рыгольца, Стрыйковский приводит латв. версию. Он пишет, что «другие летописи не упоминают о том Миндовге, так как именно время правления Рыгольца, согласно своему хроному обычню в латвийских и до-стоверности, а затем следует текст «хроника» литовский: «Княжил дей Рыгольц в Новогороду много лет, а потом дей умер, а некоторые говорят, будто он после Русской битвы сделал трех сыновей (так сыро-та и пишет), да неизвестно, какое дело из этих его сыновей случилось (получилось)»¹². Это место представляется исключительно большой ин-терес, так как здесь Стрыйковский приводит цитату на языке оригина-ла, только вердея от польской графией. Стрыйковский явно стара-ся передать оригинал буквально, но в некоторых местах получалась довольно стуральная картина (кроме, конечно, что следует опесть за две типографской ошибки). Так, у него вместо «сынов» — «сыну»; здесь обычно не записано (может быть, по какие-то типографии) на «ф», которое читается как «у». В слове «нет» он ошибочно передано по-словом «о» (u). В слове «одно» вместо «де» написано «о» («один») — как это должно быть в польском языке. Над буквой «и» (i) нет диакри-тического, что это следует произносить как «и» (i). Самые крупные ошибки произошла, однако, с написанием слова «дей». Это слово часто встречается в старобелорусском языке («княжил дей он» и др.). Стрый-ковский передал его как «дери» (dier). Вот, конечно, и все ошибки, встречающиеся в отрывке. Вместе с тем у Стрыйковского написано «на Новогороду», т. е. так, как должно быть в оригинале. Передавая старобелорусский текст, Стрыйковский добавил от себя несколько слов уже по-польски (так сыро-та и пишет). Большая часть приведенного отрывка совпадает с одним местом литовской Археологического об-щества, Рачинского и Ольшанской (т. XXXV, с. 92, 149, 176), но там сказано, что после смерти Рыгольца великим князем стал Пойвалок (Войвалок), о котором, однако, ничего неизвестно. (В литовской Рачи-нской отмечено, что Рыгольц «мог бы иметь трех сыновей, т. е. выражено сомнение относительно этого факта».)

Возможным предком и дедом образования Великого княжества Литовского были 50—60-е годы XIII в., когда Миндовг, встретив своих родственников, стал единоличным правителем государства. Об этом сообщает Нальтиская летопись¹³, а также хроника Быховца, хроника Литовская и Жмоитская и Тобольский хронограф. В Нальтиской летописи немало этих событий датировано 1252 г. и следует за описа-нием объяснения из Вильны. Приводим тексты Нальтиской летописи и хроника Быховца.

Нальтиская летопись

«В то же лето князь Миндовг сыновей своих
на Тобольск и Едвиль, посланному на
помощь по своим сыновьям на войну со Славян»

Хроника Быховца

«У него были сыновья Миндовга
сыновья великого Тобольска и Ед-
вилля, посланному на войну со

¹² «Ата князе литовские лето Миндовга ами король литве, так сыновьями хан бы пановане в Ругел товге, вугде сыновья герцуга в доводило в додугане димого, Кня-зи дий Мингол на Новогороду много лет, а потом дей умер, а некоторые говорят, будто он после Русской битвы сделал трех сыновей (так сыро-та и пишет) да неизвестно, какое дело из этих его сыновей случилось (получилось)».

¹³ ПСРЛ. М., 1962. Т. II.

тыя на Русь, концы, по Свинскому. И рече: «Или что приключило, либо держити. Ира-
боу бо за порочностью. С нами дитя, тако
показана бы не была Литовская и Бель-
дская князи их приглаголю бы богатство их.
И посла на не конские кони рече и, посла
же уладити и Бельдск на князя Давиду
и Бельдскому (т. II, стр. 893).

из Wilkołom na Rusi wojowaty,
ko Swinskemu, y mowia: «Kto chto
porout, kogo by odierzi. Bratko
na brat. A y niami y litwa, y bel-
sudeckie kiozkie pokoiestwo
y nami. A imozja pruzyno, by po-
kazano ich mnozho (т. X.XIII,
с. 132).

Уяснить смысл отрывка из Нильтвевской летописи трудно. Видно, у летописца было два или больше документов, по-разному расквашенных обстоятельств, и он не смог согласовать их. В результате в нескольких случаях получалась путаница между одностепенными и многостепенными членами. Так, в самом начале сказано, что Мандога назвал князя Тентивала, но тут же добавлено, что вместе с ним был князь и другой племянник — Едвинад, т. е. что князь (князь брат) было двое. Далее сообщается, что с ними же князь был послан Вилком что князь князь. Здесь, вероятнее всего, должно было быть не все князь, а что князь (как в Забненковском списке), т. е. с князем по натуре, но и в таком случае воспроизведение в членах остается. Не означает ли выражение «иррабоу бо за порочностью», что повод литовских князей из Свинск должен был представлять собой ступенчатую лестницу на владение на Литву князем или что здесь говорится о вражде между Мандогом и племянниками? Слово «князь литов», видимо, должно означать, что в походе трех князей, кроме их личного сил, должен был участвовать отряд литовцев, очевидно находившийся в подчинении у Мандога. Заключительная фраза снова повтора без вся связи Литовская и Бельдская князи их приглаголю не вытекает (или вытекает лишь косвенно) из предыдущего текста. Смысл ее такой, что Мандога (об этом прямо не сказано) захватил всю Литву, в том числе владения и князья богатства своих племянников. Слово «приглаголю», встречающееся в этой фразе, неясно; во всяком случае, Н. И. Срезневский не смог объяснить его значение¹⁸.

В kronike Bytowa рассказ об этих событиях начинается с сообще-
ния, что Мандога послал племянников в поход на Свинск, находившийся в Новогрудке и был русская городом (видимо, говорится о Свинске и Волковыске). Очевидно, подобные князья должны были показать, что в то время Мандога находился в своем мощном густом силе владений и что он вообще располагал тогда такими силами, которые давали ему возможность «облажать князя своим». Далее так же, как в Нильтвевской летописи, но несогласованно в членах встречается только один раз (смыслов своего Тентивала и Едвинада).

Сообщение kronike Bytowa о местонахождении Мандога гово-
рит о том, что Нильтвевская летопись здесь не могла служить источником

¹⁸ Срезневский Н. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1859, т. II, с. 1478. Слово «приглаголю» взято из той же фразы Нильтвевской летописи и непосредственно переведено как «приглаголю». Такой перевод совершенно не укладывается со смыслом фразы. Наиболее вероятным кажется, что слово «приглаголю» означает «показывать».

хронике. Еще большие расхождения получаются между Нياتьвской летописью, с одной стороны, хроникой Стрыйковского, хроникой Литавской и Жмойтской и Тобольским хроникаром — с другой¹⁰. Во всех трех источниках отсутствуют такие выражения, как «чужие из притравы» и «правдою бо за порочности», но вместе с тем там сказано, что Тонтимала и Едвигад, мавлаты Полная и Ватейба, зарезали «в русскую веру», чтобы их новые подданные относились к ним благоприятно. Кроме того, в Тобольском хроникаре отчётливо выразено то, о чём в Нياتьвской летописи и хронике Быловца сказано кратко: «А при литовские войску с теми трома князяты разило много людей на Русь для сполного дуту и добычи» (ч. I, с. 258; т. XXXII, с. 258). Значит, в этих источниках сведений Нياتьвская летопись не была. На этот счёт против этого места у Стрыйковского сказано, что он перепутал летоисчисления.

Продолжением изложения является отрывок, содержащий переписку Мандюга и литовского магистра Андриш. В ней изложена просьба Мандюга убить Тонтимала и Едвигад или хотя бы изгнать их и отплат магистру сделать это. Рассказ является в Нياتьвской летописи, хронике Быловца и хронике Стрыйковского, передающей черновой текст Геростованской летописи.

Нياتьвская летопись

Мандюг Еубовича, послал паче ко Андришу, магистру рижскому, и убеде в дарех многими сиречь, убого ето, паче бы бы злата много и пробы и орудя сребренныя и латныя, и красныя, и кони многы, речеши «Или убьеша и концы Тонтимала и ето быша сиря приключени». Оцему на рижскому: «Не ковошеи избыла быти, шир не поспееши с тем и приключиши прощати, не излучиши прату. Дружбу емоу и тебе. О дже али. Литовцы оцелили сиря слов. Не ко вине паче от нас бегу приключити» (т. II, ссб. 816—817).

Хроника Быловца

Mandug, y ubolewien, y poslaw luyem ko Andrišui, majstrow ryzkoima, y uobry lobo dary mnogimi, y tym jelo wchodyt. Postal bo jemu zata mnozo y uobry, y koni mnygy, zlaty, bronz, koni mnygi, y mawty. «Kaj abyma abo litywka Tontymala, y kagore bolnyu namom. Y mawty rytaki mawty jomai. «Ne mawty litywian byt, koł na poslawt k jemu a ne prymaw litywianca, ne odabrymaw wawta. A statba lity od lity, a statba statom odabryt ocy jomai, kotorych ko lity od lity maw, y tym tobi arytalim» (т. XXXII, с. 124).

Хроника Стрыйковского

Mandug, wysławszy posła swego do Andrieja albo Herbisa, majstra kłendziaga, z wielkimi podobnymi darowiznami, kłonił y kłopotliwie drogił, uobchodząc go w tym i jaszcz mu wioząc obłocę, gębły, ławosławia, cynowia jęgo, pamięgi mu z Polocka wygnęł, albo uobg go nam kłonił takit. Ale majstr kłendziaki odprawiałt alł z nami jękoja jęko tywo mawt nie mawta, posławat jętił jępołimem, ani kławim kławim, jętił uobg mu odabrymaw w wiaty jępowawch chowosławia, a do jępłata z alławosławim jępowawchawia nie posławat, toby chowosławit ję statom tym, kłonił mi dajęgi, kłonił ocy swego, kłonił arytalim mu mawgi» (ч. I, с. 267—268).

¹⁰ Тобольским хроникаром названы рукопись, хранящаяся в Государственном архиве Литовской области в Тобольском Отделе рукописей № 76. В составе этой рукописи находится хроника Литавская и Жмойтская. Отдельные места из хроникаре в основном и хронике помещены в ПСРЛ, т. XXXII. Прич. В ней в находится указанное свидетельство.

В Нитьевской летописи писано вложено тутанно. Мандонг просит магистра убить и изгнать Тонтивала, хотя после убийства готовить нет нужды. Тут должно быть не «и деланно», а «или деланно». Далее описан такого же рода — магистр отвечает Мандонгу: «или не посланна к пале и приманна христианно». Здесь должно быть не «и приманна», а «и не приманна». Очень верно заключительное выражение: «Им же ныне пале от нас беду приманна». Поскольку в предыдущем предположении говорится об «или», то, должно быть, сказанное тоже относится к «или» и, следовательно, беда будет от нас. Очень интересно в начале рассказа. Мандонг послал письмо к магистру «тайно». Это понятно, так как о подобной просьбе открыто не следует. Но вот что дальше. Мандонг убедил магистра, «сиречь сумали его». Следовательно, магистр уже согласился, но далее следует, что Мандонг пока тайно просит совершить убийство, подкрепляет просьбу даром дорогих сосудов и высокой коней, обещая в случае согласия дать еще больше. Значит, здесь начало фразы находится в противоречии с концом. Учитывая это, можно предположить, что летописец не пользовался самим письмом, а слышал его в пересказе и поэтому передал непонятно, что и несудятельно. Более удивительным было бы, если бы секретный документ, посланный Мандонгом в Рату, оказался (хотя бы в архивной копии) у летописца.

Гораздо более осмысленно передано указанное место в хронике Билова. Мандонг послал письмом магистру тайно, прибавив многие дары, что магистру очень понравилось. Просьба Мандонга вложена так: «Если убьешь или изгонишь Тонтивала, то получишь еще больше. Так же осмыслен и ответ магистра, написавшего: «С нами мира не можем не иметь, а поскольку ты язычник, не будем иметь и счастья, если не крестишься в общую веру христианскую и не помогаешь к нам подвизаться и не помогаешь послушанию». Требуется, однако, пояснения промежуточное предложение в хронике Билова «А службу от тебя много. Если здесь не ошибка фразы «службу» написано «службу»), то это означает, что Мандонг не только прислал магистру дорогие дары, но и оказал «службу», т. е., вероятнее всего, ролу военного характера.

Посмотрев на значение тайных мест, ясно одно: Нитьевская летопись здесь не могла служить источником хроники Билова, так как хроника более исправна, чем летопись.

Еще более передано подобно сообщению в хронике Стрыйковского, т. е. в Берестянской летописи. Мандонг отправил письмо к диаконскому магистру Андрику (т. е. Андрию — П. У.), или Гиррику, с богатыми дарами. Сообщения, что это было сделано тайно, у Стрыйковского отсутствует, хотя, надо полагать, в его источнике оно было. Далее сообщается, что Мандонг просил магистра изгнать Тонтивала, племянника великого князя, но Польша или убить его. Магистр ответил, что поскольку Мандонг является язычником, то мира с ним не может быть, и, кроме того «ты не будешь иметь и счастья (ошибочно, душа твоя не может быть избавлена от посмертных мук), если не крестишься в «общую» христианскую веру и не помогаешь людям к вере с дарами и выражением послушания». Без этого магистр, хотя бы он тем

жесток, которое получил от Мандюга, вынул свои глаза, способствовать ему не будет (не может). Впрочем, магистр, возможно, в свой отчет вкладывал и такой смысл: если Мандюг крестится, то магистр может убить язычника Тонгивала законно, поправив все подерки.

Согласно этой версии Мандюг просит не воевать с князем Тонгивалом, а напасть на Поляна. Затем, у Стрыйковского подырозуется, что Мандюг не просто должен креститься, но креститься в «образе веры», т. е. по католическому образу, и в конце говорится, что без крещения и без попытки посылать в Рим магистр способствовать ему не будет. О «дружбе» или «службе» у Стрыйковского (в Берестовицкой летописи) нет ничего. Магистр в хронике Выхода называется Андрием, а в Берестовицкой — это Андриас, или Гюбрих, притом, во хронике Выхода, он римский магистр, а по Берестовицкой — литовский. Из всего сказанного следует, что в указанном месте наиболее достоверные сведения содержатся в Берестовицкой летописи.

Последний случай, когда Стрыйковский дает перевод литовского текста с отсылкой на воле, что это собственные слова русского летописца, относится к оставшимся в Польше после поражения под Хойновым. Стрыйков есть также в хронике Выхода.

Хроника Выхода

«У ро ономъ роукоуица князя Казимира
хвѣстѣмъ бѣ вѣнчанъ, у мѣстѣхъ мѣсту мѣстоу,
како бы надъ перуноуицею княземъ какою з
хотѣи роукоуица (то на ала обѣдѣхъ) у ро-
укоуицѣхъ вѣнчанъ до рѣкѣхъ Литовскихъ, та-
коуи, абы имъ роукоуицѣхъ князю Гримоу
дѣти роукоуица, т. е. дѣти.—Д. Р. 3. Из
той роукоуица. У прѣхъ роукоуицѣхъ Лит-
овскихъ у оукоуицѣхъ князю роукоуица
хвѣстѣмъ до рѣкѣхъ Литовскихъ, тауи роукоуи-
ца, роукоуица у роукоуица, абы ихъ князю роукоуи-
ца, т. е. на тау бы роукоуица ихъ роукоуи-
ца. XXXIII, с. 182.

Хроника Стрыйковского

«А ро ономъ дѣхъ Мѣсто, то надъ
Свѣтѣмъ, тауи надъ Свѣтѣмъ
хвѣстѣмъ, то го роукоуица, тауи
роукоуица роукоуица князю ка-
кою з роукоуица до рѣкѣхъ Литовскихъ,
тауи, абы имъ роукоуица роукоуица
роукоуица до тауи роукоуица. А прѣхъ
роукоуица роукоуица князю роукоуица до
роукоуица Литовскихъ, абы ихъ в Литов-
скихъ роукоуица на тауи роукоуица
ихъ (х. II, с. 284).

Исходя из того, что отсылка дана не на Берестовицкую летопись, а даже не на одного летописца, а на «русский летописец», можно заключить, что приведенный стрыйков текст оказался в ряде летописей. Писатели время такое совпадение известно только по хронике Выхода. Сравним оба текста, видя, что они несколько различаются между собой, но разница очень невелика. В сущности, она касается только одного места. Так, в хронике Выхода сказано, что король хотел своему неприятелю отплатить «с божьимъ поводомъ злою на зло». Это не великое христианское желание у Стрыйковского передать в более смягченном виде: «как бы своему неприятелю воздать. Остальное совпадает почти дословно.

Предыдущие примеры показывают, что текст Берестовицкой летописи редко совпадает с другими летописями, а поэтому в данном случае, кажется, можно заведомо выбрать Стрыйковского, указавшего вместо летописи Западных русских летописцев.

Подводя итог этим наблюдениям, можно сказать, что Стрыйковский редко цитировал тексты тех летописей, которые были у него, но

это были действительно листы с незначительными отступлениями от источника как при переводе, так и при переводе на язык оригинала.

Несравненно чаще Стрыйковский передавал летописные источники, иногда сравнивая их с данными польских хроник. Учитывая почти точную передачу текста при цитировании, можно думать, что и в переписках Стрыйковский мало отступал от оригинала.

Система ссылок Стрыйковского на летописи

Точнее всего систему ссылок можно установить, изучая ссылки Стрыйковского на одну летопись (одного летописца, по выражению автора «Кривак»). Однако прямые ссылки на одного летописца встречаются в «Криваке» не часто, а поэтому мы разберем случаи, когда ссылки делаются на одну летопись, т. е. когда говорится «летописец», «летописцы русские» и т. д.

Наиболее определенные ссылки встречаются на Берестовицкую летопись, так как известно, где находилось (находилась) летопись Великая Берестовицкая и кто был владельцем рукописи. Относительно двух других, названных хроником «достоверных летописцев», сказано, что их «каждый может найти в Гродне» (Гродно?), что они хранятся в собрании гродненского старосты Александра Ходковича и что ассамблея этих рукописей имеется у меня, т. е. у самого Стрыйковского (ч. I, с. 288). На этого туманно названного места (рукописи были у Ходковича, а одновременно и у Стрыйковского) следует, однако, что две летописи, которыми пользовался хроник, находились в Гродно. Были ли они собственностью Стрыйковского или он только пользовался ими, в данном случае несущественно. Что касается остальных 12 рукописей, то их следует принимать как «бездомные», поскольку места, где их видел хроник или откуда они в нем поступили, остаются неизвестными. Примечательно, что ссылки на одного летописца Стрыйковский дает в самом начале хроника, после чего наступит длительный перерыв, в конце он возобновляется лишь в конце XV — начале XVI в.

Рассказ о жизни Войнысла Стрыйковский передает со ссылкой на стародавнего летописного летописца (ч. I, с. 289). В этом источнике сказано, что Войнысла был раздранен врагом отца за то, что тот отступил от христианской римской веры, ушел от него в Галич к родственнику королю Даниилу и его брату Васильку, несмотря на то что братья находились во враждебных отношениях с Мандоном. В Галиче Войнысла переменил веру с католической на православную (русскую), стал монахом и три года жил у галицкого архиепископа Григория. Затем Войнысла отправился на Святую гору и в Царьград, по пути дальности пути повернул обратно, ушел в Новгород и там над Немном «между Литвой и Новгородом» основал монастырь, в котором и жил. У его отца в это время возник конфликт с князем Довмонтом, потом Мандонг был убит (ч. I, 289). Учитывая, что ряд выводов, касающихся жизни Мандонга — Войнысла, Стрыйковский делал из Берестовицкой летописи, естественно предположить, что данный рас-

сказ известными оттуда же, т. е. что «летовашь князей Ярославских и «стародавний литовский летописец» — одно и то же.

Однако у Стрыйковского рассказ о Войнашке лишь в самом начале опирается на «стародавнего летописца», а впрочем нигде на поле есть отметка, что последующие сведения заимствованы из летописцев о Войнашке Мандовичиче, т. е. что они исходились в нескольких летописях, специально посвященных Войнашке.

Показно Стрыйковского, о Войнашке сообщается лишь в Няттывской летописи и хронике Вышова, но говоря о туманных известиях в других летописях. Основные данные об этом князе почерпнуты в Няттывской летописи в записи за 1262 г. Запись начинается с сообщения об убийстве Мандовга, происшедшем в 1263 г. О Мандовге сказано, что он стал убивать родню, свою дочь отдал замуж в Холм за Шварза Давыдовича, и затем без всякого перехода сообщается, что Войнашек начал править в Новогрудке, будучи князем, причем прозвучал крайнюю восточность. Потом наступил перелом: Войнашка крестился «ту в Новогородаме, ушел в Галич, крестил там Юрия, сына князя Льва Давыдовича, а затем, уйдя в Полоцк, стал монахом. Пробыв там три года, он направился на Святую гору, но не дошел, так как в «тот мездок» (не сказано, в каком) был «чуждый мелек». Возвратившись, он отправился обрывать в Новогрудок и там над Неманом «мелек Литвы» в Новогородышском основал монастырь. Мандовг порицал Войнашку за такую жизнь, Войнашка, в свою очередь, не любил отца (т. II, стр. 856—859). В записях за 1263, 1264 гг. сообщается об убийстве Мандовга, бегстве Войнашки в Пинск, возвращении его оттуда «с полчищем», захвате власти в Новогрудке и убийства противников (т. II, стр. 860—861). В записи за 1268 г. говорится, что Войнашка, оставив Новогрудское княжество отдал Ровану «от Ровандовга и от себя» (т. II, стр. 862—868).

События 1263, 1264 гг. изложены в Няттывской летописи — на раз под 1266 г., но очень кратко. Эта запись сделана после 1264 г. В ней Войнашка показан не как сын великого князя, а как самостоятельный правитель: заключил мир с Давыдом Романовичем, выдал замуж сестру, Новогрудское княжество отдал Ровану «от Ровандовга и от себя» (т. II, стр. 830—833).

Текст хроники Вышова за 1262—1264 гг. почти целиком совпадает с Няттывской летописью, но есть в Няттывской сказано, что Мандовг был убит после «сейши» 1262 г. «милувану лету одному», но в хронике Вышова — после войны произошла первая «милша». Крестился Войнашек не «ту в Новогородаме, а просто в «Новогородаме. Из Полоцка Войнашек двинулся не на Святую гору, а на Острую. В хронике сказано, что убитый Войнашкой Острий был «сегодой», чего нет в Няттывской летописи. По летописи, Войнашек после смерти Мандовга «жовал в Литве, а по хронике — «на Новогородаме и на руския городех». В войне с поляками, согласно хронике, Войнашек берет город Ньазу, чего нет в летописи (т. II, стр. 861, 864—866; т. XXXII, с. 113). Причиной, по которой Лев убил Войнашку, по летописи, была зависть — «всему Войнашке отдал «чужде Литвышскому Шварну, а по хронике, — «всех на «смертешство, которые далих в руския землих Мандовг и Вой-

шлек. Наконец, в хронике все это завершается словами: «И тут закончился род русского князя Палеянына, чего, естественно, не могло быть в летописи (т. II, стр. 868; т. XXIII, с. 133—134). При всех этих расхождениях имя хронике совпадает с именем летописи — он такой же архимандрит. Что касается датировки за 1268 г., то ее подтверждение как в летописи, так и в хронике Быкова одинаково, но язык хронике более древнерусский (это язык XVI в.). Как обычно, год в хронике Быкова не указан.

У Стрыйковского раздел, в котором описаны те же события, датирован 1267 г. (ч. I, с. 304—306). Ссылки в разделе даны на «летописные» и на летописца летописного и русского, а также на Меловского и Крамера в тексте, на языке же язык указан язык Кадубовца, Друцкого и Бельского. Начальная часть раздела является у Стрыйковского как бы вступлением к главному моменту, т. е. убийству Войныка. В нем сказано, что Войнык, истопыльщик раздора, пошел к монахам монастыря недалеко после смерти Даниила Романовича, знавшего несколько русских языков, а потом двинулся с войском на Волынь, намереваясь овладеть ею. Лев Данилович, не имея возможности сопротивляться Войныку, предложил начать переговоры. Войнык принял это предложение, разрушил основную часть своих сил, оставив при себе только ближайшее окружение из павов, коней и бояр, и затем ушел в Угровск, где ранее был монахом. Лев послал к нему своего брата, приглашая Войныка во Владимир: посланцы гарантировали ему безопасность.

Дана, со ссылкой на летописца изложилась обстоятельства убийства Войныка, но она дана несколько иначе, чем в Никитинской летописи, а потом так, как в хронике Быкова. Так, Стрыйковский назвал Маркалыта Палеяна сыном русского, чего нет, да и не могло быть, в летописи, поскольку это германское имя XVI в. Во всех трех источниках Войнык и Лев называются кумовьями, но в Никитинской летописи они покружились далеко до убийства, в 1262 г., когда Войнык крестил сына Льва — Юрия (т. II, стр. 864; то же в хронике Быкова без указания года (XXIII, в. 134). По Стрыйковскому же, они стали кумовьями только на пиру у Маркалыта (ч. I, с. 305). Как и в хронике Быкова, причиной убийства у Стрыйковского указаны жестокости Маркалыта к Войныку в отношении русских людей. Так же как в хронике Быкова, у Стрыйковского сказано, что Войнык похоронен в монастыре Святого Владимира во Владимире (ч. I, с. 306), в Никитинской же летописи сказано, что Войнык похоронен в церкви Риксыла Великого, но без упоминания о нахождении церкви в монастыре (т. II, стр. 865). Сверх того, что есть в хронике Быкова, у Стрыйковского добавлено, что Лев пришел в монастырь со слугами, которых он приказал окружить Войныка; что убит Войнык был саблей, причем его мозг брызнул на стену и на слугу Льва. Заверит, источником хроник Стрыйковского, как и хроник Быкова, не могла быть Никитинская летопись. Вместе с тем можно предположить, что летописец и летописец летописный в русском — одно и то же и что это все та же Берестовицкая летопись.

Между прочим, утверждение Берестовицкой летописи (в передаче

Стрыйковского, что Войжила первоначально был крещен по католическому обряду, не должно казаться невероятным, ведь Милдонг был крещен именно таким образом.

В свое время В. Т. Пакуто высказал предположение, что в Новогрудке велось летописание¹⁰. Учитывая наличие летописей Войжила Милдонговича, из которого списался Стрыйковский, существенно подробней летописи кажется вполне возможными.

Наиболее ранние (после сообщения о прибытии чутальского в Литву) известия Стрыйковского, основанные на «одном летописце», касаются персонажей летописарной части. Стрыйковский считает наиболее точным сообщение «одного летописца», будто Понта была дочерью Куховицы, так как в действительности она была его матерью (ч. I, с. 245). Значит, «один летописец» сохранил версию, разошедшуюся с первой летописью Красновского, Архангелогородского общества, Рачинского, Румянцевской, Ольшанской и Гариновской (т. XXXV, с. 91, 131, 148, 176, 198, 217).

Стрыйковский считает неверным и другое сообщение «одного летописца», будто та же Понта была замужем за девятилетним князем Гирсутом-Кирсутом (тоже летописарной личностью) (ч. I, с. 246). Такое сообщение есть в летописях Красновского, Румянцевской, Рачинского, Ольшанской, Гариновской (т. XXXV, с. 130, 146, 174, 194, 216—217). Значит, и в данном случае версия «одного летописца» была Стрыйковским отвергнута. Ясно, что «один летописец» сохранил не ту версию, как ряд других летописей. Учитывая, что между Берестовицкой и остальными летописями имелось различие в самом начале, можно предположить, что «один летописец» — в данном случае та же Берестовицкая летопись.

Следующая (архангелогородская) ссылка Стрыйковского на «одного летописца» касается имени литовского магистра (дело происходит в эпоху Милдонга). Здесь Стрыйковский отмечает, что летописец назвал магистра Андреем; при вторичном упоминании — что магистр Андрей в летописи назывался Андреем, — ссылка дается уже на «русского летописца» (значит, тоже на «одного») (ч. I, с. 287). Следовательно, «литовский» и «русский» летописцы — одно и то же. Магистр, но не литовский, а русский упоминается только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 132). Учитывая наличие ряда цитат из Берестовицкой летописи, приведенных Стрыйковским в начале работы и касающихся именно той эпохи и лично Милдонга, можно предположить, что «литовский» и «русский» летописцы — та же Берестовицкая летопись или летопись о Войжилах.

Последняя ссылка Стрыйковского на «русский летописец» при изложении событий XIII в. касается сыновей Трабуса. Стрыйковский отмечает, что его источник — «литовский» не только ошибся в отношении Понта, но и неверно указал, будто у Трабуса было пять сыновей, тогда как на самом деле они были сыновьями Ромута (Романа) (ч. I, с. 356). Итальянская летопись не знает ни Трабуса, ни Ромута (Романа). В хронике Быховца отцом пяти сыновей назван Роман, племян-

¹⁰ Пакуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1958, с. 42.

ник Трабуса. Трабус же был сыном Сигизмунта (т. XXXII, с. 134). То же в летописи Красавского, Арахановичского общества, Рачанского, Румянцевской, Евревичской, Ольшанской (т. XXXV, с. 93, 132, 156, 177, 198, 218). Значит, и здесь «русский летописец» не совпадает ни с одним из известных сейчас источников.

После этой поправки Спрыжковский начинает делить ссылки на одного летописца (это делается по-прежнему: «русский летописец», «литовский летописец», но здесь говорится о тех случаях, когда ссылка дана на одного) при описании событий конца XIV в., т. е. с верным примером в сотни лет. Поскольку ни один из известных сейчас летописей и хроник не имеет такого длительного верырия в известиях, то можно предположить, что или «русский летописец» был дефектным (исключая часть листов), или Спрыжковский, говоря об одном летописце, «русском летописце» и т. д., имел в виду не ту летопись, на которую ссылался ранее, а ту, которая содержала индивидуальные сведения.

Первая ссылка на «русского летописца», сделанная после очень длительного верырия, содержит описание войны Ягайлы с Палышей, известия о битве Довиайна и Палышу братицкой деревенного крестьянина литовского войска даной в чужое, происшедших в Пальню в связи с правлением труда обанка креста (т. II, с. 68). При этом и начале дается ссылка на «русского и литовского летописца», затем вообще на «летописца», а в конце, где описываетсяступление литовского войска в Пальню и происшедшие затем чудеса, — на «русского летописца», причем поясняя, что этот летописец знает далеко. Однако, поскольку весь рассказ представляет собой одно целое, ясно, что Спрыжковский один и тот же источник обозначает и в единственном и во множественном числе. В таком случае правильно предположить, что у него было несколько летописей, потому что, имея подобный текст в одной летописи, написать, что так говорят «несколько летописцев» или «ли было возможно».

События о походе Ягайлы и всех последующих событиях имеется еще только в хронике Бышовца (т. XXXII, с. 144), но, говоря об одном и том же, обе хроники значительно расходятся в деталях. В ней, например, сообщается, что над Завихостем литовское войско переправилось через Вислу валами на конях, но у Спрыжковского неизвестным такой переправы является Радзивилл, тогда как в хронике Бышовца — просто «одни литвины». Отдавая хронике Нарбут в этом месте ссылку свиску, в которой написал, что литвины, прогнав викариату, конечно, был Радзивилл, так как с того времени о нем известно.) Подобное объяснение, однако, является совсем неудовлетворительным. Здесь Нарбут не вполне определенно сказал то, что уверенно изложил Спрыжковский. По Спрыжковскому, Ягайло был перевезен через Вислу в чалюках, о чем в хронике Бышовца не упоминается. Однако слово, которое первым бросается в глаза, принадлежит к области хроника слова, латинские смыслы по Бышовцу, но хроника тут тоже не бывает, а по Спрыжковскому, — такая в тех руках воде не бывает (т. II, с. 88; т. XXXII, с. 144). Конечно, в «летописце» Спрыжковского, и в протографе хроники Бышовца в этом месте был дефект. По

Стрыйковскому, тот же Радзивилл, перенес реку и став у города, предложил перебить крепостной ров истроить союзовыми долами, а затем перебраться через стену в город мимо «двух башен», после чего город был подожжен; в хронике Быковца сообщается, что в ров бросали обгорелые бревна, нет, а «мало» якобы были заброшены в город по приказу Ягайлы. Далее в хронике Быковца сообщается, что литовские армян советла Оштане в ряд других городов и дошли до Вильны: у Стрыйковского же Оштане не упоминается, но сказано, что Вильна находится в 9 милях от Кракова. У Стрыйковского говорится, что войско по пути обратно проходило около Лисей горы, где один литовец по имени Довойла захватил часть святого креста; в хронике Быковца в Лисей горе не сообщается ничего, и поэтому неясно, где Довойла захватил свою добычу (ч. II, с. 68; т. XXIII, с. 144). В этом месте расхождение между хрониками Быковца и Стрыйковского настолько велико, что первая для второй служить источником не могла. «Русский летописец» в данном случае — это источник, значительно отличающийся от хронике Быковца.

Следующее сообщение, основанное на «одном летописце», дано опять после очень длительного перерыва и относится к 30-м годам XV в., точнее, к обстоятельствам избрания на престол Великого княжества Литовского Казимира Ягайловича. Ссылаясь на Дауготца, Меховского, Кромера и Вилковского, Стрыйковский излагает ход дела следующим образом: когда литовские магнаты решили избрать великим князем Казимира, они отправили в Сандомир, где в то время жил корольница, двух жемудских панов — Михайла и Яна Келайских. Однако польские паны не хотели, чтобы Казимир стал великим князем, так как намеревались сделать его лишь губернатором Великого княжества. Польша проводила Казимира как губернатора за границы Литвы, но литовцы против воли польских панов короновали Казимира в Вильно великим князем. Никто из них, Стрыйковский добавляет, что слитовский летописец изображал дело неверно, и указал, в чем заключается его ошибка.

«Летописец» сообщил, что, когда Казимира Ягайловича избрали на престол, ему было 13 лет, на самом же деле 16 лет. Далее слитовский летописец (!) неправильно утверждал, будто Казимир, когда его избрали на престол, должен был тайно уйти из Сандомирского замка, хотя в действительности он ушел открыто. Казимир, по летописцу, «поднялся» на престол в Бресте, а на самом деле это было сделано в Вильно (ч. II, с. 206—207). Без сомнения, замечание Стрыйковского касается одного и того же источника, который в одном случае назван «литовским», а во втором — «слитовским» летописцем.

В хронике Быковца сказано, что Казимиру, когда его избрали великим князем, было 13 лет, что он «испугался» в граде (в Сандомире) и литовским воинам и что его «поднялся» на престол в Бресте, т. е. здесь имеется все, что Стрыйковский считал ошибочным у «литовского». В этом рассказе любопытна еще одна деталь. По Стрыйковскому, в Бресте Казимира встретили великий земский маршалок Николай Радзивилл, великий канцлер и жемудский староста Келтайло, Ян Гаштольд, князь Юрий Галицкий и Николай Немрович. По хро-

нике же Быховца, его встретили князь Юрий Гольшанский, Кезгайло, Иван Гаштольд, Николай Немирович и Остик (звания панов опускаем). Значит, у Стрыйковского Радзивилл назван первым, тогда как в хронике у Быховца он поставлен на последнее место, причем не как Радзивилл, а как Остик (это была как бы предфамилия Радзивиллов, гораздо менее известная, чем Радзивилл) (т. XXXII, с. 157).

Следующая ссылка на «русского летописца» дана опять после длительного перерыва и касается битвы под Хойницами, происходившей в 1454 г. У Стрыйковского, перечисляющего пять ошибочных данных, они изложены в разделе, озаглавленном «Ошибки литовских летописцев во времени, месте и неприятеле», причем несколько раз путается один летописец с несколькими («русские летописцы», «русский летописец», «летописец» и «летописцы»). Поскольку все время говорится об одном и том же, то вероятнее всего, что ссылки даны на один источник, только называющийся по-разному. О Хойницкой битве, согласно Стрыйковскому, писали «старосветские хроники и некоторые русские и литовские летописцы», а также Длугош, Кромер, Ваповский, Меховский, Гербурт (ч. II, с. 244). Известие об этой битве есть только в хронике Быховца, и там, действительно, все перепутано — дата, место и неприятель¹⁷. По хронике Быховца, битва произошла между поляками и чехами, тогда как в действительности она была между поляками и немцами, и не под Вроцлавом, а у Хойниц. Что касается времени, то в хронике Быховца год не указан, но последующие события датированы у него 1453 г., из чего следует, что битва, по хронике, произошла ранее этого года.

Отсюда можно сделать заключение, что Стрыйковский ссылался если не буквально на хронику Быховца, то на источник, аналогичный ему (по крайней мере в этом месте). Однако здесь Стрыйковский ссылается не на одного летописца, а на «некоторых русских и литовских летописцев» и на «литовских летописцев», из чего можно предположить, что у Стрыйковского было несколько летописей, содержащих ошибочное описание битвы под Хойницами.

Далее отмечена еще одна ошибка «русского летописца» (ч. II, с. 284), тоже относящаяся ко времени правления Казимира Ягайловича. Подобного места в хронике Быховца нет.

Следующая ссылка на «летописца», который опять ошибся, относится к концу правления Казимира. В Коломые, где молдавский господарь Стефан принес Казимиру вассальную присягу, король дал ему в помощь 3 тысячи бойцов под командованием Яна Поляка, тогда как, по свидетельству «летописца», командовал ими королевич Ян-Альбрехт (ч. II, с. 287—288).

В хронике Быховца сказано лишь, что король послал на помощь Стефану «королевичей и многих своих людей» (т. XXXII, с. 163). Здесь и далее Стрыйковский обычно приводит летописные данные как будто лишь для того, чтобы показать их ошибочность.

Ниже со ссылкой на «летописца» сообщается о приезде в Литву тверского князя Михаила Борисовича (ч. II, с. 288). На этот раз ука-

¹⁷ ПСРЛ, т. XXXII, с. 161.

зания, что данное известие летописца ошибочное, нет. Подобное сообщение имеется в хронике Быховца (т. XXXII, с. 163), но по сравнению с хроникой Стрыйковского там добавлено, что Тверское княжество «подали» московскому великому князю сами тверичи. Очевидно, все последние ссылки на «одного летописца» относятся к одному и тому же источнику.

Ряд следующих сообщений со ссылкой на «одного летописца» связан с описанием неудачной попытки польского короля Яна-Альбрехта захватить Молдавию (конец XV в.). Описывая поражение, понесенное польской армией от молдаван в буковом лесу, Стрыйковский сообщает, что «некоторые пишут, а в особенности русский летописец», что больной подагрой молдавский господарь Стефан, который, очевидно, не мог сидеть на коне, приказал возить себя на саних (дело происходило летом). В конце этого рассказа, перечисляя знатных поляков, попавших в плен, Стрыйковский отмечает, что «летописец» ошибочно называл графа Тенчинского, краковского подкомория и старосту мальборгского, великим маршалком (ч. II, с. 302). Поскольку здесь последовательно передается рассказ об одном и том же событии со ссылкой на два источника, то есть основание предполагать, что это не два источника, а один, т. е. что «русский летописец» и просто «летописец» — одно и то же. У Стрыйковского назван ряд лиц, попавших в плен, но ошибка летописца отмечена только в отношении графа Тенчинского.

О названных событиях есть сообщение лишь в хронике Быховца, где сказано, что Стефан был «болен на ноги» (подагрой?), а из лиц, попавших в плен, указан один Тенчинский (по хронике, Точинский), который назван «маршалком великим Польской короны» (т. XXXII, с. 165—166).

Продолжая рассказ о том же неудачном походе, Стрыйковский сообщает, что на следующий день после битвы на помощь польскому войску явилось «рыцарство» от великого князя Александра, которым командовали Станислав Петрович Кишка и князь Семен Осемятич. Согласно «литовскому летописцу», помощь запоздала, потому что, как только этот отряд переправился через Днестр, его встретило молдавское войско, которое, однако, было разбито. Стрыйковский отмечает, что польские хроники обо всем этом не сообщают (ч. II, с. 303).

В хронике Быховца, в том месте, где говорится об отправке на помощь королю Яну-Альбрехту «всех людей», которые были при великом князе Александре, отмечено, что отряд был послан под командованием Станислава Петровича, о Семене же Осемятиче ничего не говорится (т. XXXII, с. 166). Здесь как будто между текстами обеих хроник получилась неувязка, и хотя в хронике Быховца несколько ранее отмечено, что Александр послал на помощь королю Яну-Альбрехту «маршалка своего, наместника лидского пана Станислава Петровича, князя Семена Ивановича Можайского и князя Василия Ивановича Семячича» (т. XXXII, с. 165), неувязка остается, даже учитывая, что Станислав Петрович — этот тот самый Кишка, о котором упомянул Стрыйковский.

В рассказе о том же походе Стрыйковский делает еще две ссылки на «летописца», а затем на «летописцев». В первом случае сообщается,

что «литва», возвращаясь из-под Брцлава, в 12 милях за этим городом разгромила отряд татар. Во втором случае ссылка касается причины, по которой король Ян-Альбрехт предпринял неудачный поход в Молдавию. Стрыйковский утверждает, что польские летописцы — Меховский, Бельский, Ваповский, Кромер — считали, что неудача произошла вследствие измены Стефана, тогда как, согласно «летописцам», Ян-Альбрехт имел коварное намерение выгнать Стефана из Молдавии, чтобы посадить на молдавский престол своего брата (Сигизмунда.— *Н. У.*) (ч. II, с. 304).

В хронике Быховца в конце рассказа об этой эпопее сообщается, что великий князь Александр стоял «немало время» у Брацлава, где «город Браслав зарубил», разгромил в 12 милях от него несколько сот татар (т. XXXII, с. 166). Что же касается причины похода, то мысль о том, что король Ян-Альбрехт идет в Молдавию, чтобы захватить эту страну, в хронике Быховца выражена очень неявно: «И потягнул» (пошел.— *Н. У.*) король Ян-Альбрехт «на Стефана воеводу волоского» (т. XXXII, с. 165).

Великий князь Александр, возвратившись из Молдавии, наведаясь, согласно «летописцу», к больному трокскому воеводе и великому гетману Петру Ивановичу Белому и советовался с ним, кого бы назначить гетманом после смерти собеседника. Тот рекомендовал потомка князей Друцких Константина Ивановича, который «позже звался Константином Острожским, князем из Острога» (ч. II, с. 305). Этот эпизод есть и в хронике Быховца и почти дословно совпадает с текстом Стрыйковского. Однако по Стрыйковскому, гетман — это Петр Иванович Белый, а по хронике Быховца, — Петр Янович (фамилия его Монтигирдович.— *Н. У.*). Очевидно, и в данном случае «летописец» не был хроникой Быховца, тем более что, по Стрыйковскому, — гетман Петр Иванович, а по хронике Быховца, — Петр Янович.

При описании войны 1500 г. с Россией Стрыйковский ссылается то на «летописцев» или «цных летописцев», то на одного из них. Ссылка на одного дается при описании приемов, с помощью которых русские пытались взять Смоленск. Сын московского великого князя, руководивший осадой Смоленска, согласно Стрыйковскому, штурмовал этот город не только днем, но и ночью, разрушал замок не только из орудий, но и «турами, как свидетельствует летописец, насыпанными песком и землей, производил несказанные штурмы» (ч. II, с. 311).

Схожее место есть в хронике Быховца, притом оно изложено более вразумительно, чем у Стрыйковского: русские «за великими турами, насыпанными песком и землею, неопишемые штурмы на него чинили». В обоих случаях сын великого князя, командовавший русскими войсками, назван Дмитрием Жилко (т. XXXII, с. 168).

Осенью 1501 г., «как свидетельствуют русский летописец и Меховский», на помощь Литве пришел заволжский царь Ахмат-Гирей (Сахматкирей, по Стрыйковскому), сын Ахмата, и при нем был посол князя Александра пан Михаил Халецкий. Ахмат-Гирей разорил Северщину (принадлежавшую тогда великому князю московскому.— *Н. У.*), «добыл» Новгород Северский, прочие же северские города подчинились ему без сопротивления, а затем между Черниговом и Киевом

нанес тяжелое поражение перекопскому «царю» Менгли-Гирею. После этого Ахмат-Гирей отправил Халецкого со своими послами к Александру, сообщая о победе и о том, что он привел 100 тысяч воинов для борьбы с Россией. Однако Александра в это время избрали польским королем, и он уехал в Польшу, «выдав царя заволжского на мясные ятки» (ч. II, с. 313).

Продолжение этой истории изложено тоже по «летописцу». Великий князь литовский и король польский так долго задержался в Кракове, что Заволжская орда, расположившаяся около Киева, оказалась в настолько тяжелом состоянии, что жена Ахмат-Гирея ушла от мужа с большинством татарского «рыцарства» к Перекопу, к Менгли-Гирею. В результате Менгли-Гирей очень усилился, напал на «царя» Ахмата, разгромил его, и тот еле успел бежать в Киев, а оттуда отправился в Вильно (ч. II, с. 316).

По хронике Быховца, Новгород Северский не был «добыт» татарами, а сдался добровольно. Еще более существенное различие между двумя хрониками заключается в том, что в хронике Быховца о первой битве между татарами, когда победителем стал Ахмат-Гирей, ничего не сообщается, как нет и сообщения о бегстве жены этого хана в Перекоп. Там говорится лишь об одной битве, в которой заволжский «царь» был разбит, а его жена и дети попали в плен; далее, как у Стрыйковского, т. е. что «царь» бежал в Киев, откуда направился в Вильно (т. XXXII, с. 169). При такой разнице в текстах хроника Быховца служить источником для Стрыйковского не могла.

«По свидетельству летописца», король Александр послал в 1502 г. послов к великому князю Ивану Васильевичу (далее следует перечисление, кто был послан). Затем помещено сообщение о прибытии ответных послов из Москвы, причем Стрыйковский отметил, что это произошло не в 1502 г., «как утверждает летописец», а в 1503 г. Поскольку фраза начинается со слов «в том же году», а «тот же год» в начале абзаца был 1502-й, то здесь Стрыйковский как бы поправляет самого себя (ч. II, с. 318).

Подобное место в хронике Быховца есть, но оно немного отличается от текста Стрыйковского. У Стрыйковского один из московских послов назван «Константин Замыцкий или Семечка», тогда как в хронике Быховца прозвища «Семечка» нет. Кроме того, Стрыйковский пишет, что перемирие было заключено на шесть лет, что тоже отсутствует у Быховца (т. XXXII, с. 169). Следовательно, и здесь источником служила не хроника Быховца.

Описание событий за 1505 г. начинается с указания, что летописец неправильно датирует сейм, собранный в Бресте, 1504 г. (ч. II, с. 321). По хронике Быховца, сейм собрался в 1503 г. (т. XXXII, с. 170). В том же 1505 г. Стрыйковский отмечает еще одну ошибку летописца, написавшего, что сейм происходил в Сандомире, тогда как он был в Радоме (ч. II, с. 322). По хронике Быховца, этот сейм был в Радоме (т. XXXII, с. 171). Значит, упрек Стрыйковского относится не к хронике Быховца.

Следующий раздел хроники Стрыйковского опять начинается с указания на ошибку летописца: московский великий князь Иван

Васильевич умер не в 1503 г., как пишет летописец, а в конце ноября 1505 г. (ч. II, с. 323). В хронике Быховца смерть великого князя датирована 1503 г. (т. XXXII, с. 170). (Иван III Васильевич умер 27 октября 1505 г. — Н. У.)

Со ссылкой на летописца Стрыйковский приводит слова виленского епископа Войцеха Табора, обращенные им к королю в защиту магнатов, после чего короля разбил паралич (ч. II, с. 325). В этом месте тексты хроники Стрыйковского и хроники Быховца (т. XXXII, с. 171) настолько близки (хотя у Стрыйковского даны в переводе), что, безусловно, имеют общий источник.

Ссылаясь на Меховского и Кромера, Стрыйковский считает, что летописец ошибся, утверждая, будто нападение татар во главе с перекопским царевичем Махмет-Гиреем произошло в 1506 г., а не в 1505 г. Татары при этом нападении переправились через Днепр у Лоева (ч. II, с. 326). Здесь в хронике Быховца недостает листа, и проверить, какой указан год, нет возможности.

Согласно летописцу, говорит Стрыйковский, король Александр приехал в Литву с Люблинского сейма в день святого Григория в 1507 г. (ч. II, с. 329), на самом же деле это произошло в 1506 г. В хронике Быховца сказано, что Александр приехал в Вильно в 1507 г., но не отмечено, что это произошло в день святого Григория (т. XXXII, с. 171).

Продолжая рассказ о приезде Александра, Стрыйковский еще раз обращает внимание на то, что летописец, очевидно, ошибся, датируя событие 1507 г., так как в действительности это происходило в 1506 г., и что парализованный король собрал сейм в Лиде (ч. II, с. 331). Точно такое же сообщение есть в хронике Быховца (т. XXXII, с. 171).

Сообщая о нападении татар, переправившихся через Днепр у Лоева, Стрыйковский отмечает, что, по известиям летописца, татары пошли обратно мимо Слуцка и что у них на тронх был один «кош» (ч. II, с. 327—328). Очевидно, здесь говорится о корзинах, которые возили татары, чтобы сажать в них пленных маленьких детей. В хронике Быховца подобного сообщения нет.

Продолжая рассказ о нападении татар в 1506 г., Стрыйковский дает ссылку (сообщая о числе татар, приближавшихся к Лиде) не на одного летописца, а на «летописцев» (ч. II, с. 332). Вероятнее всего, это была одна летопись, на которую опирался Стрыйковский. Отсюда можно еще раз сделать вывод, что Стрыйковский при ссылке на несколько летописей имел в виду одну.

Ссылки на все или несколько летописей

Стрыйковский стремился осмыслить содержание летописей, понять, какой смысл вкладывал летописец в тот или иной термин, а чтобы отдельные выражения и понятия источников звучали осмысленно, иногда дополнял летописные известия и даже несколько изменял их.

Ссылки на несколько летописей или на все при изложении некоторых событий или при установлении даты должны показывать, что во всех 13 (или 15) летописях, имевшихся у Стрыйковского, об этом

говорится совершенно одинаково. Однако, судя по сохранившимся летописям, едва ли так было на самом деле.

Начиная изложение истории литовского народа, Стрыйковский постарался показать, что предки литовских князей, шляхты или рыцарства прибыли из Италии. Он ссылается на ряд римских авторов, сообщавших о Публии Либоне, а также на Дюсбурга, Длугоша, Меховского, Кромера и утверждает, что все они писали, будто Публий Либон или Палемон и группа римлян в свое время прибыли из Италии и осели в Жмуди, Ливонии и Литве и основали город Ромово, название которого происходит от «Рим» (ч. I, с. 66—67). В настоящее время летописей, в которых бы упоминалось Ромово, нет; вероятнее всего, о нем не сообщали и летописи, бывшие в распоряжении Стрыйковского. Чтобы читатели и после всего сказанного не усомнились в достоверности рассказа о прибытии поселенцев из Италии, Стрыйковский еще раз ссылается на «старых летописцев», которые, «очевидно, так себе, без ничего, историй из пальца не высосали» (ч. I, с. 67). В этом месте ссылку на «старых летописцев» можно принять как свидетельство «всех летописцев старых», поскольку в самом начале обеих редакций летописей говорится о прибытии «итальянцев» морем в Жмудь, а такое сообщение имело во всех летописях у Стрыйковского (ч. I, с. 66). Значит, «старые летописцы» — это, в общем, «все летописцы».

Разберем сначала ссылки на «старых летописцев», поскольку можно думать, что, по мнению Стрыйковского, именно они содержали самые достоверные данные. «Все летописцы старые» утверждают, что война между великим князем Наримунтом и князем утянским Довмонтом возникла из-за женщины (Довмонт, овдовев, захватил жену Наримунта, сестру своей покойной жены) (ч. I, с. 328—329). Рассказ имеется во всех сохранившихся летописях и хрониках, кроме летописи Красинского (т. XXXV, с. 93, 94, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 32, 135); поэтому можно предположить, что этот рассказ находился и во всех летописях, которые были у Стрыйковского.

В «старых русских летописях», которых у Стрыйковского было «несколько», сообщалось, что Литва захватила Полоцк в 1307 г. (однако там не было сказано, кому он принадлежал. — Н. У.) (ч. I, с. 349). Датированные события в летописях чрезвычайно редки. Как правило, даты приводятся об относительно поздних событиях — с конца XIV в., да и то далеко не всегда. Несколько лучше с этим вопросом обстоит дело лишь в хронике Литовской и Жмоитской. Из имеющихся сейчас летописей о том, что Полоцк был взят литовцами в 1307 г., сообщается только в «Кройничке», писанной по-польски, и Румянцевской летописи (т. XXXV, с. 192, 212). Что касается хроники Литовской и Жмоитской, то в ней сказано, что Полоцк был захвачен в 1306 г. Довмонтом с помощью псковичей (т. XXXII, с. 32). Возможно, Стрыйковский, имея сведения о захвате Полоцка во всех своих летописях без указания года (безмозглые писари не сообщали лет), приписал год сам. Кстати, везде сообщения о завоевании Полоцка предельно краткие.

«Старых литовских летописцев» Стрыйковский вспоминает, когда передает сообщение о британской принцессе Урсуле, которая совершала путешествие в Рим и которую на обратном пути со всеми ее спутницами

убили «венгры» (ч. I, с. 56). Однако такую версию, согласно утверждению самого же Стрыйковского, содержала лишь Берестовицкая летопись (ч. I, с. 56). Следовательно, здесь можно почти определенно сказать, что одну Берестовицкую летопись Стрыйковский выдает за ряд «старых литовских летописцев».

В другом случае Стрыйковский упрекает «старых литовских летописцев» за то, что они без достаточных оснований написали, что в правление Монтивила Гимбутовича татары напали на Русь, сожгли Киев, что киевский князь Дмитрий сбежал в Чернигов и жмудский князь Виконт отправил на Русь своего сына Эрдивила, который и завоевал Новогрудок, Брест, Гродно и Мельник (ч. I, с. 229). Такую версию содержат все летописи, в которых есть легендарная часть, расходясь иногда только в именах князей, которые завоевали Новогрудок и другие города и основали Новогрудское княжество. Значит, здесь известия Стрыйковского соответствуют тексту всех сохранившихся летописей. Иначе говоря, «старые литовские летописцы» содержат данные, имеющиеся и в летописях, известных нам.

Ряд ссылок дан на «стародавних летописцев русских и литовских» или на «всех стародавних летописцев русских и литовских». Очевидно, «все» и просто «летописцы» должно означать одно и то же.

Со ссылкой на 15 «старых русских и литовских летописцев», которые были у него, Стрыйковский полемизирует с Кроммером и Бельским, утверждавшими, что у Ольгерда была только одна жена, тверская княжна, и что все 12 его сыновей были от этой княжны. Сам Стрыйковский сообщает, что жен было две, причем первая — витебская княжна Ульяна, вторая же — Мария Тверская, а затем он перечисляет имена всех 12 сыновей (в действительности первая жена, княжна витебская, называлась Марией, а вторая, княжна тверская, — Ульяной) (ч. II, с. 58). Из сохранившихся летописей только в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца есть сообщение о том, что у Ольгерда было две жены и от них 12 сыновей, причем первая из них именовалась Анной (т. XXXII, с. 51, 141). По Евреиновской же летописи, первая жена Ольгерда называлась Анна, а вторая была тверской княжной Ульяной Юрьевной (т. XXXV, с. 223).

«Все старые русские и литовские летописцы» сообщали, что Ягайло просил Витовта, чтобы тот уступил ему за определенную сумму часть Подолля, и Витовт согласился уступить за 20 тыс. польских коп Каменец, Смотрич, Скалу, Червоны городок с городами (по Кроммеру, за 40 тыс. золотых) (ч. II, с. 105). Сообщение об этой сделке есть в Супрасльской и Слуцкой летописях, но там среди городов, переданных Ягайло за 20 тыс. коп, числятся, кроме названных у Стрыйковского, Бокута (т. XXXV, с. 66, 74), однако не сказано, за какую сумму этот город передан. В летописях Красинского, Рачинского, Евреиновской, Ольшевской и Румянцевской говорится, что Витовт передал Ягайлу за 20 тыс. коп половину Подолля с четырьмя городами (без Бокуты); то же в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 139, 160, 187, 208, 229; т. XXXII, с. 72). Ясно, что летописями типа Супрасльской или Слуцкой Стрыйковский не пользовался (отсутствует город Бокута); указание, что Ягайло уплатил польскими деньгами (копами),

можно думать, было домислом самого Стрыйковского. Странно, что такого сообщения нет в хронике Быховца, тем более что недостачи листов в этом месте хроники нет.

Относительно того, с кем был отослан из Литвы в Польшу фрагмент деревянного креста, вывезенный из Польши литовцем Довойна в 1372 г., Стрыйковский приводит свидетельства Меховского, Кромера, Бельского и Ваповского, утверждавших, что этот фрагмент отослали со шляхтичем Карабодем, тогда как, согласно «старым русским и литовским летописцам», реликвию увезла панна, которую полонил в Польше Довойна и которую отпустили домой (ч. II, с. 69). Из сохранившихся летописей vemos, что фрагмент святого креста был отослан с панной, как и вообще весь этот рассказ, содержится только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 145).

Относительно Подолия, из-за которого между поляками и литовцами шел спор, Стрыйковский становится на сторону Литвы, говоря, что он согласовал данные 12 «старых летописцев литовских и русских», в которых сказано, что прежде всего из Подолия Кориатовичи изгнали татар, а затем Каменец, Скалу, Бокуту и прочие замки присоединили к Литве (ч. II, с. 229). Поскольку ссылка дана на 12 «старых летописцев», не значит ли это, что в трех остальных подобного сообщения не было? О завоевании Подолия Кориатовичами говорится в летописях Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреиновской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74, 102, 138, 160, 186, 207, 228; т. XXXII, с. 139). Если учесть, что Супрасльской и Слуцкой или им подобных летописей у Стрыйковского не было, то можно сказать, что совпадение сообщений текстов тех летописей, которыми пользовался Стрыйковский, с теми, которые имеются сейчас, встречается несколько раз.

В первом случае ссылка приведена, когда Стрыйковский доказывает, что Палемон возглавил группу итальянцев при их переезде в Литву (ч. I, с. 66). Продолжение этого рассказа, в котором говорится, что причиной бегства были жестокости Нерона и что отъезд из Италии произошел в 57 г., опирается уже на «всех летописцев русских и литовских» (ч. I, с. 66). Значит, «все летописцы литовские» и «все летописцы русские и литовские» — одно и то же. Подобная версия имеется во всех сохранившихся летописях, содержащих легенду, но они датируют бегство 5526 г., т. е. 18 г. «от сотворения мира». Нерон был императором в 54—68 гг. Значит, в летописях, имевшихся у Стрыйковского (если он не сам внес поправки), дата более реальна, чем в сохранившихся летописях, что, конечно, не меняет мнения о легендарности этого сообщения.

Второе сообщение, основанное на «всех литовских летописцах», касается нашествия татар на Русь, причем Стрыйковский критикует летописцев за то, что они не приводят дат. Пользуясь трудами Кромера, Длугоша, Меховского и Герберштейна, Стрыйковский сообщает, что «цари» Батый и Кайдан пришли в Польшу в 1212 г. (ч. I, с. 234). В летописях Красинского, Румянцевской, Рачинского, Евреиновской, Ольшевской и хронике Быховца данное сообщение совпадает с текстом

Стрыйковского почти дословно (т. XXXV, с. 129, 146, 174, 194, 215; т. XXXII, с. 130).

Третья ссылка дана на «всех летописцев литовских», утверждающих, что Гедимин был сыном Витеня (ч. I, с. 356). Подобное утверждение есть в летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской, а также в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXV, с. 95, 151, 179, 199, 220; т. XXXII, с. 35, 136). Вместе с тем эти летописи отмечают, что Витень был маршалком, т. е. служащим у отца Лаврыша, и происходил «з рожая а с поколения Колюмнов» (т. XXV, с. 94, 151, 179, 199, 219). Прочие сохранившиеся летописи вопроса о происхождении Гедимины не касаются. Согласно же хронике Литовской и Жмойтской, рекомендовал на престол великого князя не Лаврыш, а Лаврентий, сын князя Тройдена, и там добавлено, что Витень происходил «з гербу и фамилии старожитной, князей римских Колюмнов» и что его предки приехали в Жемайтию вместе с Палеоном (т. XXXII, с. 34).

Последняя ссылка на «всех литовских летописцев» относится к сообщению об изгнании Ольгердом из Подолия Федора Кориатовича из-за непослушания этого князя и захвата наместника князя Нестана (ч. II, с. 104). Эта история излагается Стрыйковским в двух вариантах: Федора Кориатовича изгнал из Подолия, по первому варианту, Витовт, по второму — Ольгерд. Версия об изгнании Федора Кориатовича Ольгердом содержится «у всех литовских летописцев», тогда как источник предыдущей версии не указан. О захвате Подолия Ольгердом и «поймании» воеводы Федора Нестана говорит только хроника Быховца (т. XXXII, с. 139). В то же время версия, что Подолье захватил Витовт, изложена чуть ли не во всех остальных летописях — Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской (т. XXV, с. 66, 74, 139, 160, 187, 207, 229).

«Все летописцы литовские, писанные по-русски» упоминаются один раз. Со ссылками на эти летописи говорится, что «Литва их (летописи.— Н. У.) издавна применяет в качестве хроник» и что все они одинаково утверждают (описывают), что Витень был великим князем литовским и что у него был сын Гедимин (ч. I, с. 354).

В другом месте со ссылкой на «всех русских и литовских летописцев» утверждается, что не Витень правил после Гедимины (как писал Меховский), а наоборот (ч. I, с. 348).

Два раза Стрыйковский дает ссылки на всех старых летописцев русских, литовских и жмудских («которых собрал в одно место пятнадцать»). Они свидетельствуют, что Палеон с сопровождавшими его людьми прибыл в Жмудь из Италии и что название «Литва» происходит от слов «Литтус Туба» (ч. I, с. 83, 86—87). Очевидно, в обоих случаях к обычным русским и литовским прибавлены жмудские, потому что в начале сказания говорится лишь о Жмуди.

В одном случае Стрыйковский ссылается на нескольких русских летописцев (ч. I, с. 316) для объяснения допущенной ранее ошибки. Ошибка была сделана потому, что вначале у Стрыйковского имелась лишь одна летопись, содержащая ошибочные данные о Кернусе, Пояте и Куковойте. Приобретя несколько новых летописей, Стрыйковский

обнаружил свою ошибку и исправил ее, о чем и извещал читателей. Далее сообщается, что «некоторые литовские летописцы» ошибочно утверждают, будто король Ягайло, возвращаясь после взятия Смоленска в Литву в 1405 г., женился на дочери Андрея Альгимунтовича Гольшанского, хотя на самом деле Ягайло женился (в четвертый раз) на дочери киевского князя Андрея. Опровергая версию «некоторых» летописцев, Стрыйковский утверждает, что правильная версия содержится в десятке русских и литовских летописей, а подтверждают ее Кромер, Длугош, Ваповский, Меховский и Гербурт (ч. II, с. 159—160). Версия о женитьбе Ягайла во время возвращения из-под Смоленска в 1405 г. имеется только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 149). Здесь Стрыйковский, очевидно, опять говорит о десятке летописей, тогда как реально использовал одну. Во всех имеющихся летописях, кроме хроники Быховца, об этой женитьбе вообще ничего не сообщается, по хронике же Быховца — четвертая жена Ягайла была дочерью князя Семена Дмитриевича Друцкого.

Целую группу своих источников Стрыйковский называл очень неопределенно: «некоторые летописцы», «иные летописцы», «другие летописцы», «некоторые литовские и русские летописцы».

На «некоторых летописцев» Стрыйковский ссылается, утверждая, что упоминавшиеся в начале летописей представители гербов Колюмнов, Урсинов и Рож происходили от знатных римских фамилий, что они явились родоначальниками крупнейших литовских фамилий и что этим родоначальникам Эрдивил, действительно, пожаловал владения, получившие названия по именам своих владельцев (Ейшишки, Гровжишки). Однако здесь составитель хроники показывает, что он иногда старался «доработать» свои источники, чтобы они подтверждали римское происхождение литовской знати. Стрыйковский при перечислении помощников, с которыми Эрдивил захватил Новогрудок, о первом из них говорит, что Эрдивил дал (в виде вознаграждения) владение «прежде всего Кампею или Струпьюсю» (Kampejowi albo Strumpiusowi) или, «как другие летописцы пишут», Кампаниюссу (Campaniussowi) герба Колюмнов округ, который кое-где окружает река Ошмяна (ч. I, с. 236). Сохранившиеся летописи называют этого персонажа Крумпь, Кунпь, Грумпь, Кгумпь и Кумпь (т. XXXV, с. 96, 129, 146—147, 174, 181, 194, 195, 215), но ни в одной он не назван так, как у Стрыйковского.

Если в летописях, которые сохранились, для обозначения одного и того же лица употребляется пять имен, то нет ничего удивительного в том, что и в несохранившихся источниках то же лицо называется иначе. Однако дело в том, что Стрыйковский старается придать этому имени, как и другим, латинское звучание, дабы еще раз подчеркнуть римское происхождение знатных литовских фамилий. Передав несколько имевшихся у него вариантов имени помощника Эрдивила, он утверждает, что, вероятнее всего, его имя было Кампаниус (Campanius), а затем, чтобы еще более утвердить это в сознании читателей, он пишет, что от Кампаниуса родился Гастольд (или Гастальдус), о чем свидетельствуют все летописи, а фамилия Гастольдов и теперь знаменита в Пьемонте... И в настоящее время в Италии есть лица, которые назы-

ваются Гастольдами. Неправильности же в написании этой фамилии или имени получились из-за того, что некоторые летописцы, переписывая старые рукописи, повторяли имевшиеся там ошибки, что наблюдается даже при переписывании Священного писания. Далее Стрыйковский поясняет, что приехавший в «грубую Жмудь» итальянец (Кампаниус.— *Н. У.*) не отрекся от римских обычаев и назвал своего сына итальянским именем — Гастальдом (или Гастольтом), «а от этого Кампаниуса и Гастольда пошел славный в Литве и Руси род Гастольдов» (ч. I, с. 237). Допуская, что в летописях, которые имелись у Стрыйковского, первый помощник Эрдвила назывался иначе, чем в дошедших до нас, видим, однако, натяжку, желание Стрыйковского подогнать источник под «теорию» римского происхождения литовской шляхты. (В белорусско-литовских летописях этот персонаж называется Гаштольд.)

Представитель герба Урсинов (или Урсенов) в сохранившихся летописях тоже называется по-разному, но поскольку будто бы от его имени получили название Ейшишки, то более всего подходит наименование его Ейкшисом. В сохранившихся летописях он называется Екшис, Ечькшис, Ейкшыс, Кекшевис, Ликшис (т. XXXV, с. 129, 146—147, 174, 194, 215), а по Стрыйковскому, — Эвксюс (или Эйсюс). От него, как свидетельствуют «все летописцы», родился литовский пан Монивид.

Третий помощник Эрдвила, родоначальник Довойнов, тоже называется по-разному, но поскольку от этого имени происходит название селения Гровжишки, то более всего ему подходит имя Гровж. В сохранившихся летописях он называется Кгровжс, Игровжис, Кгровж (т. XXXV, с. 129, 146—147, 174, 194—195, 215); по Стрыйковскому же, — Грависюсс (или Гравзиуссус) (ч. I, с. 237).

Следующая ссылка на «некоторых летописцев» дана в связи с тем, что, согласно данным одних летописей, Викинт Монтивилевич, брат Эрдвила, умер, «некоторые» же писали, что он был убит «на русской войне» (ч. I, с. 239). Что понимал Стрыйковский под «русской войной»? Судя по «Началам», это была битва за Полоцк (с. 171).

По сохранившимся летописям, содержащим легенду, и по хроникам, Викинт Монтивилевич (в летописях Красинского и Евреиновской это Немонос) умер (т. XXXV, с. 129, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 20, 130); о том же, что он убит, сказано только в «Началах» Стрыйковского (с. 175). Таким образом, «некоторые» из летописей Стрыйковского содержали иную версию конца Викинта — Немоноса (кстати, имя Немонос — Немен у Стрыйковского встречается только в «Началах»).

«Некоторые летописцы» свидетельствовали, что Тройден Ромунтович провел всю жизнь в войнах, пролил много крови и наградил богатую добычу (ч. I, с. 314). Если судить о Тройдене на основании сохранившихся летописей (всех, а не некоторых), то это был чрезвычайно воинственный и жестокий человек, который, будучи князем ятвяжским и дойновским, как сообщает летопись Красинского, «великий валки чинил з ляхи и з русью и з мазовьшаны, и завьжды зыскивал, и над землями их сильные окрутенства чинил, што же вышен описуется в рус-

кой кроиннице, ижь горши был тым землям, нижели Антиох Сирский и Ирод Ерусалимьский, и Нерон Римский, што так был окрутныи а вачечныи» (т. XXXV, с. 132). То же и в других летописях и в хронике Быховца (т. XXXV, с. 93, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 135). Значит, у Стрыйковского были летописи, в которых подобная характеристика Тройдена отсутствовала, хотя, возможно, Стрыйковский опустил то место, где Тройден приравнивался к Ироду и Нерону.

«Старосветские хроники», некоторые русские и литовские летописи, Длугош, Кромер, Меховский, Ваповский и Гербурт описывали «несчастную» битву короля Казимира под Хойницами, а далее у Стрыйковского дается ссылка на русских летописцев. Здесь «некоторые русские летописцы» вообще писали о Хойницкой битве, тогда как «русские летописцы», сверх того, описали встречу короля Казимира со шляхтичем Рытвянским (ч. II, с. 244—245). Об этой битве и встрече с Рытвянским (Рутвянским) сообщается только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 162).

Один раз Стрыйковский дает ссылку на «иных летописцев» — сказано, что «иные летописцы» о Миндовге не вспоминают (ч. I, с. 253). Значит, к «иным летописцам» можно отнести все сохранившиеся летописи.

Судя по выражению «другие летописцы», летописей было несколько и они содержали сведения, не совпадающие с остальными («с другими», «с другой»). Со ссылкой на «других летописцев» дано сообщение о том, что, согласно второй версии, причиной бегства Палемона и его спутников из Рима были жестокости Аттилы и что они бежали в 401 г. (ч. I, с. 81). Из сохранившихся летописей эта версия изложена только в хронике Быховца, притом без начала (т. XXXII, с. 128). Во всяком случае, здесь ссылка на «других летописцев» совершенно обоснованна, поскольку содержит иную версию. Однако известие, что указанную версию содержали «другие летописцы», сомнительно, так как ранее Стрыйковский утверждал, что об этом сказано только в Берестовицкой летописи.

«Другие летописцы» сообщали, что в битве у Могильно между войсками Рынгольта и коалицией русских и татарских сил Станислав киевский, Дмитрий друцкий и Лев владимирский были убиты, тогда как, очевидно по основной версии, они бежали с поля боя и прибыли в Луцк (ч. I, с. 252). В данном случае Стрыйковский считал, что названные князья спаслись бегством. В сохранившихся летописях и хронике Быховца о судьбе разбитых князей ничего не сказано, и лишь согласно хронике Литовской и Жмоитской они бежали в Луцк (т. XXXII, с. 25).

«Другие летописцы» утверждали, что Витовт, захватив Смоленск, дал князю Юрию Святославичу на Волыни Заславль (ч. II, с. 110). Очевидно, не «другие летописи» или не содержали такого известия, или судьба Юрия Святославича была показана там иной, или, наконец, называли другой город, отданный ему.

Сообщение о походе Витовта и Скиргайла на Смоленск есть во всех сохранившихся летописях, кроме Никифоровской, но не всюду он описан одинаково, что частично зависит от недостачи листов в отдель-

ных летописях. Все летописи согласны в том, что в битве под Мстиславлем смоленский князь Святослав Иванович был убит, а его сын Юрий был тяжело ранен, а впоследствии стал смоленским князем. В дальнейшем Юрий Святославич участвовал в походе Витовта к Витебску против Свидригайла (этого нет в Евреинновской летописи). В заключение сообщается, что Витовт дал Юрию вместо Смоленска, по Супрасльской и Слуцкой летописям, Рославль, по летописям Красинского и Рачинского, — Жаславль, по Ольшевской и хронике Быховца, — Заславль; Румянцевская и Евреинновская об этом ничего не говорят (т. XXXV, с. 65, 72, 138, 159, 186; т. XXXII, с. 145—146). В хронике Литовской и Жмойтской события изложены несколько иначе: раненый Юрий Святославич был отпущен в Смоленск, где стал князем; затем приходил к Витебску на помощь Витовту; после захвата Витовтом Смоленска он ушел в Рязань, вместе с рязанским князем Олегом пытался отобрать Смоленск, был разбит, бежал в Венгрию и там «постреленный» умер (т. XXXII, с. 66, 73, 77). Значит, у «других летописцев» был опущен ряд очень важных известий.

Следующее сообщение, в котором имеются особые данные «других летописцев», касается битвы у Ведроши в 1500 г. Стрыйковский пишет, что в результате неудачной битвы в плен к русским попали князь Константин (Острожский. — *Н. У.*), Григорий Станиславич Остик, маршалок Литавор Хрептович, Николай Юрьевич Глебович и Николай Зеновьевич. У «других летописцев» назывались Иван Яцынич, Юрий Волович, Федор Немира и Богдан Маскевич (ч. II, с. 310). Ввиду того что летописец не мог пропустить командующего войском князя Константина Острожского, а также Остика, Глебовича и других виднейших деятелей Великого княжества, попавших тогда в плен, фамилии, которые приведены из «других летописцев», следует понимать как дополнительные, которые были там помимо указанных в основных источниках Стрыйковского. Битва у Ведроши описана подробно только в хронике Быховца, а в остальных летописях, да и то не во всех, — очень кратко. В Румянцевской летописи и «Кройничке» сказано лишь, что у Ведроши «поймано панов». В летописях Рачинского и Евреинновской названы поименно Григорий Остикович и Константин Иванович Острожский (т. XXXV, с. 166, 234). В хронике Быховца из лиц, попавших в плен, упомянуты Константин Иванович Острожский, Григорий Станиславович Остикович, Литавор Хрептович, Николай Юрьевич Глебович и Николай Зеновьевич (т. XXXII, с. 167). В хронике Литовской и Жмойтской перечислены Константин Острожский, Стефан Григорьевич Оскин, Литавор Хрептович, Николай Юрьевич, Николай Глебович, Николай Зеновьевич, Иван Якимович, Федор Немира и Богдан Маскович (т. XXXII, с. 100); здесь некоторые фамилии явно искажены («Оскин» вместо «Остик» и др.), но несомненно, что это еще один вариант, несхожий ни с хроникой Быховца, ни с «другими летописцами».

Ссылки на «русских летописцев» начинаются относительно поздно — при описании событий начала XIV в., говоря точнее, со дня смерти Витеня (Витенеса). Здесь Стрыйковский отмечает, что польские историки не сходились с русскими летописцами, прусскими и ли-

вонскими хронистами в том, кем был Гедимин, причем приводит странную выписку из сочинений Ваповского и Кромера, в которой сказано, что Витень был убит своим конюхом Гедимином, ставшим после этого великим князем (ч. I, с. 353). Поскольку, продолжая ту же тему, Стрыйковский ссылается на всех «литовских летописцев, писанных по-русски», то это значит, что у него «русские летописцы» и «литовские летописцы, писанные по-русски» — одно и то же. В сохранившихся летописях Витень называется отцом Гедимина; в хронике Быховца добавлено, что Витень умер «од ударена Перуну» (т. XXXII, с. 136); в хронике Литовской и Жмойтской сказано, что Витень «пановал аж до сивизны» и умер в 1321 г. (т. XXXII, с. 35).

Следующая ссылка на «русских летописцев» касается начала деятельности Гедимина, который находился после смерти отца в его столице Кернове. Когда немцы пошли к Куносову, т. е. к Ковно, Гедимин, не успев собрать значительные силы, послал Гаштольда с небольшим отрядом, который засел в Ковно. Крупные немецкие силы осадили этот замок и после нескольких штурмов завладели им, а Гаштольда взяли в плен. Далее Стрыйковский отмечает, что так написано только в русских летописях, тогда как ни Дюсбург, ни Меховский о нападении немцев в то время ничего не сообщают (ч. I, с. 357—358). Начало деятельности Гедимина в сохранившихся летописях изложено так же, как у Стрыйковского. Однако в хронике Литовской и Жмойтской сообщению о нападении немцев предшествует заметка, в которой сказано, что Гедимин, как только стал княжить, «забил Пелюша сына Тронятового, бо почал ся был писати великим князем литовским Пелюш для того, же был дедичом», притом сообщено, что командовал немецкими силами «Каролушь Детрил пруский з Генриком, маршалком великого мистра Листанского» (т. XXXII, с. 35). В хронике Быховца и летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской о немецких предводителях не сообщается ничего, лишь кратко описано то, что есть и у Стрыйковского: отряд, посланный под командованием Гаштольда в Куносов, был осажден немцами, замок взят и Гаштольд попал в плен (т. XXXII, с. 136; т. XXXV, с. 95, 152, 179, 199, 200).

Со второй половины XIV в. ссылки на «русских летописцев» становятся более частыми, причем обычно сведения летописцев проверяются по материалам польских хроник. Так, согласно Меховскому и Кромеру, польский король Казимир выгнал Любарта Гедиминовича из Луцка, Владимира и Олеска и отдал эти города Александру, сыну Кориата-Михаила, князя новогрудского (ч. II, с. 41). В хронике Быховца сказано, что среди четырех сыновей Кориата был и Александр и что он вместе с другими братьями завоевал Подолие (т. XXXII, с. 139). Та же версия, как в хронике Быховца, изложена в летописях Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской и Ольшевской (т. XXXV, с. 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228).

Следующая ссылка на «русских летописцев» дана, когда Стрыйковский сообщает о женитьбе Кейстута на Бируте (ч. II, с. 43—44). Стрыйковский пишет, что он и сам был в Паланге, где до замужества жила

Бирута. Сообщение о том, что Бирута происходила из Паланги, есть в летописях Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской и Ольшевской, а также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXII, с. 62, 63, 138; т. XXXV, с. 97, 154, 181, 201, 222).

Описывая первое нападение Витовта на Вильно совместно с немцами, Стрыйковский опровергает утверждение «русских летописей», что Витовту тогда удалось взять Нижний замок (ч. II, с. 85), так как в действительности это произошло лишь при третьем походе Витовта, как утверждают Длугош, Меховский и Кромер. Согласно хронике Быховца, Витовт брал Нижний замок два раза, но в первом случае он, «взяв Кривой город» и пововав Литовскую землю, возвратился «в Немцы», во втором случае он взял Кривой город (Нижний замок) и сжег его, а затем «сел сам на Вильни и на Великом князвн Литовском» (т. XXXII, с. 146—147). По Супрасльской, Слуцкой, Виленской, Академической, Красинского, Рачинского, Археологического общества, Румянцевской, Евреинновской и Ольшевской летописям, Витовт, взяв Кривой город и разорив его, ушел «в Немцы», в дальнейшем он уже действует как великий князь литовский, т. е. вторично не сказано о походе под Вильно (т. XXXV, с. 65, 71, 89, 100, 114, 137, 158, 185, 206, 227).

В 1411 г. был подписан мир с Орденом, затем король Ягайло, согласно Кромеру, вопреки воле коронных (польских) панов дал Витовту Подолне, но «русские летописцы поют о том иначе» (ч. II, с. 145). Русские летописцы сообщали, что в 1462 г. литовские паны на Петровском сейме требовали возвращения Подолня. Стрыйковский отмечает, что об этом у Кромера ничего нет (ч. II, с. 265). В хронике Литовской и Жмойтской сказано, что паны литовские ввиду невозвращения Литве Подолня хотели избрать отдельного князя — Семена Омельковича Слуцкого и это произошло в 1475 г. (т. XXXII, с. 89).

Приезд молдавского господаря Стефана к королю Казимиру Меховский, Кромер и Ваповский датируют 1485 г., тогда как русские летописцы — 6994, г., т. е. 1486 г. (ч. II, с. 287), в хронике Быховца — 1486 г., а в хронике Литовской и Жмойтской — 1489 г. (т. XXXII, с. 163, 93). По данным Стрыйковского, «русские летописцы» и Меховский одинаково утверждают, что «заволжский царь Шахмат-Гирей» прибыл со всей ордой на помощь великому князю литовскому для борьбы против московского великого князя в 1501 г. (ч. II, с. 313). Об этом сообщается только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 168).

Ссылок на «литовских летописцев» у Стрыйковского больше, чем на «русских». Основная масса таких ссылок приходится на начало легенды.

Приводя легендарные сведения из всемирной истории о том, как покинутых детей выкармливали животные (что составитель хроники принимает как реальность), Стрыйковский отмечает, что, учитывая все это, нет ничего удивительного в рассказе литовских летописей о Лиздейко, которого нашли в орлином гнезде (ч. I, с. 370—371). Легенда же о Лиздейко имеется в летописях Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской, Ольшевской, а

также в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV с. 96, 153, 180, 201, 222; т. XXXII, с. 39—40, 138).

Следующая ссылка касается Гедимины. Стрыйковский сообщает, что жизнь, смерть и похороны Гедимины подробно описаны как в хрониках польских, прусских, ливонских и русских, так и в литовских летописях (ч. I, с. 386). Однако в сохранившихся летописях рассказывается только о его жизни и деятельности и сообщается, что он завещал своим сыновьям; в летописях же Археологического общества, Рачинского, Румянцевский, Ольшевской и Евреиновской добавляется, что умер он в глубокой старости (т. XXXV, с. 97, 153, 181, 201, 222), и лишь в хронике Литовской и Жмойтской дано описание смерти и похорон (т. XXXII, с. 41—42), вероятнее всего основанное на работе Стрыйковского (ч. I, с. 385—386). Значит, можно полагать, что та летопись или летопись того типа, которой пользовался Стрыйковский, нам неизвестна.

«Литовские летописцы» сообщают, что Александр Кориатович был убит татарами вскоре после смерти своих братьев Константина и Юрия (ч. II, с. 10). Об этом говорится в летописях Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Румянцевской и Ольшевской, причем в Евреиновской после упоминания о смерти двух братьев сказано: «а как тех трех братьев не стало» (т. XXXV, с. 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228).

Говоря об условиях, на которых Витовт вернулся из Ордена в Литву, Стрыйковский отмечает, что Витовт получил Городно, Брест, Дорогичин, Мельник, Бельск, Сураж, Мстислав, Каменец и Волковыск с их поветами, тогда как литовские летописи утверждают, что Витовту были даны Луцк с Волинью и все Подоліе (ч. II, с. 67). В летописях Супрасльской, Слуцкой, Археологического общества, Академической, Красинского, Ольшевской, Рачинского, Румянцевской, Евреиновской и хронике Быховца действительно сказано, что Витовт получил Луцк «со всей Волинью», а также свою «очину» (т. XXXV, с. 63, 69, 99, 113, 135, 157, 184, 204, 226; т. XXXII, с. 146). Несколько по-иному это изложено в хронике Литовской и Жмойтской: когда Витовт вернулся из Ордена, Ягайло «дал ему в посессию (во временное пользование; вернее, в аренду.— Н. У.) Гродно место, и его волости, так же Берестейские, Дорогичинские, Мелницкие, Белзские, Суразские, Каменецкие и Волковыско... А потом Ягейло Витолтови Волинь весь и Подолье, краины русские, отдал в пановане» (т. XXXII, с. 64). Таким образом, здесь объединены два варианта известий.

Признав Витовта великим князем литовским, Ягайло должен был устранить с поста уполномоченного по Великому княжеству князя Скиргайла, который, понятно, был в обиде и на Ягайла и на Витовта; и чтобы умиловить его, Скиргайлу дали Киевское княжество (отобранное у Владимира Ольгердовича.— Н. У.). Длугош и Меховский утверждают, что потом Скиргайло получил еще Стародуб, Кременец и Старые Троки (ч. II, с. 98). Литовские летописцы, отмечает Стрыйковский, о ссоре Скиргайла с Витовтом не знают, но описывают столкновение с Витовтом Корибута, князя новгород-северского (ч. II, с. 98).

Все летописи сообщают, что Корибут отказался подчиняться Ви-

товту и между ними началась борьба, причем у деревни Докудова (или Недокудова) Корибут был разбит, бежал в Новгород Северский, затем Витовт овладел этим городом, а Корибута с семьей отправил в заточение. Что касается Скиргайла, то летописи Супрасльская, Слуцкая, Археологического общества, Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евреинновская называют его (уже после смерти) «чудным и добрым», которого провожал весь Киев (т. XXXV, с. 65, 72, 90, 138, 159, 186, 207, 228; т. XXXII, с. 70, 149). О том, что битва произошла у деревни Докудова (Недокудова, Кулова), сообщается в летописях Слуцкой, Красинского, Виленской, Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреинновской (т. XXXV, с. 71, 89, 101, 137, 159, 185, 206, 227).

При описании борьбы между Польшей и Великим княжеством Литовским за Подолie Стрыйковский ссылается на «литовскую историю» и «литовских летописцев» (ч. II, с. 106). Согласно «литовской истории», Подолie завоевали племянники Ольгерда, Кориатовичи, причем Федор Кориатович оказал Ольгерду неповиновение, вследствие чего Ольгерд послал против него войска. Тогда Федор, оставив в подольских замках гарнизоны, бежал в Венгрию. Литовские же летописцы сообщали, что произошло с Довгирдом, наместником Витовта в подольских замках, после смерти Витовта: Довгирд был вызван к польским панам в Каменец и убит по их приказанию (летописи Супрасльская, Слуцкая, Красинского, Рачинского, Румянцевская, Евреинновская, Ольшевская; т. XXXV, с. 67, 75, 139, 161, 187, 208, 231). Польские же хронисты Длугош, Кромер, Меховский, как сообщает Стрыйковский, писали, что после смерти Витовта польские паны, Павел, каменецкий епископ, и другие вызвали к себе Довгирда, но о его гибели не говорят (ч. II, с. 106).

В сообщении за 1397 г. Стрыйковский ссылается на Кромера, Длугоша и Меховского, которые на основании летописных данных утверждают, что Витовт после победы над татарами привел несколько тысяч их в Литву и часть пленных поселил на реке Ваке, а часть отослал в Польшу (ч. II, с. 113). Подобное сообщение есть только в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXII, с. 75).

«Литовские летописцы» без всяких доказательств писали, что послы, отправленные Витовтом в Рим, чтобы доставить Витовту королевскую корону, из-за беспорядков в Италии пробыли там три года (ч. II, с. 173). Такое сообщение есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 153).

«Литовские летописцы», как и Кромер, свидетельствуют, что король Ян-Альбрехт направлялся в Молдавию против господаря Стефана (ч. II, с. 299). Об этом есть в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXII, с. 98, 165).

В рассказе о войне Великого княжества Литовского с великим князем московским Иваном Васильевичем Стрыйковский ссылается на литовских летописцев, которые сообщали, что жители Брянска перешли на сторону Москвы, то же сделали князь Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Осемьичи, в результате чего Чернигов, Стародуб, Новгород Северский и Рыльск были захвачены Москвой, а

князь Семен Иванович Бельский перешел на сторону русских еще до сдачи Брянска (ч. II, с. 308—309). Об этом с некоторыми расхождениями в именах и фамилиях («Осемятич» вместо «Осемянович» и др.) говорится в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, причем в последней в дополнение к городам, которые перечислены у Стрыйковского, упоминается Гомель, а в хронике Литовской и Жмойтской не подчеркнуто, что князь Бельский перешел к русским еще до сдачи Брянска (т. XXXII, с. 99—100, 166).

Ряд ссылок у Стрыйковского есть на «летописцев русских и литовских», а также «литовских и русских». Все они относятся к событиям от времен легендарных (о полоцких князьях, потомках мифического Гинвила) до 1493 г.

«Летописцы литовские и русские», а также «все летописцы», далее просто «летописцы» (что одно и то же) сообщали о том, что полоцкая княжна Парасковия ушла в Рим, где прожила несколько лет, умерла и похоронена, и в ее честь там воздвигнута церковь (костел). Вместе с тем Стрыйковский отмечает, что, несмотря на все поиски, найти следы святой Пракседы, или Парасковии, в Риме не удалось, в связи с чем версия об этой княжне ему кажется нереальной (ч. I, с. 242—243). Рассказ о постройке в Риме церкви в честь Парасковии есть в летописях Красинского, Румянцевской, Археологического общества, Рачинского, Евреинновской, Ольшевской, а также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 131, 23).

Одна ссылка на «русских и литовских летописцев» сделана лишь затем, чтобы сказать, что лица, составлявшие эти летописи, были безмозглыми, они писали то, что им слюна в рот приносила (ч. I, с. 243).

В хронике Меховского год смерти Гедимина указан ошибочно — 1307. Стрыйковский, привлекая данные других польских хронистов, а также хроники прусские, лифляндские, русские и литовские летописи, утверждает, что это произошло в 1328 г. и что в тексте Меховского просто опечатка (Меховский при этом назван «славным и солидным историком») (ч. I, с. 349). О том, что Гедимин был убит в 1328 г., есть только в хронике Литовской и Жмойтской («Року... 1328. Кгедимин, великий князь, того року от немцов в Прусех забит з ручници и там на том же местцу душу вырихнул»; т. XXXII, с. 41). Вероятнее всего, это место заимствовано как раз из хроники Стрыйковского (ч. I, с. 385). Что касается летописей Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреинновской, то в них сказано, что Гедимин княжил много лет, был справедливым, много воевал и всегда удачно, умер в глубокой старости (т. XXXV, с. 97, 153, 181, 201, 222). В хронике Быховца отмечено совсем кратко: разделив свои владения между сыновьями, Гедимин «почестно умер» (т. XXXII, с. 138).

Следующая ссылка на «литовских и русских летописцев» дается при обсуждении судьбы князя Юрия Кориатовича. Согласно летописям, этот князь, правивший в Подолии, был приглашен молдаванами на княжение в Сочаве, но вскоре он там отравлен и похоронен в Вашюлах, в монастыре, построенном из камня за Берладом (ч. II, с. 8).

Летописи сообщают, что князя Юрия пригласили к себе молдаване и что они там его «окормили», т. е. отравили, но о том, где он был похоронен, не говорит ни одна из них. В Супрасльской и Слуцкой (т. е. в самых старых) летописях сказано, что князя Юрия в Молдавии «окормили»; то же сообщается в хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74; т. XXXII, с. 139). В летописях Красинского, Рачинского, Румянцевской, Ольшевской, Евреиновской говорится, что Юрия «убили» (т. XXXV, с. 138, 160, 186, 207, 228). Хроника Литовская и Жмойтская обошла этот вопрос молчанием.

«Русские и литовские летописцы» сообщали, что король Казимир и польские паны пригласили князя Константина Кориатовича в Польшу, чтобы назначить его после смерти Казимира королем, требуя, однако, чтобы Константин переменял православную веру на католическую (ч. II, с. 18). Такое сообщение есть в летописях Супрасльской, Слуцкой, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74; т. XXXII, с. 45, 139), причем в них добавлено, что Константин не захотел менять веры и поэтому отказался от видов на престол. В летописях же Красинского, Рачинского, Евреиновской, Румянцевской и Ольшевской сказано, что Константин уехал в Венгрию и там умер; о предложении поляков ничего не говорится (т. XXXV, с. 138, 160, 186, 207, 228).

«Русские и литовские летописцы», они же «все летописцы», единодушно сообщали, что когда литовское войско пришло к Завихосту и не знало, как переправиться через Вислу, то один пан, «которого летописцы зовут Радзивилом», бросился с конем в воду, а за ним последовало все войско (ч. II, с. 68).

«Русские и литовские летописцы» ошибочно называют первым женихом королевы Ядвиги князя поморского Фридриха, тогда как в действительности ее женихом был австрийский принц Вильгельм (ч. II, с. 73). Фридрих поморский назван женихом Ядвиги только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 144).

Ниже приводим места работы Стрыйковского, где даются ссылки «летописцев» или «всех летописцев».

Согласно Стрыйковскому, Длугош, Меховский, а также русские и литовские летописцы сообщали, что Ягайло, после того как великим князем стал Витовт, предложил Свидригайлу в виде компенсации за потерю власти в Великом княжестве Подолie и ряд других владений, а также деньги, но это не удовлетворило Свидригайла, и он был чрезвычайно раздражен (ч. II, с. 118). Летописи ничего подобного не содержат.

Относительно унии 1401 г. между Польшей и Литвой Стрыйковский приводит показания Длугоша и Кромера, с одной стороны, русских и литовских летописей — с другой, отмечая, что об этом они говорят совершенно по-иному. Согласно версии польских хронистов, Великое княжество Литовское в случае бездетной смерти Витовта должно, за исключением некоторых территорий, перейти к Польше, составить ее неотъемлемую часть. По версии же летописцев, согласно договору, заключенному в Перемышле между Витовтом и Ягайлом в присутствии панов с обеих сторон, в случае если бы Витовт умер, не

оставив детей, а у Ягайла были бы дети, то они должны были бы господствовать как в Польше, так и в Великом княжестве; и наоборот, если бы дети остались у Витовта, а у Ягайла их бы не было, то потомки Витовта должны были принять власть в Польше и Великом княжестве. Учитывая, что «небожата, старые литовские писари писали правдиво», Стрыйковский согласен принять скорее их версию, чем версию поляков (ч. II, с. 118). О таком договоре между Витовтом и Ягайлом в Перемышле знает лишь хроника Быховца, и условия договора в ней изложены так же, как у Стрыйковского (т. XXXII, с. 76—77).

Со ссылкой на «русских и литовских летописцев» утверждается, что Литва давала Заволжской, а затем Перекопской ордам «царей», в частности это относится к Витовту, который Тохтамыша назвал «царем» (короновал его в Вильно) (ч. II, с. 157). Такое сообщение есть в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, где сообщается, что король Казимир «послал на царство в Перекоп Ач-Гирея» (т. XXXII, с. 80, 160).

О захвате поляками у литовцев Подолия сообщение Стрыйковского неопределенное. Вначале сказано, что наиболее видные подоляские паны, узнав о смерти Витовта, поехали в Каменец к Довгирду (который не знал, что Витовта уже нет), вызвали его «на приятельский разговор», а далее, «как сообщают русские и литовские летописцы», паны убили Довгирда. Версия летописцев показалась Стрыйковскому неправдоподобной, так как тот самый Довгирд, по свидетельству тех самих летописцев, позже участвовал в убийстве Сигизмунда Кейстутевича (ч. II, с. 178—179). Об убийстве Довгирда в Каменце сообщают летописи Супрасльская, Слуцкая, Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская и Евреиновская, но ни одна из них не отмечает участия Довгирда в убийстве Сигизмунда (т. XXXV, с. 67, 75, 139, 161, 187, 208, 231). В хронике Быховца нет ничего об убийстве Довгирда, но отмечена его выдающаяся роль в убийстве великого князя Сигизмунда (т. XXXII, с. 156). В хронике Литовской и Жмойтской сказано, что после смерти Витовта Довгирд был арестован польскими панами (т. XXXII, с. 82).

Без ссылки на источник Стрыйковский сообщает, что Свидригайло «соромотил и ганьбил» Ягайло, но не сразу после похорон Витовта, а спустя два года (ч. II, с. 179). Подробное сообщение есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 153).

«Русские и литовские летописцы» утверждают, что, когда королю Казимиру потребовались деньги для ведения войны против чехов после понесенного поражения под Хойницами, он обратился к литовским панам и те обещали дать 80 тыс. червонных золотых и помощь войсками (ч. II, с. 255). Такое сообщение есть лишь в хронике Быховца (т. XXXII, с. 162).

Для войны с венгерским королем Матнашем король Казимир, согласно русским и литовским летописям, одолжил «из литовского скарбу» 24 тыс. золотых (ч. II, с. 277).

В заключение даем ссылки или на «всех летописцев», или просто на «летописцев». Относительно много ссылок имеется на самую начальную часть летописей. Так, со ссылкой на «летописцев» доказывается,

что Палемон прибыл в Литву из Италии (ч. I, с. 57), затем «все летописцы» согласны в том, как были разделены после смерти Палемона его владения между сыновьями (ч. I, с. 84). «Все летописцы» одинаково сообщают о происхождении названия «Литва» (ч. I, с. 85—86). Узнав, что Русскую сторону опустошили татары, Монтвил отправил своего сына Эрдвила на завоевание земель, из которых было образовано Новогрудское княжество (ч. I, с. 235). Далее сообщается о наделении трех сподвижников Эрдвила землями (ч. I, с. 237), о княжне Парасковии (ч. I, с. 242), о никчемности летописцев (ч. I, с. 243), о разгроме Рынгольтом коалиции русских князей и их союзников-татар у Могильно (ч. I, с. 252).

Ряд сообщений со ссылкой на «всех летописцев» дан о таких событиях, которые в летописях изложены несколько иначе или совсем обойдены молчанием. Так, согласно Стрыйковскому, описание битвы на Ясельде сделано им по летописи (ч. I, с. 244). Однако в летописях и хронике Быховца эта битва описана в общих чертах, тогда как у Стрыйковского сказано, что на стороне волынского князя Мстислава сражались «волыньцы, пинщане и киевляне», что отмечено лишь в хронике Литовской и Жмойтской. Затем, по летописям и хронике Быховца, битва происходила на «сей» стороне Ясельды, тогда как, по Стрыйковскому и хронике Литовской и Жмойтской, это было на «той» стороне (т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 22, 131).

Со ссылкой на летописцев сообщается, что литовский великий князь Наримунт отправился в поход на ятвягов, так как услышал, что ятвяжские князья вымерли, не оставив потомства. Далее сообщается, что Наримунт захватил Ятвяжскую землю и отдал ее в удел Тройдену, который затем непрерывно и очень удачно воевал с соседями, проявляя чрезвычайную жестокость. Вместе с тем Стрыйковский сомневается в том, что ятвяжские князья вымерли сами по себе. Ссылаясь на Кромера, Длугоша и Меховского, он склонен считать, что эти князья были уничтожены Болеславом Стыдливым в 1264 г. (ч. I, с. 320—321). В летописях Красинского, Археологического общества, Рачинского, Евреиновской, Румянцевской, Ольшевской и хронике Быховца все изложено так, как утверждал Стрыйковский, а в хронике Литовской и Жмойтской сказано, что завоевал ятвяжский край Тройден без участия Наримунта, и ничего не говорится о его жестокости (т. XXXV, с. 93, 132, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 135, 32).

Согласно Стрыйковскому, Лавраш вывел против Довмонта войско, состоявшее из литовцев, жемайтов и русских новогрудчан, бой произошед «над одним озером», продолжался с утра до ночи и закончился полным разгромом Довмонта (ч. I, с. 328). В летописях Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евреиновской, Ольшевской и хронике Быховца это был Лавраш или Лаврыш, «по-литовски зовемый Римонт, а по-русски Василей», по хронике Литовской и Жмойтской — Лаврентий (т. XXXV, с. 94, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 135, 33).

Летописцы утверждали, что Лиздейко, разъяснивший князю Гедимину вещий сон и предсказавший великое будущее Вильно, был найден в орлином гнезде (ч. I, с. 371). Легенда есть во всех летописях.

Однако Стрыйковский пишет, что Лиздейко был Криве-Кривейто, т. е. языческим литовским епископом, о чем ни в одной из летописей не сказано, хотя те и зовут (не во всех одинаково) Лиздейко «наивысшим литовским попом»; по хронике Быховца, это был «ворожбит» (т. XXXII, с. 138). Что Лиздейко найден в орлином гнезде и что был он «бискупом поганским», сообщено в хронике Литовской и Жмойтской, но и там нет упоминания о Криве-Кривейто (т. XXXII, с. 39).

Стрыйковский отмечает, что о походе Ольгерда на Москву, когда он будто бы принудил князя Дмитрия Ивановича просить мира, говорят «все летописцы», но что ни «русские хроники», ни историки, кроме Герберштейна, о нем не упоминают (ч. II, с. 11). Об этом походе есть только в Евреинновской летописи, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 223—224; т. XXXII, с. 60—62, 140); у Герберштейна этого нет.

«Летописцы свидетельствуют», что Ягайло в отместку за смерть Войдила, которого казнил Кейстут, приказал разбить на колесе дядьку Бируты (матери Витовта и тестя Кейстута) Видимонта, а все имущество Видимонта отдал Монивиду (ч. II, с. 66). О мести Ягайла, приказавшего разбить на колесе Видимонта, дядю матери (не называя ее Бирутой) Витовта, сказано в летописях Супрасльской и Слуцкой, а также в хронике Быховца (т. XXXV, с. 63, 69; т. XXXII, с. 143). В летописях же Красинского, Виленской, Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской, Ольшевской сообщено, что месть Ягайла ограничилась тем, что он посадил в темницу, а затем приказал удавить Кейстута (т. XXXV, с. 87, 99, 135, 156, 183, 204, 225). Что касается хроники Литовской и Жмойтской, то в ней эти события не описаны.

Согласно сообщениям летописцев, на съезд в Луцке в честь Витовта прибыли московский великий князь Василий Иванович, князь Борис тверской, князь рязанский (имя рязанского князя не названо), Одоевские, князья Белой Руси, Фриц, король датский и шведский, «цари» перекопский и заволжский, изгнанный валашский господарь, Рудольф, магистр прусский, и Зигфрид лифляндский, Палеолог, греческий император, прислал послов. Кроме того, прибыли разные лица из литовцев, русских и поляков. Все они расселились за несколько миль от Луцка по деревням (ч. II, с. 168—169). В летописях (включая Супрасльскую и Слуцкую) указаны, помимо представителей, которые есть у Стрыйковского, послы от Новгорода и Пскова, в некоторых летописях называются еще «деиспоты» болгарские. В хронике Быховца перечисляются князья перемышльские и новосильские. Что касается хроники Литовской и Жмойтской, то в ней перечисления присутствовавших нет (т. XXXV, с. 58—59, 75, 108, 140, 162, 209, 230—231; т. XXXII, с. 152).

По сведениям «летописцев», войска московского великого князя Василия Васильевича были разгромлены татарами под Муромом (ч. II, с. 211). Об этом сообщается в летописях Супрасльской, Слуцкой, Академической, Красинского, Рачинского, Евреинновской, Ольшевской, Румянцевской, а также в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 60, 78, 110, 144, 166, 191, 212, 233; т. XXXII, с. 86).

После того как Казимир Ягайлович был избран королем польским, коронован в Кракове и ехал в Литву, князь Михаил Сигизмундович пал королю в ноги, просил отдать ему Великое княжество Литовское. Стрыйковский пишет, что о таком «унизительном поведении» князя Михаила он получил сведения не только у «летописцев», но также у Кромера, Длугоша, Меховского и т. д. (ч. II, с. 226). Ни в одной из летописей об этом ничего не сообщается. Вероятнее всего, это легенда.

По сообщениям «летописцев», епископ Кафы Симон, будучи в Киеве, умер сидя за столом, как только услышал, что Кафу захватили турки (ч. II, с. 280). Об этом есть в хронике Быховца, но лишь самый конец сообщения (т. XXXII, с. 163), так как в том месте в рукописи недостает листа.

Последнее сообщение «летописца» касается приезда в Литву короля Казимира, одновременно с которым прибыл тверской великий князь Михаил Борисович (ч. II, с. 288). Об этом есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 163).

* * *

Материалы этой главы дают основание утверждать, что Стрыйковский передавал летописные известия добросовестно, в отдельных случаях (битва под Хойницами) добросовестность доходила до того, что он указывал, в чем состояла ошибка летописца. Вместе с тем иногда хронист находил нужным (или возможным), делая ссылки на летописи, вносить в них дополнения или изменения. Прежде всего это касается тех мест, где, по мнению Стрыйковского, требовалось основательнее доказать итальянское происхождение литовской знати, и даже того, что у Гаштольда в XVI в. имелась в Италии родня (ч. I, с. 236—237). Весьма вероятно, что хронист, утверждая, будто во всех его летописях говорилось, что Палемон бежал из Италии в 57 г. [а не в 18 (5526) г., как сказано во всех сохранившихся летописях], внес поправку, так как знал, что в 18 г. Нерон императором не был (ч. I, с. 66). Возможно также, что сообщение о Криве-Кривейто, будто бы имевшееся в летописях, Стрыйковский добавил от себя, сам же узнал об этом из хроники Дюсбурга (ч. I, с. 371). То же о Ромове.

То, что во всех летописях, бывших у Стрыйковского, содержалось легендарное сказание, должно показывать, что они переписывались не ранее 40-х годов XVI в., накануне того времени, когда хронист начал работу над своими «Началами» и хроникой. Однако рассказ о Войшелке был создан или при жизни этого князя, или вскоре после его смерти. Значит, составитель «летописца» объединил легендарное сказание с рассказом о деятельности Войшелка.

Общепринятым является мнение, что местá в хронике Быховца, где говорится о Миндовге и Войшелке, заимствованы из Ипатьевской летописи. Это мнение основано на близости или идентичности в ряде случаев текстов обоих памятников, а поскольку хроника Быховца не могла служить источником Ипатьевской летописи, то, естественно, принималось обратное. Однако никто не доказал (и не пытался доказать), что составитель хроники Быховца пользовался непосредственно Ипатьевской летописью или хотя бы источником, аналогичным ей.

Близость касается лишь строго определенных мест, и поэтому есть основание предполагать, что составители как летописи, так и хроники использовали один и тот же исходный материал. Выше отмечалось, что события 1262—1264 гг. описаны в летописи дважды и что в хронике при передаче текста, аналогичного пространному варианту летописи, сохранен язык XIII в., тогда как за 1268 г. язык модернизирован. Поэтому ссылки Стрыйковского на «летописцев Войшелка Миндовговича» следует воспринимать совершенно серьезно (реально название летописи могло быть иным или его и вообще не было), но произведение, содержащее рассказ о Войшелке, как и о Миндовге, существовало, и вероятнее всего, оно было создано в Новогрудке. Кстати, по нашим предположениям, основная часть легенды была создана там же.

Затем Стрыйковский привел, ссылаясь на свои летописи, ряд фактов, неизвестных летописям, которые сохранились до нас. Так, Михаил Сигизмундович просил великого князя Казимира Ягайловича, когда того избрали польским королем, уступить ему Великое княжество Литовское (ч. II, с. 226). По неизвестной нам летописи описаны события у Завихоста (ч. II, с. 68—69). Только у Стрыйковского сказано о борьбе различных группировок у крымских татар (ч. II, с. 313, 316). Только у Стрыйковского есть сообщение, что татары во время своих нападений на земли Великого княжества возили «коши» (ч. II, с. 327—328). Стрыйковский же сообщает, что волыньские князья после поражения, понесенного у Могильно, бежали в Луцк (ч. I, с. 252). Со ссылкой на летописи описаны похороны Гедимина (ч. I, с. 386).

Исходя из утверждений Стрыйковского, что все бывшие у него летописи содержали легендарную часть, следует, что летописей более ранних, типа Супрасльской или Слуцкой, у него не было.

Называя свои летописи отдельно или целыми группами (русские летописцы и т. д.), Стрыйковский не выработал для этого устойчивой системы. Иначе говоря, он называл одни и те же летописи по-разному или, говоря о нескольких (и даже о «всех»), в сущности имел в виду одну. Если ссылка на одного летописца понятна, то указание на «всех» должно означать, что во всех 15 летописях было написано одинаково, но такое возможно лишь в виде исключения. Гораздо более реальным кажется, что, ссылаясь на всех, Стрыйковский имел в виду одну, не обращая внимания на некоторые расхождения с другими.

Излагая начальный период (легendarную часть), а затем события конца XV — начала XVI в., Стрыйковский чаще всего ссылается на «одного летописца» (на летописца князей Заславских, на стародавнего литовского летописца и т. д., что всегда означало «одного»). Для периода конца XV — начала XVI в. это понятно, так как большинство летописей обрывалось на изображении событий середины XV в.; в других случаях, возможно, Стрыйковский находил сведения одной (Берестовицкой) летописи более полными и достоверными, почему и пользовался ею, игнорируя остальные.

В общем, в летописях, которыми пользовался Стрыйковский, имеется значительное количество сведений, неизвестных до настоящего времени. Особого внимания заслуживает сообщение хрониста о летописи «Войшелка Миндовговича».

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЧАСТЬ ЛЕТОПИСЕЙ И ХРОНИК

Общие положения

В настоящее время известны шесть летописей, содержащих легенду: Археологического общества (без начала, поскольку в этой летописи начала вообще нет), Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евреиновская, а также хроника Быховца и хроника Литовская и Жмойтская.

Согласно легенде, 500 семей римской знати (шляхты, или рыцарей) прибыли в Литву (точнее говоря в Жемайтию) морем. Во главе эмигрантов находился Палемон, родственник императора Нерона. Выше отмечалось, что версия, согласно которой Палемон бежал из Рима, спасаясь от жестокости этого императора, является лишь основной. В работах Стрыйковского содержится и другая версия: побег произошел в 401 г. и причиной его были зверства Аттилы¹. «Двойная» версия находится также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской².

В летописи Красинского легендарное сказание является как бы отдельным произведением, озаглавленным «Летописец Великого князства Литовского и Жомойтского», но там текст обрывается на середине листа рукописи, вторая половина листа осталась незаполненной. Конец «Летописца» содержит рассказ о жестокостях ятвяжского и дойновского князя Тройдена (т. XXV, с. 128—132). Последующая часть той же летописи озаглавлена «Кройники о великих князех литовских» (т. XXXV, с. 132). Она начинается с перечисления сыновей Гедимина и уделов, которые каждый из них получил от отца («Напервей у великого князя Кгедимина сем сынов было»). Деление летописи Красинского на две самостоятельные части настолько ярко выражено, что в ПСРЛ, т. XVII они были напечатаны как два отдельных произведения. Очевидно, до того времени, когда обе части не были вписаны в сборник, в котором находилась летопись, они действительно представляли собой отдельные произведения.

Текст, названный в летописи Красинского «Кройником», в тех летописях, в которых легендарного сказания нет, озаглавлен «Летописец великих князей литовских», т. е. так, как у Красинского на-

¹ Две версии содержатся в обеих капитальных работах Стрыйковского — «Кройнике» и «Началах».

² ПСРЛ, т. XXXII. Ввиду отсутствия первого листа в хронике Быховца сохранился лишь отрывок, содержащий конец второй версии, но из текста хроники следует, что имелась и первая.

звано сказание. Вместе с тем в Румянцевской летописи сказание имеет заголовок «За кройники Великаго княжества Литовского и Жомонтскаго» (т. XXXV, с. 193). Возможно, такой же заголовок был в летописи Археологического общества, начало которой не сохранилось, но последующий текст почти дословно совпадает с текстом Румянцевской (т. XXXV, с. 91—102). Таким образом, в летописях схожие тексты имеют разные заголовки и, наоборот, разные тексты озаглавлены одинаково. Что касается «Летописца великих князей литовских» (т. е. «Кройники», по летописи Красинского), то такое произведение есть в летописях Супрасльской (т. XXXV, с. 61—67), где «Летописец» имеет вид отдельной работы, которая является продолжением общерусской части; Академической (т. XXXV, с. 110—114), где «Летописец» отделен от предыдущего текста только заголовком, написанным чернилами. В Виленской (летопись Авраамки) летописи заголовка вообще нет и слова «у великого князя Кгедими́на» следуют непосредственно после части, содержащей общерусскую летопись (т. XXXV, с. 85—90). В *Origó regis* заголовка нет (т. XXXV, с. 115—117). В Слуцкой летописи начала нет, а в том тексте, который сохранился, передается разговор Кейстута с Витовтом относительно коварства Ягайла, заключившего союз с немцами (т. XXXV, с. 68—79). Поэтому можно думать, что и там было заглавие «Летописец».

Заголовки легендарной части следующие. В летописи Красинского — «Летописецъ Великого князства Литовского и Жомонцского». В Олышевской летописи — «Wielkiego xięstwa Litewskiego i Żmódzkiego kronika». В хронике Быховца начала, а следовательно, и заголовка нет. В хронике Литовской и Жмойтской перед текстом находится заголовок «Вывод и початок о Великом князстве Литовском и Жмойтском, отколь взмоглися и пошли», данный, вероятнее всего, составителем всего хронографа, частью которого является хроника Литовская и Жмойтская. Во всех перечисленных летописях (кроме Красинского) сказание не отделено от последующего текста или между ними находится заголовок небольшого раздела, что, однако, не означает какой-либо грани, так как на подобные разделы разбиты как сказание, так и вообще все летописи, исключая Красинского, и во всех них далее следует раздел, озаглавленный «О княжати литовском Швинторозе, сыне Утенусовом» (в некоторых летописях это не «Швинторог», а «Свинторог», что не меняет сути дела). Начало легендарного сказания во всех списках в общем одинаково, но конец его не очень ясен.

Учитывая, что «Летописецъ» Красинского представляет собой отдельное произведение, можно, казалось бы, предположить, что легендарная часть заканчивается весьма нелестной характеристикой князя Тройдена. Однако, прослеживая сказание во всех летописях, от этого предположения приходится отказаться и принять другое — что, вероятнее всего, легенда заканчивалась словами «тому конец». При этом следует учесть, что в первоначальном тексте есть ряд более поздних вставок, тем более что и после «конца» находится немало записей, имеющих тоже в большой мере легендарный характер. К полULEГЕНДАРНЫМ следует отнести и записи, касающиеся первых лет правления Гедими́на.

Словами «тому конец» заканчивается рассказ о том, как князь Рынгольт (он же Скирмонт) после победоносной битвы у Могильно возвратился в свою столицу Новогрудок и там умер. Выражение «тому конец», связанное с прекращением рода Палемона (на Рынгольте), может само по себе служить показателем, что здесь закончился первоначальный текст сказания, а вместе с тем свидетельствует, что сказание было создано для прославления потомков Палемона. Весьма знаменательно, что на «конце» почти полностью прекращаются сообщения о Новогрудке, который из центра большого государства — Великого княжества Новогрудского, Жемайтии и Литвы превращается в провинциальный город.

Однако «конец» в шести летописях, содержащих легенду, неодинаков. В летописях Красинского и Евреинновской сказано, что Рынгольт после битвы у Могильно вернулся в Новогрудок и там умер, не оставив потомства: «умре без плоду; тут ся доконал род княжати римского Полемона» (т. XXXV, с. 131, 218). В остальных же летописях говорится, что, по известиям «иных», у Рынгольта после битвы у Могильно родилось трое сыновей, из которых один — Войшвилак стал новогрудским князем, но здесь сообщение о нем обрывается. Однако и это в разных источниках передается неодинаково: в летописи Рачинского сказано, что Рынгольт «яко бы мел уродити трех сынов» (т. XXXV, с. 149), т. е. выражается сомнение, тогда как в летописях Археологического общества, Ольшевской и Румянцеvской «яко бы» нет, т. е. нет и сомнения (т. XXXV, с. 92, 176, 197).

Если брать только «иные поведанья», то это представляется слухом, преданием о Войшелке, сохранившимся в течение столетий, однако приписка заканчивается словами, что кто-то «далее о том Войшвилаку не писать». Буквально, видимо, данное место следует понимать так, что в какой-то из летописей, послужившей источником для более поздних летописцев, было записано предание о Войшелке².

Таким образом, можно предполагать, что основной частью сказания является та, которая начинается со слов «Сталося втєление» и заканчивается сообщением о смерти Рынгольта, но в то же время, что в первоначальный текст с течением времени были внесены разные добавления, имевшие целью возвеличить две знатные фамилии, принадлежавшие к гербам Китовраса и Колюмнов.

Как известно, в летописях встречаются слова «а навратимся воспак», обычно означающие, что здесь в первоначальный текст сделана вставка. Такие «воспак» есть во всех летописях и хрониках Великого княжества. Эти слова в разных случаях несколько видоизменены, но смысл остается везде одинаков: летописец возвращается к прерванному какой-то вставкой рассказу.

Больше всего «воспак» встречается в летописи Красинского, и по-

² В том, что предание о князе, правившем в середине XIII в., существовало в середине XVI в., нет ничего невероятного. В 1970 г. старый житель Слуцка Иван Карсюк сказал нам, что этот город ранее принадлежал Ольельке. Князь Ольелько-Александр, основатель рода Ольельковичей-Слуцких, умер в 1454 г., последний — в 1586 г. (род утас). Значит, если брать даже последнего из Ольельковичей, то в памяти народа он сохранился в течение четырехсот лет, и притом в наше время.

этому обратимся к ней. Первый раз «воспак» находится там вслед за рассказом о том, как после смерти князя Сперы «люди, мешкаяючи около него» (Сперы. — *Н. У.*), сделали «болвана» в память об умершем, а затем, когда «болван» сгнил, стали обоготворять озеро, на берегу которого он стоял, и вообще всю окружающую местность (т. XXXV, с. 129). Далее идет рассказ о кончине князя Борка и переходе владений к его брату Куносу. Рассказ не отделен от предыдущего текста и является его последовательным продолжением. Наличие слова «воспак» здесь тем более непонятно, что его нет в других летописях (в Румянцевской, Евреинновской и Ольшевской далее следует заголовок нового раздела: «О княжати Борку и о брате его Куносе», чем как бы отмечается, что вопрос о Спере исчерпан; т. XXXV, с. 174, 194, 215).

«Воспак», возможно, получает объяснение при чтении соответствующего места в хронике Быховца. Там вслед за рассказом о Спере, который поселился над озером, названным его именем, помещено сообщение, что Довспрунк с «Китавраса» перешел реку Святую, нашел красивое место над рекой, основал там город Вилькомир и назвался князем девялтовским. Далее сказано «мы же возвратимся воспак», а затем говорится о смерти Сперы, о постановке ему «болвана», после чего опять следует слово «воспак» (т. XXXII, с. 129). «Воспак» в этом месте необходим, поскольку сообщение о Довспрунке в хронике Быховца прерывает рассказ о Спере, но в летописи Красинского о Довспрунке ничего не говорится, и поэтому «воспак» не имеет смысла. Вообще же, в летописях Довспрунк и его сын Гирус (или Кирус) появляются совершенно неожиданно, так как, кроме сообщения, что в числе бежавших из Рима был Довспрунк, там о нем больше ничего нет.

Очевидно, место в летописях, где говорится о Довспрунке, показалось Стрыйковскому недостаточно обоснованным, и он в своих «Началах» назвал Довспрунка потомком Палемона (с. 92), причем это сделано так, что может создаться впечатление, будто Довспрунк был сыном Палемона (заголовок раздела у Стрыйковского следующий: «Боркус, Конас или Кунас, Спера, Дарспрунг — потомки Палемона»).

Второй «вспак» в летописи Красинского находится вслед за рассказом о том, что Ердивил (или Скирмонт) после постройки Новогрудка и похода в юго-западную Белоруссию (где он основал Гродно и восстановил ряд городов) раздал трем вассалам, участвовавшим в его походе на Новогрудок, владения и эти вассалы стали родоначальниками знатнейших литовских фамилий (т. XXXV, с. 129). Рассказ явно не на месте (на месте он находился бы в случае, если бы подобное сообщение было помещено вслед за известием, что Ердивил — Скирмонт построил Новогрудок и назвался великим князем новгородским, тем более что об участии вассалов в походе на юг ничего не сказано). Очевидно, в источнике это место было изложено неясно или вообще было дефектным, так как в Румянцевской летописи после слов «и возвратимся вспять» (на чем рассказ и заканчивался) следуют слова «тут Довойна», не имеющие смысла (т. XXXV, с. 195), летопись Рачинского здесь — тоже не к месту — заканчивается словами «а з Кгровжа народился Моньвид, а потом умер» (т. XXXV, с. 147). Эта вставка подчеркивает, что предки виднейших литовских фамилий — Гаштольды,

Довойны, Монивиды — получили свои владения от князя новогрудского. Вставка привлекает к себе внимание прежде всего тем, что в ней не упоминается о деятелях, принадлежавших к гербу Китоврас, которые обычно при перечислении наиболее выдающихся литовских деятелей стоят на первом месте.

Три названных деятеля — Ейкшис, Гровж, Крумпь (в разных летописях они называются по-разному) — изображены как подручные жемайтского князя, тогда как Довспрунк герба Китоврас сам был князем Литвы. Возможно, быть изображенным в летописи в качестве васала Ердивила для литовского князя было нежелательным.

Последний «воспак» в летописи Красинского находится вслед за рассказом о том, как Утенус поставил «болвана» в память своего отца Куковойта, после чего помещено сообщение о битве на реке Окуневке, а после того как «болван» сгнил, там вырос лес, который население обоготворяло, назвав его именем Куковойта (т. XXXV, с. 131). Слова «возовратишися воспак», кроме летописи Красинского, есть только в Ольшевской, но там они стоят не на месте (после рассказа о том, какие уделы дал своим сыновьям князь Скимонт; т. XXXV, с. 176); нет «воспак» и в хронике Быховца.

Очевидно, вставкой является и рассказ в летописях Красинского, Рачинского и Румянцевской о том, как великий князь киевский Дмитрий (!) сбежал от татар в Чернигов, а оттуда, услышав, «иж мужики мешкають без господаря а зовутся дручане», пришел в их область, «зарубил» город Друцк и стал великим князем друцким (т. XXXV, с. 129, 146, 194). Эта краткая повесть никак не связана ни с предыдущим, ни с последующим текстом.

Вставка о битве на Окуневке, закончившейся крупнейшей победой над татарами, естественно, должна была возвеличить новогрудского князя. Вставка о князьях друцких, очевидно, связана с легендой о том, что Новогрудок был построен дручанами.

Сказание в том виде, в каком мы имеем его сейчас, занимает около 10 машинописных страниц, из них на вставки приходится примерно две страницы. Однако в первоначальном виде легенда была значительно меньше.

По нашим наблюдениям, сказание вначале содержало только сообщение о бегстве 500 семей из Италии, о плавании беглецов по морям, о прибытии к устью (дельте) Немана и колонизации территории по берегам реки Дубиссы, о создании сыновьями Палемона городов Юрборка и Куносова, о продвижении населения на восток к берегам реки Вилии и основании поселения Кернова. Здесь же дается объяснение происхождения названия страны — Литва. Начальная часть заканчивается сообщением, что внук Палемона Монтивил направил своего сына Ердивила — Скимонта на восток и тот, перейдя реки Вилию и Неман, основал город Новгородок (Новогрудок), который в кратчайшее время стал столицей огромного государства — Великого княжества Новгородского.

В общем, начальная часть легенды содержит сообщения, почти исключительно касающиеся Литвы, тогда как во второй половине интерес сказания сосредоточен на Новгороде (Новогрудке). Начи-

нается вторая часть со слов: «И часу панования Монтвилова повстал цар Батый и пошел на Рускую землю, и всю Рускую землю звоевал...» (т. XXXV, с. 146).

Первые варианты легенды

В наиболее пространным виде легенда изложена в ряде белорусско-литовских летописей и хроник и трудах Стрыйковского, основанных на этих источниках, но ко времени внесения в летописи она прошла длительный период развития. Едва ли не впервые она была изложена польским хронистом Яном Длугошем. Поскольку XIV век и в большой мере XIII век заполнены бесконечными стычками и битвами между поляками и литовцами, Длугош пишет о литовцах и Литве неоднократно. Однако к начальному периоду истории литовского народа он обращается лишь в разделе, в котором излагаются события 1387 г., т. е. после заключения Кревской унии и начала христианизации Литвы. Здесь задачей составителя было показать, насколько дикой была языческая Литва, чтобы тем подчеркнуть величие осуществленного Ягайлом и поляками дела — христианизации последнего в Европе языческого народа.

Дохристианской Литве Длугош посвятил два параграфа, один из которых озаглавлен «Происхождение литовцев, их язычество и древние обычаи», а второй — «Литовцы после основания Вильно...» Данные этих соседних параграфов не всегда согласуются между собой.

Хронист начинает рассказ о языческой Литве с сообщения, что ни в одном источнике он не нашел ни слова о том, когда и каким образом литовский народ прибыл туда, где он находился во время создания хроники. Однако, исходя из языка, произношения, погребальных обычаев (сжигание трупов) и т. д., Длугош пришел к выводу, что литовцы происходили если не от собственно латинов, то от одной из их ветвей. Продолжая свои рассуждения, Длугош утверждает, что во время войн между Марием и Суллой, а затем между Цезарем и Помпеем часть жителей Италии переселилась в северную страну, которую сами переселенцы называли «Италия» или, учитывая придыхание итальянцев, «Литалия», а поляки и русские переделали это название в «Литва». Через какое-то время переселенцы основали свой столичный город, названный ими Вильно по имени князя Вилли; от имени того же князя были названы реки, на берегах которых расположено Вильно, — Вилия и Вильня⁴. Все эти соображения Длугош выразил неопределенно, конкретно сказано им лишь о том, что переселение произошло во времена Юлия Цезаря (во втором параграфе об этом сказано уже без колебаний) и что князем переселенцев был Вилли, но как беглецы достигли Литвы, сколько их было, где первоначально поселились и т. д., Длугош ничего не сообщает; ничего нет у него и о Новогрудке.

Мацей Меховский, излагая легенду, ссылается на «старинных историков», в сущности же пересказывает (с очень небольшим отклоне-

⁴ Długosza J. *Dziejów Polski ksiąg dwanaście* / Przekład K. Mecherzyńskiego. Warszawa, 1868, t. 3, ks. IX/X, s. 442—447.

нием) версию Длугоша: литовцы — это потомки переселенцев из Италии, которые были вынуждены в свое время бежать из родной страны в связи со спорами, возникшими в среде римского населения; страна, в которую прибыли, была названа ими «Италия», и лишь позже ее стали называть «Литалия», соседи же — русские — переделали название в «Литва». По имени вождя прибывших Виллуса эмигранты называли свой город Вильно и т. д. В то же время Меховский не сказал прямо, что переселение произошло во время борьбы Цезаря с Помпеем, ограничившись сообщением о спорах в среде римского населения⁵. Как и Длугош, Меховский о Новогрудке не сказал ничего.

Если судить по Супрасльской летописи, созданной в 1519 г., в которой следов легенды нет, то можно думать, что ко времени выхода в свет «Трактата» (первое издание в 1517 г.) легендарное сказание еще оформлялось, вернее, еще не существовало второй ее части, посвященной почти исключительно Новогрудку; во всяком случае, оно еще не вошло в ряд белорусско-литовских летописей.

Мартин Бельский — едва ли не единственный польский хронист XVI в., который отнесся к легенде скептически. Он знал все, что писали относительно происхождения литовской знати, но не поверил в легенду, так как об этом «нигде в письменных источниках ничего нет»⁶. Единственное место, которое у Бельского можно считать почерпнутым из легенды, касается названия «Литва», которое будто бы происходит от имени князя Литана, предводителя литовцев в тот период, когда они оседали на территории, занимаемой ими во времена Бельского. Верит он и в то, будто литовцы раньше платили русским князьям дань лыком и вениками, так как ничего другого не имели⁷.

Отбросив версию об итальянском происхождении знати, Бельский пытается уяснить, откуда все-таки взялись литовцы. В этом случае он использует работу Птолемея, указавшего, что приблизительно в местах расселения современной литвы раньше обитали герулы и аланы. Исходя из указаний Птолемея, Бельский пришел к выводу, что в прошлом литовцы жили по соседству с немцами, а также с греками, от которых заимствовали некоторые слова⁸.

Зато когда хронисту Мартина Бельского дорабатывал его сын Иоханн, то он пересказал, в сущности, все то, что есть у Стрыйковского⁹.

Географические представления летописцев

В летописях и хрониках говорится, что Палемон прибыл в Литву со своими спутниками морем, а в ряде случаев отмечается, что беглецы взяли с собой «одного остронома, который ся знал по звездах». Пункт отправления нигде не указан точно, но можно предположить, что отпра-

⁵ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Л., 1936, с. 98—99.

⁶ Bielski M. Kronika tho iest historia swiata na sześć wieków a czterzy monarchie... Kraków, 1564, s. 359.

⁷ Ibid., s. 358 об.

⁸ Ibid., s. 359.

⁹ Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego nowo przez Joachima Bielskiego, syna jego, wydana. Kraków, 1597, s. 152—156.

вились «римляне» на кораблях из Рима, т. е. Тибром. При всех условиях отбыть из Италии морем можно только Средиземным, притом источники утверждают, что путники плыли «Межиземским» морем, которое можно принять за «Средиземное» море. Однако, исходя из текста всех летописей следует, что Межиземское не было Средиземным морем, так как «римляне» добрались до него спустя немало времени после отбытия. Из последующего явствует, что Межиземским сказание называет Северное море. Доказательством этого является то, что из «Межиземского» моря путь в Море-Окиян (так летописи называли Балтийское море) проходил по реке Шуме, а под этой рекой понимались проливы, соединяющие Северное море с Балтийским.

Наиболее примитивная версия о начальном этапе путешествия изложена в Ольшевской летописи, где сказано, что путники отправились на кораблях морем, но не указано направление, которого они держались, чтобы попасть в Межиземское море (т. XXXV, с. 173). Что касается остальных летописей (Рачинского, Красинского, Румянцевской и Евреиновской; т. XXXV, с. 125, 144, 193, 214), то они содержат утверждение, будто путники направились «по заходу слонца», т. е. на запад. Однако если от устья Тибра плыть все время на запад, то попасть в Северное море невозможно. Значит, авторы этой версии представляли себе положение Италии в отношении Литвы и моря, которое следует переплыть на пути из страны в страну, очень туманно.

У составителя хроники Быховца было об этом более ясное представление; во всяком случае, он знал, что Италия в отношении Литвы находится не на западе, а на юго-западе. Поэтому в хронике сказано, что корабли беглецов пошли «морем межи земли», двигаясь на север. Тогда слова «межи земли» можно понять как движение по Средиземному морю, выйдя из которого путники повернули на север и затем, обогнув Францию и Англию, «вошли в королевство Дунское» (Датское). Значит, и составитель этой хроники не знал о существовании проливов, отделяющих Англию от материка, и поэтому заставил беглецов проделать путь из Атлантического океана в Северное море вокруг Шотландии (т. XXXII, с. 128).

Неясно представляли себе летописцы и путь из моря к Неману. В летописи Рачинского это место изложено так: путники вошли рекой Шумой в Море-Окиян «и Морем-Окияном дошли до реки устья, где Немон упадывает у Море-Окиян и потом пошли рекою Немном вверх, оли ж у море Малое, которое называется море Немное» (т. XXXV, с. 145). То же и в других летописях. В хронике Быховца вопрос о пути из Северного моря в Море-Окиян обойден молчанием, там лишь сказано, что путники из королевства Дунского вошли в Море-Окиян. В дальнейшем разницы между летописями и хроникой Быховца нет (т. XXXII, с. 128).

Во всех случаях местом, где Неман будто бы впадает в Море-Окиян, называется узкая горловина Куршского залива, которая соединяет залив с Балтийским морем, а сам Куршский залив именуется Немновым, или Малым морем. Дойдя этим морем до одного из устьев Немана, «римляне» достигли самого Немана, которым и стали подниматься вверх.

В хронике Литовской и Жмойтской, хотя она в большой мере пере-сказывает «Кронику» Стрыйковского, путь описан почти так же, как в летописях, причем (как в Ольшевской летописи) даже не указано на-правление, которого держались беглецы. Придя после длительного пути в Межиземское море, Палемон рекой Кисагой (не Шумой) прошел в Море-Окиян. Далее высказано предположение, что это, возможно, было «море Балтицкое або Венедицкое», Куршский же залив называ-ется морем Курляндским, или Немновым (т. XXXII, с. 15).

Стрыйковский, излагая легендарную часть в обеих своих работах, шел след за летописями, но значительно уточнил путь. Зная античных и средневековых авторов и хорошо разбираясь в расположении стран, находящихся на побережье Северного моря, Стрыйковский уверенно говорит о положении Фландрии, Брабанта, Зеландии, а в «Началах» упоминает о страшном наводнении, бывшем там в 1570 г. (Начала, с. 46).

В «Началах» поездка Палемона и его спутников изложена (в под-ражание «Энеиде» Вергилия) в виде поэмы. В этой работе сказано, что, подплывая к берегам Англии, путники попали в бурю, предельно вы-мотавшую их, что, выйдя на берег, они приготовили обед, после чего крепко уснули, и т. д. Вместе с тем Стрыйковский указывает, что бе-глецы плыли первоначально Средиземным морем, которое расположено между Африкой, Италией и Францией, т. е. по «настоящему» Сре-диземному морю. Выйдя из него, обогнули Гадес (Кадис), Испанию и Лузитанию (Португалию) и затем прибыли в английский порт. От бе-регов северной Англии они направились к Зунду, но буря прибила их к прусскому (!) порту, откуда они добрались до Немана (Начала, с. 58, 61—62).

Плохо представляя себе путь из Италии в Литву, летописцы почти так же плохо знали географию и самой Литвы, в особенности той, ку-да сразу прибыли «римляне», т. е. Жемайтии, западной Литвы. Наи-более поразительным представляется незнание ими местоположения таких важных для Литвы городов, как Юрборк (Юрбаркас) и Ковно (Каунас). Первый из них летописи помещают при впадении реки Юры в Неман (в действительности этот город находится при впадении в Не-ман реки Митвы), второй — при устье Невяжи, хотя на самом деле Каунас расположен при устье Вилии. Стрыйковский, зная, что Юрбаркас находится в устье Митвы, а Каунас — в устье Вилии, тем не менее в отношении первого повторяет ошибки летописцев, а вопрос о местоположении Каунаса в «Началах» обходит молчанием, в «Крони-ке» же утверждает, что этот город расположен в устье Вилии. Точно так же, как в «Кронике», сказано и в хронике Литовской и Жмойтской (ч. I, с. 84; Начала, с. 92; ПСРЛ, т. XXXII, с. 16).

Из рек летописи, кроме Немана, упоминают Дубиссу, Юру, Ви-лию — притоки Немана с правой стороны, затем приток Вилии реку Святую и приток Святой реку Ширвинту. Таких значительных рек, впадающих в Неман с той же правой стороны, как Миния и Митва, ле-тописцы не знают. Западная Двина упоминается лишь мельком. Кроме того, летописи говорят о реке Ясельде, левом притоке Припяти, и реке Окуневке, впадающей в Припять с правой стороны; все они упомина-

ются в связи с событиями, происходившими на берегах названных рек. Что касается самой Припяти, реки весьма значительной, то о ней не сказано ничего. Характерно, что, говоря о Полоцке, Гродно или Бресте, расположенных на таких реках, как Западная Двина, Неман и Буг, летописцы ни разу не отметили этого, как не отметили и того, что Туров, Мозырь и Пинск расположены на берегах Припяти. Из озер упоминаются два маленьких, находящихся в Литве, — Спера и Жосли. Из городов, имевшихся в Литве, легендарная часть называет Юрборк (Юрбаркас), Каунас (Куносово) и Кернов (Кярнаве), хроника Литовская и Жмойтская добавляет к ним Вилкомир. Гораздо больше городов отмечено летописями в Белоруссии — Браславль, Новогрудок, Койданово, Могильно, Полоцк, Друцк, Гродно, Брест, Дорогичин, Бельск, Мельник, Сураж, Пинск, Туров, Мозырь, а также Киев, Чернигов, Карачев.

Летописцы нигде не говорят о рельефе, климате, растительности. Исключение составляет местность по берегам Дубиссы, о богатстве и красоте которой летописи говорят с восхищением. Во всех остальных случаях, когда нужно было сказать что-то хорошее о месте, избранном для постройки города, летописцы ограничиваются тем, что называют «гору красну» (притом даже в том случае, когда город создавался на равнине, как произошло, например, со Старыми Троками). В целом легендарная часть, касаясь географических факторов, оперирует самыми общими данными.

Генеалогия великих князей литовских

Легенда излагает как бы начальный период истории Жемайтии, Литвы и Западной Белоруссии в лице руководящих деятелей этих областей, но так как одно и то же лицо в разных летописях называлось по-разному, то необходимо уяснить, как и в каких летописях именуются эти деятели и в каких отношениях они находились между собой.

Родоначальником князей, а затем великих князей литовских называется Палемон. У Палемона было три сына: Борк, Кунос и Спера (в Румянцевской летописи Спера при первом упоминании именуется Истра (т. XXXV, с. 193), но в дальнейшем и в этом источнике он называется Спером). Впрочем, в «Началах» Стрыйковского в числе потомков Палемона называется еще Доспронгус, почему и его можно ориентировочно причислить к сыновьям Палемона. Сразу после сообщения об основании Сперой замка говорится о Доспронгусе, причем Доспронгус называется князем девяттовским, и о создании им замка на том месте, где находится Вилькомир, над рекой Святой (Начала, с. 92). Однако это единственный случай подобного упоминания.

Два старших брата основали города в Жемайтии, Спера же двинулся на восток, за пределы Жемайтии, на территорию будущей Литвы (собственно Литвы). Борк и Спера умерли без потомства, У Куноса же были два сына — Кернус и Гимбут; Гимбут стал князем в Жемайтии, Кернус — в Литве. У Кернуса была только дочь Поятя, которую отец отдал за Гируса, в результате чего Гирус сделался князем литовским.

Сын Гимбута Монтвил оставил после себя двух сыновей. Начиная с этого места, между известиями летописей появляется различие. Согласно Евреиновской летописи, князем Жемайтии после Монтвила стал Немонос, но в каком родственном отношении он был к предшествующему князю, летопись не сообщает, как не сообщает ничего о его кончине и потомках; что касается другого сына Монтвила — Скирмонта или Скилмонта, то он был отправлен отцом, придавшим ему трех знатных вассалов, в поход из Жемайтии на юго-восток и тот, перейдя реки Вилию и Неман, занял область, где, найдя «гору красну», основал город Новоградук (Новгородок) и создал Новоградукское княжество, однако князем новгородским стал не возглавлявший этот поход Скирмонт, а сам Монтвил («И учинил себе князь великий Монтвин в нем (в Новоградке. — *Н. У.*) столец, и назвался великим князем новгородским»; т. XXV, с. 215). Впрочем, тут же сообщается, что в Новоградке сел не Монтвил, а Скирмонт. Возможно, в первом случае произошла ошибка в написании (вместо «Скирмонт» — «Монтвил»). Летопись Красинского излагает обстановку несколько иначе: Немонос был сыном Монтвила, в Новоградке же сразу сел княжить Скирмонт (т. XXXV, с. 129). В остальных летописях сыновья Монтвила называются иначе или у них имеются двойники. В летописи Рачинского, например, сказано, что у Монтвила было два сына — Немонос и Скирмонт, но тут же добавлено, что «в иных тых же называ: Викента и Ердвила» (т. XXV, с. 146). Согласно Ольшевской летописи, сыновья Монтвила назывались Ердвил и Кримунт (т. е. Скирмунт), но затем вместо Кримунта появляется Викинт, Кримунт же бесследно исчезает (т. XXXV, с. 174). В хронике Быховца Немонос и Скирмонт не упоминаются, есть только Ердвил и Викинт (т. XXXII, с. 130).

В «Началах» Стрыйковского сказано, что у Монтвила было три сына — Ердвил, Неман и Викинт, причем Неман во время похода на Полоцк (совместно с Викинтом) был убит (Начала, с. 171). В «Хронике» того же автора говорится, что у Монтвила было три сына, с теми же именами, как и в «Началах», но затем Неман исчезает (ч. I, с. 236). То же и в хронике Литовской и Жмойтской с той лишь разницей, что там Ердвил называется «Ердвил, або Радивил», и в дальнейшем почти всегда выступает только Радивил (т. XXXII, с. 17, 19). У Кояловича-Виюка утверждается, что у Монтвила было три сына — Викинт жмудский, Ердвил новгородский и Неман. Викинт и Неман умерли, не оставив потомства¹⁰.

В нелегendarной части летописей литовские князья нередко имеют по два или по три имени (языческие и христианские), но здесь одно мифическое существо называлось по-разному. Очевидно, существовали разные варианты легенды, что и отразилось в летописях. Поэтому сыновья Монтвила и называются по-разному, но из известных в настоящее время летописей и хроник Ердвил и Викинт без упоминания Немоноса и Скирмунта сохранились лишь в хронике Быховца.

Викинт — Немонос, согласно всем летописям и хроникам, умер

¹⁰ *Kojatowicz-Wiuk A. Herbarz rycerstwa Wielkiego księstwa Litewskiego. Kraków, 1897, s. 2.*

без потомства (прямо об этом нигде не говорится, но вместе с тем не сказано, что у него были дети) и после его смерти Жемайтней стал править Гирус, «князь литовский, который вышел с Китоврасу, обоими княженями, Литвою и Жомонтью» (т. XXXV, с. 129—130). Поэтому, если принять версию, что Немонос — Викинт был сыном Монтивила (а не появился неизвестно откуда, как это изложено в Евреинновской летописи), то на нем оборвалась еще одна линия потомков Палемона и, следовательно, из прямых потомков родоначальника остался лишь Скирмонт — Ердивил, князь новгородский.

По-разному летописи говорят и о князьях литовских. Все они согласны с тем, что первым князем в Литве был Кернус, сын Куноса и внук Палемона. Дальнейшее излагается неодинаково. Уже отмечалось, что Кернус выдал свою дочь Пояту за Гируса, в результате чего Гирус стал князем Литвы. Кто же такой Гирус? Как и в предыдущем случае (с Немоносом), наиболее неясной оказалась версия Евреинновской летописи. Из текста этой летописи следует, что Поята стала женой Гируса, но не утверждается, что она была дочерью Кернуса; что касается Гируса, то о нем сказано, что он «вышел с Китаवрус» (т. XXXV, с. 216), т. е. что его род принадлежал к знатнейшим фамилиям, прибывшим в Жемайтию вместе с Палемоном. Таким образом, согласно Евреинновской летописи, права Гируса на литовский «столец» кажутся весьма сомнительными, тем более что и происхождение Пояты неясно. В Евреинновской летописи Поята появляется только в качестве матери князя Куковойта, а так как отцом его называется Гирус, то лишь из этого можно сделать заключение, что Поята была женой Гируса. Так же неясно обрисован Гирус и в летописи Красинского (т. XXXV, с. 129). По летописям Румянцевской, Рачинского, Ольшевской, Гирус был сыном Довспрунка «з Дявилтова», т. е. княжества Девялтовского (расположенного к северо-западу от Вильнюса. — *Н. У.*). Однако и эти летописи, сказав, кто был отцом Гируса, не сообщают, в каком родственном отношении к Гирусу был Живинбуд, ставший после смерти Гируса князем литовским, а после смерти Викинта — еще и князем жемайтским. Вообще, титулатура князей за это время летописями постоянно путается. Так, Живинбуд называется то князем литовским, то князем литовским и жемайтским, то великим князем литовским. Далее сообщается, что у Живинбуда был «старший сын» Куковойт, но ничего не говорится, кто был «младшим» и был ли вообще у Живинбуда еще кто-либо (т. XXXV, с. 147, 175, 195).

Согласно «Началам», «Кронике» и хронике Литовской и Жмойтской, Поята была женой не Гируса, а Живинбуда Довспрунговича, а так как Довспрунг, согласно версии Стрыйковского, числится сыном Палемона, то Живинбуд — Гирус представляется не лицом, случайно занявшим «столец» Литовского княжества, а прямым потомком Палемона. В результате женитьбы на Пояте Живинбуд стал править «в Кернове, в Вилкомиру, в Девялтове и в Литве межю Невяжею и Вилиею», а после смерти бездетного Викинта на Живинбуда «спала» и Жемайтия (т. XXXII, с. 19—20).

Следовательно, Литвой и Жемайтней, согласно основным источникам, стали править князья, связанные с Палемоном лишь по жен-

ской линии, прямые же его потомки правили княжествами Новогрудским и Полоцким. Полоцкая линия скоро вымерла, тогда как новогрудская оказалась самой жизнестойкой.

Родоначальником новогрудской линии, по летописям Евреинновской и Красинского, был Скирмонт, по всем остальным — Ердивил — Радивил.

Сын Ердивила — Скирмонта Мингайло пошел походом на Полоцк, разгромил полочан и стал князем полоцким, оставаясь в то же время и князем новогрудским. По летописям Евреинновской и Красинского, князем полоцким сразу после захвата Полоцка стал сын Мингайло Гинвил. Женившись на дочери тверского князя, он «стал русином», т. е. крестился по православному обряду, в связи с чем принял имя Борис. У Бориса были сын Глеб и дочь Парасковия. Глеб умер молодым, не оставив потомства (т. XXXV, с. 130, 216). Согласно летописям Рачинского, Ольшевской и Румянцевской у Мингайло был сын Гинвил, крестившийся по православному обряду, в связи с чем он стал называться Борисом. У Бориса был сын Рогволод — Василий, а у того — сын Глеб и дочь Парасковия (т. XXXV, с. 147, 175, 195).

Значит, летописи Рачинского, Ольшевская и Румянцевская по сравнению с другими летописями увеличивают линию полоцких князей на Рогволода — Василия. Согласно «Кронике» Стрыйковского, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, христианское имя Гинвила было не Борис, а Георгий (ч. I, с. 241; т. XXXII, с. 21, 131). При всех этих различиях Глеб везде числится последним полоцким князем.

На «столице» в Новогрудке первым был Ердивил — Скирмонт, затем его сын Мингайло (по Ольшевской летописи, Михайло). В дальнейшем в разных источниках имена князей названы по-разному. Так, в летописях Евреинновской и Красинского сын Мингайло именуется Швари (Шкварно, он же Ямонт и Амонт), сын Шкварна — Ямонта Скиргайло, сын Скиргайло Ольгимонт (Акгимонт), последний в роде, он же последний в роде Палемона, — Рынгольт (т. XXXV, с. 130, 216). Согласно летописям Рачинского, Румянцевской и Ольшевской, сыном Мингайло на Новогрудском княжестве был Скирмонт, затем его сын Тройнат, после него Ольгимонт и последним Рынгольт (т. XXXV, с. 148, 176, 196—197). То же в «Началах» (с. 183, 186). По хронике Быховца, «Кронике» Стрыйковского и хронике Литовской и Жмойтской, после Мингайло следует Скирмонт, за ним Тройнат, потом Ольгимонт, Рынгольт и, наконец, Миндовг и его сын Войшелк (т. XXXII, с. 26—27, 132—133; ч. I, с. 248—249, 252—253).

В кратком виде генеалогия князей легендарной части может быть изложена следующим образом. В Жемайтии потомки Палемона вымерли в третьем или в четвертом поколении (в четвертом, если принять, что у Монвила был сын Немонос — Викинт).

На литовском престоле оказался лишь один потомок Палемона — Кернус. Очевидно, поэтому Стрыйковский в «Началах» придал Палемону четвертого сына — Довспрунка, который (а затем его потомки) стал править Литвой (Начала, с. 92). В Полоцке потомки Палемона правили два или три поколения. Дольше всего «Палемоничи» прави-

ли в Новогрудке, причем «Кроника» Стрыйковского, хроника Литовская и Жмойтская и хроника Быховца называют вполне реального Миндовга, а также его сына Войшелка прямыми потомками Палемона (ч. I, с. 253; т. XXXII, с. 26, 132).

✓ Можно предположить, что на Рынгольте и заканчивался первоначальный текст легенды. Однако впоследствии появилась необходимость увязать ее с реальными деятелями, что проще всего было сделать, придав Рынгольту потомство, а так как уже имелась летопись, в которой излагалась история князя Гедимины, то нужно было дописать промежуточную часть — от Рынгольта до Гедимины. Во всех летописях и хрониках сказано, что Рынгольт стал князем в Новогрудке по праву наследства, но в «Началах» это показано иначе, что, вероятнее всего, было измышлением самого Стрыйковского. В «Началах» сказано, что Рынгольт начал править в Новогрудке с 1200 г., но князем он стал не по праву наследства (или не только по этому праву), а «поднесенный» на престол «всеми станами» (сословиями.— *Н. У.*) государства, и с этого времени он первым начал называться князем литовским, так как Жмудь, Литва и Новогрудок достались ему одному (Начала, с. 187). Сыном Рынгольта был Миндовг, которого «Литва опрометчиво и глупо в своих летописях не вспоминает», и далее следуют приведенные ранее слова, что после возвращения из-под Могильно Рынгольт «уробил» трех сыновей (Начала, с. 194). Пользуясь работами Меховского, Кромера, прусскими и ливонскими хрониками, Стрыйковский исправил ошибку летописцев и изложил историю Миндовга (Мендольфа), придерживаясь названных источников. Великим князем Миндовг стал в 1240 г. (Начала, с. 194), крестился в 1250 г., а короновался в Кернове в 1252 г. (Начала, с. 197). Сыном Миндовга был Войшелк, на котором род Палемона окончился. После смерти Войшелка князя, бояре и народ, собравшись в Кернове, избрали князем «Сventoграда» (Свинторога Утенусовича), короновался же он в Новогрудке в 1268 г. (Начала, с. 206).

Как уже отмечалось, все источники утверждают, что род Палемона пресекался, разница заключается в том, на ком это произошло — на Рынгольте или на Войшелке? А раз род пресекался, то должен был явиться кто-то, кто бы занял освободившийся в Новогрудке «столец». Во всех предыдущих случаях престол после смерти князя занимал его сын или крайне редко ближайший родственник, что рассматривалось как вполне естественное явление. После смерти последнего из наследников Палемона надо было решать вопрос иначе. Летописи сообщают, что после смерти Рынгольта «[панове], жалуючи господара своего прырожоного, и узали собе господарем князя литовскаго и жомонтского, сына Утенусова с Китаврасу, Швинтрогаило». Этот князь начал править «на Новогородцы и на русских городех», а его отец оставался князем Литвы и Жемайтии (т. XXXV, с. 92, 131, 149, 177, 197, 218). После же смерти Утенуса Швинторог сделался князем также в Литве и Жемайтии. Таким образом, представитель герба Китоврас объединил под своей властью все три части государства в одно целое и это государство стало называться Великим княжеством Литовским, Жемайтским и Новгородским и Русским, причем объединение произошло без приме-

нения силы. Хроника Литовская и Жмойтская отмечает, что избирательный съезд происходил в Кернове, но, где был коронован великий князь, не говорит, тогда как «Начала» утверждают, что коронация происходила в Новогрудке (т. XXXII, с. 30; Начала, с. 206).

Сыном Швинторога был Гермонт, оставивший двух сыновей — Трабуса, правившего Жемайтией, и Гилигина, князя «на земле Литовской и Руской» (т. XXXV, с. 93, 132, 149, 177, 197, 218). Гилигину наследовал его сын Роман, который после смерти бездетного Трабуса, его дяди, стал одновременно и князем Жемаитии. Роман оставил пять сыновей — Наримунта, Довмонта, Гольшу, Гедруса и Тройдена (т. XXXV, с. 93, 132, 150, 177, 198, 218). В «Началах» к этому добавлено, что Швинторог умер в Новогрудке (Начала, с. 207). При изложении данных о жизни потомков Романа начинают действовать вполне реальные личности, и эти личности тотчас же вступают между собою в кровавую борьбу, в результате которой Довмонт должен был бежать в Псков. Легендарная генеалогия если и не оканчивается на сыновьях Романа, то в значительной мере теряет легендарный характер.

Стоит упомянуть еще одно обстоятельство. Уже говорилось, что если дело шло о представителях гербов Китоврас или Колюмнов, то источники (сказание) о них упоминают всегда, тогда как для Рожи и Урсинуса подобное совсем не обязательно. Особо подчеркнуто то место, в котором сообщается об избрании великим князем Витеня: «И тут скончался род с Китоврасов а начало великое княжене Витенево, род великих князен литовских с поколения а з роду Колюмнов» (т. XXXV, с. 95, 151, 179, 199). Поскольку в дальнейшем великие князья литовские, включая Сигизмунда-Августа, были прямыми потомками Витеня, то это означало, что и династия Ягеллонов принадлежала к гербу Колюмнов.

Сказание умалчивает о том, к какому гербу принадлежал Палемон, хотя разумеется, знатнейший из всех эмигрантов, родоначальник великих князей, должен был иметь герб. Судя по тому, что Швинторог и его потомки принадлежали к гербу Китоврас, можно предположить, что Палемон был того же герба. Правда, Стрыйковский в «Началах» (с. 35) сообщал, что Палемон был из герба Колюмнов, но в дальнейшем эта версия не была им подтверждена.

Различия в именах князей, неувязки в последовательности родственных связей в одних летописях, в то время как в других эти «недочеты» в значительной степени сглажены, могут служить показателями, что мы имеем дело, по крайней мере, с двумя вариантами легенды (не говоря о «Началах», содержащих немало деталей, которые, вероятнее всего, являются домыслами Стрыйковского). Наличие Немоноса и Скирмунта, действовавших вместо Ердвила и Викинта, возможно, говорит о существовании и третьего варианта.

Учитывая неувязки в наследовании в летописях Евреинновской и Красинского (из остальных ближе всего к ним Румянцевская), можно предположить, что Евреинновская содержит самый древний текст, что она отражает тот период, когда легенда еще оформлялась. Позднейшие летописцы постарались исправить все те несурозности, которые имелись в первоначальном виде.

Легенда не отмечает ни одного случая кровавой расправы князей между собой, тогда как с появлением реальных личностей убийства князей, близких между собой родственников, становятся едва ли не обязательными (борьба Миндовга с племянниками, убийство Миндовга и т. д.).

Наиболее уязвимым местом легенды, связанным с генеалогией, на которое исследователи прежде всего и обратили внимание, было слишком малое число поколений потомков Палемона, живших слишком длительное время: Палемон, согласно основной версии, уехал из Рима при Нероне, т. е. в начале нашей эры, Миндовг же появляется в начале XIII в. Значит, Палемон и его потомки правили почти 1200 лет и за это время сменилось 11 поколений (Палемон — Кунос — Гимбут — Монтвил — Ердвил — Мингайло — Скиргайло — Ольгимонт — Рынгольт — Миндовг — Войшелк). Таким образом, на поколение приходилось около 100 лет. Это слишком много даже для легенды.

Генеалогия сказания не увязывается с генеалогией Ипатьевской летописи. Эта летопись сообщает о нескольких походах киевских князей против Литвы в XI—XII вв., не называя, однако, ни имен литовских деятелей, ни какой-либо определенной местности, куда совершались походы. С началом XIII в. известия о Литве становятся гораздо более частыми и намного более основательными. Особенно содержательной является запись за 1215 г., где говорится о прибытии к галицко-волинским князьям делегации, в которую входили князья литовские, жемайтские, от Делтувы (Дяволты), а также представители знатных родов — Рушковичей и Булевичей; всего перечислено 21 человек. Персонально от Литвы были Живинбуд, Давьят, Довспрунк, Миндовг, брат Довспрунка, и Виликаил, брат Давьята; затем жемайтские — Ердвил и Викинт (прочих не перечисляем)¹¹. Как видим, четверо из названных (Живинбуд, Довспрунк, Ердвил и Викинт), не считая Миндовга, называемого в хрониках, постоянно упоминаются в сказании. Как следует из текста летописи, запись о прибытии делегации была сделана много лет спустя после 1215 г.; во всяком случае, там сказано, что Миндовг убил нескольких членов рода Булевичей, а жену одного из них — Вишимута — «поаял». По весьма вероятному предположению В. Т. Пашута, Вишимут — Висимонт был убит Миндовгом под Тви-реметом в 1253 г.¹² Значит, запись о прибытии литовской делегации в 1215 г. сделана приблизительно через 40 лет.

Значение Миндовга возрастало очень быстро: в 1235 г. Даниил галицкий «возведе на Кондрата литву Миндовга»¹³. Следовательно, к этому времени Миндовг стал самым сильным владельцем в Литве. В 1252 г. Миндовг начал истреблять свою родню¹⁴. В 1263 г. он был убит и княжить стал его убийца Тройнат; в том же году Тройнат убил своего союзника полоцкого князя Товтивила, но вскоре и сам был убит конюхами Миндовга¹⁵. Услышав об убийстве Тройната, сын Миндов-

¹¹ ПСРЛ, т. II, стб. 735—736.

¹² Пашута В. Т. *Образование Литовского государства*. М., 1959, с. 379.

¹³ ПСРЛ, т. II, стб. 776.

¹⁴ Там же, стб. 815—817.

¹⁵ Там же, стб. 860—861.

га Войшелк отправился из Пинск, где он укрывался, с пинянами в Новогрудок и оттуда, забрав с собой новогрудчан, пошел в Литву княжить. «Литва же вся пришла и с радостью своего господичича». Прибыв в Литву, Войшелк «поча вороги свои избивати, изби их безчисленное множество», а другие разбежались¹⁶. В 1268 г. Войшелк был убит, княжить стал Шварн, но он жил недолго, и после него Литвой начал править «окаянный и беззаконный» Тройден, которого летописец приравнивает к Антиоху Сирийскому, Ироду Иерусалимскому и Нерону Римскому¹⁷. На Тройдене, следовательно, сходятся сведения как сказания, так и Ипатьевской летописи.

Летописное сообщение 1270 г., характеризующее Тройдена как человека крайне жестокого, не приводит никаких данных относительно этого качества, притом его четыре брата показаны лицами предельно добродетельными. Ничего не говорят о жестокости Тройдена и записи за 1274 и 1278 гг. (за 1278 г. сказано, что он «еще княжашчо в Литовской земле»). В записи за 1270 г. говорится, что Тройден прожил еще 12 лет; значит, о нем написано не раньше, чем в 1282 г., и характеристика человека жестокого дана после малосодержательных записей за 1274 и 1278 гг. Кто стал править после Тройдена, летопись не говорит.

В сказании история Тройдена изложена тоже путанно, но по-иному. Прежде всего у него есть как предки, так и потомки. По сказанию, Тройден был праправнуком по прямой линии Свинторога Утенусовича, у него был и сын, которого он отправил к князю Льву во Львов. Этот сын назывался по-литовски Рымонт, по-русски Василий, а после того как Рымонт стал монахом, получил имя Лаврыш (в летописях его имена несколько разнятся) (т. XXXV, с. 93—94, 132, 150—151, 177—178, 198—199, 219—220). По наущению его брата Довмонта Тройден был убит, и тогда князем стал Рымонт — Лаврыш, который, однако, отказался от престола и предложил избрать князем Витеня, что и было сделано.

Сказание говорит, в чем заключалась жестокость Тройдена: будучи очень воинственным, он непрерывно воевал с русью, поляками и мазурами, над землями которых «силный окрутенства чинил», о чем сообщает русская хроника. (Между прочим, в хронике Быховца о жестокости Тройдена говорится точно так же, как в сказании, но, кроме того, Сигизмунд Кейстутевич тоже приравнивается к Антиоху Сирийскому и Ироду Иерусалимскому; т. XXXII, с. 135, 155.) Очевидно, такое сравнение было очень популярным при характеристике жестоких правителей.

Из приведенных данных о Тройдене видно, что разница между Ипатьевской летописью и сказанием настолько велика, что первая не могла быть источником второго.

¹⁶ Там же, стб. 861.

¹⁷ Там же, стб. 869.

Образование государственной территории Великого княжества Литовского

Несколько обжившись на новом месте по берегам Дубиссы, в Жемайтии, поселенцы начали осваивать более пространную территорию. Направление движения было в основном на восток и лишь в небольшой мере на запад. Судя по тому, что старший сын Палемона, Борк, основал свой город (Юрборк) в устье Юры, колонисты скоро освоили и бассейн этой реки, находящийся к западу от Дубиссы. Однако они не достигли моря, так как между Юрой и морем протекает еще река Миния, о колонизации которой летописи не упоминают. Вероятнее, всего, летописцы считали, что к моменту появления «римлян» (да и позже) по берегу моря до самого устья Немана сидела «латыгола»; во всяком случае, сказание позже упоминает латыголу, «сидевшую над берегом морским» (т. XXXV, с. 146). Стрыйковский, а за ним и хроника Литовская и Жмойтская устранили эту неясность и «передали» переселенцам всю область до самого моря. Согласно этой версии, Борк владел территорией, «почавши от Юры реки аж до моря Прусского и Курляндского» (ч. I, с. 84; т. XXXII, с. 16).

На востоке граница Жемайтии показана хотя и не очень четко, но гораздо более определенно, чем на западе. Вообще, восточной границей Жемайтии считается река Невяжа, текущая меридионально, однако город Ковно, расположенный несколько восточнее Невяжи, тоже относился к Жемайтии. Следовательно, первоначальная территория представляла собой как бы четырехугольник, краем которого на западе был бассейн Юры (или, согласно хроникам, берег моря), на севере граница строго не очерчена, на востоке река Невяжа, о юге упоминаний нет, но из дальнейшего изложения следует, что южной границей служил Неман.

О деятельности организатора всего дела — Палемона на новом месте источники не сообщают ничего; говоря точнее, по приезде в Жемайтию он известен лишь в качестве отца трех сыновей, которые и стали основателями первых государственных образований. При выборе территорий сыновья предводителя были совершенно самостоятельны; Палемон к этому отношения не имел.

Старший сын Палемона, Борк, начал осваивать крайний запад — бассейн реки Юры. Районом деятельности второго сына Палемона — Куноса стал крайний восток Жемайтии, где он основал город Куносав (Каунас).

Младший сын Палемона — Спера показан личностью, гораздо менее значительной, чем его братья. Спера начинает действовать только тогда, когда население в Жемайтии увеличилось настолько, что требовалась дополнительная территория, а поскольку пришельцы в основном двигались на восток, то и в дальнейшем они придерживались того же направления. Возглавил это движение за пределы Жемайтии Спера, который, переправившись через реки Невяжу (Невежис), Святую (Швянтойи) и Ширвинту, нашел озеро «луками розмаными и деревом окрашено», где и поселился с сопровождавшими его людьми; найденное озеро было названо Спера. Такое озеро, очень небольшое,

действительно есть в Литве, к северо-западу от Вильнюса (недалеко от верхнего течения Ширвинты), и чтобы добраться до него с запада, действительно необходимо переправиться через Невяжу и Святую. Примечательно, что Спера, не в пример старшим братьям, согласно летописям, не создал на своей территории города и вообще какого-либо поселения и своим именем назвал только озеро.

Стрыйковскому, однако, показалось, что деятельность Сперы была большей, чем показано в летописях, поэтому он написал, что этот князь построил замок, названный им «Спера». В дальнейшем значение Сперы в «Хронике» было еще более усилено: сделав его наследником Борка, Стрыйковский «передал» ему всю западную Жемайтию. То же повторено в хронике Литовской и Жмойтской (ч. I, с. 84—85; т. XXXII, с. 16). Западная Жемайтия с Юрборком (а также владения Сперы), по этой версии, перешли к Куносу после смерти Сперы.

Здесь можно предположить, что Стрыйковский хотел «исправить» положение в пользу собственно Литвы. В летописях подчеркнуто превосходство Жемайтии над Литвой (Литва — нечто вроде колонии Жемайтии). В действительности Литва, по крайней мере в историческую эпоху, имела гораздо большее значение, чем Жемайтия, и поэтому Стрыйковский постарался показать, что Литва не была столь зависима от Жемайтии (местность, где Спера построил свой замок, находится почти в центре Завилейской Литвы, исторического ядра Литвы). Стрыйковский и хроника Литовская и Жмойтская подчеркивают значение Сперы и после смерти: его труп сожгли «ведлуг римского обычая» над озером Спера, прах, положенный в урну, был закопан в землю, а на месте захоронения поставлен «болван», которого «аж до часов Ягейловых хвалили», т. е. поклонялись ему до принятия христианства. Детали о похоронах даны, видимо, для того, чтобы еще раз напомнить о римском происхождении Сперы (ч. I, с. 85; т. XXXII, с. 16—17).

Владения Сперы находились между Невяжей и Ширвинтой, где, согласно Стрыйковскому и хронике Литовской и Жмойтской, появляется и «Доспронгус, товарищ Палямонов, патрикий або отчичь княжат римских», который над рекой Святой построил рядом два замка, назвав их Вилькомир (современный Укмерге). Доспронгус (Довспрунк, по другим источникам) титуловался князем девялтовским, его владения простирались до Вилии (ч. I, с. 85; Начала, с. 93; т. XXXII, с. 16). Как видим, Стрыйковский здесь непоследователен; ранее, в «Началах», назвал Доспронгуса потомком Палемона, сейчас же он только «патрикий», палемонов товарищ. В дальнейшем сын «патрикия», человек, близкий к Палемону, потребуется для того, чтобы князем литовским стало лицо знатного происхождения. Колонизационная деятельность Сперы и Доспронгуса представляет собой начальный период создания Литовского государства.

Однако, как бы ни старался Стрыйковский возвысить Сперу, он «не дал» ему сыновей, в результате чего ведущая роль в ходе дальнейших событий должна была сохраниться за Куносом, у которого было два сына: Гимбут и Кернус. Именно Кунос, согласно основной версии, сразу после смерти Борка получил Юрборк, в результате чего стал

владельцем всей Жемайттии. Далее сказание передает события, связанные с колонизационной деятельностью Куноса: население Жемайттии возросло настолько, что ему стало тесно на старом месте и оно начало «выходити на реку Велью в землю Завельскую». Движение на этот раз возглавил Кунос, который переправился через реку Святую и основал город Керново, названный так в честь сына Куноса — Кернуса (ч. I, с. 85—86). Впрочем, в «Началах» сказано, что Кернов основал сам Кернус, а не его отец (Начала, с. 93). Как видим, относительно небольшое пространство на берегах рек Святой и Ширвинты было колонизовано сначала Сперой, там же начал свою деятельность девятловский князь Доспронгус, туда же двинулся и Кунос. Любопытно отметить, что, возможно, как раз этот уголок дал название литовскому народу и государству¹⁸.

Здесь летописи впервые упоминают Завилейскую землю. В данном случае это понятие больше географическое, чем политическое. Само название говорит за то, что область находилась за Вилиней.

Вилия в основном течет с северо-востока на юго-запад. Следовательно, Завилейская земля должна (в зависимости от того, откуда на нее смотреть) находиться или на правом северном берегу, или на левом южном. (Из дальнейшего следует, что Завилейская земля находилась к северу от реки Вилии.) Однако не все источники говорят об этом одинаково. Выражение «на реку Вилию» свидетельствует, что колонисты достигли правого берега Вилии. Так сказано в летописях Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреиновской (т. XXXV, с. 146, 174, 194, 215). В то же время в летописи Красинского, хронике Быховца, «Хронике» Стрыйковского и хронике Литовской и Жмойтской сказано «за реку Велью в землю Завельскую» (т. XXXV, с. 129; т. XXXII, с. 16, 129; ч. I, с. 85). Версию «за Вилию» принимает и М. А. Ючас¹⁹, ссылаясь, однако, лишь на те источники, которые содержат эту версию. Здесь явная ошибка, поскольку все дальнейшие события разворачиваются на правобережье, тем более что и город Керново находится на правом берегу Вилии.

Поскольку более вероятно, что составители летописи Красинского и хроники Быховца, по крайней мере в этом месте, не исправляли испорченный текст, а искажали правильный, то более вероятным кажется выражение «на Вилию», т. е. что колонисты не переправились через реку, а лишь достигли ее.

Если принять версию, что жемайтами была колонизована лишь правая сторона Вилии (где и образовалась Литва), то территория Жемайттии и Литвы к моменту выхода жемайтов на Вилию будет иметь следующий вид: на западе — Балтийское море (или бассейн р. Мишис), на востоке — несколько не доходя до города Браславля, на севере — не доходя Западной Двины и на юге — Вилия — Неман. Согласно сказанию, такая территория Жемайттии — Литвы оставалась неизмен-

¹⁸ Волкайте-Куликаускаене Р. К. Образование литовской народности. — Советская этнография, 1979, № 3, с. 40. Согласно этой версии, название «Литва» первоначально относилось к территории, расположенной на правом берегу Вилии, и увязывается с названием правого притока этой реки — Листавы (Листауки).

¹⁹ Jučas M. Lietuvos metraščiai. Vilnius, 1968, p. 60.

ной от момента основания Ердвилем Новогрудка до того времени, когда три государства (Жемайтия, Литва и Новогрудское княжество) слились, образовав громадное Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское Новогрудское. Следовательно, наращивание государственной территории происходило исключительно силами Новогрудского княжества, на помощь которому (не всегда) приходили силы Жемайтии и Литвы.

Согласно сказанию, силой оружия непосредственно был завоеван лишь Полоцк, но в дальнейшем (вернее, сразу после его покорения) ни Полоцк в отдельности, ни вся Полоцкая земля в качестве области, подчиненной Новогрудку, никогда не упоминаются. Эта обособленность заходит так далеко, что Полоцк не участвует ни в одной из военных акций Новогрудка. Дав краткую сводку культурной деятельности в Полоцке потомков Гинвила и отметив, что эта династия вымерла, сказание к Полоцку больше никогда не возвращалось.

Во всех остальных случаях (исключая Полоцк) территория Новогрудского княжества (Великого княжества Новогрудского) увеличивалась или в результате победоносных битв, ведшихся с татарами или волынскими князьями, или путем захвата областей, население которых нисколько не сопротивлялось этому.

Из племен и народов сказание упоминает жомойть, литву и русь, на которых и сосредоточено главное внимание, а также, но крайне редко, татар, латыголу (латышей), немцев и корсь.

Граница между Литвой и Русью показана очень четко — это река Виля (с жомойтью у руси непосредственных контактов не было). Чем, однако, разнилась литва от руси? О том, что язык жомойти отличался от русского, упоминает только летопись Красинского, и притом всего один раз (в связи с названием «Жомойть»). Очевидно, для летописцев, как и полагалось в средневековье, самым существенным был вопрос не этнический, а религиозный. Русь была христианской, литва и жомойть — языческими. Переход литовца или жемайта в христианство (по православному обряду) означал превращение неофита в «русина»; так произошло, например, с князем полоцким Гинвилем (т. XXXV, с. 130, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 160). Однако у Стрыйковского сообщается лишь, что Гинвил первым из литовских князей стал христианином, но о «русине» не говорится (Начала, с. 183; ч. I, с. 241). «Русинами» становились Гедиминовичи и вообще знатные литовцы и жемайты, получавшие владения на Руси, где они сразу крестились. Одновременно, попадая в иную этническую среду, меняли и язык, но это находится за хронологическими пределами сказания. Если о крещении литвина и превращении его таким образом в русина летописи, хотя и редко, сообщают, то о превращении русина в литвина — никогда. Язычество в то время угасало, повсеместно распространилось христианство, а чтобы стать литовцем, видимо, нужно было отказаться от христианства в пользу язычества.

Данные сказания о том, где находилась Русь, чрезвычайно ограничены. «Русь» — это прежде всего Волынь, затем Друцкое княжество, Полесье (города Туров, Пинск, Мозырь), Киевщина, Подляшье (Берестье, Дорогичин, Мельник), а также Городно, Чернигов, Стародуб,

Карачев. Полоцк не назван Русью, а о Минске и вообще о Белоруссии восточнее линии Полоцк — Койданово — Могильно (кроме Друцка) летописи и хроники не упоминают.

Значит, из необъятной Руси сказание упоминает только отдельные районы или города, прежде всего находившиеся на Волыни. Весьма неясно представление сказания относительно этнического состава населения того княжества, которому этот источник уделяет больше всего внимания, т. е. Новогрудского.

Судя по тому, что основатель этого княжества Ердвил — Скирмонт, отправляясь на «русские земли» из Жемайтии, должен был переправиться через Вилию и Неман, можно считать, что Русь находилась непосредственно за Вилией, что согласуется и с предыдущими высказываниями того же сказания, что Литва — это область между Вилией и Двиной. Однако Новогрудское княжество, созданное южнее Вилии, восточной границей которого были Койданово — Могильно, в летописях и хронике Быховца нигде не называется Русью, как не называется Русью и Полоцкое княжество. Так, Ердвил — Скирмонт, основав Новогрудок, двинулся на юго-запад и «зарубил» города Городно, Берестье, Дорогичин и Мельник, разрушенные татарами. Однако о том, что это были русские города, источники не говорят (т. XXXV, с. 91, 129, 146, 174, 194, 215). Туров и Пинск, которые после битвы на Ясельде занял новогрудский князь, тоже не называются русскими (там же). Иначе обстоит дело с восточным Полесьем и северной Украиной — это земли русские. Так, после разгрома татар под Койдановом новогрудский князь «пошел на Рускую землю, и взял город Мозыр и Чернигов, Стародуб, Карачев» (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 176, 196, 217). О том, что Новогрудок с областью были тоже «русскими», имеются в большинстве косвенные указания: волынские князья непрерывно заявляли претензии на этот район как принадлежавший ранее русским князьям. Татарский «царь» требовал от новогрудского князя дани на том основании, что русские князья прежде платили дань за Новогрудскую землю, называя при этом новогрудского князя потомком русских князей (хан Балаклай потребовал, чтобы Скирмонт, князь новогрудский, «выходы его дал и баскаки его ховал по тым городом по тому, как с тых городов хоживал за предков его, князей русских»; т. XXXV, с. 91, 130, 148, 175, 196, 216—217). Вместе с тем в одном из последних сообщений о Новогрудке как о столице большого государства прямо сказано, что это был «русский» город: «И кнежечы Рынгкольту не мало лет на Новогородцы и на иных городех русских» (т. XXXV, с. 148).

Сказание никогда не называет Новогрудское княжество ни литовским, ни жемайтским. Оно существует само по себе, занимая при этом положение (в политическом отношении) выше, чем Литва или Жемайтия. Князья-литовцы в Новогрудке были кем-то вроде варягов, но варягов, которые не денационализировались. В то же время эти князья в сказании никогда не называются ни литовскими, ни жемайтскими, а только новогрудскими (вернее, великими князьями новгородскими), и лишь у Стрыйковского их титулатура несколько изменяется.

Очевидно, тот же вопрос, который сейчас возникает у нас при чтении летописей, о национальном характере Новогрудского княжества,

возник в свое время и у Стрыйковского. Оценивая значение литовского и жемайтского элемента в истории Новогрудского княжества, Стрыйковский изменил свою точку зрения, что и отразилось в его «Началах» и «Кронике».

В «Началах», т. е. в своем раннем произведении, Стрыйковский изложил версию об отношениях литвы с русью, которая отличается от всех остальных. Во-первых, «Начала» отличают Литву «Понеманскую» от той, которая сидела «над Вилией и Двиной». Отсюда можно вывести заключение, что поскольку, по мысли Стрыйковского, район между Вилией и Западной Двиной был лишь недавно колонизован жемайтами, то Понеманье заселено литовцами издавна. Это, конечно, не вяжется с представлением, что Литва — область, колонизованная жемайтами. Очевидно, Понеманская Литва — это не Жемайтия, поскольку центром области была река Дубисса. Судя по позднейшим сообщениям, это и не район верхнего Немана. Более всего под «Понеманскую» подходит местность, расположенная по Неману ниже Гродно и далее, не доходя до Ковно, вернее, до Невяжи. Политическая история Понеманской и Повильской Литвы на раннем этапе была разная. «Та Литва, которая жила над Неманом в пущах, издавна прислуживала Новогрудскому княжеству», сидевшая же над Вилией и Западной Двиной жила спокойно (Начала, с. 93). Следовательно, в истории Понеманской Литвы был период, когда она «прислуживала» Новогрудку, а это должно означать, что Новогрудок не был создан жемайтским князем, а существовал много ранее.

«Начала» сообщают также о ранних столкновениях между литвой (видимо, Повильской) и Полоцком. Полоцкий князь (не сказано, какой) совместно с псковичами напал на литовцев как на язычников, взял многих из них в плен и сделал из пленников «как бы скот». В ответ Гимбут с Кернусом напали на полоцкие владения. Они пришли к Браславию, разорили всю волость, затем двинулись к Полоцку, разорили все окрестности города, взяли в плен много народа, полоцкий же князь, испугавшись, спрятался в замке (Начала, с. 93—94). Несогласия в Руси привели к тому, что Кернус постепенно освободился от зависимости русских князей (Начала, с. 154).

Далее сообщается, что у жемайтского князя Монтвила было три сына — Ердивил, Немонос и Викинт. Двух последних отец послал воевать против Полоцка. На помощь полочанам пришел смоленский князь Мстислав Давыдович. Литовцы были разбиты, Немонос убит (Начала, с. 170—171). Начальная часть сообщения есть и в «Кронике» (ч. I, с. 233), но об убийстве Немоноса там ничего не сказано. Очевидно, сведения об этом убийстве было внесено в «Начала», чтобы объяснить непонятное исчезновение этого князя. Позже, не имея подтверждения обстоятельств смерти Немоноса в летописях, Стрыйковский исключил это место²⁰.

Рассказ Стрыйковского и хроники Литовской и Жемойтской о по-

²⁰ А. Коялович-Визок (1609—1677), тоже опиравшийся на летописи, писал о наличии у Монтвила трех сыновей, в том числе Немана, но, как окончилась жизнь Немана, он не сообщает (*Kojalowiez-Wizok A. Op. cit., s. 2*).

ходе Ердивила на Русь, о захвате им территории к югу от Немана, а затем юго-запада Белоруссии отличается от рассказа летописей тем, что Новогрудок был создан не на пустом месте, как об этом сказано в летописях, а на городище, разоренном Батыем. Население при этом не противилось жемайтам (вернее, защищать край было некому, так как его опустошил Батый). Далее «Кроника» и хроника Литовская и Жмойтская о деятельности Ердивила говорят то же самое, что и летописи, но в хронике Литовской и Жмойтской Ердивил именуется Радивилом (при первом упоминании он называется «Ердивил або Радивил», но далее только Радивил) (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19). Что касается «Начала», то в них есть ряд дополнительных сообщений, которые позже были Стрыйковским исключены. Так, «Начала» утверждают, что Ердивил во время похода на юго-запад Белоруссии построил при впадении реки Меречи в Неман замок Меречь. В дополнение к городам, которые, согласно другим источникам, восстановил Ердивил (Берестье, Дорогичин, Бранск, Мельник, Бельск), «Начала», называют Волковыск и Мстислов. В заключение в «Началах» сказано, что потомство одного из вассалов Ердивила — Ейкша (ставшего родоначальником Довойнов) — вскоре так размножилось, что Новогрудская, Гродненская, Волковысская и Мстисловская земли оказались заполненными шляхтой из этого рода (Начала, с. 172—177).

Заняв Подляшье, Ердивил восстановил разрушенные замки, причем население и здесь не только не оказывало ему никакого сопротивления, но выражало свое сочувствие. Расширив свои владения, Ердивил стал титуловаться так: «Радивил Монтилович Жомойтской и Литовское земли дедичный пан, перший великий князь русский новгородский» (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19). Следовательно, по этой версии, Ердивил был не предводителем небольшого отряда, направленного Монтилом с определенной целью на восток, а «дедичным» (наследственным) князем Жемайтин и Литвы. Стрыйковский не объясняет, кем в таком случае становился Монтил, если владельцем и Литвы и Жемайтин делался его сын. Вместе с тем Стрыйковский подчеркивает, что Новогрудское княжество было русское, чего нет в летописях. Что касается тех знатных жемайтов, которые пришли с Ердивилом и которым он раздал на Руси поветы, то они вскоре побратались и покумились с «русью, христианами» (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19).

Части «Начал» и «Кроники» Стрыйковского, в которых содержатся легендарные данные, основаны на летописях, точнее говоря на сказании, и схожи с летописями. Однако между летописями и работами Стрыйковского места есть и значительная разница. Она особенно отчетливо проявляется при определении роли руси (вернее новогрудчан) и литвы (а также Жемайтин) в победах, одержанных новогрудскими князьями. Больше всего эта разница ощущается между летописями и «Началами» и гораздо меньше между летописями и «Кроникой», показывая тем, что в «Кронике» Стрыйковский в гораздо большей степени следовал за летописями, чем в «Началах». Вероятнее всего, в своей работе («Началах») этот автор больше фантазировал, тогда как позже стал больше следовать за своими источниками, тоже, впрочем, достаточно фантастическими.

В летописях говорится о четырех битвах новгородских князей, которые неизменно оканчивались блестящими победами: на реке Ясельде, у Койданаова, на реке Окуневке и у Могильно на Немане.

По летописным данным, в битве на Ясельде с волынцами, которой руководил новгородский князь Скимонт или Шкварн, главную силу составляли новгородчане, на помощь которым пришел с литовской силой (или литовской и жемайтской) князь Куковойт (т. XXXII, с. 131; т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216). В то же время в «Началах» говорится, что победу над волынцами одерживали главным образом литва и жмудь (Начала, с. 184—185). В «Хронике» же и хронике Литовской и Жмойтской, как и в летописях, сказано, что войско литовского князя Куковойта представляло лишь вспомогательную силу, решающую же роль играли новгородчане (ч. I, с. 244; т. XXXII, с. 22).

В битве у Койданаова победа над татарами, согласно летописям и хронике Быховца, была одержана исключительно силами новгородчан (князем Скимонтом); ни литва, ни жемайты в битве не участвовали (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 176, 196, 217; т. XXXII, с. 131). По хронике Литовской и Жмойтской, Скимунт назван князем новгородским и литовским, но пришел он к Койданаову с войском «русским» (т. XXXII, с. 23). Согласно же «Началам», Скимунт у Койданаова был «с литвой и русью», причем «триумф взяла» одна литва (Начала, с. 185). В противоречии с летописными данными «Начала» утверждают, что в результате битвы Скимунт захватил не только Мозырь, Стародуб, Чернигов и Карачев, но и Брянск, и «Путвиль» (Путивль) (Начала, с. 185). Согласно «Хронике», победу одержали совместно Скимунт и Куковойт, т. е. Новгородок и Литва (ч. I, с. 248). Значит, в этом случае разницы между «Хроникой» и «Началами» нет.

У Могильно против коалиции русских князей и татар, по летописям и хронике Быховца, выступал только новгородский князь Рынгольт, битва окончилась сокрушительным поражением союзников (т. XXXV, с. 92, 131, 148, 176, 197, 217; т. XXXII, с. 132). В хронике Литовской и Жмойтской говорится, что Рынгольт, великий князь литовский, жемайтский и новгородский, пришел к Могильно, «зобравши литву и жомойть, также и русь свою» (т. XXXII, с. 25). Иначе изображено в «Началах»: Рынгольт выступил к Могильно с «вымуштрованным рыцарством Литвы и Жмудии»; жмудское войско шло впереди, литовское — с правой стороны, а отряды новгородчан — в центре (Начала, с. 187). Сразу после этой битвы Рынгольт двинулся против немцев, так как в то время крестоносцы направились против прусов (Начала, с. 188). Почти то же самое, хотя и без деталей, которые так охотно добавлял Стрыйковский, говорится в «Хронике» (ч. I, с. 248).

В «Хронике», а за ней и в хронике Литовской и Жмойтской есть описание еще одной битвы с татарами, тоже окончившейся полным разгромом врага. Об этой битве ни в летописях, ни в «Началах» нет ничего. В хронике Литовской и Жмойтской это событие описано так: татарский хан Кидан, услышав, что Радивил жомойтский захватил «панства» Новгородское, Берестейское, Подляшское и другие, «аж до Мозыра», в 1263 г. послал к нему своих баскаков, требуя дани. Радивил обратился за помощью к братьям — Викинту жомойтскому и Живин-

буду литовскому, и те прислали свои отряды. К тому времени Кидан переправился через Днепр и «тамтою стороною» (очевидно, правым берегом) пришел к Мозырю. Радивил, у которого были русь, новгородчане, слонимчане, пинчане, жемайты и литва, ударил на рассвете по татарам и одержал блестящую победу (т. XXXII, с. 20). Как видно, в этом случае на первое место выдвинуты войска «руси» и ряда городов западной Белоруссии; литовский отряд играл подсобную роль. Здесь, как и в ряде других случаев, видно плохое знание составителем летописи географии описываемой им местности. Так, в летописи написано: Кидан «притягнувши под Мозыр... положил ся над Днепром на устю Припети» (т. XXXII, с. 20), но от Мозыря до устья Припяти больше 100 км, и поэтому «положиться» одновременно и в устье Припяти, и у Мозыря невозможно.

Все летописи и хроники, а также Стрыйковский подчеркивали, что новгородские великие князья завладели юго-западом Белоруссии, не встречая никакого сопротивления населения и даже при его одобрении, войны же против волынских князей и татар имели характер оборонительный. Волынские и другие русские князья выступали против владельцев Новогрудка, потому что считали Новогрудское княжество своим наследственным владением, но на собственно литовские земли они не претендовали.

В соответствии с направлением экспансии из Новогрудка на юго-запад сказание совершенно не упоминает об отношениях с немецкими орденами и лишь мимоходом отмечает нападение на Жемайтию «латыголы» и ответную акцию жемайтских князей.

В результате удачных войн Новогрудское княжество во время правления Рынгольта, т. е. вообще в конце существования его в качестве независимой политической единицы, представляло собой огромное по тому времени государство. Северной границей его служила река Вилия, восточной — линия Койданово — Могильно; на юго-западе владения Новогрудка охватывали Гродно и все Подляшье с городами Берестье, Дорогичин, Бельск, Мельник, Бранск, Сураж, а также Полесье с Пинском, Туровом и Мозырем, а на юго-востоке — Чернигов, Стародуб и Карачев. Западная граница в летописях не указана, но, согласно «Началам», она шла примерно по современной советско-польской границе. Впрочем, в «Кронике», а также в хронике Литовской и Жмойтской есть сообщение, что владения новогрудского князя начинались на северо-западе у Вильно, но это, видимо, описка (вместо от «Вилии» написано «от Вильны»), тем более что далее говорится, что сын князя Мингайло «сел на отцевской столице в Новгородку князства Руского и Литовского по Вилии реце» (ч. I, с. 249; т. XXXII, с. 21).

В политическом отношении только в одном случае, после победы у Койданова и захвата ряда земель, Скирмонт посадил в Турове своего брата Писимонта, а Любарта — в Карачеве (согласно «Кронике» и хронике Литовской и Жмойтской, названные князья получили по два города, но это в данном случае не имеет значения). Оба князя пали в битве на Окуневке, и их уделы должны были вновь отойти к великому князю новогрудскому. Таким образом, согласно сказанию, Новогрудское княжество представляло собой государство, которое

непрерывно увеличивалось, но на уделы не дробилось (ч. I, с. 248; т. XXXII, с. 24).

Титулатура правителя страны в средневековые имела большое значение. В летописях татарский хан всегда назывался царем, правители Литвы и Жемайтии — великими князьями; точно так же и в Новогрудке всегда сидели великие князья. Уже Ердивил, согласно летописям, «вчичил город» и назвался великим князем новгородским (т. XXV, с. 129, 146, 174, 194, 215). И впоследствии новогрудские князья неизменно называются великими, тогда как русские — просто князьями (князь Мстислав луцкий и пинский, князь друцкий и т. д.). Естественно, что выражение «великий князь» в отношении правителей Новогрудка должно было подчеркнуть их высокое положение, равное положению князей литовских и выше русских. В дальнейшем из трех великих княжеств — Новогрудского, Литовского и Жемайтского — образовалось одно — Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское (Русское Новогрудское), столицей которого стало Керново, потом Старые Троки, затем Троки Новые и, наконец, Вильно. При всех этих переменах объединение происходило мирным путем.

После переноса столицы из Новогрудка летописи начинают говорить не о трех отдельных владениях — Жемайтии, Литве и Новогрудском княжестве, а об одном общем государстве. При перечислении княжеств на первое место стала всегда выноситься Литва.

События, происходившие после смерти Рынгольта, в хрониках и летописях описаны по-разному, причем в летописях, независимо от того, сказано ли там прямо, что Рынгольт умер «без плodu» или что он оставил наследником Войшелка, продолжение одинаковое: на престол великого князя был избран Свинторог, или Швинторог, сын Утенуса герба Китоврас, и он был князем в Новогрудке «и на руских городах». После смерти своего отца, Утенуса, Свинторог «начнеть кнежыти на великом кнежени Литовском и Жомоитском, и Новгородском и Руском» (т. XXV, с. 132, 149, 177, 197, 218).

С именем Свинторога — Швинторога не связано никаких примечательных событий. Свинторог — это как бы звено, связывающее перенос центра внимания летописей из Новогрудка в Вильно. Начало этому положило распоряжение Свинторога, данное его сыну Скирмунту, чтобы тот сжег труп отца там, «где река Вилня упадывает у Велю», т. е. на том месте, где позже был создан город Вильно. Затем Свинторог распорядился, чтобы там вообще сжигали «всих князен литовских и знаменитых бояр», а далее сообщается, что «перед тым жыгали тела мертвых на том местцу, хто где умереть» (т. XXV, с. 132, 149, 177, 197, 218). Таким образом, Свинторог создавал общелитовское святилище, а вместе с тем как бы предопределил место, где впоследствии должна быть создана столица. Дав такой наказ, Свинторог умер, и с телом его поступили именно так, как он приказал, т. е. сожгли на костре, причем вместе с ним сожгли любимого коня и слугу, а также охотничьего пса, сокола и одежду (т. XXV, с. 132, 149, 177, 197, 218). Далее следует описание религиозных воззрений и погребальных обрядов того времени.

Скирмонт оставил после себя двух сыновей — Трабуса и Колигина.

Первый из них стал княжить в Жемайтии, второй — «на земле Литовской и Руской». После смерти Колигина править стал его сын Роман, который после смерти Трабуса делается князем триединого государства — Жомойтского, Литовского и Русского (т. XXXV, с. 150). При всем том Роман выступает в летописи только в качестве отца пяти сыновей — Наримунта, Довмонта, Голшиса, Гедруса, Тройдена.

Наримунт, став великим князем, начал с того, что «вчинил» город Керново, куда и перенес свой «столец» из Новогрудка, после чего стал титуловаться великим князем литовским, новгородским и жомойтским (т. XXXV, с. 150). Это последнее упоминание о том, что Новогрудок был столичным городом. Здесь уместно вспомнить, что Керново, согласно тем же летописям, было создано уже давно (т. XXXV, с. 129, 146, 174, 194, 215).

Далее следует пояснение, откуда в Литве появился ряд населенных пунктов и почему они так названы (об этом не говорится прямо, а следует из текста летописей).

Второй сын Романа, Довмонт, «сел» в Утянах и назвался князем утянским; Гедрус «зарубил» город, назвал его Гедройти и стал титуловаться князем гедройтским; Голшис переправился через реку Вилию, нашел «гору красну» над рекой Вильней в миле от впадения ее в Вилию, где и основал город Гольшаны, но вскоре ему еще больше приглянулось место над рекой Кораблем, и он основал там другой город, куда и перенес свою столицу, сохранив, однако, титул князя гольшанского (как был назван город над рекой Кораблем, не сказано).

Все названные здесь населенные пункты существуют издавна, и все они расположены на недалеком (не более 100 км) расстоянии от Вильнюса. Утяны и Гедройти находятся к северу от Вильнюса и от Вилии. Значит, автор, который писал, что Голшису пришлось переправиться через эту реку, чтобы найти свою «гору красну», смотрел на описываемую местность, находясь на левой стороне Вилии. Гольшаны, как и Гровжишки, находятся в современной Гродненской обл. на левобережье Вилии. Что касается поселения, которое создал Голшис над рекой Кораблем и названия которого в летописи нет, то определить его местоположение не удалось²¹.

Пространный рассказ, озаглавленный в ряде летописей «О пяти сынех Романовых», далее излагает ход междоусобной борьбы между братьями. Этот раздел кончается сообщением, что сын Тройдена Рымонт — Лаврыш герба Китоврас отказался от престола в пользу Витеня герба Колюмнов (т. XXXV, с. 151).

С приходом к власти «Колюмнов» Новогрудское княжество как отдельная политическая единица исчезает со страниц летописи; существует уже только Великое княжество Литовское, Русское и Жомойтское или Литовское, Жомойтское и Русское.

Сказание не знает дат, кроме года рождения Христа. Однако время создания Новогрудка и его огромных успехов определяется в общих

²¹ В «Географическом словаре Польского королевства и прочих славянских земель» упоминаются деревни Корабли в Вилейском у. Виленской губ. и Корабы в б. Ошмянском у. той же губернии. В обоих случаях не указано, на каких реках они находились (Słownik geograficzny królestwa Polskiego. Warszawa, 1883, t. IV, s. 391).

чертах по событиям. Ердвил пришел в местность, где он основал Новогрудок, после нашествия Батыя, т. е. ориентировочно в 1240 г. Тройден начал править в 1270 г., когда Новогрудское княжество перестало расширяться. Значит, все приобретения были сделаны между 1240 и 1270 гг.

Персонально сказание называет новогрудскими князьями тех лиц, которые в летописях не упоминаются (о Войшелке — Войшвилаке вспоминают лишь «иные», да и то в туманной форме; о Миндовге, Войшелке и Шварне говорит лишь хроника Быховца). Сказанию неизвестны такие крупные города того времени, притом расположенные недалеко от Новогрудка, как Слоним и Волковыск, неизвестны также Свислочь, Кобрин и другие центры того времени.

Прежде всего о Новогрудке, находившемся в центре внимания сказания. В 1235 г. Даниил, князь галицкий, «возвел» на Мазовию «Литву Миньдовга и Изяслава новгородского»²². Значит, в то время в Новогрудке был свой князь, притом русский. Какие у него были взаимоотношения с Миндовгом, неясно, но похоже, что Изяслав был в какой-то зависимости от литовского князя. В течение 1252—1268 гг. Ипатьевская летопись упоминает о Новогрудке девять раз²³. Почти все эти записи говорят о том, что Новогрудок был крупным политическим центром, однако совершенно очевидно, что сказание преувеличивало значение Новогрудка. Вместе с тем «смута» в Великом княжестве Литовском после ряда убийств была прекращена Войшелком с помощью сил Пинска и Новогрудка. Войшелк, став великим князем, истребил или заставил бежать противников своего отца (а значит, и самого Войшелка), опираясь на тех, с кем он пришел к власти, т. е. в первую очередь на новогрудчан. Все это, очевидно, и послужило материалом для создания легенды о Новогрудке как о центре могущественной державы.

Значение легенды

Начальные сведения по истории едва ли не всех народов представляют легенды, и едва ли не у всех исследователей, занимающихся этим периодом, возникает вопрос о целесообразности изучения подобного источника. Необходимость изучения легенды определяется хотя бы тем, что и самые фантастические сведения создавались в свое время с какой-то целью, нередко же легенда опиралась на факты, подавая их, однако, в сильно измененном виде. Все это ведет к необходимости уяснения движущих сил сказания, его подосновы.

Из предыдущего известно, что авторы легенды плохо знали географию как Литвы, так и Белоруссии. Из всей огромной территории, которой они коснулись, им известны (возможно, «в глаза») область северо-восточнее Вильнюса (древнее Девялтово), район Новогрудка и такие небольшие населенные пункты, как Койданово и Могильно. Что касается других пунктов, то о них сказано совершенно абстрактно:

²² ПСРЛ, т. II, стр. 776.

²³ Там же, стр. 816, 818, 831, 838, 858—864.

совершался поход к такому-то городу, да и число названных городов очень невелико. Для создания новых городов основатель находил «гору красну» (красивую), на которой и строил замок. Правило с горой соблюдалось настолько неукоснительно, что даже в той части летописи, в которой содержатся относительно реальные факты, летописец, говоря о заложении Старых Трок, сообщает, будто город был построен тоже на «красной горе», хотя этот замок расположен на совершенно плоской местности.

Из рек, кроме Оры, Немана, Вилии, Западной Двины, Святой и Ширвинты, авторы называют относительно небольшую — Ясельду и совсем маленькую — Окуневку. Что касается хронологии, то во всей легенде есть лишь одна дата — 5526 (в хронике Литовской и Жмойтской 5508) г. — год рождения Иисуса Христа («от сотворения мира»).

Примерно 80% легендарного текста касается Новогрудка и Новогрудского княжества (Великого княжества Новогрудского), причем деятельность новогрудских князей всегда описывается только в героическом плане. В полном согласии с этим находится указание, что правили Новогрудком, и только Новогрудком, прямые потомки Палеона; князья Литвы и Жемайтии — потомки второстепенных деятелей, вассалов Палеона.

Естественно, что при таком положении напрашивается вопрос, не была ли легенда написана в Новогрудке, ведь этот город, сильно укрепленный к тому же, не только существовал в легенде как создание князя Ердивила, но и был вполне реальным большим экономическим и политическим центром еще до появления литовцев. Весьма возможно, что именно там составлялась летопись, отражающая деятельность Миндовга и Войшелка.

Ориентировочно приняв Новогрудок как место создания легендарной части летописи, необходимо выяснить, кто из деятелей первой половины XVI в. (когда легенда оформлялась в том виде, в каком мы ее знаем сейчас) был заинтересован в ее создании.

Сообщив, что из Рима вместе с Палеоном уехало 500 семей римской «шляхты» или «рыцарства», сказание сосредоточивает все внимание на представителях четырех фамилий, потомки которых играли впоследствии видную роль в истории Литовского государства. Что же касается всех остальных «римлян», то о них легенда в дальнейшем вообще не упоминает.

Персонально сказание называет четырех человек, указывая, к какому гербу они принадлежали: первый — Довспрунк герба Китоврас (в польских источниках это Центаурас, т. е. Кентавр), второй — Прешпор герба Коломны (Колонны), третий — Ульянус герба Урсеин (Медведь) и четвертый — Гектор герба Рожи (Розы). Впрочем, в разных летописях эти лица называются несколько по-разному, да и не всегда называются все четыре. Так, в Ольшевской летописи сказано, что среди знатных беглецов были представители четырех фамилий или гербов, но упомянуты только два — Китоврасы и Коломны, имен же нет ни одного. Это наиболее примитивный вариант. В летописи Красинского перечислены четыре герба, но вместо «Рожи»

назван герб «Оургы», а в летописи Рачинского вместо «Урсени» — «Руси». Что касается «Начал» Стрыйковского, то там говорится не о четырех представителях разных гербов, а о пяти: Дорспрунг герба Кентавр, Проспер Цезаринус герба Колюмны, Юлиан герба Урсени и Компан герба Розы, а далее сообщается, что с ними же прибыл Гаштольд герба Гектор (Начала, с. 88—89).

Однако впоследствии и к представителям четырех родов оказывается совсем неодинаковое внимание. Члены гербов Урсени и Рожи упоминаются только один раз в качестве родоначальников знатных фамилий: от Эйкша, представителя герба Урсени, произошла фамилия Довойнов, а от Гровжа, принадлежавшего к гербу Рожи, — Моинвиды (т. XXXV, с. 129, 147, 174, 195, 215; т. XXXII, с. 130). Зато о членах родов Китоврас и Колюмнов летописи упоминают очень часто, а так как Китоврас (Кентавр) был гербом князей Гольшанских, а Колюмны (Колонны) — гербом Гаштольдов, то реально это означало, что сказание стремилось подчеркнуть выдающееся положение в истории Великого княжества Литовского деятелей, принадлежавших к этим фамилиям, и только их. Так, литовский князь Гирус принадлежал к Китоврасам (т. XXXV, с. 130, 146, 174, 196, 216). Князь Живибунд — это тот, «што вышел с Китавраус» (там же). «С Китавраусу» же был и сын Утенуса Свинторог, или Швинторог, возглавивший Великое княжество Литовское после объединения всех его трех частей (т. XXXV, с. 131).

Представители Колюмнов в начальной части летописей упоминаются гораздо реже, чем Китоврасы, и притом всегда на втором месте. Впоследствии же Колюмны берут реванш — Китоврасы даже уступают им великокняжеский трон (в Евренновской летописи, хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской не сказано, что Витень принадлежал к Колюмнам; т. XXXII, с. 34, 136; т. XXXV, с. 220). Преимущество Колюмнов перед Китоврасами какое-то время подчеркивалось и далее (после того как Витень занял великокняжеский трон). Из дальнейших сообщений следует, что Гедимин и все его потомки, включая Ягеллонов, находились в родстве с Гаштольдами.

Гаштольды в начальном периоде правления Гедимина — ближайшие помощники великого князя, выполнявшие самые ответственные поручения. Так, в летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евренновской и хронике Быховца при описании отправки отряда для обороны от немцев Ковно отмечается, что командующим отрядом был назначен Гаштольд «з рожаю Колюмнов» (т. XXXV, с. 95, 152, 179, 199, 220; т. XXXII, с. 136). Далее летописи сообщают, что как только был основан город Вильно, Гедимин назначил туда «першим воеводою» того самого «Кгаштолта с Колюмнов», о котором писалось ранее (т. XXXV, с. 96, 153, 181, 201, 222; т. XXXII, с. 41). Однако за пределами раздела о Гедимине, при многократных упоминаниях о Гаштольдах, никогда не отмечается, что они из «рожаю Колюмнов». Следовательно, настойчивое повторение о принадлежности двух фамилий к определенным гербам свойственно почти исключительно легендарной части, причем авторы сказания придавали этому очень большое значение, тогда как составители

реальной части летописей обращали на принадлежность к гербам гораздо меньше внимания. Вместе с тем летописи ни одного из Гаштольдов не называли князем.

Раздел летописей, в котором говорится о правлении Гедимины и где упоминается «рожай» Гаштольдов — Колумнов, содержит об этом «рожае» маловероятные данные. Гедимин, который, согласно летописи, назначил Гаштольда (имя Гаштольда не названо) «першим воеводою» в Вильно, умер в 1341 г. Реально же первым виленским воеводой стал Ян Гаштольд в 1412 г., первым же виленским старостой был Андрей Гаштольд в 1387 г.²⁴ Вместе с тем возможно, что Гаштольды занимали подобный пост и ранее, но назывался он иначе.

В противоположность Гаштольдам Гольшанские всегда именуются князьями, но за пределами сказания (включая разделы, посвященные деятельности Гедимины) никогда не упоминается об их принадлежности к Китоврасам и ничем особым не отмечается участие в жизни страны.

Каким образом или чем был связан Новогрудок с Гаштольдами или с какой-либо другой знатной фамилией? С 1341 г. этим городом владел в качестве столицы удельного княжества Кориат — Михаил Гедиминович, затем его сын Федор, в конце XIV в. Корибут — Дмитрий Ольгердович. После 1394 г. Новогрудок становится великокняжеским доменом. Следовательно, непосредственно к Гаштольдам в этот период Новогрудок отношения не имеет, но ведь и легенды в то время, видимо, не существовало — она создавалась позже. Впоследствии, в особенности в первой половине XVI в., связь Гаштольдов с Новогрудком стала очень тесной. С того времени, когда в Новогрудке появились наместники, а после 1507 г. (год образования воеводства) воеводы, и до 1542 г. (в том году род Гаштольдов угас) Новогрудком правили следующие лица (те, о которых имеются известия): Монтигирдович Петраш (1431—1452), Гаштольд (Гаштольдович) Мартин (1464—1471), Монивид (Монивидович) Войтех Янович (1471—1475), Монтовтович Михаил (1483—1484), Солтан Александрович (1486—1487), Радивилевич Николай (1488—1490), Пац (Пацевич) Юрий (1492—1496), Забрезинский Ян Юрьевич (1496—1498), Хрептович Ян Литавор (1498—1500), Гольшанский Семен Юрьевич (1500), Глебович Петр (1500), Гаштольд Альбрехт Мартинович (1503—1506). Гаштольд Станислав Альбрехтович получил назначение в 1522 г., но реально стал новогрудским воеводой в 1530 г. и был таковым до 1542 г.²⁵

Значит, из первых 13 наместников и воевод в Новогрудке четыре раза этот пост занимали Гаштольды, все остальные — по одному разу. Гольшанский был новогрудским воеводой очень непродолжительное время, в сущности замещая воеводу в связи с тем, что наместник Хрептович попал в 1500 г. в плен. Стоит обратить внимание и на то, что Гаштольды не только четыре раза были наместниками и воеводами в Новогрудке, но и занимали пост воеводы почти непрерывно начиная с XVI в.

²⁴ Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. 1386—1795. Kraków, 1885, s. 71.

²⁵ Ibid., s. 34—37.

Однако если инициатором создания легенды в целом были Гаштольды, то в отдельных деталях легенда существовала в работах польских хронистов и до XVI в., но в краткой редакции. Здесь же разговор идет о том виде легенды, который зафиксирован в летописях, а через них в работах Стрыйковского. Поэтому наиболее вероятным инициатором создания легенды представляется Станислав Альбрехтович Гаштольд, первый муж Варвары Радзивилл, позже жены последнего Ягеллона — Сигизмунда-Августа²⁶. Он дольше всех был воеводой в Новогрудке, конечно, знал все реальное и легендарное о своих предках. Кроме того, легенда в том виде, в каком мы ее знаем теперь, была записана не позже 1542 г. (год смерти Станислава Гаштольда).

Уже отмечалось, что легенда четко разделяется на две части, в первой из которых говорится о прибытии беглецов из Рима в Жемайтию и движении их потомков на восток, в Литву, вторая же целиком посвящена Новогрудку (деятельности великих князей новогрудских). Исходя из этого допустимо предположение, что к краткому первоначальному тексту было добавлено все остальное, т. е. раздел, в котором Новогрудок представлен в качестве центра могущественного государства. Управлять городом и воеводством с таким прошлым было, естественно, весьма престижно. Располагая данными, которые есть сейчас, деление на две части имеет характер гипотезы. Однако, учитывая, что из населенных пунктов возвеличивается только Новогрудок, а из деятелей — особенно Гаштольды и то обстоятельство, что как раз деятельность ряда Гаштольдов была связана с Новогрудком, выдвижение такой гипотезы правомерно. Из Гольшанских — Китоврасов, которых наряду с Гаштольдами возвеличивала легенда, только один, и то самое краткое время, был новогрудским воеводой. Что касается таких второстепенных героев легенды, как Монивид, потомок Гровжа, то он был новогрудским наместником в 1471—1475 гг. Другой Монивид (Монивидович), Ивашко, в 1443 г. стал воеводой трокским, позже виленским; к Новогрудку он никакого отношения не имел. Станислав Станиславович Довойна, потомок Эйкша, был полоцким воеводой, в 1563 г. попал в плен, где и умер²⁷.

Очевидно, нет оснований считать, что кто-либо из Гаштольдов сам написал сказание. Судя по знанию отдельных местностей, первую часть ее мог написать уроженец древней Девайтвы, вторую — уроженец Новогрудка.

Из вопросов, которые затронуты (или, наоборот, не затронуты) в легенде, в данном случае важнейшими можно считать четыре: 1) преобладающий интерес к «руси», т. е. к Новогрудку; 2) отсутствие данных о борьбе с немцами; 3) отсутствие данных о борьбе с поляками; 4) безразличие к вопросам религии.

Вопрос национальный представляется простым: решающее значение в сказании придается не населению княжества (руси), а князьям, которые на всем протяжении остаются литовцами или жемайтами, но главное — прямыми потомками Палемона. Поэтому противоречия

²⁶ Ibid., s. 58—59.

²⁷ Ibid., s. 34, 46, 56.

между литовским происхождением Гаштольда и «русским» характером Новогрудского княжества нет. Из всех потомков Палемона, правивших в Белоруссии, только Гинвил, осевший в Полоцке, стал «русином», но повесть о Полоцке стоит как-то в стороне от всего остального сказания. Вообще, до появления в Великом княжестве иезуитов религиозный вопрос там не был обострен. Как известно, сам Сигизмунд-Август относился к вопросам религии равнодушно. Равнодушные легенды, никак не осуждавшей языческие обычаи легендарных литовских князей, а затем не реагировавшей на то, что в православном Новогрудке столетия сидят князья-язычники, в какой-то мере согласуется с обстановкой в Великом княжестве в первой половине XVI в.

Непонятным остается только полное игнорирование борьбы с немцами, хотя в полулегендарной части летописей именно Гаштольд выступает в героическом плане в начальный период правления Гедимины (легенда ограничивается упоминанием, что в земле «латыголы» появились из-за моря немцы).

В легенде преобладают фантастические данные (прибытие из Рима 500 семей шляхты и пр.), другие же данные основаны на преданиях, но ряд сообщений отражает действительность. Возьмем Новогрудок, длительное время находящийся в центре внимания легенды. Согласно сказанию, жемайтский князь нашел «гору красну» и окрестность пустынными.

Исследования последних лет, в частности раскопки Ф. Д. Гуревич, показывают, что местность около Новогрудка была густо (по тем, конечно, временам) заселена славянским населением еще в X в. Сам Новогрудок возник в конце X в. и был обнесен валом уже тогда. Во второй половине XI в. Новогрудок — зрелый ремесленный и торговый город и одновременно крепость с мощными оборонительными сооружениями. Мало того, Новогрудок был наводнен товарами привозными, в основном утварью и предметами роскоши. В этом смысле он является исключением, так как хотя импортные изделия встречались и в других городах, но далеко не в таком количестве и не в таком ассортименте. Особенностью Новогрудка было и то, что в нем до XII в. не обнаружено следов христианства²⁸.

Работа М. А. Ткачева показывает, что с начала XI в. до середины XIII в. «на валах древнего Новогрудка не менее пяти раз подновляли деревянные стены», а во второй половине XIII в. на смену частоколу пришли крепкие дубовые срубы — городни с двойной передней стеной. Тогда же в замке была построена первая каменная башня²⁹.

Важнейшим местом легенды является рассказ о победах, одержанных новогрудскими князьями над татарами и волынскими князьями. Современная историография рассматривает вопрос о битвах с татарами по-разному. В. Т. Пашуто писал, что «источники не знают о вторжении татарских войск ни в Литву, ни в земли, захваченные немец-

²⁸ Гуревич Ф. Д. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг. — Советская археология, 1980, № 4, с. 88—89.

²⁹ Ткачев М. А. Замкі Беларусі. Мінск, 1977, с. 15.

кими рыцарями», ни в Белоруссию³⁰. Очевидно, это высказывание следует понимать так, что татары не дошли до Литвы во время первого похода в 1237—1240 гг., так как далее тот же автор отмечает, что в 1258—1259 гг. рать Бурундая нанесла «тяжелый удар по литовским землям с юга». Пашуто отмечает, что, согласно Новгородской I летописи, «взяша татарове всю землю Литовскую, а самех избиша». К словам «воеваша землю Литовскую» Пашуто делает примечание, что, следовательно, татары «воевали в Аукштайтния»³¹. Но это может быть только предположением.

Со ссылкой на ряд летописей (ПСРЛ, т. X, с. 142; т. XXV, с. 143; т. II, стб. 846; Новг. I, с. 82, 310) С. А. Щербаков говорит о нападениях татар в 1258—1259 гг. на западнорусские и литовские земли, не поясняя, однако, что следует понимать под названными землями, т. е. не отвечает на вопрос, были ли в те годы татарские войска на территории Белоруссии³². Кроме того, автор не обратил внимания на то, что использованные им источники изображают обстановку в указанные годы неодинаково. В Новгородской I³³ (а также в Новгородской IV³⁴, данные которой Щербаков не приводит) сказано, что татары в 1258 г. «взяша... всю землю Литовскую, а самех избиша», тогда как согласно Никоновской (ПСРЛ, т. X, с. 142 — это место автор цитирует) летописи татары, пройдя по всей Литовской земле, «со многим полоном и богатством идоша во свояси».

Даже не принимая сообщения обеих новгородских летописей буквально (так как вообще не бывало, чтобы население какой-либо страны истреблялось поголовно) и учитывая лишь массовое истребление жителей, политическая активность Литвы в последующие годы была бы необъяснимой. Поэтому гораздо более вероятными представляются данные Никоновской, т. е. что страна была разорена и масса жителей уведена в плен. Однако в какой мере татарское нападение тех лет коснулось собственно Литвы? Ведь источники того времени не дают ясного представления о территории этого государства.

Наиболее основательно вопрос о борьбе литвы с татарами изучил Р. Батура, но у него встречается ряд неясных мест. За период, которого касается этот автор (1238 г. — конец XIV в.), небольшое Литовское государство выросло в огромное Великое княжество Литовское, с включением в его состав Белоруссии, большей части Украины и ряда русских земель. При таком положении неясно, каким был территориальный состав Литовского государства в середине XIII в., т. е. в пору первых столкновений с татарами. Неясна и точка зрения автора на то, каким образом были присоединены к Литве те или иные земли, т. е. была ли это прямая военная оккупация, когда население захваченных территорий должно было относиться к завоевателям враждебно, или иная форма.

По предположению Батуры, столкновения литовцев с татарами

³⁰ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 375.

³¹ Там же, с. 381.

³² История Белорусской ССР. Минск, 1972, т. I, с. 121.

³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

³⁴ ПСРЛ. СПб., 1915, т. IV, ч. I, вып. I, с. 232.

происходили уже в 1238—1240, 1240—1241 и 1242 гг., при возвращении Батыя (Бату) из Центральной Европы, когда отряды татар под командой Кадана (или Кайду), Бала и, может быть, других полководцев «опустошили окраины Литовского государства», однако нападение это было, видимо, отражено³⁵. Что такое «окраина», автор здесь не говорит, но далее, анализируя данные летописей за 1258 г., он утверждает, что «в опустошенной „Литве“ нужно видеть государство (!), что разорялась ее юго-восточная часть — Новогрудское княжество, а также территория севернее верхнего Немана, включая, видимо, и Гальشو (Гольшаны), а также Ятвягию»³⁶. Таким образом, Батура считает, что в данный период татары до собственно Литвы не доходили, окраина же Литвы — это западная Белоруссия. Вместе с тем из работы следует, что борьба с татарами велась исключительно силами литовцев.

Однако нападение 1258 г. кажется сомнительным. Согласно Ипатьевской летописи, нападение татар на Литву впервые произошло не в 1258 г., а в 1260 г. Идя в поход, командующий татарской армией Бурундай сказал Даниилу Романовичу: «Иду на Литву, оже если мирен, поиди со мною»³⁷. На помощь Бурундаю сперва отправился Василько, Даниил же только проводил брата до Берестя, где, судя по тексту летописи, и начинались военные действия. Василько, встречая литву, избивал ее и привел Бурундаю «сайгат» (добычу), за что полководец похвалил его. Затем они вместе начали завоевывать земли Литовскую и Нальшанскую³⁸. Нальшанская земля — это современная юго-западная часть Витебской обл. Географические пункты, которые упоминаются в летописи (город Волковыск, река Зельва, города Гродно, Мельник), находятся в западной Белоруссии. Это район действия волинских сил. Значит, в 1260 г. татары повоевали лишь окраину Литвы, основные же военные действия происходили в Белоруссии и земле ятвягов.

В 1274 г. князь Лев Данилович обратился к хану Менгу-Темиру, «прося себе помочи у него на Литву»³⁹. Хан послал не только свои войска, но также Романа брянского с сыном Олегом, Глеба смоленского и еще несколько русских князей. Поход происходил зимой. Союзная армия, к которой присоединились князья пинские и туровские, двинулась от Турова к Слуцку и далее к Новогрудку. Продвигаясь в этом направлении, армия остановилась, немного не дойдя до реки «Сырьвяче», т. е. Сервачи, притока Немана. Расстояние от Сервачи до Новогрудка в направлении с юга на север — примерно 15—20 км. Если же считать, что войска стали, «не дошедше реки», то можно думать, что армия остановилась примерно в 25—30 км от Новогрудка. Для нас существенно то, что объединенные силы татар и русских, направляясь «на Литву», двигались к Новогрудку и едва ли не

³⁵ Батура Р. Борьба Литовского великого княжества против Золотой орды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1972, с. 15.

³⁶ Там же, с. 16.

³⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 846.

³⁸ Там же, стб. 846—847.

³⁹ Там же, стб. 871—872.

Новогрудок и был главной целью похода; во всяком случае, не взяв этого города, коалиция распалась. Причиной распада называется то обстоятельство, что околный город Новогрудка, а вместе с тем добыча были взяты силами татар и Льва, остальные князья отсутствовали, т. е. не участвовали в разграблении города, чем и были очень недовольны («гневахуся вси князи на Льва») ⁴⁰; результатом был распад союза и прекращение похода.

В 1277 г. Ногай потребовал у галицко-волинских князей Льва, Мстислава и Владимира помощи против Литвы. Целью похода было опять взятие Новогрудка. Армия выступила зимой, но, придя к Берестью, русские князья узнали, что татары опередили их. Тогда, решив, что татары захватили уже всю добычу у Новогрудка (опять у Новогрудка), волинские князья повернули к Гродно. Беспечно уснувшее войско подверглось нападению прусов и бортев, было разбито, и князь Мстислав спасся «наг и бос» ⁴¹.

Неудачный поход к Новогрудку в 1274 г. и поражение волинских сил в 1277 г. вполне могли стать основой для версии о разгроме татаро-волинских сил с переносом места битвы на Неман у Могильно.

Новогрудок в середине XIII в. был самым крупным экономическим и культурным центром как западной Белоруссии, так и Литвы и Жемайтии, т. е. того района, который, согласно сказанию, после смерти Рынгольта объединился в одно государство — Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское Новогрудское. Вместе с тем Новогрудок был и самой мощной крепостью этого района и, должно быть, самым богатым городом, захват которого сулил большую добычу. Естественно, что при таком положении Новогрудок должен был стать центром, к которому в первую очередь стремились вражеские армии, а в то же время около него должны были собираться силы как Западной Белоруссии, так и Литвы.

По народному преданию, существовавшему у жителей Койданова еще в середине XIX в. (сейчас Дзержинска), татарская армия, которой командовал Койдан, была разбита около их города, называвшегося в то время Крутогорьем. В память об этой победе город и был переименован на Койданово ⁴². Сказание во всех шести летописях, содержащих легенду, не знает, однако, Койдана; по их версии, поход на Новогрудок был организован ханом Заволжской орды Балаклаем или Булаклаем; в битве у Койданова этот хан был убит (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 175, 196, 216). О Койдане упоминают как Ипатьевская, так и старейшие белорусско-литовские — Супрасльская, Никифоровская и Слуцкая — летописи, называющие его при перечислении самых видных татарских полководцев, но все они не ставят его в связь с битвой у Койданова (т. XXXV, с. 26, 44, 84). Хроника Литовская и Жмойтская знает Койдана, называя его внуком Батыея и крупнейшим татарским полководцем, который «окрутне сплендровал» земли «Польскую, Куявскую, Шлионскую», а также «панства Муравское и Венгер-

⁴⁰ Там же, стб. 872.

⁴¹ Там же, стб. 876—877.

⁴² Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1854, с. 79.

ское» (т. XXXII, с. 26); что же касается битвы у Койданова, то и этот источник утверждает, что там татарами командовал Балаклай (т. XXXII, с. 23—24).

Русским летописям неизвестна и битва на реке Окуневке, в которой действовал, с одной стороны, «з многими ратми татарскими ... цар заволгский Курдас», а с другой — новгородский князь Скиргайло или Тройнат — Тронята в союзе со своими братьями Любартом карачевским и Писимонтом туровским, а также с Семеном Михайловичем друцким, Давыдом Мстиславичем луцким и Святославом киевским. Татарская армия и на этот раз была разбита. Согласно хронике Литовской и Жмойтской, «Тройнята Скирмонтович новгородский, подляский и Литвы Повилской князь» привел с собой «рицerstво» «новгородское, подляское, литовское, стародубское, чернеговское и туровское» (т. XXXII, с. 24—25, 132; т. XXXV, с. 92, 131, 148, 176, 196, 217). Это единственный случай, описанный в белорусско-литовских летописях и хрониках, когда против татар выступают совместные силы новгородские и литовские в союзе с князьями волынскими, друцким и киевским. Отрицать возможность битвы именно на Окуневке едва ли стоит, но, вероятнее всего, битва там произошла значительно позже и едва ли в ней участвовали все антиатарские силы, которые указаны в наших источниках.

В заключение можно сказать, что походы татар на Белоруссию и Литву в XIII в. направлялись в первую очередь к Новгородку, что и отразилось в летописании. Данные, которыми мы располагаем, дают основание утверждать, что татары (или татары совместно с галицко-волынскими силами) едва ли достигали когда-либо даже Нальшанской земли и никогда не доходили до собственно Литвы. Походы татар отдельно или вместе с союзниками разоряли край (почти исключительно Белоруссию), но они не сопровождались крупными военными успехами, что дало основание летописцам изобразить битвы с татарами как победы своей стороны. В то же время не исключена возможность и поражения татарского отряда у Койданова, а также на Окуневке.

Учитывая важнейшее значение Новгородка, необходимо попытаться уяснить положение этого города и княжества: какими были его отношения с Литвой и Волынью, насколько, наконец, реально отражало обстановку сказание?

Данные, содержащиеся по этому вопросу в Ипатьевской летописи, неясны, местами противоречивы, что, вероятнее всего, отражает неустойчивость положения Новгородка в начале второй половины XIII в. В хронологическом порядке летопись сообщает следующее. В 1255 г. Даниил Романович пошел «на войну на Литву на Новгородок»⁴². Это сообщение состоит из одной фразы, вставленной в рассказ о борьбе волынских князей с татарами за Подолию, и поэтому представляется вставкой в основной текст. Но значит ли это, что Даниил пошел и на Литву и на Новгородок, т. е. были ли Литва и Новгородок отдельными политическими единицами или Новгородок был частью (в подчинении) Литвы?

⁴² ПСРЛ, т. II, стр. 828—829.

В самом конце записей за 1255 г. сообщается, что Войшелк, заключив мир с Даниилом, выдал сестру замуж за Шварна, отдал ему Новогрудское княжество, а сам стал монахом ⁴⁴. Выше отмечалось, что это вставка, отражающая более позднюю обстановку, и что, следовательно, судить о положении Новогрудка в том году на основании отмеченных записей невозможно, говоря точнее, содержание вставки сомнительно.

В 1256 г. Даниил Романович отправился в поход против ятвягов и потребовал, чтобы Роман, который в то время был новогрудским князем, присоединился к нему. «И приде к нему Роман со всеми новгородци и со тцем своим Глебом и со Изяславом со вислочьскимъ» ⁴⁵. Роману Даниловичу в то время были переданы, кроме Новогрудка, Слоним, Волковыск и еще что-то. Тот факт, что с ним пришел Изяслав свислочьский, может свидетельствовать о зависимости Изяслава от князя новогрудского ⁴⁶. Эти данные говорят о том, что, во-первых, власть новогрудского князя действительно, как говорится в сказании, распространялась далеко на юго-запад, но о зависимости Новогрудка от Волыни легенда не говорит нигде, во-вторых, в зависимости от литовского князя (Миндовга) Новогрудок не был, и поэтому можно предположить, что поход 1255 г. был направлен на Новогрудок и Литву как на отдельные объекты.

Несколько по-иному рисуется обстановка в 1257 г., когда Миндовг обещал Даниилу, собиравшемуся в поход к Возвяглю, прислать «Романа и новгородце» ⁴⁷. В 1258 г. Даниил пошел походом к Возвяглю, «жда весті от Романа и Литвы» ⁴⁸. Здесь Новогрудок (князь Роман) и Литва — понятия разные, разным было и их участие в походе, вернее, их поведение после окончания похода: «Роман еха по отци, поемъ со собою мало людии, а прочии пусти домовъ», литовцы же занялись грабежом ⁴⁹.

Граница между Новогрудским княжеством и Литвой в то время определялась очень четко — это Неман. В 1262 г. Войшелк основал Лаврышевский монастырь «на реце на Немне межи Литвою и Новымъ-городком» ⁵⁰. Лаврышево находится на левом берегу Немана недалеко от Новогрудка. В 1268 г. Шварн, в то время князь новогрудский, объяснял полякам, что войну с ними вел не он, а Литва ⁵¹. В 1263 г. Войшелк с жителями Пинска прибыл в Новогрудок и оттуда, взяв с собой новогрудчан, двинулся в Литву ⁵². Войшелк установил свою власть в Литве, опираясь на силы Новогрудка и Пинска.

⁴⁴ Там же, стб. 830—831.

⁴⁵ Там же, стб. 831.

⁴⁶ Свислочь — городок, расположенный на реке Свислочи к юго-западу от Волковыска; есть и другая река Свислочь, приток Березины, и при ее устье тоже есть городок Свислочь.

⁴⁷ Там же, стб. 838.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стб. 839.

⁵⁰ Там же, стб. 859.

⁵¹ Там же, стб. 864.

⁵² Там же, стб. 861.

Сказание, утверждая, что Новогрудку подчинялось все Белорусское Полесье, Подляшье и часть Украины, преувеличивало его значение, но политическая значимость Новогрудка в то время была очень велика.

Легендарная часть летописей в литературе

Выше отмечалось, что до выхода в свет хроники Быховца в 1846 г. читатели были уверены, что легенду сочинил М. Стрыйковский, но уже В. Н. Татищев отметил, что сообщения о прибытии предков литовской знати имеются в трудах Кадлубека, Длугоша и Меховского.

Говоря об исходном положении легенды, т. е. о переезде «римлян» из Италии в Литву морем, Татищев пишет, что «Стрыйковский, или прежде всего Кадлубек, не токмо из Прусов, но из Италии их немалым, чаю, трудом на кораблях перевезли». И далее: «Прежде его (т. е. Стрыйковского.— Н. У.) Длугош и Меховий, от Дизбурка взяв, якобы Палемон или Публиус Либанов римлянин, пришед, в Прусах поселились, есть явная басня»⁵³. В самом общем виде содержание легенды изложено Татищевым⁵⁴.

Несколько раз к сказанию (в изложении Стрыйковского) обращался Н. М. Карамзин. По его мнению, Стрыйковский написал историю Литвы, «выбрав оную из летописей польских, отчасти из наших, литовских, прусских, из песен и сказок. Мнимые древние известия о происхождении великого герцогства (!) Литовского баснословны и явно основаны на догадках... История Палемонава,— продолжает он,— есть сказка, основанная единственно на сходстве некоторых слов языка литовского с латинским»⁵⁵. В другом месте Карамзин в самой краткой форме излагает основные положения легенды, отмечая, что обстановка в Литве в XIII в. была неясной и эта неясность «еще более затмилась от пустых догадок историка Стрыйковского. Он рассказывает, что во времена нашествия Батыева господствовал в Литве Зивибунт, зять и наследник Керна, внука Палемона» и т. д.⁵⁶

Сообщения о переезде морем 500 семей из Италии в Литву, а затем о смене десятка поколений в течение тысячи лет, конечно, настолько фантастичны, что иначе как «басней» уже в XVIII в. назвать их было невозможно. Однако, уяснив это, названные авторы не пошли дальше, т. е. не сделали попытки хотя бы предположить, с какой целью и кем была создана легенда.

Весьма иронически отнесся к легенде польский историк И. Лелевель, знакомый с ней по хронике Стрыйковского (как и многие другие, не знавшие летописей, Лелевель считал, что все это выдумки Стрыйковского). О приезде «римлян» морем из Италии в Литву Лелевель даже не упоминает. Очевидно, переезд морем как часть самая фантастическая вообще не требовала опровержения, и он только ука-

⁵³ Татищев В. Н. История российская. М.: Л., 1962, т. I, с. 290.

⁵⁴ Там же. М.: Л., 1964, т. III, с. 268.

⁵⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842, кн. 1, т. I—IV, примеч. к т. II, гл. II, № 35, с. 17.

⁵⁶ Там же, примеч. к т. IV, гл. II, № 103, с. 38.

зал, что смена четырех-пяти поколений за срок более чем в тысячу лет произойти не могла⁵⁷.

Исследователем, впервые ознакомившимся со сказанием не в передаче Стрыйковского, а непосредственно по летописям, когда была найдена хроника Быховца, является Нарбут. Он был уверен в достоверности сказания. Однако некоторые места сказания показались ему сомнительными, и он постарался как бы «исправить» их. Полностью принимая версию о прибытии в Литву Палемона во главе 500 рыцарей с их семьями, Нарбут считал, что Палемон привел не римлян, а потомков тех герулов, которые раньше жили в Нижней Саксонии и потом двинулись на северо-восток, но в IX в. осели среди славян на левом берегу Вислы. Таким образом, Нарбут относит прибытие Палемона в Литву не к I в. и не к началу V в., а к IX в.⁵⁸ Кроме того, Нарбут отвергает версию, будто название «Литва» происходит от соединения слов «Лигус» и «Туба»⁵⁹. По его мнению, версия о том, что князь Скирмунт приказал отрезать татарским послам носы, губы и уши, неправильна⁶⁰. Он отрицает наличие татар — союзников русских князей в битве у Могилыно, так как, по его расчетам, битва произошла в 1235 г., когда татар на Руси еще не было. Нарбут предполагает, что там были не татары, а половцы⁶¹.

По сказанию, Палемон прибыл в страну пустынную, Нарбут же утверждает, что литовский народ жил на этой территории и до прибытия Палемона, притом жил не только на правом берегу Вилии, но и на левом (впрочем, в этом вопросе у него нет полной ясности, так как тут же им сказано, что на левом берегу той же реки жили «русинь») ⁶². В соответствии с положением, что Литва была заселена до прихода Палемона, Нарбут построил свою схему о том, как (частично) приобрели в Литве и Жемайтии целые княжества сыновья Палемона, женившись на дочерях местных крупных владельцев⁶³.

Не согласен Нарбут и с тем, что Новогрудок был основан Ердвилем — Скирмунтом на пустом месте. По его мнению, Новогрудок существовал задолго до появления там упомянутых князей. Начальная история Новогрудка излагается им так. Минский князь Глеб напал на Завилейскую Литву, доходя до реки Дитвы, в ответ на что литовский князь Живинбуд совершил налет на Минское княжество, причем сжег самый Минск. Далее события переносятся в Друцк, который в те времена был «главным центром торговцев невольниками». Князь Ярополк Владимирович при участии Живинбуда напал на Друцк, разгромил дручан, но не истребил их, а приказал перейти на новое место и там построить город. Этим городом и был

⁵⁷ *Lelewel J.* Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Poznań, 1844. Мы пользовались этой работой в издании 1863 г. (*Lelewel J.* Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań, 1863, t. V, s. 4—8).

⁵⁸ *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1838, t. III, s. 571.

⁵⁹ *Ibid.*, s. 230.

⁶⁰ *Ibid.* Wilno, 1838, t. IV, s. 118.

⁶¹ *Ibid.*, s. 75.

⁶² *Ibid.*, t. III, s. 218, 221.

⁶³ *Ibid.*, s. 216.

Новгородок — Новогрудок. Произошло это в 1116 г.⁶⁴ Позже, после захвата Новгородка литовскими князьями, Мингайло завоевал и Полоцк, образовав княжество Литовское — Полоцкое⁶⁵.

В общем, разных замечаний относительно данных, имеющихсся в хронике, у Нарбута немало, но это только поправки к хронике. Что же касается общего хода событий, изложенных в сказании, то он не вызывал у Нарбута сомнений. Весьма показательно в этом плане его отношение к работе Стрыйковского. Поскольку хроника Быховца, которой он доверял почти безоговорочно, местами дословно совпадает с хроникой Стрыйковского, то он счел нужным выступить в защиту Стрыйковского от нападков разных лиц, ставивших под сомнение ряд фактов, содержащихся в хронике. Защищая репутацию Стрыйковского Нарбут указывал, что тот использовал для своей работы огромный круг источников, находившихся в собраниях Острожских, Радзивиллов, Пацов, Тышкевичей, Дорогостайских, Пронских, Полубинских и других магнатов⁶⁶.

И. Ярошевич издал вторую сводную работу по истории Литвы — свой трехтомник⁶⁷ — после выхода всех девяти томов работы Нарбута⁶⁸. Поэтому Ярошевич мог использовать не только Супрасльскую летопись (которую Ярошевич, как и Нарбут, называл летописью Даниловича) и хронику Стрыйковского, но и хронику Быховца (те места, которые имелись в «Истории» Нарбута, в частности разделы, где Нарбут говорил о религии древних литовцев). Поэтому и раздел, посвященный религии, Ярошевич написал, в основном следуя за Нарбутом («кто же не пользовался бы такими богатыми материалами, которые при образцовом увлечении и неутомимой работе уважаемый автор собрал в своих трудах», — замечает Ярошевич)⁶⁹.

Однако, высказав в столь лестных выражениях свое уважение к предшественнику, Ярошевич очень осторожно отнесся к тем сведениям, которые находятся в сказании и которые Нарбут принимал. Так, о Палемоне, его сыновьях и внуках у Ярошевича нет ничего. Очевидно, приезд их из Италии он тоже считал «сушей басней». Победоносные битвы с татарами Ярошевич признает, но, по его соображениям, эти битвы проводил Миндовг и не в тех местах, которые указаны в летописях (и у Стрыйковского)⁷⁰. Совсем скептически отнесся Ярошевич к изображению польскими хронистами (Кадлубеком, Длугошем, Меховским и Стрыйковским) литовцев как народа настолько примитивного, что он платил русским дань березовыми вениками⁷¹.

Своеобразно интерпретировал данные летописей Я. Якубовский⁷².

⁶⁴ Ibid., s. 272—273.

⁶⁵ Ibid., s. 307—308.

⁶⁶ Ibid., s. 234.

⁶⁷ *Jaroszewicz J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII*. Wilno, 1844—1845. T. I—III.

⁶⁸ *Narbutt T. Op. cit.* Wilno, 1835—1841. T. I—IX.

⁶⁹ *Jaroszewicz J. Obraz Litwy...*, t. I, s. 111.

⁷⁰ Ibid., s. 39.

⁷¹ Ibid., s. 66—67.

⁷² *Jakubowski J. Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską*. Warszawa, 1912.

Он рассматривал историю летописания в связи с развитием культуры в Великом княжестве, в частности с развитием образования в среде верхушки литовских феодалов. Согласно его схеме, молодые литовцы, изучившие в университетах (прежде всего в Краковском) латынь, пришли к убеждению, что литовский язык имеет много общего с латинским, и постарались объяснить, как это получилось. По предположению Якубовского, в результате возникла легенда, причем основным действующим лицом ее был один из Гаштольдов (поскольку роль Гаштольдов в истории Литвы по сказанию подчеркивается сильнее всего ⁷³). Велико, по мнению Якубовского, значение в распространении версии о римском происхождении литовской шляхты «Истории» Яна Длугоша, который первоначально принял сообщение о приезде римской знати в Литву как неясное предположение и которое он позже принял как нечто действительное ⁷⁴. В ход рассуждений Якубовского путаница вносится из-за того, что он верил в существование Рaudанской хроники, откуда Нарбут будто бы заимствовал ряд важных данных ⁷⁵. Правда, Якубовский высказал недоумение по поводу того, где же все-таки находится (или находилась) хроника, которая в изложении Нарбута исчезает неизвестно куда. Лишь Ходыницкий много лет спустя доказал, что подобной хроники не существовало и что все это выдумка Нарбута ⁷⁶.

Выход в свет в 1966 г. русского перевода хроники Быховца ⁷⁷ вызвал большой интерес к этому памятнику. В рецензиях и статьях разных авторов был поднят ряд вопросов, связанных с авторством и временем создания хроники. Б. Н. Флоря весьма определенно, хотя и в осторожной форме, высказался за то, что основная часть хроники, в том числе легендарная часть, была создана по инициативе Гаштольда ⁷⁸. Дважды обращался к легендарной части летописей В. А. Чемерицкий. В первой работе он с большой полнотой изложил взгляды Длугоша о происхождении литовцев от римлян ⁷⁹. Вторично Чемерицкий обратился к легенде, излагая историю белорусско-литовского летописания. С его точки зрения, основная идея легенды заключается в желании доказать превосходство Литвы над Русью ⁸⁰. Выдвижение на первый план Новогрудского княжества, т. е. Руси, не подтверждает этого тезиса.

⁷³ Ibid., s. 34.

⁷⁴ Ibid., s. 33.

⁷⁵ Ibid., s. 38—39 i inne.

⁷⁶ Chodynicki K. Ze studiów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim. — In: Ateneum Wileńskie. Wilno, 1926, zes. 10/11, s. 387—401.

⁷⁷ Хроника Быховца, М., 1966.

⁷⁸ Флоря Б. Н. О «Летописце Быховца». — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 135—144. О легендарной части на с. 144.

⁷⁹ Чамярыцкі В. А. Беларускае летапісцё як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, с. 144—148.

⁸⁰ История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977, с. 64.

ГОРОДСКИЕ ХРОНИКИ И ЛЕТОПИСИ

Особый вид белорусского летописания представляют собой городские хроники и летописи, составителями которых были жители городов, преимущественно мещане. Известные в настоящее время хроники появились в первой половине XVII в., последняя же отметка сделана в 1867 г. (в Могилевской хронике).

Из ряда городов Белоруссии, часть которых известна с IX—XII вв. (Полоцк, Витебск, Брест, Туров, Минск, Гродно и др.), в XVI в. начал выделяться стремительным ростом «молодой» Могилев, данные о котором, да и то весьма малодостоверные, имеются лишь с 1267 г. К началу XVII в. Могилев, опередив все остальные города Белоруссии, вышел на первое место и стал вторым по величине городом в Великом княжестве Литовском. Видимо, это обстоятельство вызвало у жителей Могилева желание увековечить историю своего города, что и было сделано. Созданию хроник и летописей благоприятствовало наличие высокообразованных для своего времени людей, хорошо знавших архивы города и владевших рядом языков.

Наиболее пространной и содержательной из всех городских хроник и летописей Белоруссии является хроника Могилева, составленная Т. Р. Суртой и рядом членов семьи Трубницких.

Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Трубницких

Родоначальником могилевского летописания является Трофим Романович Сурта, продолжали его дело четыре поколения Трубницких. Ряд сообщений с 80-х годов XVIII в. до 1810 г. написан еще кем-то, чьи фамилии неизвестны.

Сколько-нибудь определенных данных о начальном периоде существования Могилева нет. Известно лишь, что в конце XV в. Могилев был небольшим поселением, но уже в 1561 г. Могилев получил малое магдебургское право, в 1577 г. большое¹, а это означало, что город достиг высокого уровня развития. По инвентарю 1577 г., в Могилеве значился 1261 дом², а в 1604 г. домов было уже 2211³. Темпы

¹ *Wysłouch S.* Uwagi o przyczynach rozwoju Mohylowa w XVI—XVII wieku.— In: *Wiadomości. Studium historii prawa litewskiego.* Wilno, 1938, t. 1, s. 331.

² *Беларускі архіў.* Менск, 1927, т. 1, с. 32—34.

³ *Wysłouch S.* *Op. cit.*, s. 332; *Копыцкий З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.). Минск, 1966, с. 31.

роста числа домов, даже и не для того времени, очень высокие. По мнению З. Ю. Копысского, в 1604 г. только плательщиков в городе было более 10 тыс. Общее же число жителей было значительно больше ⁴.

Чтобы определить число жителей, нужно знать, сколько (в среднем) находилось человек в доме.

По данным Губернского статистического комитета, в Могилеве в 1836 г. было 2014 домов и в них жило 17 166 человек ⁵. Значит, к тому времени Могилев вновь стал таким же по размерам, каким он был в начале XVII в., причем на дом приходилось в среднем по 8 человек. Эту цифру и следует использовать при определении числа жителей города на все указанные годы. Тогда окажется, что в 1577 г. в Могилеве жило около 10 тыс. человек, в 1604 г. — около 17 тыс. человек. За все остальное время XVII в. мы не располагаем полным описанием города, т. е. указанием числа его домов. Однако имеются свидетельства современников — А. Мейерберга и П. А. Толстого.

А. Мейерберг, возвращаясь в 1662 г. из Москвы, проезжал через Могилев. Он записал, что «в 1654 г. в Могилеве считалось до 8 тыс. домов» ⁶. Поскольку цифра дается на год, когда городом овладели русские, то можно думать, что Мейерберг пользовался какими-то данными, собранными русскими властями вскоре после занятия Могилева. Следовательно, если принять и для середины XVII в. число жителей на дом в 8 человек, то окажется, что к тому времени в Могилеве жило около 60 тыс. человек. Город по тому времени громадный ⁷.

В самом конце XVII в. Могилев посетил П. А. Толстой, отправленный Петром I за границу. Описание Толстого намного полнее описания Мейерберга. «Город Могилев, — сообщал Толстой, — велик, и около города посады великие, много в посадах садов. Тот город Могилев много больше Смоленска... На посаде мещанских богатых домов зело много строения каменного, многие дома деревянные хорошего строения». Улицы в городе вымощены камнем, много торговых рядов, лавки каменные. Толстой отмечает, что население в основном православное, католиков очень мало, но много евреев. Что касается общего количества домов, а следовательно, и жителей, то Толстой приводит цифру, очевидно значительно преувеличенную: 20 тыс. домов христианских и 10 тыс. еврейских ⁸, а всего 30 тыс. Это явное и очень большое преувеличение. Не пытаясь определить число жителей «на глаз», признаем, что город по тем временам был очень большой.

О размерах Могилева в начале XVIII в. говорит количество продуктов, а также разных товаров и денег, которые поставили его жи-

⁴ Копысский З. Ю. Указ. соч., с. 31.

⁵ Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, Ф. 19. 323, с. 892—893.

⁶ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Мейерберга. — ЧОИДР, 1874, кн. 1, с. 204.

⁷ Насколько велика была эта цифра по сравнению с числом домов в Москве, говорит то, что в середине XVII в. в Москве числилось «около 37 тыс. дворов», а в 1701 г. — 16 357, но без военных и ямских слобод (История Москвы. М., 1953, т. 2, с. 55—56).

⁸ Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого, 1697—1699. — Русский архив, 1888, кн. 1, с. 175.

гели в 1700—1708 гг. воюющим сторонам⁹. В результате военных тягот и пожара Могилев пришел в полный упадок, и в 1745 г. в нем числился только 1301 дом¹⁰.

Быстрому росту Могилева в XVI—XVII вв. способствовало его положение на большой дороге из Русского государства в Белоруссию, вернее в Речь Посполитую и далее на запад, в связи с чем он стал важнейшим центром транзитной торговли. Для экономики Могилева особенно большое значение имела торговля мехами, получаемыми из России¹¹.

Очень сильно было развито в городе также ремесло, на что указывает число цехов и их рост. К середине XVII в. количество цехов увеличилось по сравнению с началом столетия с 7 до 21, в среднем в цехе числилось по 60—70 мастеров, в некоторых же их было до 150¹². Широкие торговые связи, в частности поездки в Польшу, Литву, Германию, требовали, чтобы купцы знали языки этих стран и интересовались их политическим, социальным и экономическим строем. В общем, купцы такого рода должны были стать не только оборотистыми дельцами, но и достаточно культурными людьми.

Будучи крупным экономическим центром, в котором имелось много богатых купцов и ремесленников, Могилев и в культурном отношении занимал видное положение. Учитывая широкие контакты Могилева с разными городами как Речи Посполитой, так и других стран, можно предположить, что могилевская молодежь получала образование не только в родном городе, но и за его пределами.

С 1616 по 1773 г. (с перерывами) в Могилеве и около него действовали братская типография Кутейнского монастыря и частная Спиридона Соболя. В городе трудились свои художники и архитекторы, при магистрате и в церквях имелись архивы. В XVII—XVIII вв. в Могилеве давались музыкально-театральные представления¹³. Некоторые богатые купцы обладали собраниями книг¹⁴.

Белорусское Поднепровье и Посожье (города Могилев, Мстиславль, Кричев, Чериков, Пропойск и др.), находясь на крайнем востоке Белоруссии, меньше всего поддавались полонизации и окатоличиванию, и в гродских книгах Могилевского магистрата польский язык возобладал лишь к 1712 г.¹⁵

В общем, Могилев в XVII в. достиг такого уровня развития, что у его жителей появилась необходимость создать историю своего города, а наличие культурных сил позволило это сделать.

⁹ ПСРЛ, т. XXXV, с. 261—263.

¹⁰ Инвентарь Могилева на 1745 г. Подсчет произведен нами. См.: ИЮМ. Витебск, 1903, т. XXX, с. 160—321.

¹¹ Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570—1667). Минск, 1963, с. 219—221, 235—237, 324—325, 415 и др.

¹² История Белорусской ССР. Минск, 1972, т. I, с. 205.

¹³ Голенченко Г. Я. История белорусского книгопечатания: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1965, с. 14—15.

¹⁴ Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973, с. 186; История Белорусской ССР, т. I, с. 442.

¹⁵ ИЮМ. Витебск, 1871, т. I.

В настоящее время известны два списка Могилевской хроники — полный и сокращенный.

Полный список хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Польск. Ф. IV. 273). Он составляет основную часть рукописного сборника, содержащего, кроме хроники, разные материалы по истории Польши, Дании и Швеции. Рукопись в лист, всех листов 215, пронумерованных 210. Бумага и почерки в разных местах разные, что в большой мере отражает историю создания хроники; написана она на трех видах бумаги.

Основная, и притом старейшая, часть рукописи написана на бумаге плотной, сероватого оттенка — л. 1, 2, 19—91 и 123—210. На водяных знаках л. 64 и многих других изображена богоматерь с младенцем; подобных знаков у Лауцявичюса¹⁶ много, но они гораздо грубее; ближе всего № 2341—1727 г. На водяных знаках л. 37 и других изображены кавалер и дама в костюмах XVIII в.; подобные, но гораздо более грубые изображения приведены у Лауцявичюса под № 44—1737—1740 гг. На л. 24, 78, 123, 206 и других — водяной знак рожок и над ним высокий конический головной убор; у Лауцявичюса подобный знак приведен под № 3083—1750—1755 гг. На л. 131, 140, 148 — в рамке литеры GG; у Лауцявичюса такой знак приведен под № 3872—1753 г.

На водяных знаках л. 92—122 изображен герб Ярославля и литеры ЯМЗ; у Клепикова¹⁷ такой знак приведен под № 1070—1756 г.

Листы 3—18 написаны на плотной, почти желтой бумаге, на них литеры ВФ; Клепиков¹⁸ приводит их под № 147—1821—1839 гг.

На нумерованном чистом листе в начале рукописи водяной знак «Pro patria»; у Лауцявичюса подобный знак приведен под № 2867—1764 г.

Следовательно, в целом основная часть рукописи написана на бумаге, изготовленной в Речи Посполитой в первой половине XVIII в.; вторая часть — на бумаге, изготовленной в Ярославле; наконец, третья часть сделана в 30-е годы XIX в.

На нумерованном первом листе, на котором находится запись Михаила Трубницкого, как и на следующем чистом, — штемпель, изображающий круг с короной наверху и литерами ИБ внутри. То же на чистых листах 50 и 108.

Нумерация рукописи сложная. Сплошная нумерация листов сделана карандашом на нижнем поле; на нее и даются все ссылки. Кроме того, сохранилась часть более ранней нумерации чернилами. Она находится в правом верхнем углу, но так как верхняя часть многих листов истлела, то местами эта нумерация не сохранилась.

¹⁶ *Lauciavičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII amž. Vilnius, 1967.*

¹⁷ *Клепиков С. А. Филигрны на бумаге русского производства XVIII—XIX вв. М., 1978.*

¹⁸ *Клепиков С. А. Филигрны и штемпли на бумаге русского производства XVII—XX вв. М., 1959.*

В ряде случаев как первоначальная, так и позднейшая нумерация изменялась. Так, на нижнем поле л. 10 над «10» чернилами написано «206», на л. 16—«211», причем и эти цифры исправлены из «210»; в правом верхнем углу «20» исправлено на «22». Исправления часто сделаны не теми чернилами, какими написан текст, а более яркими черными, причем и здесь имеется путаница. Так, после «47» следует «46», цифрами «53» отмечены два листа, но за ними следует «57» и т. д. На л. 163, на котором заканчивается текст Ю. Трубицкого, первоначальная нумерация оканчивается.

Рукопись написана в основном двумя почерками, и лишь небольшая часть — третьим почерком, авторство которого не установлено.

На л. 1, обрамленном рамкой, Александром Трубицким сделана запись о принадлежности рукописи ему, а также о том, кто был составителем хроники. Надпись следующая: «Хроника. Эта книга его милости пана Александра Трубицкого, списана Юрием Трубицким, регентом (управляющим.— Н. У.) Могилевской городской канцелярии, в 1747 г. 30 июля из разных историков, а частично из своей памяти — чтобы сохранить в памяти, что происходило в городе Могилеве и в разных [других] городах, какие вторжения, войны и другие события [происходили]. Все это без обмана записано, как было в действительности, и грядущему столетию к сведению подано в 1747 году»¹⁹.

То, что это собственноручная запись Александра Трубицкого, составителя части хроники, не вызывает сомнений. Тем же почерком сделаны записи (продолжение хроники) за 1748—1788 гг., переписана хроника Могилева от начала и до лета 1746 г., а затем пространные выписки из разных книг о событиях в Дании и Швеции. Таким образом, А. Трубицкий переписал текст хроники Т. Р. Сурты и Ю. Трубицкого, а также выписки из книг по истории Дании и Швеции на бумаге, изготовленной в Речи Посполитой, а собственные его записи сделаны на бумаге ярославского производства.

На нумерованном первом листе в начале рукописи находится запись Михаила Трубицкого, сына Александра и внука Юрия: «Из книг Михайлы Трубицкого» — и ниже по-польски: «Хроника. Это книга его милости Александра Трубицкого написана Юрием Трубицким, регентом городской канцелярии»²⁰.

Почерком М. Трубицкого написаны л. 3—18 хроники, сделаны ряд вставок вместо истлевших верхних частей листов, а также записи событий за 1812—1856 гг.

Лист с записью о принадлежности хроники А. Трубицкому написан с одной стороны. Вероятнее всего, запись была сделана после

¹⁹ Kroynika. Ta księga [jego] m[óści] pana Alexandra Trubnickiego, spisana przez Jerzego Trubnickiego, reęta kancelaryi mieşkiej Mohilewskiej, w roku 1747 m[ie]s[ia]ca j[ul]a 30 dnia z roznych dzieiopiscow, częscio z swojej pamięci w potomne czasy na pamięć co działo w mieście Mohilewe y po roznych miastach, jakie jnkursiy, wojny i insze rzeczy. To wszystko niekłamliwie pisano, ale jak sama rzecz była. To przysztemu wiekowi do wiadomości podano roku 1747.

²⁰ Kroynika. Ta księga [jego] m[óści] pana Alexa[n]dra Trubnickiego spisana przez Jerzego Trubnickiego, reęta kancelaryi mieşkiej.

того, как хроника, составленная предшественниками, была А. Трубническим переписана. Видимо, данная запись должна была служить чем-то вроде титульного листа хроники. Этот лист, в значительной мере истлевший, наклеен на чистый с литерами ЯМЗ. На л. 2 и частично на л. 2 об. находится вступление, написанное Т. Р. Суртой, составителем начальной части (от времен легендарных до лета 1701 г.; л. 2 об.—37). С лета 1701 г. до февраля 1746 г. (л. 37—91 об.) хронику продолжал Ю. Трубницкий (часть хроники, написанной им,—от марта 1709 г. и почти по конец 1744 г.—утеряна).

Записи за 1748, 1754, 1755, 1756, 1759—1761, 1763—1767, 1769, 1772, 1774, 1782, 1788 гг. (л. 92—94, 98 об.—102 об., 104 об.—105, верхние части л. 105 об., 106—108 об.) сделаны А. Трубническим. На л. 95—верхней части л. 98, 98 об., 103—104 находятся разрозненные заметки из истории Польши («История князей и королей польских», отрывочные записи событий XVII в., описание избрания на престол и коронации Августа II и т. д.).

События за 1778, 1780, 1781, 1796, 1801, 1810 гг. (л. 105 об., нижняя половина л. 109 и л. 109 об.) писаны очень четким почерком яркими черными чернилами. Составитель (или составители) этих записей неизвестен. В ряде мест теми же яркими черными чернилами обведены буквы и слова, которые, видимо, трудно было прочесть и в конце XVIII — первой половине XIX в.

Почерком М. Трубницкого сделаны записи за 1812, 1815—1818, 1820—1832, 1842, 1848, 1849, 1851, 1854—1856 гг. (л. 109 об.—122). Кроме того, М. Трубницкий полностью переписал л. 3—18, к тому времени, очевидно, пришедшие в такое состояние, что могли рассыпаться (старых листов, переписанных А. Трубническим, нет), а между л. 18—25 и 31—32 он вклеил переписанные верхние части тех листов, которые истлели лишь частично; М. Трубницкий реставрировал почти все, что написал Т. Р. Сурта. Заключительная карандашная запись И. М. Трубницкого датирована 1867 г. За текстом М. Трубницкого и до конца списка следуют выписки из работ по истории Дании и Швеции.

На отдельных листах (больше всего в начале рукописи) имеются карандашные заметки на полях и в тексте, сделанные И. М. Трубническим. Заметки на полях обычно отражают содержание текста, а заметки в тексте свидетельствуют о том, что данная часть написана прадедом И. М. Трубницкого «Григорием Трубническим»²¹. На л. 53 И. М. Трубницкий указал стоимость тех денежных единиц, которые действовали в XVIII в. и которые в середине XIX в. были забыты. С самого начала и до 1841 г. хроника писана на польском языке, с 1841 г. и до конца на русском.

«Введение» к хронике, датированное «29 мая 1693 г. по старому календарю» и подписанное «лавником и купецким старостой» Трофимом Романовичем Суртой, тем более что авторство Т. Р. Сурты под-

²¹ Иван Михайлович Трубницкий, как и И. И. Филиппович (см. ниже, сн. 25), называет составителя хроники Григорием, но так как сын и внук именовали его Юрием (Jerzy), то считаем, что правы они, а не правнук.

тверждал и Ю. Трубицкий (л. 37), не оставляет сомнений в том, кто начал писать хронику. Однако А. Трубицкий на своем «титальном листе» называет автором Ю. Трубицкого, то же сделал и М. Трубицкий. В XVIII в. к авторским правам относились весьма просто, в середине XIX в. положение изменилось. Однако, переписывая хронику, А. Трубицкий, если он хотел приписать всю работу своему отцу, должен был исключить «введение» Сурты, чего, однако, не сделал.

Возможно, говоря, что хроника написана его отцом, А. Ю. Трубицкий понимал это так, что Юрию Трубицкому принадлежала вся рукопись, часть которой написал Сурта.

Почерки и бумага, на которой помещены разделы, написанные Т. Р. Суртой и Ю. Трубицким, свидетельствуют, что текстов, написанных непосредственно ими, не сохранилось; имеется лишь то, что переписано А. и М. Трубицкими.

Сокращенный список хроники хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (Ф. 21.712), куда он поступил из собрания бывшего Белорусского музея им. Ивана Луцкевича. На титульном листе штамп: «Беларускі музей імя Івана Луцкевіча». Рукопись в лист, всех листов 71. Переписана одной рукой на одинаковой бумаге, очевидно, в 70-е годы XIX в., с многочисленными поправками другим почерком. Примерный подсчет букв приводит к утверждению, что сокращенный список составляет несколько более четверти полного, т. е. всей рукописи, включая и материалы, не имеющие отношения к Могилеву.

На языке оригинала хроника не издавалась, но в 1887 г. ее сокращенный вариант был напечатан в переводе на русский язык, сделанном Н. Г. Гортынским, причем из предисловия следует, что переводчик не знал о существовании полного списка, к тому же он ошибочно назвал составителями хроники Александра и Михаила Трубицких²² и утверждал, будто рукопись хроники (сокращенная) утеряна.

Наличие полного списка отметили В. С. Иконников²³ и М. В. Довнар-Запольский²⁴, но ни один из них не сообщил о существовании как перевода, так и сокращенного списка. Упоминание обоих авторов о том, что в Петербурге находится рукопись хроники, было как бы забыто исследователями, а утверждение Гортынского, что оригинал утерян, бытовало почти до наших дней.

Иконников сообщал, что в Библиотеке (тогда имп. Публичной) имеется рукописный «сборник, в котором заключается летопись лавника и купеческого старосты Трофима Сурты, выбранная из разных летописей и дополненная автором (оконч. 29 мая 1693 г., продолжен-

²² Хроника белорусского города Могилева. Собранная и писаная Александром Трубицким, регентом Могилевской магдебургии, во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX продолженная его сыном губернским секретарем Михаилом Трубицким / Переведена с польского подлинника... Николаем Гортынским. — ЧОИДР, 1887, кн. 3, отд. 1, с. 1—142. Есть и отдельный оттиск.

²³ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, ч. I, кн. 1, с. 798.

²⁴ Довнар-Запольский М. В. Баркулабовская летопись. Киев, 1908, Исследование, с. 11—12. В этом издании в начале помещен текст летописи, а затем с отдельной нумерацией страниц — исследование о летописи.

ная другими лицами до 1832 г. по-польски, а с 1841—1864 гг. заметки писаны по-русски). Из этой записи следует, что Иконников прочитал только первый лист рукописи, содержащий предисловие Сурты, датированное 29 мая 1693 г., остальную же рукопись исследователь лишь перелистал, оговорив смену почерков и языка, причем им были упущены как отметка Сурты за 1696 г., что письмо Петра московскому патриарху перевел он, Трофим Сурта, так и запись продолжателя дела Т. Р. Сурты — Юрия Трубницкого летом 1701 г., что до того места хронику писал Трофим Сурта. Довнар-Запольский указал лишь на существование рукописи, ничего не прибавив к этому. Возможно, что он вообще не видел ее, а упоминает о ней по работе Иконникова.

Небольшой очерк И. И. Филипповича²⁵ местами противоречив, местами содержит неверные данные о рукописи. Автор очерка сообщает, что в 1968 г. он нашел хронику; это звучит так, будто ранее она не была никому известна. Такое утверждение означает, что исследования Иконникова и Довнар-Запольского Филипповичу неизвестны, а считать первооткрывателем хроники Филипповича нет оснований. Затем на с. 29 очерка сказано, что перевод хроники на русский язык сделан Н. Гортыньским (как отмечено в печатном переводе на русский язык), но на с. 30 той же работы говорится, что Гортыньский только «откорректировал» и немного дополнил его (очевидно, перевод. — Н. У.). В 1887 г. Гортыньский был стар, и вполне возможно, что он действительно только отредактировал перевод, однако это Филипповичем не объяснено. На с. 29 сказано, что часть рукописи, которая относится к истории Дании и Швеции, является переводом книг, изданных в 1695 и 1701 гг. (т. е. так, как сказано в рукописи), но на той же с. 29 утверждается, что «автором рукописей по истории Датского государства» был Юрий Трубницкий. На с. 29 говорится, будто Филиппович установил, что составителями хроники до 1701 г. был Т. Р. Сурта, а с 1701 по 1746 г. — Юрий Трубницкий²⁶. Однако для такого утверждения никаких изысканий проводить не нужно, поскольку в хронике сказано, кто за эти годы писал ее. Утверждения Филипповича, что тексты Т. Р. Сурты и Ю. Трубницкого, а также помещенные в хронике выписки из книг по истории Скандинавии переписаны рукой Ю. Трубницкого, ошибочны: бумага, на которой находятся названные тексты, изготовлена после смерти Ю. Трубницкого.

Сам Сурта в приходе-расходной книге Могилева за 1679 г. засвидетельствовал, что он был лавником и купеческим старостой города. Лавниками назывались низшие члены магистрата²⁷. Из числа лавников обычно избирались «шафары» — сборщики податей. В 1693 г. (этим годом датировано его вступление) Сурта не был ни лавником, ни шафаром; лавником он числился в 1679 и 1686 гг. (Возможно, в то время существовал обычай, что если кого-либо избирали в магистрат, то он именовал себя этим чином до конца своих дней.) Приходе-рас-

²⁵ *Філіповіч І. І. Хроніка Могілева. — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, Мінск, 1972, № 4, с. 29—30.*

²⁶ Возможно, Филиппович хотел сказать, что Ю. Трубницкий изложил работы по истории Дании и Швеции.

²⁷ ИЮМ, т. I, с. 1.

ходная книга Могилева за 1679 г. начинается записью Т. Р. Сурты, звучащей так: «Реестр шафарьский места его королевской милости Могилева року 1679, месяца декабря 24 дня, списанный през нас, Трофима Романовича Сурты и Увара Мартиновича, шафарей сегодочных» ²⁸. Судя по записям в книгах магистрата, Сурта выполнял в том же году (да и впоследствии) ряд ответственных поручений.

В том же 1679 г. из Могилева были посланы в Оршу «для актыкованья справ до книг и выданья экстрактами и для иных справ» пан Павел Ледвеевич и шафар Трофим Сурта ²⁹. «Актыкованье» означало вписывание в городские книги разных актов, которые только после этого считались вполне оформленными, а «экстракты» — выписки из тех же городских книг. Из записи следует, что Сурта был отправлен в Оршу с ответственным поручением и что его послали в качестве второго лица.

Сурта в 1686 г. совмещал пост лавника с должностью «кабачного дозорцы», т. е. собирал и вносил в кассу магистрата «кабачные» деньги ³⁰. В том же году «шляхетный пан могилевский лавник» Трофим Сурта отвозил в Оршу 4 тыс. «шележных» монет ³¹. Почти во всех случаях фамилия Сурты упоминается при совершении каких-либо финансовых операций. Какой-то пост Сурта занимал и в 1688 г., так как 3 октября этого года в приходе-расходной книге Могилева записано, что магистрат купил 10 свечей для ратуши «под бытность панов Гука, Сурты и Гапона» ³². В июне 1688 г. магистрат послал «райцу скарбового» в Оршу покупать там и продавать лошадей, с ним поехал и Сурта ³³. «Пан Сурта» упоминается в качестве официального лица в том же году еще несколько раз ³⁴. Эта фамилия встречается и в 1690 г. ³⁵

Если не все, то большинство членов магистрата избиралось в зависимости от материальной обеспеченности, т. е. принадлежало к средней части или верхушке городского населения. То обстоятельство, что Сурта избирался только лавником, как будто должно указывать на его принадлежность к жителям среднего или ниже среднего достатка, хотя должность купеческого старосты противоречит этому.

Для своего времени Сурта был человеком образованным, начитанным. Он знал, кроме белорусского (на этом языке написан его реестр за 1679 г.), языки польский (на нем написана хроника), русский (перевод письма Петра I патриарху на польский показывает, что он хорошо знал русский язык) ³⁶, латинский и, возможно, еще какой-то. Он был знаком с хрониками Гваньини (неясно, в оригинале или переводе), Стрыйковского (тоже неясно, в оригинале или переводе), читал летописи, в том числе украинские, Синописис и другие источники.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 28.

³⁰ Там же, Витебск, 1873, т. IV, с. 7, 12, 14—15.

³¹ Там же, с. 17.

³² Там же, Витебск, 1874, т. V, с. 80.

³³ Там же, с. 61.

³⁴ Там же, с. 66, 75.

³⁵ Там же, Витебск, 1690, т. VII, с. 1.

³⁶ Письмо Петра I патриарху Адриану (Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887, т. I, с. 80—82).

Тем не менее Сурта был человеком, верившим в необычайные события. Так, в 1674 г. он записал, что «за морем» немец, выстреливший в небо, был превращен в собаку (с. 245)^{36a}; в 1699 г. он отметил, что опять-таки «за морем» и опять-таки немец был обращен в свинью (с. 251). Подобные чудеса происходили где-то далеко, и Сурта узнал о них от кого-то, но в 1688 г. в расположенном рядом Старом Быхове было сожжено одновременно 10 «чаровников», а несколько успело бежать «на Низ» (с. 246). Быхов был небольшим городом, а количество колдунов в нем необычайно большое. Однако у Сурты справедливость кары и, вообще, наличие такого числа «чаровников», кажется, не вызывали сомнения. Не вызвало сомнения и то обстоятельство, что в 1674 г. в Вильно родился мальчик с золотым зубом (из текста следует, что он именно родился с зубом) (с. 245). Достоверность этого подтверждается ссылкой, что аптекарь каким-то образом сделал анализ и подтвердил, что зуб действительно золотой. Через короткое время и мать и ее ребенок под воздействием «чаровницы» умерли. Пожалуй, еще большее впечатление произвел на хрониста слух, что в 1670 г. в разных местах Белоруссии (в том числе и в Могилеве) кто-то в церквах и костелах (надо полагать, на внутренних стенах) делал таинственные надписи, причем так высоко, что никто не мог их разобрать; в том же году происходили и другие чудеса (с. 245).

Сурта был православным, враждебно относившимся к униатам. Резко отрицательно отзываясь Сурта об атеисте С. Лыцинском, сожженном по постановлению сейма в 1688 г. (с. 247). Умер он летом 1701 г.

Несколько менее известно о Юрии Трубнищком. Записи Александра и Михаила Трубнищких краткие — они даже не дают возможности установить, с какого времени их отец и дед стал «регентом» и в каком возрасте умер. Из опубликованных материалов Могилевского магистрата видно, что Ю. Трубницкий в 1722 г. был среди «посполитых», причем при перечислении подобных ему Трубницкий назван последним³⁷. В 1723 г. Ю. Трубницкий в числе других подписал жалобу Могилевского братства киевскому митрополиту на архидиакона Калликста Оловяшку, при этом он назван подстаростой церкви св. Николая³⁸. В 1724 г. Ю. Трубницкий упоминается в постановлении магистрата при сборе гиберны (подати на содержание войска)³⁹. Очевидно, в то время он еще не был регентом, и только запись 1739 г. показывает, что Ю. Трубницкий в то время занимал этот пост⁴⁰. Однако уже 4 сентября 1747 г. о нем пишут как о бывшем регенте, и далее сказано, что магистрату необходим другой работник, так как пан Ярошевский отказывается выполнять обязанности регента — за эту работу платят слишком мало⁴¹. Значит, Ю. Трубницкий в 1747 г. умер. В «Записках» игумена Ореста сказано, что в результате истребления могиловцами русского гарнизона в 1661 г. ряд мещан (очевидно, наиболее

^{36a} Ссылки даны на страницы ПСРЛ, т. XXXV.

³⁷ ИЮМ. Витебск, 1881, т. XII, с. 361.

³⁸ Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, Ф. 19. 323, с. 136.

³⁹ ИЮМ, т. XII, с. 469.

⁴⁰ Там же, Витебск, 1882, т. XIV, с. 215.

⁴¹ Там же, Витебск, 1883, т. XV, с. 154.

видных участников этой акции) стали помещиками или получили дворянство (шляхетство.— *Н. У.*); среди них были Трубницкий и Гортынский⁴². Возможно, это были предки составителя и переводчика хроники. Судя по возрасту, Сурта был (во всяком случае, мог быть) свидетелем или участником избиения, но отсутствие его среди «отличившихся» скорее всего свидетельствует о его неучастии.

Очевидно, раз Ю. Трубницкий занимал столь низко оплачиваемую должность, что ему не могли найти преемника, то он был малоспособным. Он вызывает сомнения, что он был человеком образованным, начитанным. Он знал, кроме белорусского и польского, языки латинский, русский, украинский (читал украинские летописи), а также, возможно, английский (или французский и английский). Выписки из книг о событиях в королевствах Датском и Шведском (они, вероятнее всего, сделаны Ю. Трубницким), в которых ярко выражена симпатия к правам населения на избрание королей по воле народа (надо полагать, не всего народа, а только шляхты) и осуждение светских и духовных чинов, предающих свободу своей страны, говорят о том, что это был человек демократических убеждений. Выписки настолько любопытны, что на них следует остановиться особо. Прежде всего они показывают, какие книги интересовали составителя хроники и какие из них он мог достать, живя в Могилеве в середине XVIII в.

Первая из книг, упомянутых в рукописи, называется (даем в переводе) «История о революции королевства Шведского и Датского, изложенная по-польски. Напечатана в 1701 г.» Она разделена на шесть частей. По определению сотрудника Отдела рукописей и редких книг Библиотеки Академии наук СССР Е. А. Савельевой, это должен быть перевод части шеститомной работы аббата Р. Верто, впервые изданной в Париже в 1696 г. Вторично она была издана в том же 1696 г. в Париже в 11 частях, а в 1722 г. еще раз в Амстердаме. В 1745—1746 гг. первые две части этой работы вышли в переводе на русский язык в Петербурге под названием «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления, сочиненная аббатом Верто». В оригинале она называется «*Vertot René Albert. Histoire des Revolutions de Suede, ou l'on voit les changemens qui sont arrivées dans ce Royaume, au sujet de la Religion et du Gouvernement. Par mr l'abbé Vertot*» (Paris, 1696. Т. 1—6). Заканчивается эта выписка словами: «Таким было конец шведской свободы, добытой кровью и отвагой старинных заботливых предков».

Вторая из упомянутых в рукописи книг называется «*Etat du Royaume de Danemarg telquil estoit en 1692 a Amsterodam*» (1695). Она начинается словами: «Древняя форма состояния правительственных органов в Датском королевстве была такой, какую установили готы и вандалы в европейских государствах». По определению Савельевой, это книга Р. Молесворта, опубликованная на английском языке в Лондоне в 1694 г. Заканчивается она так: «А что двору следовало награждать деятелей этой революции, изменников Родины... простой же народ получил на вечные времена кандалы». В оригинале она назы-

⁴² Записки игумена Ореста.— АСД. Вильна, 1867, т. II, с. XIX.

вается «*Molesworth Robert. An Account of Denmark as was in the year 1692*» (London, 1694). Эта же книга несколько раз была издана во Франции в переводе на французский язык (тоже из письма Савельевой)⁴³.

Высокая культура автора сочетается с суеверием. Трубицкий (так же как и Сурта) совершенно всерьез пишет, что в 1745 г. один пан, у которого пал скот, упрекнул за это бога и тут же был превращен в собаку (с. 281). Среди шведов, пришедших в 1708 г. в Могилев, по сообщению Ю. Трубицкого, имелось немало «характерников», т. е. колдунов, а все финны, находившиеся в шведской армии, были «характерниками» (с. 273). Незаурядным «характерником» был и Семен Палей, рекомендовавший Петру I наиболее удачный день для битвы под Полтавой и три раза объехавший перед битвой вокруг расположения русских войск, что способствовало победе (с. 277).

Надо полагать, что Ю. Трубицкий был весьма уважаемой личностью в городе. Во всяком случае, когда в Могилев в 1745 г. прибыл вновь назначенный православный епископ Иероним Волчанский, то его от имени города приветствовал Ю. Трубицкий (с. 280).

Стоит отметить, что и Сурта и Трубицкий датировали события по «старому» или по «русскому» календарю, причем в тех случаях, когда стиль не отмечен, а указана только дата, следует считать, что она дана по «старому» календарю, так как если событие датировалось по «римскому» календарю, то это всегда отмечалось. Так, 11 августа 1694 г. над Могилевом пронеслась «неслыханно сильная» буря; событие помечено «по старому календарю» (с. 247). В то же время смерть короля Яна III помечена как по «римскому», так и по «русскому» календарю (с. 249). Прибытие же генерала Бевста с отрядом в Могилев указано только по «римскому» календарю; очевидно, потому, что и ордонанс по этому поводу датирован по тому же календарю (с. 281).

Гортынский называет А. Трубицкого регентом Могилевской магдебургии⁴⁴. Вероятно, здесь ошибка — перенесение чина отца на сына. Филиппович утверждает, что А. Трубицкий был купцом, имевшим в городе лавку⁴⁵, не приводя никаких доказательств, но данная версия кажется вероятной.

Последний из Трубицких — Иван Михайлович — в 1864 г., имея чин губернского секретаря, занимал пост смотрителя сиротского дома⁴⁶.

История создания хроники неясна. Что начальную часть ее написал Т. Р. Сурта, нет сомнений, но там имеются, по крайней мере, два места, в которые кто-то внес изменения. Так, описывая события 1595 г., Сурта отметил, что в его время «старые люди» часто вспоминали Наливайко, Лободу и Мазепу (с. 240). В том, что могилевцы и через сто лет помнили о Наливайко или Лободе, нет ничего удивительного, но упоминание о Мазепе! Если Сурта умер в 1701 г., то он, конечно, знал

⁴³ Приношу глубокую благодарность Е. А. Савельевой, а также И. П. Шаскольскому, помогшему установить контакт с Савельевой.

⁴⁴ См. заголовки хроники и перевода.

⁴⁵ *Філіпповіч І. І.* Указ. соч., с. 29.

⁴⁶ Памятная книжка Могилевской губернии на 1864 г. Могилев, 1864, с. 26.

о Мазепе. Однако об этом деятеле в то время не нужно было собирать данные от «старых людей», поскольку Мазепа с 1687 г. был гетманом и о нем знали не только старые люди, а, пожалуй, все могилевцы и уж, конечно, составитель хроники. Значит, сообщение о Мазепе (да еще в записи за 1595 г.) Сурта внести не мог; это сделал в его части хроники кто-то другой, когда помнившие Мазепу успели состариться. В записи за 1664 г. рассказывается о пожаре в Могилеве: загорелся дом Гаврилы Прекста, а далее написано, что дом Прекста стоял там, где сейчас дом Василевских, и что этот дом в 1740 г. разобрали на постройку Кармелитского костела (это известие дано в скобках; с. 244). Значит, здесь в записи Сурты кто-то внес дополнительное сообщение после 1740 г. Вероятно, это сделал Ю. Трубицкий.

Указанные примеры слишком бросались в глаза, чтобы на них не обратить внимания, но вполне возможно, что в тексте Сурты есть места менее заметные, которые нами пропущены. В целом, однако, можно думать, что текст Сурты дошел до нас в гораздо более исправном виде, чем текст Ю. Трубицкого, хотя бы потому, что в нем нет недостачи листов, тогда как у Ю. Трубицкого отсутствуют записи с марта 1709 г. и почти по конец 1744 г. Значит, текст, написанный Ю. Трубицким, сохранился примерно за 9 лет и утерян почти за 35. Конечно, значимость записей за отдельные годы очень неравномерна, и, очевидно, самое важное в части, написанной Ю. Трубицким, относится к 1701—1709 гг. Однако из записи за 1745 г. следует, что в хронике имелись данные о самом крупном крестьянско-мещанском восстании в Белоруссии в XVIII в. — в Кричевском старостве в 1740—1744 гг. (описана кончина Вашило, одного из руководителей этого восстания; с. 280).

Когда Ю. Трубицкий начал продолжать труд своего предшественника, неясно, но, вероятнее всего, не сразу, а через несколько лет после смерти Сурты, возможно даже через десятилетия.

Раздел, написанный Ю. Трубицким, начинается как непосредственное продолжение текста Сурты (события 1701 г.), но вскоре Трубицкий переходит к описанию по литературным данным обстановки в Польше и лишь после этого опять возвращается к Могилеву. Едва ли можно было в период чрезвычайного напряжения в 1701 г. во время войны отдаться изучению литературы о Польше, игнорируя обстановку в родном городе.

В ряде случаев, в частности в 1705—1706 гг., записи следуют так часто, что в тревожной обстановке тех лет отметить все это было трудно или почти невозможно. Поэтому можно предположить, что составитель хроники делал тогда лишь краткие записи, которые использовал позже, в более спокойной обстановке, но еще более вероятно, что все написано спустя десятилетия. Его запись о Карле XII, в которой излагались события 1709 г., сделана не по собственным наблюдениям, а по тому, «что слышал» (с. 277), т. е. позже.

Была ли тогда у Трубицкого рукопись Сурты? Судя по «дополнениям», внесенным в текст первого хрониста, была; однако скольконибудь значительных изменений Трубицкий не сделал. Такой вывод напрашивается хотя бы потому, что у Трубицкого часты латин-

ские выражения, типичные для XVIII в., тогда как у Сурты их нет.

Если Сурта действительно начал писать свою хронику в середине XVII в., то он умер глубоким стариком, в возрасте около 80 лет. Ю. Трубицкий умер в 1747 г., пережив Сурту на 46 лет. Даже если он тоже дожил примерно до 80 лет, то и тогда разница в возрасте обоих хронистов должна быть весьма заметной, т. е. их личное знакомство едва ли было тесным. При всем том из текста Ю. Трубицкого следует, что он начал писать свою часть хроники как продолжение того, что создал Сурта.

Как отмечено, значительная часть рукописи, написанная Ю. Трубицким, утеряна. Запись за 1709 г. обрывается на описании событий, происходивших 5 марта («Марта 5 дня Хмара, полковник гетмана Сапеги, находился со своими хоругвями в Копысе и Копыском районе»). Оставшаяся часть листа чистая (л. 86 об.), а затем с нового листа без заголовка помещена запись за конец 1744 г. («и право на епископию Белорусской диоцезии на имя его милости отца Иеронима Волчанского...»), после чего следует заголовок: «1745 г.» (л. 86 об.—87). Из этого можно сделать вывод, что часть хроники была утрачена уже тогда, когда ее переписывали, т. е. придавали ей тот вид, который она имеет сейчас.

То, что тексты, оставленные Суртой и Ю. Трубицким (включая и выписки из книг, посвященных истории Дании и Швеции), были переписаны А. Трубицким, не вызывает сомнений.

«Титульный лист» А. Трубицкого датирован 30 июля 1747 г., та же дата стоит в конце рукописи. Значит ли это, что А. Трубицкий в этот день окончил переписывание оставленных его отцом материалов? Очень сомнительно. Ведь в том же году Ю. Трубицкий умер, и, надо полагать, его сын не сразу после смерти отца засел за переписку доставшегося ему текста. Кроме того, у А. Трубицкого не оказалось большей части рукописи. Едва ли можно предполагать, что Ю. Трубицкий перед смертью (а он писал почти до самой смерти) исключил или уничтожил ту часть рукописи, в которой были описаны события 1709—1744 гг. Гораздо правдоподобнее предположение, что А. Трубицкий начал работать над хроникой спустя какое-то время после смерти отца, когда часть рукописи погибла (была уничтожена?). Что касается даты 30 июля 1747 г., то возможно, что это был день смерти Ю. Трубицкого.

Переписав рукопись, А. Трубицкий отделил от хроники материал, не имевший отношения к Могилеву, и начал на другой бумаге делать записи как прямое продолжение текста своего отца. Записи А. Трубицкого охватывают период с 1748 по 1788 г. Год последней записи (1788) может означать, что это было незадолго до смерти А. Трубицкого. На оставшихся листах кто-то продолжал делать записи за период с 1788 по 1810 г., а затем их делал Михаил Трубицкий.

Записи А. Трубицкого кратки и малосущественны. Они касаются приезда в Могилев первого русского губернатора — П. Б. Пассека, разных метеорологических событий и пр. Широта интересов автора явно резко снижена по сравнению с предыдущим.

Согласно записи, сделанной И. Трубническим в 1864 г., его отец, М. Трубницкий, умер в 1857 г. в возрасте 84 лет. Значит, он родился в 1773 г., и, следовательно, к концу жизни А. Трубницкого его сыну М. Трубницкому было примерно 15—18 лет. В таком возрасте продолжать составлять хронику он, надо полагать, не мог. Вероятнее всего, в то же время, т. е. в конце 80-х годов XVIII в., рукопись хроники исчезла из дома Трубнических. Где она находилась около 30 лет, мы не знаем. Известно лишь, что первые записи М. Трубницкого датированы 1812 г.

Ф. Г. Елеонский, редактор т. II «Археографического сборника документов», писал в 1867 г., что «летопись Трубницкого, по слухам, ходила в Могилеве по рукам несколько лет назад, но у кого она находится теперь, неизвестно... В настоящее время род Трубнических угас»⁴⁷. Из записи И. М. Трубницкого мы знаем, что в 1867 г. полный список рукописи находился у него и что в 1872 г. рукопись уже числилась в Публичной библиотеке в Петербурге. Когда же она «ходила по рукам», и притом какой это был список — полный или сокращенный?

Из предисловия к переводу хроники на русский язык, написанному Гортынским, следует, что он в 1822 г. получил сокращенный список от М. А. Трубницкого. Значит, к этому времени у Трубницкого имелся как полный список, так и сокращенный, причем, вероятнее всего, сокращенный список был именно им и создан. Если в 1822 г. М. Трубницкий уже сделал сокращенный список, то полный у него был за несколько лет до того, возможно с 1812 г., так как с этого года имеются его собственноручные записи, хотя возможно и несколько лет спустя, так как 1812 год был очень беспокойным, едва ли благоприятствовавшим работе над хроникой.

Начальная часть хроники, поступившей к А. Трубницкому, находилась в таком плохом состоянии, что он хотя и мог прочитывать ее, но с трудом, поэтому первые 18 листов переписал полностью, а из ряда последующих переписал только верхние части листов. Очевидно, в то время рукопись была разорвана, по крайней мере, на две части; во всяком случае, лицевая сторона л. 52 сильно выгорела и вообще имеет потрепанный вид, что могло получиться, если начиная с этого листа часть рукописи существовала отдельно.

Что представляет собой труд могилевских летописцев, на основании каких источников он создан, что летописцы старались осветить в первую очередь, каким было их мировоззрение, каков культурный уровень и т. д.?

В своем предисловии Сурта сообщал, что его работа написана отчасти по рассказам старых людей, которым он доверял, отчасти по личным наблюдениям, а также по разным документам. Заканчивая предисловие, он написал, что его работа не предназначена для печати (с. 239). Своей главной задачей Сурта считал прославление родного города. (В Могилеве много ученых людей, город набожный, торговый, в нем много ремесленников, он украшен церквями, а внутри церкви

⁴⁷ АСД, т. II, с. X.

украшены жертвователями, в них ежедневно совершается греко-русская служба и пр.; с. 240.) Будучи зачинателем могилевского летописания, Сурта в начальной части хроники нередко обращается к рассказам стариков. Уже отмечалось, что под 1595 г. сообщается, будто «старые люди» часто вспоминают Наливайку, Лободу и Мазепу (!) (с. 240). От старых же людей Сурта слышал, что казенных руководителей восстания 1610 г. похоронили на Ильинской горе, хотя в письменных источниках место захоронения не указано (с. 240). «Некоторые» говорили, что казенные были люди «посполтые» (т. е. среднего достатка.— *Н. У.*), но в актах (документах, хранившихся в магистратском архиве) об этом не было сказано (с. 240). От «старых людей» Сурте также стало известно, что, когда православные церкви были закрыты (за то, что жители Могилева не пустили к себе в 1619 г. униатского архиепископа Иосафата Кунцевича.— *Н. У.*), пасхальная служба происходила в плетневом шалаше по Виленскому тракту и присутствовавших на службе разогнали униаты и «жолнеры» (солдаты), а поп Зара, служивший в шалаше, с того времени пропал неизвестно куда (с. 241). Старые же люди сообщили составителю хроники, что в 1633 г., когда православные церкви были открыты, паром, который перевозил народ, направлявшийся в церковь в пасхальную ночь, затонул со всеми, кто на нем был, и что в этом, «говорят», были повинны униаты (с. 241). «Старые люди» называли наемных немецких солдат людьми своевольными (с. 241). Сообщения этого источника (старых людей) обрываются на событиях 1633 г. Значит, Сурта записал от стариков не очень много, хотя, возможно, не всегда отмечал, из какого источника извлечено то или другое сведение.

В ряде случаев составитель записал то, чему сам был свидетелем. Так, со ссылкой на себя он сообщает, что деревянная часовня (каплица) в 1655 г. стояла там, где теперь архиерейский сад, и что сейчас от нее не осталось и следа (с. 242). Со ссылкой на собственные наблюдения сказано о пожаре, начавшемся в доме Гаврилы Прекста (с. 244). В 1681 г. «сам видел», как в Комаровичах молнией убило 113 голов скота (с. 245); в 1690 г. поймал в Могилеве саранчу и дал ее описание (с. 247); «сам видел», как в 1700 г. украинские казаки вели пленных и везли захваченную в Прибалтике добычу (с. 251); в 1700 г. видел одновременно три солнца (с. 252).

Первая ссылка на собственные наблюдения сделана за 1655 г. и, может быть, свидетельствует о том, что Сурта начал создавать хронику спустя после этого не очень много времени, т. е. примерно с 60-х годов XVII в.

В хронике имеются сообщения, о которых не сказано, что они написаны по собственным наблюдениям автора, но из характера известий видно, что они созданы по личным впечатлениям. Так, в 1686 г. происходило невиданное нашествие на Могилев рысей (с. 246). За 1661 г. есть запись, что убитых русских похоронили на Самусевой горе, где стоит крест (с. 243). В 1664 г. в городе начался пожар от дома Саввы Тихенькина, «где сейчас каменница за важицею» (с. 244). Это сообщение, вероятнее всего, сделано «самовидцем», однако, учитывая следующую запись (о доме, разобранном в 1740 г.), можно предполо-

жить, что она в какой-то мере дополнена другим автором (Ю. Трубицким?). Возможно, по личным наблюдениям составлена запись за 1681 г. о комете, появившейся «на римское рождество» (с. 245). При описании страшной грозы в Могилеве в 1694 г. (с. 247) не сказано, что составитель был свидетелем этого, но из характера описаний (градины падали размером в орех и пр.) ясно, что записал очевидец или записано со слов очевидца. В сообщении о неурожае 1695 г. и последовавшем затем голоде чувствуется рука современника (с. 248). В 1696 г. в связи с бескорольем избирались так называемые каптуровые суды; отмечается, что в Оршанском повете было избрано 16 таких судей, фамилий которых Сурта, экономя место, не отметил (с. 249); здесь, вероятнее всего, хронист опирался на документ. В 1700 г. в Могилеве сделали над Братской церковью крышу; строил ее монахи, имени которого Сурта не назвал (с. 251); здесь тоже чувствуется рука современника.

Кроме записей, сделанных по собственным наблюдениям и рассказам очевидцев, у Сурты имеются данные, полученные им явно из вторых и третьих рук. Иногда такие записи имеют анекдотический характер. Мало достоверные сведения касаются в особенности России конца XVI — начала XVII в. Например, по сообщению Сурты, после смерти Ивана IV (умершего в 1584 г.) царем в России стал Шуйский, «которых поколение царствует сейчас», но «мужское племя Шуйских вымерло, и в эти годы господствует только племя женщин» (с. 241)⁴⁸. Сигизмунд III, сообщает хроника, «добыл» в 1611 г. Смоленск у «великого князя московского Ивана Васильевича», «добывал» его семь лет, но при этом же сказано, что Иван Васильевич умер в 1584 г. (с. 241). Очевидно, Сурта считал, что было двое Иванов Васильевичей, один из которых умер в 1584 г., а второй правил позже. Анекдотический характер имеют записи о неудаче русских под Ригой в 1655 г. (с. 242), заметка об изображении русских итальянским художником в 1660 г. (с. 242), сообщение о ссоре князя Любомирского с польской королевой за 1666 г. (с. 244). Весьма путанные сведения содержатся в хронике о походах князя В. В. Голицына в Крым, причем Голицын, согласно данным Сурты, после походов был закован в кандалы и сослан в места «в сто раз хуже тех, куда ранее сослали „Поповича“» (Самойловича. — *Н. У.*). Это было сделано потому, что Голицын получил от крымского хана бочонок с золотом, из-за чего и не разгромил войска хана (с. 247). Походы под Азов Петра I были результатом обязательства, принятого Россией в отношении Речи Посполитой (с. 248). В 1697 г. Петр I послал за границу «наглавнейших бояр», а вернув-

⁴⁸ Это место хроника чрезвычайно путанное. Как известно, Шуйский (Василий Иванович) был царем в 1606—1610 гг. В 20-е годы XVII в. род Шуйских угас. Единственной женщиной, «господствовавшей в России» в XVII в., была Софья Алексеевна, с «племенем Шуйских», однако, ничем не связанная, притом ее под понятие «племя» подвести нельзя. «Племя женщин» управляло страной с 1730 по 1796 г. (с перерывом в 1762—1763 гг., когда императором был Петр III). Предположить, что текст Сурты был изменен кем-то в XVIII в., когда правительство страны возглавляли женщины, едва ли возможно, так как правительницы, согласно тексту, должны быть родней Шуйских, в XVIII в. основательно забытых. Более вероятно кажется, что напутал сам Сурта.

шись из заграничного путешествия, установил в русских городах магдебургское право. В том же году он казнил «наиглавнейших бояр» — Соковина, Цыклера и др. (с. 250). Под Нарвой погибло 70 тыс. русских, и шведы захватили там 700 орудий (с. 251).

В ряде случаев Сурта ссылался на архивные материалы. Говоря о том, что король Стефан Баторий дал в 1576 г. (I) Могилеву «разные права», он отмечает, что эти документы хранятся в городском архиве (с. 240). Кто хочет знать, где похоронены казненные в 1610 г. руководители восстания, пусть читает «декрет от 23 июля 1610 года в Могилевской магдебургии» (с. 240). Говоря, что в Москве в 1681 г. были убиты «наизначнейшие бояре», он не перечисляет их имен не потому, что не знает, а из-за экономии места (с. 246), из чего следует, что он располагал соответствующими документами.

Несколько ссылок сделано Суртой на рукописные и печатные хроники и летописи. Так, говоря об избрании на престол в 1574 г. Генриха Валуа («Француза») и его скором бегстве из Польши, Сурта замечает, что если кто-то хочет знать об этом больше, то пусть перечитывает хроники, не указывая, однако, какие именно (с. 240). Из летописцев и других источников Сурте не удалось выяснить, когда были закрыты в Могилеве православные церкви в связи с тем, что могилевцы не пустили к себе униатского архиепископа Иосафата Кунцевича (с. 241). Эта запись датирована 1633 г. (Кунцевича не пустили в Могилев в 1619 г., а в 1623 г. он был убит в Витебске.— *Н. У.*). Очень кратко сказав о восстании 1648 г. на Украине, Сурта отсылает читателей к работам хронистов, опять без указания, к каким именно. Зато, говоря о разделении мира между сыновьями Ноя, Сурта ссылается на хронику Стрыйковского и Киевский Синописис (с. 240).

Таким образом, сведения, содержащиеся в части хроники, которая написана Суртой, неравноценны. Более всего достоверны (очевидно, безусловно достоверны) данные, изложенные по архивным материалам и собственным наблюдениям автора. Несравненно меньшее значение имеют известия, записанные по рассказам, в частности это касается известий о происходившем в России. Из личных наблюдений наиболее ценные касаются событий, происходивших в Могилеве во время войны 1654—1667 гг. Из текста, написанного Суртой и Ю. Трубицким и сохранившегося до наших дней, Сурте принадлежит примерно треть, но так как из записей Ю. Трубицкого утеряна весьма значительная часть, то, очевидно, раздел, написанный Суртой, составлял не более четверти общего текста обоих хронистов (остальные разделы рукописи не касаются).

Ю. Трубицкий, начиная работу над своей частью, написал вступление, очень похожее на то, которое в свое время оставил Сурта. «Все, что будет написано, дорогой читатель,— сообщал Ю. Трубицкий,— частично заимствовано из других летописей, частично по рассказам „годовых“ людей, частично же записал то, что видел своими глазами» (с. 252). Поскольку история Могилева изложена Суртой до середины 1701 г., то Ю. Трубицкий только в отдельных случаях обращается к событиям до 1701 г. Очевидно, его указание на использование рассказов старых людей следует понимать так, что о событиях начала XVIII в.

он писал спустя много лет, примерно в 30—40-е годы, иначе ссылка на летописи и рассказы других лиц не имеет смысла.

Ю. Трубицкий начал писать свою часть как продолжение повествования Сурты — о борьбе Сапег с их противниками и о мероприятиях Петра I в связи с происходившей войной. Однако, даже не заполнив до конца первого листа, он переходит к совершенно иному материалу — к изображению обстановки в Речи Посполитой в целом, сделав при этом соответствующее вступление: «Здесь, отступив от событий, происходивших в королевском городе Могилеве, изложу кратко о военных действиях в Польше и Литве по книгам одного историка» (с. 253). И действительно, дальше он говорит главным образом об интригах примаса Польши М. Радзеёвского при избрании после смерти Яна Собесского короля, о борьбе между Сапегами и Огинскими, о начале Северной войны и поражении Августа II, об избрании королем Станислава Лещинского. Все это изложено очень кратко и заканчивается известием о смерти Радзеёвского. Далее следуют стихи, высмеивающие как Радзеёвского, так и короля Августа II, после чего помещено описание военных и политических событий (включая пространный рассказ на основании литературных данных о Мазепе) за 1705—1707 гг. Этот раздел сменяется «Карнавалом» — ярким сатирическим произведением, рисующим обстановку в Польше, и в заключение следует «Коляция», т. е. ужин, в которой тоже говорится о Польше начала XVIII в. в том же обличительном духе. Все это заимствовано, по словам летописца, из книги, посвященной жизни короля Станислава Лещинского. К этой книге Ю. Трубицкий отсылает читателя, не указав, однако, ее автора и не приведя названия (с. 258). Трубицкий и далее перебивает известия, относящиеся к Могилеву, сообщениями о ходе Северной войны, о поражении Левенгаупта, о Мазепе, о поражении шведской армии под Полтавой и бегстве Карла XII в Бендеры, а оттуда в Швецию. Книга, из которой Ю. Трубицкий заимствовал сообщение о последнем походе Карла XII с юга обратно в Швецию, названа определенно: «Fosculi historiarum». Это заимствование является едва ли не самым неудачным во всей работе Ю. Трубицкого (в ней сказано, что Карл XII был убит под стенами маленького немецкого городка, еще не дойдя до Швеции). После этого Трубицкий опять возвращается к описанию событий, происходивших в Могилеве и Старом Быхове, «где происходила заваруха не меньшая, чем в Польше» (с. 258). Особенно много внимания в начале уделено Старому Быхову: захват Быхова, бывшего владения Сапег, сторонником России Бонча-Синицким, переход Синицкого на сторону шведов и его выступление против русских, осада русскими Быхова и капитуляция Синицкого, отправка братьев Синицких в Сибирь и др. Все это описано очень подробно, что можно объяснить лишь использованием какого-то документа, фиксировавшего события в Быхове в некоторых случаях по дням и часам. При всей детализации описания обстановки в Быхове внимание хрониста приковано главным образом к Могилеву, к тем тяготам, которые выпали на долю этого города в связи как с авантюрой Синицкого, так и с ходом Северной войны. Синицкий числился пока сторонником русских и был «опекуном» Могилева, распо-

ряжался там, как в своем личном владении, и грабил город не меньше, чем неприятельская армия. В дополнение к грабежам Синицкого город осуществлял разного рода поставки по приказу как Августа II, так и русских войск. Вместе с тем Ю. Трубицкий как человек религиозный не оставлял без внимания церковные дела. Так, например, им подробно описаны смерть белорусского епископа Серапиона Полоховского и назначение на его место князя Сильвестра Четвертинского.

Весьма существенны данные хронистов о вооружении жителей Могилева. Население Могилева имело огнестрельное и холодное оружие, а также артиллерию и в общем представляло собой настолько внушительную силу, что в 1654 г. гетман Радзивилл со своей армией так и не был допущен в город, а в 1661 г. населением же был уничтожен русский гарнизон.

Личное оружие горожан едва ли находилось полностью на учете, но орудия, стоявшие на валах, должны быть известны каждому жителю города, и тем не менее Ю. Трубицкий, говоря о том, сколько орудий было взято Синицким из Могилева во время осады им Быхова, а также после овладения этим городом русскими, сообщает об этом приблизительно («штук 15»; с. 267). Среди орудий, забранных Синицким, выделялась своими размерами «Голландка», для выстрела из которой требовались три камня⁴⁹ пороха. Подчеркивая размеры этой «арматы», он отмечает, что подобной не было ни в Великой Польше, ни в Литве. Остальные орудия были взяты русскими 3 августа 1707 г., причем русские забрали 18 разных крупных гербов, т. е. с особыми названиями каждое («Змей», например), и семь полковых, а всего 25 (с. 268). Из Олейной браны были также взяты в 1707 г. хранившиеся в тайнике порох, ядра и несколько сот «свиней» свинца (с. 268). Таким образом, в начале XVIII в. у могилевцев находилось не менее 40 разного калибра орудий и большой запас пороха и свинца. В 1708 г. Могилев был сожжен. Вообще, как все деревянные города того времени, он горел бесчисленное количество раз, но этот пожар остался в памяти горожан как исключительно тяжелый. Трубицкий, написав заголовок «1708», создал полное трагизма вступление к этому разделу: «О город, город Могилев. Первый летописец, не имея сведений, почему город назван Могилев, объяснил, что это был Могучий Лев, но военный 1708 год заострил на тебя клыки и зубы, содрал с тебя прекрасную львиную шкуру и облек в черную грубую мешковину, с этого времени не можешь ты называться Могучим Львом, а разве что могилей имуществва твоих жителей» (с. 269).

Часть, написанная Ю. Трубицким, создана с широким привлечением документов магистратского архива, по рассказам очевидцев и личным наблюдениям. В ряде случаев сведения всех этих источников информации переплетаются, и выделить каждый источник можно, вероятно, только в результате специального исследования.

Будучи «регентом» магистратской канцелярии, Трубицкий находился в курсе дел всего города, и наиболее основательная часть его труда написана главным образом по материалам канцелярии. По

⁴⁹ «Камень» равен примерно 14 кг.

архивным данным указано, сколько город выдал продуктов, фуража, разных товаров (кожи, железа, леса и др.), а также денег русским и шведским войскам в 1701—1709 гг. Бесконечные требования обо всем этом к городу поступали и от «опекуна» Могилева Синицкого. В отдельные годы поставки были так велики, а записи Ю. Трубницкого так часты, что все это могло быть зафиксировано хронистом не сразу, а спустя какое-то время и только по архивным данным. Например, за 1706 г. есть записи в январе, 20 и 25 февраля, 10 апреля, 5, 15, 21, 24 и 30 мая, 8, 15, 16, 21 и 29 июня, 7, 9, 12, 14, 17, 22 июля, 2 и 18 сентября, 10 октября и 10 ноября. Правда, за 1706 г. записей сделано больше всего, но не намного меньше их и за 1708 г.

14 марта 1708 г. Ю. Трубницкий после детального перечисления того, что город дал русскому командованию, пишет: «Любезный читатель, все, что было истребовано [от города.— *Н. У.*], отсылаю к городскому списку, который найдешь в ратушном архиве, где, прочитывая, должен будешь заливаться слезами и удивляться, как город Могилев мог поднять такие тяжести» (с. 270).

Многое из того, что написано Ю. Трубницким, основано, вероятнее всего, на рассказах очевидцев, хотя возможно, что хронисту приходилось получать сведения не прямо от тех, кто был непосредственным свидетелем, а в передаче от вторых и третьих лиц.

Прямо со ссылкой на рассказ униатского монаха Пафнутия передано, при каких обстоятельствах Петр I казнил в Полоцке несколько униатских монахов (с. 271). По слухам или на основании рассказа очевидца записано сообщение (в самой общей форме), как шведы ограбили Вильно и убили тамошнего бурмистра Мороза. То же по рассказам, переданным от участников события, должно быть, описано, как Петр I, будучи на банкете в Минске у ксендза Панцержинского, выругал его за то, что тот, имея мало средств, задает пиры, требующие больших расходов, а затем приказал выдать ксендзу столько денег, чтобы было достаточно для оплаты расходов на угощение (с. 263—264). Поэтому же, очевидно, источнику описано, как после поражения под Лесной бежали остатки отряда Левенгаупта, направляясь в свою сторону, и как их истребляли крестьяне и шляхта (с. 276). Одно из самых ценных известий, записанных по слухам, относится к Ващиле. «Что сказал ранее о Ващиле,— писал Ю. Трубницкий,— здесь добавлю, что известно из людской реляции, что упомянутый Ващило, как только императрица великороссийская прибыла в Киев, он, находясь в Стародубе, будучи под московской стражей, в оковах, с этим светом попрощался. Над его телом стала московская стража с обнаженными палашами и стояла две недели, пока не пришел из Глухова указ от старших малороссийских судей, чтобы его погребли. И так ему было учинено торжественное погребение» (с. 280). На основании рассказа очевидца сделана запись о Карле XII: «Здесь делаю отступление от Могилева (т. е. от дел, касающихся исключительно Могилева.— *Н. У.*) и доложу кратко о шведском короле. Из-за отсутствия данных называть дни не могу, однако что слышал, то кратко в этой летописи изложу, сохранив для летописцев более доскональных». И далее говорится о походе шведского короля на Украину (с. 277). О том, что слухи, при-

ходившие с Украины о войне, были недостоверными, говорят записи Ю. Трубицкого, касающиеся Семена Палея.

Трубицкий был человеком образованным, но верил как в пророчества, так и в то, что бог внимательно следил за жизнью Могилева, причем это внимание выражалось преимущественно в том, что по велению бога происходили все пожары; бог был неповинен лишь в пожаре 1708 г.

Очень много известий записано Трубицким по личным наблюдениям, но так как эти известия относятся к началу XVIII в., то можно предполагать, что Трубицкий вел в то время что-то вроде дневника, откуда и переносил записи в общую рукопись, когда систематизировал свои материалы. Так, видимо, по личным наблюдениям описана Трубицким казнь четырех русских солдат в Могилеве 27 июля 1707 г. с замечанием, что приговор читали «московским языком» (с. 268). Летом 1708 г. в городе появилось бесчисленное количество лягушек (с. 272). По личным наблюдениям или по рассказам очевидцев описано, как забежал в Могилев медведь (с. 274). Масса сведений о ценах на разные продукты и вообще товары могла быть написана как по источникам, так и по личным наблюдениям (с. 273). По личным наблюдениям, очевидно, написано, что во время пожара образ «Брамыи Богоматери сгорел, так как отпала штукатурка» (значит, это была фреска). Безусловно, по собственным воспоминаниям написано, что зима 1708/09 гг. была долгой и холодной. По своим наблюдениям (воспоминаниям?), дополненным рассказами жителей города, сделано описание сожжения города в 1708 г. (с. 274—275).

Часть хроники, написанная Ю. Трубицким, по полноте данных и манере изложения превосходит всю остальную хронику. Для Могилева это прежде всего очень подробное перечисление поборов, взимаемых с жителей города в 1701—1709 гг., хотя то, что было отобрано у жителей сверх официально сданного через магистрат, как и все, что погибло во время пожара в 1708 г., у Трубицкого осталось неучтенным. Затем хроника содержит перечень воинских частей и отчасти описание их внешнего вида и вооружения обеих воюющих сторон, которые проходили через Могилев. Большую ценность представляют данные о ценах на разные продукты, зафиксированные в хронике, а перечисление мер веса, которыми пользовались в то время могилевцы, является существенным источником для изучения метрологии. Относительно немного сведений имеется по топографии города, но при бедности таких данных и это представляет большой интерес. Трубицкий упоминает несколько имен и фамилий могилевских художников и архитекторов или их профессию, которые в других источниках не встречаются. В общем, его часть выделяется по сравнению не только с частями, сделанными его сыном, внуком и правнуком, но и Суртой, и поэтому утверждение Александра и Михаила Трубицких, что хроника целиком написана им, имеет какое-то объяснение.

Принадлежа пусть и не к самой неимущей части населения и не будучи богатым, Ю. Трубицкий не раз выражал сочувствие бедноте. Так, говоря о том, как солдаты забирали у населения стройматериалы,

годные для сооружения моста на Днепре, он отмечает, что «богатым за бревна платили, а бедных кривдили» (с. 260). Сам Трубницкий был православным, очень внимательно следившим за событиями, связанными с церковной жизнью Могилева.

Характер известий, находящихся в хронике после 1746 г., в начале ничем не отличается от тех, которые помещены в части, написанной Ю. Трубницким, т. е. о пожарах в городе (1748 г.), очень много записей, касающихся религиозной жизни (смерть белорусского епископа Иеронима Волчанского, назначение на тот же пост Георгия Кониского и его торжественная встреча в 1755 г.). Затем смерть короля Августа III (1763 г.). Избрание королем Станислава Понятовского (1764 г.). Торжества по поводу избрания нового короля (1764 г.). Появление кометы (1769 г.). Присяга Екатерине II и наследнику Павлу I (1772 г.), приезд наместника З. Чернышева (1774 г.), приезд в Могилев Екатерины II и Иосифа II (1780 г.) и в последующие годы мелкие заметки о приезде начальствующих лиц. Даже о таком событии, как война 1812 г., сказано примерно то же, что было в учебниках, и лишь заметка М. Трубницкого о том, что происходило с ним персонально (он встретил войну в Вильно), дает немного нового.

В общем же, между текстом Ю. Трубницкого 1746 г. и началом текста М. Трубницкого 1812 г. записи имеются за 1748, 1754, 1755—1757, 1759—1761, 1763—1767, 1772, 1774, 1778, 1780—1782, 1788, 1796, 1801, 1802, 1806—1808, 1810—1812 гг. За последующие годы хроника не отметила такие важнейшие события, как восстания 1831 и 1863 гг. (В 1863 г. студенты Горы-Горещкого земледельческого института, находившегося в Могилевской губ., подняли восстание, захватили Горки, но вскоре были разгромлены.) Ничем не отмечены и события 1848—1849 гг., составители хроники явно остерегались писать обо всем этом, и хроника постепенно угасала.

Уже отмечалось, что Виленский список намного меньше Ленинградского, в связи с чем возникает вопрос, не представляет ли собой Ленинградский—основной список, а Виленский его сокращенный вариант, или, наоборот, не является ли Виленский первоначальным, который впоследствии был расширен. Наиболее вероятным кажется, что основным должен быть Ленинградский. Приводим в хронологическом порядке список мест, исключенных из Ленинградского списка при составлении Виленского (см. с. 196—198).

Значит, из Ленинградского списка исключили все, что было вписано туда из печатных источников. Таким образом отпали описание землетрясения в Неаполе (№ 28), все, что было написано Ю. Трубницким в начале его работы о положении в Польше в начале XVIII в. (№ 51), о смерти Карла XII, биографические данные о Мазепе. Исключены также записи, имеющие фантастический характер (превращение человека в собаку, рождение мальчика с золотым зубом), и вообще рассказы, основанные на слухах (№ 18, 21, 22, 69 и др.). Из Ленинградского списка исключены известия о войне между Россией и Речью Посполитой (№ 5), о событиях в Москве (№ 24, 44), о Крымских (№ 30) и Азовских походах (№ 36, 37), о битве при Лесной (№ 60) и о Полтавской битве (№ 64). Очевидно, учитывалась в первую очередь поли-

№ п/п	Год	Содержание	Листы
1	1526	Общие данные о Могилеве. Отсутствует ссылка на Стрыйковского	3 об.—4
2	1576	Сообщение, что Киев в то время был во владении Стефана Батория	4 об.
3	1582	При Стефане Батории «римляне» отменили русский календарь	4 об.
4	1605	Мир с Россией на 14 лет	5
5	1611	Война с Россией. Захват Сигизмундом III Смоленска	6
6	1613	Чеканка Сигизмундом III польской монеты в Москве	6
7	1630	Мор в Могилеве	6 об.
8	1632— 1633	Смоленская война	6 об.
9	1648	Восстание на Украине под руководством Богдана Хмельницкого	7 об.
10	1654	Постройка патриархом Никоном в Валдае монастыря, куда были переведены монахи Кутейнского монастыря, а также перевезены алтарь и часы	8
11	1655	Похороны гетмана Золотаренко в Корсуне; пожар церкви	8
12	1655	Сообщение о месте, где раньше в Могилеве была деревянная часовня	8 об.
13	1655	Неудача русских под Ригой	8 об.
14	1659	Неудача русских под Брестом	9 об.
15	1659	Разгром армии Долгорукого	19 об.
16	1659	Разгром армии Хованского	20 об.
17	1665	Перемирие в Андрусове	22
18	1666	Ссора князя Любомирского с польской королевой	22
19	1667	Неприятности, произошедшие с митрополитом Тукальским в Вильно	22 об.
20	1668	Отречение короля Яна-Казимира от престола	22 об.
21	1670	Победа польских войск под Хотинном	23
22	1674	Рождение в Вильно мальчика с золотым зубом	23 об.
23	1676	Проезд через Могилев александрийского патриарха Паисия	23 об.
24	1681	В Москве убиты «наизначнейшие бояре»	24
25	1682	Умер гетман Великого княжества Литовского Пац	24 об.
26	1683	Турки взорвали часть Чигирина. Пожар на Свиной ярмарке	24 об.
27	1684	Победа польских войск под Веной. В Москву для заключения мира приехала делегация Речи Посполитой	24 об.
28	1688	Выписка из книги о землетрясении в Неаполе	25 об.
29	1688	В Быхове сожгли десять колдунов	25 об.
30	1688	Походы в Крым Голицина	26
31	1690	Пожар в Шклове	26 об.

№ п/п	Год	Содержание	Листы
32	1692	Разгром турок под Веной. Рассказ, как около Москвы поп убил женщину и ребенка	26 об.
33	1692	Морская англо-голландская война	27
34	1692	Семен Палей создал в Фастове крепость	27 об.
35	1694	Небывалый град в Могилеве	27 об.
36	1695	Первый Азовский поход	28—29 об.
37	1696	Умер царь Иван Алексеевич. Второй Азовский поход	30 об.
38	1696	В Константинополе турки казнили патриарха	31
39	1696	Сожжение безбожника Преборовского	31
40	1696	Характеристика Яна Собесского	31 об.
41	1696	Избрание каптуровых судей	31 об.
42	1696	Пожар в Полоцке. Саранча	32
43	1697	Отправка из Москвы за границу бояр	32 об.
44	1697	Казнь в Москве «наглавейших бояр» (Соковнина, Цыклера и др.)	32 об.
45	1698	Избрание королем Августа Саксонского. Начало войны Салег со шляхтой	32
46	1699	Мор в Черикове	34
47	1699	Немец обращен в свинью	34 об.
48	1700	Начало Северной войны. Август у Риги, Петр у Ревеля	34 об.
49	1700	Казачи взяли «под шведом» ряд городов. В России отменили старый календарный стиль. Разгром Салег под Олькениками	35
50	1701	Закончена постройка каменной церкви в Шклове. Около Старого Быхова разбиты сторонники Салег. Еще о борьбе салегинцев с их противниками	36
51	1701—1707	Положение в Польше, изложенное по печатным источникам	38—47
52	1703	Смерть белорусского епископа Полоховского	48 об.
53	1703	Поборцы для сбора податей	50
54	1703	Указ Петра носить немецкое платье и брить бороды	50 об.
55	1706	Меншиков с дивизией стоял в Гомеле	53 об.
56	1706	Рассказ, как Петр был на банкете в Мянске у ксендза	57 об.
57	1707	Борьба коменданта Быхова Свиницкого с русскими	58 об.
58	1707	Еще о Быхове	63
59	1708	Лирическое вступление Ю. Трубницкого к 1708 г.	70
60	1708	Неофициальные известия о происхождении Меншикова	70 об.
61	1708	Битва у Лесной	81 об.
62	1708	Слухи, как крестьяне нашли яму, насыпанную зерном и заваленную трупами шведов	82
63	1709	Взятие русскими Батурина	82 об.

№ п/п	Год	Содержание	Листы
64	1709	Часть известий о Полтавской битве	82 об.— 85 об.
65	1745	Конец сообщения о епископе Иерониме Волчанском	87
66	1745	Сообщение о Ващиле	89
67	1745	Сообщение о нежинском архимандрите, бежавшем за границу, похитив монастырскую казну	89
68	1745	Еще о Иерониме Волчанском	90
69	1745	Рассказ, как помещик был превращен в собаку	90 об.

тическая направленность исключаемых мест. Гораздо менее понятен мотив ряда других исключений. Так, например, в Виленском списке отсутствуют сообщения о море в Могилеве (№ 7), о том, где находилась раньше часовня в Могилеве (№ 12), о сожжении в Быхове колдунов (№ 29), о пожаре в Шклове (№ 31), о небывалом граде в Могилеве (№ 35), о избрании каптуровых судей (№ 41), о пожаре в Полоцке (№ 42), о море в Черикове (№ 46) и некоторые другие. Отсутствует также ряд сообщений о польских делах: отречение Яна-Казимира от престола (№ 20), победа польских войск под Хотинном (№ 21), смерть гетмана Паца (№ 25), поход турок к Чигирину (№ 26), победа над турками под Веной (№ 32), характеристика Яна Собесского (№ 40), избрание на престол Августа Саксонского (№ 45), нет данных о конце Ващилы (№ 66). Трудный сам по себе вопрос, для чего создан сокращенный список, делается еще более сложным в свете тех данных, которые приводит о нем Гортинский. Данные эти такие. В 1822 г. для Гортинского, занимавшего тогда пост переводчика в Главном суде Могилева, с хроники, находившейся у М. А. Трубницкого, снимают «буквально верную копию»⁵⁰. В 1825 г. Н. П. Румянцев предлагает Гортинскому напечатать эту рукопись, но Гортинский отказывается, так как хотел что-то «поисправить»⁵¹.

Гортинский принадлежал к тем культурным провинциалам (вероятнее всего, он окончил университет), кого Румянцев привлекал к разысканию архивных материалов. Очевидно, контакт между Румянцевым и Гортинским установился в 1825 г., когда Гортинский по заданию своего шефа отправился в Мстиславль для обследования тамошних архивохранилищ. В том же году Гортинский, А. М. Дорошкевич и И. Сыщенко знакомилась (опять по заданию Румянцева) с нумизматическими коллекциями, собранными около Полоцка и Орши⁵².

⁵⁰ Хроника белорусского города Могилева, с. 5.

⁵¹ Там же.

⁵² Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981, с. 74—75, 92—93. Козлов называет Гортинского Горатынским. Думаю, более правильно «Гортинский», поскольку, печатая перевод хроники, он называл себя так.

Если хроника была списана с оригинала, хранившегося у М. А. Трубицкого, то это можно было сделать только с согласия владельца. Если же Гортынскому была дана сокращенная копия, то это тоже можно было сделать с согласия Трубицкого. Из полного списка при снятии копии исключили наименее существенные разделы, но вместе с тем был исключен и весьма важный: в копии нет начала, свидетельствующего о том, что писал его Т. Р. Сурта, нет и того места из раздела Ю. Трубицкого, где сказано, что предыдущий раздел написал Т. Р. Сурта. Такое изъятие наводит на мысль, что М. А. Трубицкий дал Гортынскому копию, в которой участие Сурты скрывалось, но полный сохранил у себя, не переделывая его. Очевидно, это было причиной того, что Трубицкий до самой смерти хранил полный экземпляр и никогда не показывал его Гортынскому. Видимо, до Гортынского доходили слухи, что Трубицкий продолжает хронику, но что тот писал, Гортынский не знал. Гортынский не знал и того, что И. М. Трубицкий после смерти отца перечитывал хронику и делал в рукописи разные пометы, последняя из которых датирована 1867 г. Неизвестным остался Гортынскому и тот факт, что в 1872 г. хроника уже находилась в Петербурге в Публичной библиотеке⁵³.

Вторично Гортынский обращается к хронике в 1876 г., когда из Трубицких уже никого не было в живых. Такой длительный перерыв Гортынский объясняет занятостью. Чем занимался Гортынский между 1822 и 1876 гг.? В 1822 г. он переводчик суда⁵⁴, в 1851 г. занимает должность прокурора Витебской губ., коллежский советник, в 1856 г. губернский прокурор Псковской губ., статский советник⁵⁵. В последующие годы (1857—1859) в справочниках, содержащих сведения о «чиновных особах», Гортынский не числится⁵⁶. Вполне возможно, что в 1857 г. он уже вышел в отставку (кстати, в качестве переводчика он называет себя статским советником — чин, присвоенный ему в бытность прокурором). Значит, можно думать, что до 1876 г., когда Гортынский подписал свое предисловие, он не был занятым человеком. К этому следует добавить, что значительная часть хроники в 40—60-е годы была переведена на русский язык и напечатана⁵⁷, что весьма

⁵³ За сообщение о времени поступления рукописи в Библиотеку выражаю глубокую благодарность бывшей заведующей Рукописным отделом Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина И. Н. Курбатовой и сотруднице отдела С. Я. Вязовой.

⁵⁴ Месцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето... 1822. СПб., 1822, ч. II, с. 340.

⁵⁵ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1856 год. СПб., 1856, с. 13.

⁵⁶ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857. СПб., 1857. Ч. 1, 2. Нет и в адрес-календаре на 1858—1859 гг. СПб., 1859.

⁵⁷ В «Записках» игумена Ореста три раза сделаны подстрочные примечания, что такое-то место в его произведении заимствовано из хроники Трубицкого, причем два раза указаны номера «Могилевских губернских ведомостей», где будто бы напечатаны эти отрывки (с. I, IX, XII). В действительности в тех номерах «Ведомостей», которые указаны в «Записках» (№ 13 за 1847 г. и № 3 за 1858 г.), ничего подобного нет. Редактор неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей» Е. Р. Романов издал «Указатель к неофициальной части „Могилевских губернских ведомостей“. С 1839 по 1898 г.» (Могилев, 1899). В некоторых случаях Романов от-

сильно облегчало работу переводчика. В общем, все сходится на том, что объяснение занятостью не может быть принято.

Следующий вопрос, связанный с публикацией перевода, заключается в том, был ли он сделан именно с Виленской рукописи? Если начать с обратного, т. е. с тех мест перевода, которые не полностью совпадают с рукописью, то увидим, что такие места есть. Вместе с тем в оригинале и переводе встречаются одинаковые ошибки (вора Айзика, и по рукописи и по переводу, повесили в «Глодне»; примечание в переводе, что это, видимо, «Гродно», с. 33). За то, что перевод осуществлен с Виленского списка, говорит и инструкция переписчику, помещенная на л. 1 об.⁵⁸ Сделана эта надпись, видимо, когда Гортинский отдавал переписать «ветхий оригинал» 1822 года в 1876 г.: «Прошу отдать для переписывания на хорошей бумаге, аккуратно, того же формата, что и здесь (т. е. в подлиннике.— *Н. У.*), читабельным и красивым почерком без особых хвостов и закорючек. При переписывании надлежит не пропускать знаки, сделанные голубым карандашом,— они показывают конец строки». (Эти знаки сохранились в Виленской рукописи.— *Н. У.*) Далее сказано, что следует оставить широкие поля и что если какое-либо слово будет трудно прочесть, то оставить чистое место, чтобы дописать позже (л. 1 об.). Поля в рукописи действительно широкие, а множество поправок, сделанных не тем почерком, каким переписан список, говорит за то, что рукопись кто-то правил. Учитывая это, есть основание считать, что перевод сделан с Виленского списка или с рукописи, идентичной Виленской⁵⁹. Вообще, оригинал и перевод не могли совпадать полностью еще и по той причине, что Гортинский, не довольствуясь сведениями, находившимися в рукописи, внес в свою работу добавления, заимствованные им из других источников, как из печатных, так и рукописных, отмечая, откуда им взято то или иное известие. Это, однако, не исключает возможности помещения данных, которые будто бы были приведены из рукописи, тогда как на самом деле они заимствованы из других источников.

Источниками, из которых Гортинский заимствовал данные по истории Могилева, прежде всего являются документы, хранившиеся в могилевских хранилищах, затем труды М. О. Без-Корниловича⁶⁰, О. В. Турчиновича⁶¹, Повесть временных лет и некоторые другие источники.

метил, что в номере помещен отрывок из «Хроники Трубицкого» или из «Ореста», но иногда это не оговорено. Всего, по данным Романова, отрывки помещены в следующих номерах: 1841 г., № 12, 13, 15; 1842 г., № 10, 11, 17, 18; 1846 г., № 3—7, 11, 13; 1847 г., № 3; 1858 г., № 39, 40, 61, 64, 65, 72, 73; 1860 г., № 13—17, 24, но номеров, указанных в «Записках», нет.

⁵⁸ В Виленском списке на л. 1 находится заглавие: «Хроника Могилева Трубицкого, регента Могилевской магдебургии», на л. 1 об. инструкция переписчику, на л. 2 заголовков пространный.

⁵⁹ Сделав перевод, Гортинский передал как копию, снятую с подлинника, так и перевод (очевидно, вторые экземпляры) в библиотеку Могилевской духовной семинарии (Хроника белорусского города Могилева, с. 3).

⁶⁰ Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии, с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1825.

⁶¹ Турчинович О. В. Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.

Кроме того, Гортинский, считая, что сведения о Могилеве, которые находились в рукописи, неточны или устарели, дал в конце своей работы «Краткое историко-топографическое описание» Могилева, основанное на материалах перечисленных источников (с. 92—109), а также список грамот, пожалованных верховной властью Могилеву (с. 133—142). При изучении перевода необходимо учитывать все эти особенности работы Гортинского.

В переводе без отметки, что оно заимствовано из другого источника, приведено сообщение, что Могилев с волостью в 1503 г. был передан в пожизненное владение великой княгине Елене Ивановне (с. 13) и что в 1514 г. то же владение передано в держание (во временное пользование. — *Н. У.*) Юрию Деспот-Зеновичу (с. 13).

В то же время в рукописи есть пространная запись за 1526 г. о происхождении города Могилева, о получении им разных привилегий, тогда как в переводе об этом сказано в двух строках (с. 13). Подобное сокращение может быть объяснено тем, что переводчик в конце книги уделит данному вопросу много внимания. В переводе опущено сообщение оригинала о избрании на престол Речи Посполитой Генриха Валуа («Француза»). Запись о нападении на Могилев Наливайко в 1595 г. в книге изложена значительно короче, чем в рукописи; также и о «бунте» (волнениях ремесленников) 1610 г. В рукописи в записи за 1616 г. Сигизмунд III назван «скупцом»; в книге этого нет (с. 16). В рукописи сказано, что автор (в данном случае Т. Р. Сурта. — *Н. У.*) слышал о разгоне православных, присутствовавших в пасхальную ночь в шалаше, от стариков; в книге сообщения, от кого поступили сведения, нет (с. 18). За 1648 г. отсутствует сообщение рукописи о смерти короля Владислава IV (1648 год в переводе вообще опущен). В рукописи сказано, что в 1655 г. Алексей Михайлович делал подарки Кутейнскому монастырю за то, что его архимандрит советовал жителям Могилева не сопротивляться русским, чего нет в переводе, но в переводе сказано, что с этого года Могилев присоединен к России, а этого нет в рукописи (с. 21). В переводе опущено сообщение о сдаче Быхова русским. За тот же 1665 г. опущено сообщение рукописи, что русские стояли около Могилева на Виленском поле (с. 27).

В ряде случаев перевод неточно передает текст оригинала. В рукописи сообщается, что в 1695 г. во время голода «в Русские края пришло несколько тысяч людей с женами и детьми» за хлебом, из-за чего хлеб подорожал (л. 20 об.). В переводе это звучит так: цены поднялись потому, что «из Литвы в сей стране» скупали хлеб (с. 32). В рукописи сказано, что события происходили «около Слуцка, Минска и на литовском пограничье» (л. 20 об.), а в переводе — «в литовских странах» (с. 32). За 1706 г. в рукописи имеется запись о посылке шпиона к Слуцку и Минску (л. 31), а в переводе — к Луцку и Минску (с. 43). За тот же год, по сообщению рукописи, Синицкий прибыл в Могилев с пятью хоругвями (л. 35), в переводе — с шестью (с. 47). В переводе опущена следующая деталь, имеющаяся в рукописи: в 1704 г. комета показалась, когда гнали с пастбища скот (л. 28 об.).

Перевод изобилует анахронизмами и неверными выражениями (вместо «в том же году» сказано «сего же года») и т. д. Слово «дыван»,

что значит «ковер», переведено словом «софа», т. е. диван. Термин «дым» (хозяйство) переведено словом «дом» и т. д. (л. 35 об., 36 об., 41). В рукописи написано, что богоматерь была написана «на муре» (на штукатурке.— Н. У.), т. е. что это была фреска, тогда как в переводе сказано «на стене» (л. 57 об.).

В общем, Гортынский не только осуществил перевод сильно сокращенного текста хроники, но и передал этот текст неточно. В результате хроника была почти сто лет известна читателям в искаженном виде.

Все указанные недочеты в переводе текста, может быть, не так существенны, как ошибки в переводе заглавия. Начнем с того, что и в рукописи заглавия очень неясны, тем более что их три. Одно на титульном листе, краткое: «Хроника Могилева Трубицкого, регента Могилевской магдебургии». Второе на л. 2, гораздо более пространное: «Хроника города на Белой Руси Могилева. Собрана и писана рукой Александра Трубицкого, регента Могилевской магдебургии во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолжена его сыном губернским секретарем Михаилом Трубицким. Настоящая рукопись с хроники упорядочена и сверена с оригиналом Николаем Гортынским, статским советником в Могилеве в 1876 г.» Наконец, на л. 6, непосредственно перед текстом хроники (на предыдущих листах изложено как бы вступление, в котором говорится, что собой представляет Могилев сейчас и лишь отчасти в прошлом), еще одно заглавие: «Выписки из рукописной хроники пана Трубицкого, касающейся событий, происходивших в городе Могилеве».

Поскольку, по данным Гортынского, хроника была переписана для него в 1822 г., а события, излагавшиеся в ней, заканчивались 1812 г., то непонятно, каким образом в число составителей этой хроники (см. заглавие на л. 2) попал М. Трубицкий, который только начал писать свой раздел с 1812 г. Ведь в Виленском списке о 1812 г. имеется лишь краткая запись, что началась война и что губернатор граф Толстой запретил жителям уезжать из города. Ввиду того что в Ленинградском списке имеется гораздо более пространная запись, ясно, что краткую писал не М. Трубицкий, т. е. вообще текста, писанного М. Трубицким, в Виленском списке вопреки заголовку нет.

Недоумение вызывает и другое место этого заголовка: «Хроника... Собрана и писана *рукой* Александра Трубицкого». В переводе слово «рукой» опущено и заголовок книги такой: «Хроника белорусского города Могилева. Собранный и писанный Александром Трубицким, регентом Могилевской магдебургии во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолженный его сыном губернским секретарем Михаилом Трубицким. Переведена с польского подлинника Николаем Гортынским». В предисловии к своему труду (с. 5) Гортынский называет М. Трубицкого «потомком писателя», т. е., согласно предисловию переводчика, хроника была написана А. Трубицким, которому Гортынский, кстати, присвоил титул «регента Могилевского магистрата». Иначе говоря, он присвоил Александру звание, которым обладал Юрий Трубицкий, чего, надо полагать, никак не мог сделать Михаил Трубицкий. Гортынский, зная лишь о существовании А. Трубицкого, ничего не знал о его отце Юрии и имел очень

смутные представления о Сурте. Учитывая это, а также приписку на титульном листе, что копию упорядочил и сверил с оригиналом Н. Гортынский, можно почти с уверенностью сказать, что весь заголовок там составлен переводчиком. В заголовке же, находящемся непосредственно перед текстом и написанном, вероятнее всего, Михаилом Трубническим, сказано, что это «выписки» из хроники, написанной «паном Трубническим» (читай: Юрием Трубническим), т. е. что это часть произведения, написанная Юрием Трубническим.

Из сказанного следует, что хроника, которая почти сто лет числится произведением Александра и Михаила Трубнических, в действительности написана Т. Р. Суртой, Ю. Трубническим и лишь в небольшой мере А. и М. Трубническими и еще кем-то, кто остался неизвестным (одна запись принадлежит И. Трубницкому). Александр и Михаил Трубнические, хотя и очень много сделавшие, чтобы уберечь хронику от гибели, тем не менее являются в этом деле персонажами второстепенными.

В хронике главное внимание уделено обстановке в Могилеве или в местностях, находящихся вблизи этого города; как ни в каком другом источнике, здесь подробно изложено выступление коменданта Старого Быхова Синицкого против России и его разгром. Вместе с тем и Сурта и Ю. Трубницкий часто обращались к событиям, происходившим в России и Польше, причем Сурта уделял больше внимания России, порой сильно искажая факты, тогда как Трубницкий больше всего интересовался положением в Польше, а также на Украине (в связи с походом Карла XII на Украину). Наиболее существенные данные у обоих составителей относятся к обстановке в Могилеве и ближайших окрестностях в 1648—1667 и 1700—1708 гг. Кроме того, и Сурта, и Трубницкий немало писали о «знамениях», монстрах, неурожаях в связи с резким отклонением в погодных условиях и т. д.

«Записки» игумена Ореста

Второй летописью или хроникой, почти целиком посвященной событиям в Могилеве, являются так называемые «Записки игумена Ореста». К жанру «Записок», т. е. работ типа мемуаров или дневников, произведение игумена Ореста совершенно не подходит хотя бы потому, что в нем описываются события, происходившие на протяжении почти 500 лет. Название «Записки» появилось в результате недоразумения, но так и закрепилось за ним, хотя на самом деле это летопись города Могилева. В дальнейшем произведение игумена Ореста именуется «Записки», как принято в литературе.

«Записки» являются едва ли не последним по времени опытом создания истории одного города и последним опытом создания хроники в Белоруссии вообще. В данном произведении в хронологическом порядке изложены события, о которых составитель смог найти в разных источниках какие-либо сведения. Как и полагается средневековой работе, составитель не называет своих источников, не подвергает их критическому анализу, не пытается установить общую схему хода событий. Его отношение к описываемым событиям выражено предельно сдержанно, оценки им составитель почти никогда не дает,

его симпатии и антипатии почти никак не выражаются, но одно правило прослеживается всегда — не ощущается религиозной и национальной нетерпимости.

Займствовав едва ли не большую часть своих данных из хроники Сурты — Трубницких, игумен тем не менее приводит в своей работе немало фактов, которые неизвестны по другим источникам. В этом в большой мере и заключается значение его труда как исторического источника.

Основная часть «Записок» напечатана в т. II «Археографического сборника документов» в 1867 г.⁶² В издании «Археографический сборник» редакторы томов не указывались, но так как предисловия кем-то подписывались, то можно считать, что их авторы были составителями и редакторами томов. Вероятнее всего, редактором т. II был автор предисловия Ф. Г. Елеонский, преподаватель Литовской (православной) духовной семинарии в Вильно. Изучив рукопись, он отобрал и опубликовал наиболее существенную ее часть, отметив в примечаниях, из каких изданий игумен Орест займствовал то или иное место, а если документ не был ранее напечатан, то сообщалось, где он находится (в библиотеке Могилевской семинарии, в архиве Могилевского магистрата). В некоторых случаях документы из рукописи были исключены, так как были настолько испорчены переписчиками, что их невозможно было правильно прочитать. В целом в т. II «Археографического сборника» помещена примерно половина текста рукописи.

М. О. Коялович, профессор Петербургской духовной академии, уроженец Западной Белоруссии, крайний националист, очень внимательно следивший за изданием материалов, касающихся Белоруссии, в своей рецензии на вышедшие т. I—IV «Археографического сборника» заявил, что, по его мнению, «Записки» игумена Ореста должны быть опубликованы полностью.⁶³ Прочитав рецензию, лица, ведавшие изданием дальнейших томов «Археографического сборника», решили напечатать все, что было ранее опущено. Исключенный из «Записок» материал увидел свет в 1871 г.⁶⁴

Авторы предисловия к т. V «Археографического сборника» О. В. Щербинский и А. П. Демьянович признали, что Елеонский, исключив при публикации ряд мест, допустил несомненную ошибку, которую они и исправляли. По мнению редакторов, наиболее существенными являются восемь исключенных отрывков: 1) о происхождении названия «Белоруссия»; 2) о Головчинском сражении и вообще о войне со шведами; 3) жалоба православных жителей Речи Посполитой Петру I на католиков и последствия этой жалобы; 4) список членов Могилевского братства и настоятелей Могилевского Братского

⁶² «Записки» напечатаны в виде Приложения с отдельной нумерацией страниц (с. I—CI).

⁶³ ЖМНП, 1868, № 10, с. 224.

⁶⁴ АСД. Вильна, 1871, т. V. Отрывки из «Записок» помещены здесь не в виде Приложения, и нумерация страниц всего тома общая (с. 71—130), но набраны они шрифтом более мелкого кегля, чем остальной текст. Редакторы ошиблись, отметив, что рецензия М. О. Кояловича напечатана в 1870 г., в то время как она вышла в свет в 1868 г.

монастыря со времени его основания; 5) о характере архиепископа Анастасия Братановского, тексты его духовного завещания и стихов на его кончину; 6) формулярный список могилевского архиепископа Варлаама Шишацкого и указания на законы, на основании которых он был лишен сана; 7) изгнание иезуитов из России; 8) нашествие французов в 1812 г. и встреча их в Вильно ⁶⁵.

Ответы на вопросы о том, кто такой был игумен Орест, что собой представляют его «Записки», почему его труд носит название, не соответствующее содержанию, в какой-то мере дают рукописи «Записок». В настоящее время известны два их списка. Полный список находится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (F. 19. 323) ⁶⁶, а сокращенный — в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (F. IV. 498).

При очень большом объеме сборника, в котором помещен полный список (почти тысяча страниц), «Записки» представляют собой собрание разнообразных материалов (документов и собственно «Записок»), написанных на разных языках (старобелорусском, польском, латинском; один документ дан на греческом с переводом на русский). Лично игуменом из этой массы материала была написана лишь очень небольшая часть. Полный список представляет собой рукопись в лист, бумага плотная, шероховатая, чернила и почерки разные. Переплет картонный. На корешке переплета наклейка с цифрами «300». На обороте переплета наклейка с надписью: «Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, № 300». Затем «300» зачеркнуто и написано «323».

На нумерованной четвертушке листа в самом начале рукописи синим жирным карандашом (таким карандашом на разных листах рукописи сделаны многочисленные пометы; судя по содержанию, их автором был Елеонский) написано: «Сборник документов и исторические записки игумена Ореста. Приобретено после покойного профессора Могилевской семинарии Соколова». Тем же почерком и тем же карандашом в верхнем углу л. 1 написано: «Соколов умер 1866». Одно время С. И. Соколов был редактором «Могилевских губернских ведомостей» ⁶⁷. От момента поступления рукописи к Елеонскому (1866 г.) до выхода в свет т. II «Археографического сборника» (1867 г.) прошло менее двух лет.

В начале рукописи находится предисловие одного из настоятелей Могилевского Братского монастыря, фамилия и имя которого остались неизвестными (с. VIII). Это предисловие помещено в т. II «Археографического сборника» в подстрочном примечании.

Автор предисловия к т. II отметил, что «собранные акты, документы и записки разделены на два разряда». В первом разряде находятся документы экономические, т. е. такие, которые касаются материаль-

⁶⁵ АСД, т. V, с. XI.

⁶⁶ О том, что в Виленской публичной библиотеке хранится никем не заверенная копия «Записок», сообщал Е. Р. Романов (*Романов Е. Р.* Первоисточники для истории Могилевского края. Одесса, 1916, вып. 1, с. III).

⁶⁷ Улащик Н. Н. Указ. соч., с. 155.

ной части, главным образом земельных владений монастыря. Этим документам, сказано далее, «сделана настолько подробная опись, что она может в случае чего заменить сам документ». Они находились в особом портфеле. В подстрочном примечании к этому месту сказано, что местонахождение портфеля в настоящее время неизвестно. В таком же портфеле находились и документы второго разряда — исторические. Из них, как считал автор предисловия, «важнее всего историко-хронологические записки игумена Ореста, которому они возвращены по принадлежности» (с. X). Значит, оригинал был отослан игумену⁶⁸. При таком положении возникают вопросы, в какой мере имеющаяся сейчас рукопись совпадает с оригиналом и по Вильнюсскому ли списку печатался текст? Первый вопрос при отсутствии оригинала решить невозможно, а чтобы ответить на второй, обратимся опять к рукописи.

В конце ее, на с. 967 (листы рукописи пронумерованы с обеих сторон) — запись: «В сем сборнике пронумерованных страниц девятьсот шестьдесят семь (967). Завед. Рукоп. отд. Гильтебрандт». В действительности страниц в рукописи больше, так как в начале (с. 3—6) находится предисловие, а на с. 9—19 оглавление.

Елеонский отметил, что в рукописи 967 страниц, т. е. не сообщил, как и Гильтебрандт, о наличии страниц с особой нумерацией в начале. В первой части (с. 1—152) рукописи, пишет Елеонский, находятся исторические документы, а во второй (с. 199—205, 526—546) — «собственно записки в двух видах: сначала идут „разные записки“, неизвестно кем составленные, а потом более обширные записки игумена Ореста» (с. VIII). Елеонский заявляет что «собственные записки» игумена «составлены главным образом на основании документов, напечатанных в „Белорусском архиве“⁶⁹, летописи Могилева — Трубинского, „Унии“ — Бантыш-Каменского⁷⁰ и отчасти на основании наблюдений самого игумена Ореста как очевидца» (с. IX—X). В конце рукописи помещены статистические данные о Могилеве на 1836 г. и исторические известия о Могилевской епархии до 1845 г. (с. XI).

На полях рукописи имеется много помет и поправок, как правило, они сделаны карандашом. Видимо, переписчик рукописи был привычен к правилам передачи текста на польском языке и поэтому писал со строчной буквы такие слова, как «бурмистры», «райцы», «лавники» и пр. Во всех этих случаях строчная буква заменена на прописную. В фамилии «Козіол» буквы «іо» были заменены на «ё» (в польском языке звук «ё» передается буквами «іо»; с. 225). Редактор часто исправлял букву «е» на «ять» (ѣ). Нередко буквенное обозначение года переделано на цифровое, а в конце слов, если после согласной отсутствует

⁶⁸ В 1916 г. Романов писал, что оригинал «Записок» был увезен из Могилева в Рязань одним из могилевских епископов, уроженцем Рязани, вместе с массой других источников (очевидно, тоже касавшихся Могилевщины). В Рязани после смерти епископа его собрание было распродано родственниками в «мелочные лавки», т. е. для использования в качестве оберточной бумаги (Романов Е. Р. Указ. соч., с. III).

⁶⁹ Имеется в виду издание «Белорусский архив древних грамот» (М., 1824).

⁷⁰ Имеется в виду работа Н. Н. Бантыш-Каменского «Историческое известия о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших в продолжение оной, через два века приключений» (М., 1805; 2-е изд. Вильна, 1866).

знак «ъ», он добавлен. Иногда карандашом исправлены неправильно написанные слова, которые переписчику были непонятны. Так, в рукописи было написано «Петакгорский митрополит», исправлено на «Пятигорский» (с. 28), в рукописи было написано «государскую оборону», исправлено на «господарскую» (с. 37). Слова, написанные сокращенно под титлом («стога», «мца»), редактор исправлял на полные («святого», «месяца»).

Нередко слова или выражения вычеркнуты карандашом (например, очень резкие выражения Петра I). В отдельных местах дано пояснение, почему это сделано; в других на поле есть помета, что вычеркнутое следует печатать. Так случилось, например, с сообщением о Синицком, где вычеркнуты слова о его поведении после победы над сторонниками Сапег, а затем на поле написано «печатать» (с. 311). На той же странице имеется помета: «Справиться, где напечатано» — и ответ: «Бантыш-Каменский, Вильна 1866, с. 137». Иногда редактор исправлял белорусские слова на русские. Так, на с. 390 было слово «бервенья», исправлено на «бревна». Иногда на полях отмечалось, каким шрифтом следует набирать те или иные слова. Так, на с. 543 текст подчеркнут карандашом и на поле сделана помета «курсив»; в случаях, если встречался императорский титул, отмечалось, что следует набирать «обычным шрифтом» (видимо, корпусом). В общем, видны следы редакторской работы.

Судя по этим пометам, редактор готовил к печати текст по Вильнюсскому списку, но набор прямо по нему не осуществлялся. Громадную рукопись, материал из которой брался лишь частями, отправлять в типографию было неудобно. Очевидно, те места, которые редактор отмечал для печати, переписывались начисто и отправлялись в набор.

Редактор отметил, что собственно записки игумена находятся на с. 199—205 и 526—546 рукописи и что подобное раздробление произошло вследствие ошибки переписчика.

Нужно сказать, что Елеонский умело отбирал материал для публикации, так как исключенное им, а затем напечатанное в т. V «Археографического сборника» по значимости далеко уступает тому, что помещено в т. II.

В т. II помещены данные по истории Могилева и Могилевского края от времен легендарных до 1844 г. Датированные (не всегда верно) события начинаются с 1395 г., но содержат лишь относительно верные сообщения (в 1395 г. «литовский князь Александр-Витовт Кестутевич с помощью огнестрельного оружия завоевал Витебск, Оршу, Мстиславль»; с. II). Гораздо более полные и достоверные записи следуют с 1578 г., после того как король Стефан Баторий пожаловал Могилеву привилей на большое магдебургское право. Для начала XVII в. пространные записи приведены о таких событиях, как восстание могилевских ремесленников в 1610 г., протест могилевцев в 1619 г. против приезда униатского архиепископа Кунцевича (с. III, VI—IX). Кратко и враждебно в отношении казаков описано нападение на город отрядов Матюши и Наливайко в 1595 г. (с. V). Почти мимоходом сказано о начале восстания под руководством Богдана Хмельницкого

на Украине в 1648 г., и ничего не говорится о распространении этого движения в Белоруссии (с. XI). Вместе с тем достаточно внимания уделено войне между Речью Посполитой и Русским государством в 1654—1667 гг.: разгрому армии Я. Радзивилла, приходу в Могилев К. Поклонского и истреблению им евреев, приходу русских и т. д. (с. XII—XXV). В дальнейшем больше всего места отведено Северной войне и обстановке в связи с этим в Могилеве (с. XXXIII—LXVI).

Очень красочно игумен описывает обстановку в Могилеве и губернии в 1812 г.: приход французов, отношение к этому различных слоев населения города, порядки, введенные оккупантами, и, наконец, их уход (с. LXXIX—LXXXVII). Важнейшим местом «Записок» о 1812 г. является сообщение о волнениях крестьян, не только отказавшихся выполнять повинности в пользу архиерейского дома и помещиков, но и полностью разгромивших принадлежавший архиерею Барсуковский фольварк (расхитили имевшееся там зерно, скот, птицу, а также водку и растительное масло) (с. LXXXIV—LXXXV).

Помещики и архиерей просили власти (разгромлен, видимо, был не один фольварк) прислать воинские команды, чтобы держать крестьян в повиновении, что едва ли было удовлетворено. Очень много внимания в «Записках» уделено архиепископу (православному могилевскому архиерею) Варлааму Шишацкому, присягнувшему Наполеону (с. LXXXVIII—XLVII).

«Записки» заканчиваются списком «братчиков» (членов братства), пожертвовавших Братскому монастырю дома, земли и пр. (с. XCIX—CI).

Печатаемая «Записки», Елеонский исключил те места, которые, по его мнению, казались неинтересными, кратко отмечая в подстрочных примечаниях, что было исключено и почему⁷¹. Так, говоря о Головчинском сражении, вернее о том, как русские войска двинулись

⁷¹ В числе прочего Елеонский вычеркнул пространную выписку о происхождении названия Белоруссия из работы польского автора XVI в. Шимона Старовольского. Эта работа написана на латинском языке и на том же языке напечатана в т. V «Археографического сборника» (с. 74—75). В рукописи она имеется и в оригинале и в переводе на русский. Ввиду того, что это место представляет несомненный интерес, даем часть его в переводе на русский язык: «Россия, смежная и подвластная Великому князю Литовскому, называется Белою частично потому, что жители белый цвет имеют и белую одежду в древние времена употребляли... частично от того, что долго под белым снегом [находится земля]... Но и природа там вообще белая — волки, медведи и зайцы белые, тоже и лисы и домашние животные белые... Белоруссия есть страна весьма плодородная, изобилующая всеми вещами, к пище принадлежащими: рожью, пшеницей, ячменем, овсом, гречихой, горохом, коноплей, ярицей, просом, медом, хмелем, воском, скотом, рыбами, птицами, зверем... земля здесь прилежно обрабатывается, и поля везде или по натуральному плодородию, или по аккуратнейшему обрабатыванию довольно урожайны, а также она изобилует плодами и овощами садовыми и огородными и лугами, сады плодородные имеет, в коих груш, яблок, слив, вишен довольно бывает, и скота всякого довольно в Белоруссии находится, а наиболее птиц диких и зверей лесных. В Белоруссии древнейший город Полоцк при реке Двине» (с. 533—534 рукописи). Если бы не упоминание о Полоцке, то можно было бы подумать, что все это сказано о какой-то неведомой стране, где белые медведи бродят в яблоневых садах. В целом же это свидетельствует о том, насколько туманными были представления о Белоруссии даже польских авторов XVI в.

из Могилева навстречу шведам к Головчину, Елеонский опустил часть текста, сделав такое примечание: «Затем следует рассказ о Головчинском сражении, не заключающий в себе никаких новых подробностей сравнительно со сведениями, сообщаемыми об этом событии Устряловым⁷² и Голиковым⁷³, и поэтому опущенный нами»⁷⁴.

Далее было исключено место, в котором перечислялось, сколько печеного хлеба давала в 1708 г. каждая сотня (район) Могилева, причем в подстрочном примечании выражалось сомнение в достоверности приводимых в рукописи данных⁷⁵. Исключен без всяких объяснений рассказ о разгроме Левенгаупта под Лесной, об угнетении православных католиками⁷⁶, о первом разделе Речи Посполитой, о польском восстании под руководством Костюшки, об архиепископе Анастасии Братановском и ряд других.

Восполняя пропуски, редакторы т. V «Археографического сборника» напечатали в этом томе фантастические данные о начальной истории Белорусского Поднепровья (с. 71—72)⁷⁷, о количестве хлеба, выдаваемого Могилевом шведам (с. 80), о разгроме Левенгаупта (с. 81—82), о падении Меншикова (с. 89—90), о празднованиях в Могилеве в связи с избранием на престол Станислава-Августа (с. 92—95), о польском восстании под руководством Костюшко (с. 97), о Анастасии Братановском (с. 98—104), еще раз о Варлааме Шишацком (с. 104—111).

После нескольких мелких замечок следует произведение, озаглавленное «Разные записки, касающиеся до Белорусской епархии и здешнего благочестия» (с. 120—124). В сущности, это еще одна хроника, в которой рассказывается о событиях, касающихся главным образом церковной жизни Могилева с 1526 по 1754 г. В подстрочном примечании к этой части редакторы отметили, что она составлена неизвестно кем в Спасском монастыре около 1755 г. Большая часть «Разных записок» приходится на годы, за которые ни в хронике Сурты — Трубицкого, ни у игумена Ореста ничего нет. Это дает основание предполагать, что данное произведение оригинальное и что, следовательно, в Могилеве жил и работал еще один летописец, кроме названных ранее. Поскольку записи даны за 128 лет, то они сделаны не по памяти (или не все по памяти); их автор располагал разными документами, тем более что в записи за 1594 г. говорится о «тестamente» (завещании)

⁷² Имеется в виду работа Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (СПб., 1863. Т. IV).

⁷³ Имеется в виду работа И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (М., 1837. Т. II).

⁷⁴ АСД. т. II, с. LV.

⁷⁵ Там же, с. LVII.

⁷⁶ Материалы об угнетении православных католиками перепечатаны из работы Н. Н. Бантыш-Каменского «Исторические известия о возникшей в Польше уни». Еще больше из той же работы Н. Н. Бантыш-Каменского перепечатано в т. V «Археографического сборника» (с. 78, 84—88).

⁷⁷ В самом начале «Записок», помещенных в т. V «Археографического сборника», есть ряд подстрочных примечаний, сделанных игуменом Орестом, в которых он дает ссылки на «Историю Малой России» (ч. I, гл. 1, с. 3). Работа под таким названием написана Д. Н. Бантыш-Каменским и вышла без указания автора в Москве в 1822 г. в трех томах и в 1830 г. в четырех томах, но в обоих изданиях сообщений, на которые ссылается игумен Орест, нет.

пана Ильинского, т. е. называется один из ранних источников летописца ⁷⁸. О том, в какой мере эта хроника имела «духовный» характер, говорит то, что из 49 записей только 7 не относятся к церковно-религиозным делам, среди них такие, как сообщение о даровании Могилеву магдебургского права, о том, как были отбиты от города войска Я. Радзивилла, об истреблении Поклонским евреев и др.

Вслед за «Запиской» приведен список киевских митрополитов (Петр Могила, Иосиф Горбачкий), могилевских архиереев, архимандритов (не полностью), затем «светских чиновных особ» — могилевских войтов, бурмистров, райцев, а затем дан синодик настоятелей Могилевского Братского монастыря. Заканчивается эта публикация сообщением старосты Могилевского Братского монастыря Фомы Оздобного о пожаре в Могилеве в 1810 г. (с. 125—130).

В Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде находится краткий список «Записок», представляющий собой цельное произведение (F. IV. 498). Это рукопись в четвертку, писанная четким почерком середины XIX в. Всех листов 71. На последнем листе рукописи запись: «В сей рукописи нумерованных листов семьдесят один (71). Хр. Лопарев. 8 октября 1915 г.» Х. Лопарев в то время был сотрудником Отдела рукописей, дата «1915» не обязательно означает, что рукопись поступила в библиотеку именно в том году; может быть, это произошло и значительно раньше.

В подстрочном примечании на первых трех листах помещены краткие сведения об игумене Оресте, представляющие собой некоторые добавления к данным, которые находятся в конце записи могилевского настоятеля и которые помещены в т. II «Археографического сборника». Эта небольшая рукопись была предназначена для печати. Ряд страниц в ней с описанием «бунта» в Могилеве в 1610 г. перечеркнут карандашом, а на л. 1 имеется запись: «Запрещена 3-го декабря 1854 г. (Журн. № 49-й)». Поскольку в 1854 г. игумен Орест уже умер, а оригинал рукописи, вероятнее всего, находился у Соколова, то можно думать, что именно Соколов и пытался напечатать часть «Записок».

! Рукопись, поступившая в Петербург, первоначально была озаглавлена «Историко-хронологические записки игумена Ореста», т. е. так же, как об этом сообщал настоятель. Однако кто-то исправил это заглавие на другое: «Исторические записки игумена Ореста». Первое заглавие (очевидно, автора) вполне соответствовало содержанию, второе, хотя и не отражало смысла так четко, как первое, тоже соответствовало содержанию, но после того как было отброшено и слово «исторические», заглавие потеряло смысл. Кто это сделал, остается неизвестным.

Мотивы запрета публикации неясны. Возможно, цензора напугало описание «бунта», тем более что продолжалась Крымская война. Во всяком случае, через 13 лет весь текст был напечатан, притом по благословению такого реакционера, как соратник М. Н. Муравьева И. П. Корнилов.

⁷⁸ АСД, т. V, с. 121.

Начало рукописи, а также текста, помещенного в т. II «Археографического сборника», такое: «Лех (король польский, персонаж легендарный.— Н. У.) правил в 551 году», а заканчивается рукопись описанием обстановки в Могилеве в 1660 г.

Несмотря на то что от смерти игумена Ореста (1850 г.) до появления его работы в печати (1867 г.) прошло только 17 лет, данные о его жизни, опубликованные редактором Елеонским, предельно скупы и важнейшие факты его биографии неясны. Согласно формулярному списку, который был использован Елеонским, игумен Орест учился в Могилевской духовной семинарии. В 1803 г. он стал монахом, после чего до 1818 г. занимал в Могилевском архиерейском доме должности казначея, ризничего и эконома. Затем короткое время был игуменом монастырей Шкловского Воскресенского и Пустынского (г. Шклов расположен на Днепре недалеко от Могилева, Пустынский монастырь находится около Мстиславля). В 1820—1824 гг. Орест работал преподавателем в разных учебных заведениях Полоцка. В 1827 г. он переведен в Могилевский Братский монастырь. Умер в Оршанском Богоявленском монастыре в 1850 г. Далее Елеонский сообщает то, что он услышал от жителей Могилева: в 1812 г. Орест вместе с могилевским архиепископом Варлаамом Шишацким присягнул Наполеону, в результате чего Шишацкий был лишен сана архиепископа и сослан в один из монастырей, а Орест в 1827 г. был заключен в Могилевский Братский монастырь «под строгий надзор на 10 лет». Елеонский предполагал, что игумен в это время, т. е. после 1827 г., и написал свой труд⁷⁹.

Кроме того, Елеонский отметил, что Орест был по своему времени человек образованный, отлично знавший языки греческий и латинский, и что посещавшие его люди утверждали, будто «стены его кельи были исписаны греческими и латинскими стихами», причем некоторые из них сочинил сам Орест⁸⁰.

Настоятель Могилевского Братского монастыря сообщил, что игумен Орест «воспитывался некогда в школах иезуитских и проходил довольно учебных должностей в разных местах Белоруссии»⁸¹. Ни Елеонский, ни настоятель не сообщили, однако, в каком году родился игумен, какого был происхождения и какую имел фамилию. Незвестным остается и то, где он находился в 1818—1820 и 1824—1827 гг.

Сообщая биографические данные об Оресте, Елеонский не отметил некоторые детали, имеющиеся в рукописи, но опущенные при публикации. Так, в печатном тексте сказано, что «священно- и церковнослужители, участвовавшие в таком же преступлении», хотя и подлежат наказанию, но, учитывая, что они действовали по примеру архиепископов, «оставить всех их в прежних званиях, предоставляя Синоду для очищения совести их сделать своеобразное тому» (с. XCV—XCVI). В рукописи же об этом сказано более определенно: вместе с Варлаамом Шишацким присягу Наполеону принесли четыре члена Могилевской консистории, в том числе и «Могилевского архиепископского дома казначей, крестовый иеромонах Орест», отреченный за это от

⁷⁹ АСД, т. II, с. X—XI.

⁸⁰ Там же, с. XI.

⁸¹ Там же, с. X.

должности ⁸². Разница, конечно, невелика, но она наводит на размышления относительно возможных расхождений и в других местах. Ничего не сказал Елеонский и о том, что, по данным настоятеля, Орест учился в иезуитской школе и что, вероятнее всего, раньше был униатом.

Располагая такими скудными сведениями относительно автора «Записок», видим в нем прежде всего человека для своего времени высокообразованного, старавшегося по возможности полнее представить историю родного ему края. Как лицо духовное, он прежде всего интересовался вопросами религии, не проявляя фанатизма. Более широкие вопросы — относительно жизни всей Белоруссии и тем более России — его интересовали мало; во всяком случае, в своей работе он уделил этому очень мало внимания. Как и Сурта, Орест из событий, связанных с национально-освободительной войной украинского и белорусского народов в середине XVII в., отметил лишь те, которые непосредственно касались Могилева. Как и другие авторы могилевских летописей и хроник Могилевского края, он отзывается о нападениях на Могилев Матюши и Наливайко крайне враждебно.

Если Орест стал монахом в 1803 г., то в это время ему было (весьма приблизительно, конечно) около 25 лет. Значит, его убеждения складывались в основном в конце XVIII в., когда Могилевщина уже находилась в составе России.

При всех неясностях относительно биографий составителей могилевских хроник и летописей, при краткости, а иногда и неверности содержащихся в них данных нужно сказать, что ни один город Белоруссии не имеет такого богатого историографического наследия, как Могилев.

* * *

Согласно утверждению Елеонского, «Записки» составлены главным образом на основании документов, помещенных в «Белорусском архиве», летописи Сурты — Трубицкого (Елеонский считал хронику Сурты — Трубицкого произведением одного Трубицкого без указания его имени), «Унии» Н. Н. Бангш-Каменского и отчасти исходя из наблюдений самого автора. «Белорусский архив» — издание, вышедшее в 1824 г., — действительно был использован составителем «Записок», однако далеко не в такой мере, чтобы считаться основным источником (тем более что хронологически «Записки» охватывают период гораздо более широкий, чем «Белорусский архив»). Елеонский отметил, что игуменом были использованы документы, помещенные в «Белорусском архиве» под № 11, 12, 14—21, 23, 27, 30, 32—35, 40 и 42, всего 19 номеров; перечисленные документы охватывают период с 1561 по 1672 г.

Из примечаний Елеонского следует, что составитель «Записок» будто бы переписывал или, во всяком случае, пересказывал грамоты, содержащиеся в «Белорусском архиве» («Сия грамота писана на рус-

⁸² Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, F.19.323, с. 834. Обращает на себя внимание тот факт, что от начала следствия (1813 г.) до вынесения приговора Синодом (1827 г.) прошло 14 лет.

ском старинном языке, напечатана в „Белорусском архиве“ под № 12», — пишет Елеонский). На самом же деле игумен Орест использовал материалы «Белорусского архива» иначе и, надо сказать, разумнее, чем это изобразил Елеонский: он переписывал в свои «Записки» только заголовки отобранных из «Белорусского архива» документов, лишь изредка прибавляя к заголовку отдельные слова от себя. Приводим в качестве примера два заголовка из «Белорусского архива» и «тексты» документов, помещенных в «Записках»:

«Белорусский архив»

«Грамота жалованная (подтвердительная) Сигизмунда III могилевскому духовенству: о беспощадном медоварении во время храмовых праздников, на основании прежних королевских привилегий, кои вместе с другими актами истреблены огнем при вторжении в Могилев казаков под предводительством Наливайки» (№ 27, с. 73).

«Грамота Сигизмунда, подтверждающая постановление могилевских граждан о посольстве, или об избрании ими по праву магдебургскому двенадцати особ из своего сословия для распоряджения общественною казною совместно с радю, или магистратом» (№ 23, с. 59).

Следовательно, хотя игумен действительно заимствовал немало данных из «Белорусского архива», но это было не переписывание находившихся там документов, а передача их сути.

Елеонский, публикуя «Записки» игумена Ореста, знал о хронике Сурты — Трубицких только по слухам и лишь отчасти по тем отрывкам, которые были напечатаны в «Могилевских губернских ведомостях». Игумен брал из «Белорусского архива» те сведения, которые представляли для него наибольший интерес, а вместе с тем помещал в свой труд немало материалов из других источников.

Игумен читал хронику Сурты — Трубицких, и не только те отрывки, которые печатались в «Могилевских губернских ведомостях», а, возможно, весь текст, причем в записи за 1681 г. он отметил, что сведения о страшной грозе, при которой было убито перуном (молнией) много скота, взяты им из «летописца» Трубицкого: «Сие происшествие случилось при бытности и в глазах летописца Трубицкого и других могилевских жителей»⁸³. Как отмечалось выше, это происшествие произошло на глазах не у Трубицкого, а у Сурты, что может служить показателем того, что игумен тоже не держал в руках полного списка хроники, а лишь сокращенный, иначе он, наверное, не написал бы,

«Записки» игумена Ореста

«1596 года дана привилегия жалованная подтвердительная Сигизмундом III могилевскому духовенству о беспощадном медоварении во время храмовых праздников, на основании прежних королевских привилегий, кои вместе с другими актами истреблены огнем при вторжении в Могилев казаков под предводительством Наливайки. Сия привилегия дана по прошению Могилевской Спасской церкви протопопа Козьмы Романовича и всего могилевского духовенства» (с. V). В подстрочном примечании к документу Елеонский указал, что список его хранится в Могилевской семинарии.

«1589 года дана Сигизмундом III привилегия, подтверждающая постановление могилевских граждан о посольстве, то есть об избрании ими по праву магдебургскому двенадцати особ из своего сословия для распоряджения общественною суммою совместно с радю, то есть магистратом. Оные 12 особ именовались посполитыми мещанами» (с. V).

⁸³ АСД, т. II, с. XXV.

что это взято им из хроники Трубицкого. Вместе с тем ясно, что хроника была ему известна. Основным доказательством этого служит то, что у игумена, как и в хронике, существует перерыв с 1709 по 1744 г. В хронике последняя запись за 1709 г. датирована 5 февраля, и говорится там о посылке делегации могилевцев в Воронеж к царю Петру, а затем следует запись за конец 1744 г.

В «Археографическом сборнике» начало сообщения, датированное 5 февраля, дословно совпадает с текстом хроники, но далее в хронике помещено сообщение о посылке в Воронеж представителей Оршанского повета, с которыми ездил белорусский епископ князь Четвертинский, а затем о том, что через Могилев проходил отряд смоленской шляхты. В «Записках» есть краткое сообщение об отправке послов в Воронеж (однако указания, что ездил и Четвертинский, нет), заканчивающееся известием, что послы получили от Петра грамоту, разрешающую «вновь строится». Затем помещено известие о второй грамоте, полученной также от Петра, к гетману Скоропадскому о свободном пропуске могилевцев на Украину (с. LXV). Следующее известие «Записок» относится к 15 июля 1740 г. (о закладке епископом Волчанским в Могилеве церкви св. Спаса) и несколько записей о разных происшествиях в Могилеве в 1745 г., но сообщения о конце Вашилы нет (с. LXVI—LXVII).

Такое совпадение (отсутствие сообщений за более чем 30 лет) не может быть случайностью. Вместе с тем местами в «Записках» отсутствуют сообщения, которые имеются в хронике, и наоборот. Очевидно, кроме материалов хроники, игумен использовал еще ряд источников, возможно устных сообщений, не говоря о том, что изложил собственные наблюдения. Как лицо духовное, притом интересующееся почти исключительно делами Могилева, игумен включал в свои «Записки» прежде всего данные, которые касались церковных дел (будучи много лет работником Могилевского архиерейского дома, он должен был хорошо знать церковные дела по своему служебному положению). Это не значит, правда, что его «Записки» посвящены главным образом религиозным вопросам, просто он уделял им больше внимания, чем Сурта — Трубицкий. Вместе с тем в «Записках» отсутствуют данные, которые в большом количестве находятся в тексте Юрия Трубицкого и касаются событий, происходивших за пределами Могилева, — в Польше, России. Нет в них и насмешливых замечаний в адрес русских, которые имеются в хронике. О некоторых расхождениях между хроникой и «Записками» свидетельствуют приводимые ниже примеры:

Хроника Сурты — Трубицкого

1633 г. По данным Сурты, могилевцы утверждали, что православные церкви закрыты «по зависти униатов».

1654 г. Могилев сдался русским потому, что не мог выдержать осады.

1655 г. Сообщение о смерти гетмана Золотаренко.

«Записки» игумена Ореста

То же, но слов «по зависти униатов» нет (с. X).

Причины сдачи опущены, но добавлено, что война началась из-за того, что правительство Речи Посполитой не хотело уничтожить унию (с. XII).

Нет.

1655 г. Константин Поклонский, черниговский попович, истребивший могилевских евреев, был заурядным разбойником.

1659 г. Ряд сообщений о войне с русскими и извещение об их разгроме под Ляховичами.

1661 г. Ротмистр Сурий неожиданно наехал на свадьбу русского князя Мещерского и захватил его в плен.

1665—1666 гг. Заключение Андрусовского перемирия. Рассказ о польской королеве.

1670 г. Описание разных чудес и непонятных происшествий.

1684 г. Турки под Веной.

1692 г. Поход польских войск под Сучаву. Война Франции с Турцией.

1695 г. Поход Петра I под Азов.

1696 г. Поход Петра I под Азов; его письмо патриарху.

Евреи были истреблены за их коварство (с. XIII—XIV).

Нет.

Сурий был приглашен на свадьбу Мещерским и захватил жениха в плен коварством (с. XX).

Нет.

То же с исключением некоторых деталей (с. XXIV).

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет в «Записках» и ряда сообщений о начале Северной войны, которые имеются в хронике. Вместе с тем в хронике нет сообщений, имеющих в «Записках» за 1672 г., о полученных православными жителями Могилева привилегиях на постройку церквей и о прибытии в Могилев иезуитов⁸⁴. В некоторых случаях «Записки» уточняют данные, имеющиеся в хронике. Например, в хронике сказано, что в 1700 г., когда был хороший урожай, мерка ржи в Могилеве «продаваема была по 50 грошей»⁸⁵, в «Записках» же, кроме того, отмечено, что мерка была «могилевской мерью»⁸⁶, в другом случае, когда цены в хронике указаны в злотых⁸⁷, в «Записках» пояснено, сколько это означало в переводе на русские деньги⁸⁸; в хронике сказано, что через Могилев проходили 12 хоругвей (вооруженных отрядов)⁸⁹, а в «Записках» добавлено, что хоругви состояли из шляхты⁹⁰.

Третьим источником «Записок», согласно Елеонскому, являлось исследование Н. Н. Бантыш-Каменского об уни. Эта работа, содержащая главным образом материалы об угнетении православных униатами и католиками, использована игуменом в небольшой степени. Больше всего таких документов помещено в т. V, и так как это просто перепечатка, притом не всегда высококачественная, то исключение их Елеонским было вполне оправдано. Выписки из работы Н. Н. Бантыш-Каменского только увеличивают размер публикации, притом за счет неправильно перепечатанных текстов из «Унии».

Безусловно, кроме названных рукописных и печатных источников, игумен пользовался еще какими-то, вероятно, из архивов монастырей и магистрата. Всего явственнее это проявляется, когда он перечисляет

⁸⁴ Там же, с. XXIV—XXV.

⁸⁵ ПСРЛ, т. XXXV, с. 252.

⁸⁶ АСД, т. II, с. XXXIV.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXXV, с. 262.

⁸⁸ АСД, т. II, с. XLII.

⁸⁹ ПСРЛ, т. XXXV, с. 253.

⁹⁰ АСД, т. II, с. XXXV.

фамилии могилевских мещан, ставших в результате избиения русского гарнизона помещиками и дворянами. Список этих фамилий, очевидно, дан не по преданиям, а на основании письменного источника.

Наконец, последний источник — личные наблюдения. Много прожив, игумен много видел, однако его личные наблюдения отражены в «Записках» слабо; вероятнее всего, они касаются только событий 1812 г., но и записи за 1812 г. небогаты по содержанию. Из 18 страниц, которые находятся в т. II «Археографического сборника» и касаются 1812 г., больше всего места отведено делу архиепископа Шиншацкого.

Если учесть дополнения, помещенные в т. V «Археографического сборника», то оказывается, что ненапечатанным из рукописи осталось совсем немного, и притом самое несущественное. Что касается точности передач и текста, то можно сказать, что расхождения между «полной» рукописью и печатным текстом имеются, но они очень немногочисленны и появились или в результате стилистической правки редактора, или, что кажется более вероятным, вследствие плохо проведенной корректуры (почти все виленские археографические издания той поры пестрят опечатками). Вместе с тем в «Археографическом сборнике» нет некоторых мелких сообщений, которые есть в Ленинградском списке. Так, в «Археографическом сборнике» отсутствуют предание о происхождении названия «Могилев» от разбойника «Могила» (л. 12—13 рукописи), ссылка на «Историю» Н. М. Карамзина, где сказано, что князь Свидригайло Любартович, властвуя в Витебске, овладел Оршей и Мстиславлем (л. 15). (Кстати, князя Свидригайло Любартовича вообще не было; очевидно, здесь имелся в виду Свидригайло Ольгердович.)

В т. II «Археографического сборника» сказано, что король Казимир построил шесть церквей «в память спасения от утопления супруги своей Елены» (с. II). В действительности же у Казимира Ягайловича звали Елизаветой. В этом месте в «Археографическом сборнике» поставлен вопросительный знак⁹¹. В рукописи имени королевы нет (л. 15). В рукописи сказано, что «с 1447 г. по присоединении (здесь, согласно рукописи, следует, что Казимир в 1447 г. присоединил Белоруссию и Литву к Польше.— Н. У.) польские короли начали титуловаться литовскими князьями, хотя же после сего и были в Литовском княжестве особые князья, но они были в зависимости от польских королей» (л. 16). В «Археографическом сборнике» этого нет. Возможно, редактор, видя, насколько в рукописи перепутаны данные, исключил их. В «Археографическом сборнике» отмечено, что грамота под № 11, помещенная в «Белорусском архиве», написана на «русском старинном языке» (с. III). В рукописи же сказано, что она написана на «латинском и русском языках» (л. 21 об.). В «Археографическом сборнике» указывается, что униатская Полоцкая епископия по приказу Николая I превращена в православную в 1839 г. (с. V), а по рукописи это произошло в 1833 г. (л. 28). В «Археографическом сборнике»

⁹¹ Елена, дочь великого князя Ивана III Васильевича, была женой литовского великого князя Александра Казимировича.

напечатано, что в 1619 г., когда в Могилев ехал Кунцевич, «на валах вокруг города и вежах расставили народ с оружием» (с. VII). В рукописи же об этом сказано: «и на вежах расставили народ с ратными» (л. 36), т. е. текст там искажен.

В рукописи местами ощущается воздействие польского правописания при передаче фамилий, тогда как в «Археографическом сборнике» этого нет. Уже упоминалось, что фамилия «Козёл» в рукописи написана как «Козиол»; в «Археографическом сборнике» — «Ярмоло Местцев» (с. VIII), а в рукописи — «Меспиов» (л. 37).

Учитывая, что игумен Орест учился у иезуитов, т. е. в то время, когда польское влияние в Белоруссии было неизмеримо более сильным, чем в 60-е годы XIX в. (когда печатался «Археографический сборник»), можно думать, что воздействие польского языка в рукописи было более явственным и что редактор, готовя к печати текст «Записок», постарался это воздействие по возможности уменьшить. Поэтому есть основание предполагать, что особенности написания, которые имеются в Ленинградском списке, ближе к оригиналу, чем напечатанный текст. Однако правка редактора не была настолько значительной, чтобы сколько-нибудь заметно изменить оригинал.

Написанные в конце 20-х и в 30-х годах XIX в. «Записки» представляют собой не историческое исследование, а хронику, вернее летопись. Здесь преобладает интерес составителя к церковно-религиозным вопросам, но, будучи игуменом православного монастыря, он (вопреки правилам своего времени) проявил себя очень терпимым к другим религиям; во всяком случае, резких выпадов против инаковерующих у него нет.

Таким образом, игумен Орест был последним летописцем Белоруссии⁹². Его труд имеет значение и как исторический источник, и как показатель состояния культуры и общественной мысли, и политических настроений, но не как историческое исследование. Кстати, вышедший вскоре после смерти игумена (в 1857 г.) первый опыт создания истории Белоруссии, который написан Турчиновичем⁹³, в научном отношении стоит не на много выше «Записок». Если к этому прибавить, что почти до самой революции трудов, специально посвященных истории Белоруссии, вышло считанное количество, то печальное состояние исторической науки Белоруссии видно более чем отчетливо.

В начале этой главы упоминалось не о двух могилевских хрониках, а о трех, причем третья названа анонимной⁹⁴. Нет сомнения, что это отдельное произведение, включенное в «Записки» чисто механически. Добавим, что чуть ли не почасовая информация об осаде русскими войсками Старого Быхова служит основанием для предположения, что в Быкове жил свой «летописец», делавший очень краткие записи. Итак, можно сказать, что в Могилеве — Быкове в XVIII в. работали четыре летописца (если считать всех Трубницких как одно лицо).

⁹² Некоторые из записей Трубницких сделаны после смерти игумена Ореста, но это были случайные добавления к труду, созданному значительно раньше. Поэтому мы называем игумена Ореста последним летописцем Белоруссии.

⁹³ Турчинович О. В. Указ. соч.

⁹⁴ АСД, т. V, с. 217—230.

Витебская летопись Панцырного и Аверки

Витебск в письменных источниках (в Витебской летописи) впервые упоминается под 947 г.⁹⁵, вторично — под 1021 г. В 1021 г. это был уже значительный населенный пункт, который киевский князь Ярослав Владимирович уступил полоцкому князю Брячиславу Изяславичу⁹⁶. С 1101 г. Витебск становится центром удельного княжества и в нем правят потомки Брячислава Изяславича. В 1320 г. Витебск с княжеством был отдан в виде вена за витебской княжной Марией Ярославной сыну литовского великого князя великому князю Ольгерду. С того времени и до 1772 г. Витебск находился в составе Великого княжества Литовского, позже Речи Посполитой в качестве великокняжеского, потом королевского города. В 1506 г. Витебск стал центром воеводства. В 1597 г. он получил магдебургское право, которого был лишен в 1623 г. в связи с убийством униатского архиепископа Иосафата Кунцевича; в 1635 г. магдебургское право городу было возвращено. Находясь недалеко от границы с Россией, город часто страдал от военных действий, особенно значительный урон был нанесен ему во время войны 1654—1667 гг. и еще больше в Северную войну, когда его жители осуществляли бесконечные поставки на армию; в 1708 г. Витебск был сожжен почти целиком.

Расположенный на Западной Двине, т. е. на большой торговой дороге к Балтийскому морю, Витебск относительно быстро оправлялся от разорений, однако он никогда не занимал выдающегося положения ни в экономике, ни в культуре. Во второй половине XVIII в. — в период, когда Витебская летопись приобрела тот вид, который имеет сейчас, — в Витебске насчитывалось несколько больше 10 тыс. жителей и он был вторым по численности населения городом Белоруссии. Примерно столько же жителей было в нем и в середине XVII в.⁹⁷

Несмотря на древность этого города и на то, что он длительное время был столицей удельного княжества, никаких признаков ведения летописания до второй половины XVII в. не обнаружено. Лишь краткие записи Чарновских, включенные в Витебскую летопись, возможно, были сделаны в первой половине XVII в. Летопись же Панцырного и Аверки создавалась примерно с середины XVII в. и была закончена в 1768 г.

Летопись Панцырного и Аверки хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

⁹⁵ В летописи Панцырного и Аверки говорится об основании Витебска киевской княгиней Ольгой в 974 г. (ПСРЛ, т. XXXII, с. 193), но так как эта княгиня умерла в 969 г., то Б. А. Рыбаков и Л. В. Алексеев предложили считать, что посещение произошло в 947 г., т. е. что переписчик по ошибке переставил цифры (Рыбаков Б. А., Алексеев Л. В. Калі быў заснаваны Віцебск. — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, Мінск, 1971, № 2, с. 12). В данном случае придерживаемся мнения указанных авторов.

⁹⁶ Это сообщение есть в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII, с. 328), Тверском сборнике (ПСРЛ, т. XV, с. 143), Московском своде конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV, с. 374).

⁹⁷ Гісторыя Беларускай ССР, т. 1, с. 374.

в Ленинграде (Q. IV. 105). Рукопись в четвертку, бумага рыхлая, белая, с сильным желтоватым оттенком, боковые поля узкие, нижних и верхних полей нет. Переплет картонный, корешок кожаный, всех листов 39. На верхней части л. 39 об. запись той же рукой, какой писана вся рукопись: «Rok. 1775», затем еще раз: «1775» и потом два раза: «1776». В нижней части л. 39 запись: «В сей книге тридцать девять листов. Библиотекарь И. Бычков». Летопись написана на польском языке с примесью белорусского. Почерк везде одинаковый, буквы крупные, чернила светло-коричневые.

Рукопись состоит из трех частей. Автором первой был Михаил Панцырный; второй — Ян Чарновский, использовавший записи своего деда, имя которого не указано; третью часть писали Гавриил Кириллович Аверко и его сын Стефан Гаврилович Аверко. Последний как бы смонтировал труды своих предшественников — летом 1768 г. он переписал все в одну тетрадь и дописал конец.

Судя по тому, что С. Г. Аверко писал себя и своего отца с отчеством, часто ссылаясь на «русский календарь», а в то же время Иосафата Куишевича называл «благенным», оба принадлежали к униатам. М. Панцырный, возможно, был православным. Все они, хотя и называли свой край Белой Русью и не были католиками, писали по-польски и читали книги главным образом на польском языке.

Летопись издана в переводе на русский язык А. П. Сапуновым в 1883 г.⁹⁸, в оригинале (на польском языке) напечатана Киевской археографической комиссией в 1888 г.⁹⁹ Киевская комиссия отметила, что С. Аверко включил в свою летопись краткие выписки из работ Меховского, Кромера, Длугоша, Бельского и других польских хронистов. Редакция не оговорила своих правил публикации, но явно, хотя и не совсем последовательно, переделывала текст применительно к польской графике XIX в., ставя почти везде, где это требовалось, знаки смягчения над буквами и, с, ц (ń, ś, ć) и носовое а (ą) вместо «он» в оригинале. Полностью в оригинале летопись напечатана в т. XXXII ПСРЛ (с. 193—205).

Впервые в печати о существовании Витебской летописи сообщил в 1859 г. Константин Тышкевич¹⁰⁰. В то время один из списков летописи находился в библиотеке графов Тышкевичей в Логойске (имение Тышкевичей, расположенное недалеко от Минска). Тышкевич писал, что сообщение о приезде Петра I в Витебск по дороге в Биржи на свидание с польским королем Августом II, а также о его приезде в Витебск на обратном пути, когда Петр направлялся в Смоленск, было помещено на л. 11 его рукописи. В списке, находящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, это сообщение

⁹⁸ Летопись г. Витебска, списанная с рукописи М. Панцырного, 1760 г., Степаном Аверкою, с собственными и отца его прибавлениями. — В кн.: Витебская старина / Составил и издал А. Сапунов. Витебск, 1883. т. 1, с. 455—475.

⁹⁹ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1888, с. 213—236. В предисловии о Витебской летописи на с. XLVI—XLVIII.

¹⁰⁰ *Tyszkiewicz K. Wiadomość historyczna o zamkach horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej*. Wilno, 1859, s. 162.

помещено на л. 14 об. Значит, в Ленинграде хранится не тот список, который был в Логойске.

Сапунов, очевидно, готовя к печати т. I «Витебской старины», в начале 80-х годов XIX в. запросил Тышкевича, имеется ли у него (у какого-то другого Тышкевича, так как К. Тышкевич к тому времени умер) рукопись, и получил отрицательный ответ¹⁰¹.

Специальных работ, посвященных летописи Панцырного и Аверки, нет, но Сапунов, издавая летопись, сделал палеографическое описание рукописи.

В летописи очень определенно сказано, какую часть писал тот или иной составитель, давая таким образом возможность уяснить, что собой представляли эти лица, так как данные, имеющиеся в самой летописи, слишком краткие.

По инвентарю 1641 г., одна из рыночных лавок в Витебске принадлежала Захару Павловичу Чарновскому, ему же принадлежали два дома на Богородицкой улице¹⁰². По инвентарю 1667 г., на Узгорском предместье города был дом Петра Чарновского, а на Подвинской улице — дом Дмитрия Аверко¹⁰³. Располагая только такими данными, даже имея в дополнение свидетельство С. Г. Аверки, что все авторы летописи были витебскими мещанами, трудно судить, что они собой представляли хотя бы в материальном отношении (тем более неясно, были ли они в какой-то связи с теми, кто писал), но ясно, что это был народ зажиточный. Что касается Стефана Гавриловича Аверки, то о нем прямо сказано, что в 1764 г. он как житель Узгорской сотни должен был явиться на парад с собственным огнестрельным оружием¹⁰⁴. Это тоже указывает на его принадлежность к зажиточной части населения.

Из людей, участвовавших в создании летописи, больше всего сделал М. Панцырный. Его часть летописи не только больше по объему, чем все последующие, вместе взятые (занимает 22 рукописных листа из общего объема в 39 листов), но и богаче по содержанию. Параллельно с Панцырным записи вел Ян Чарновский, продолжая записи, начатые его дедом. Записи Чарновских охватывают 1601—1733 гг. Они предельно краткие и касаются исключительно Витебска. Записи за 1704—1757 гг. сделаны Гаврилом Кирилловичем Аверко, они очень немногочисленны и тоже касаются исключительно Витебска (включая появление кометы, которую видели в Витебске в 1704 г.), все остальное принадлежит Стефану Гавриловичу Аверке. С. Г. Аверко отмечает, что он переписал текст Панцырного в 1760 г. «слово в слово»; очевидно, то же было и с текстами других авторов. Аверко отмечает, что он переписал из книг как Панцырного, так и Чарновского. Однако если текст Панцырного действительно мог занимать книгу, хотя бы и небольшую, то текст Чарновского вмещается в 2,5 листа небольшого формата, т. е. назван книгой никак быть не может.

¹⁰¹ Витебская старина, т. I, с. 640.

¹⁰² Там же, с. 358.

¹⁰³ Там же, с. 372.

¹⁰⁴ ИЮМ. Витебск, 1889, т. XIX, с. 187.

М. Панцырный аттестован С. Г. Аверко как витебский мещанин, о Яне Чарновском сказано «пан», что было обычной формой вежливости. Очевидно, Чарновский тоже был мещанином, притом ничем не выдающимся, поскольку о нем больше ничего не говорится. Что касается Гавриила Кирилловича Аверки, то он занимал высокий пост: был бурмистром и «вицелантвойтом» города, т. е. вторым (после войта) лицом в магистрате. Стефан Аверко, очевидно, не занимал такого поста, так как об этом ничего не сказано.

Судя по тому, что записи М. Панцырного закончены в 1709 г., можно думать, что он умер или в указанном году, или вскоре. Ян Чарновский, переживший его, вел свои записи совершенно независимо от него. Одновременно с Я. Чарновским вел записи и Г. К. Аверко; по характеру они очень напоминают тексты Чарновского, однако по содержанию не совпадают. Каким образом и когда тексты, написанные предшественниками, попали к С. Г. Аверко, неизвестно, так как, хотя Аверко отметил, что летопись Панцырного он переписал в январе 1760 г., но у кого была эта летопись в течение предыдущих 50 лет, не сообщил.

Часть летописи, написанная М. Панцырным, по своему характеру больше всего «летописная», т. е. события излагаются в ней в хронологической последовательности, и если этот порядок нарушается, то очень редко (вслед за 1323 г. следует 1307 г., после 1452 г. идет 1439 г., за 1453 г. следует 1332 г.). Годовая запись, как правило, начинается с типически летописного «в лето» (Roku), и хотя события и у Панцырного редко даны в развернутом виде, но в общем не так кратко, как у других витебских летописцев.

В центре внимания Панцырного находится Витебск. Правда, он часто включает в свою летопись сообщения о событиях, происходивших далеко от этого города и имеющих к нему весьма отдаленное отношение, но подобные сообщения занимают совсем мало места. Период, когда витебские известия получили явный перевес над всеми другими, у Панцырного начинается с 1562 г. (сообщение о казаке Шугалее, который совершил много зла в Польше и Белой Руси).

Летопись М. Панцырного начинается с сообщения об основании Витебска киевской княгиней Ольгой в 974 г. В этой записи сказано, что Ольга, разгромив ятвягов и печенегов, переправилась через Западную Двину и заночевала на берегу этой реки. Место ночевки ей настолько понравилось, что она заложила там деревянный замок и назвала его от реки Витьбы Витебском, затем построила в Высоком замке каменную церковь святого Михаила, а в Нижнем — церковь Благовещения. Прожив в построенном городе два года, княгиня уехала в Киев.

В этой записи сразу бросаются в глаза те места, которые говорят о недостоверности летописи. Прежде всего, Ольги в 974 г. уже не было в живых (она умерла в 969 г.). Если принять предположение Б. А. Рыбакова и Л. В. Алексеева, что в дате имеется ошибка, т. е. что следует читать не 974, а 947, то окажется, что в том году Ольга еще не была христианкой, а следовательно, не могла строить церкви, тем более каменные; каменные строения на Руси того времени вообще не были известны. Наиболее невероятным показан путь княгини, которым она прибыла в Витебск, вернее, в место, где был заложен этот город:

Ольга оказалась в Витебске, возвращаясь в Киев из похода против ятвягов и печенегов.

Согласно Повести временных лет княгиня Ольга в 6455, т. е. в 947 г. ставила погосты по Мсте и по Луге, а по Днепру перевесница¹⁰⁵. Значит, учитывая предположение Б. А. Рыбакова и Л. В. Алексеева относительно ошибки в дате, Ольга была на месте, где был заложен Витебск, в том же году, в каком она находилась далее к северу, в Новгородской земле. Л. В. Алексеев предполагает, что поездка 947 г. была предпринята Ольгой для учреждения новых центров обложения, а так как на прямом пути из Киева в Новгород находилась Смоленская земля, в которой пункты сбора дани уже имелись, то Ольга двинулась с целью ставить погосты западнее этой земли и таким путем прошла по Западной Двине в той части, где сейчас находится Витебск¹⁰⁶. Если предположение Л. В. Алексеева, представляющееся перспективным, получит подтверждение, то сообщение Витебской летописи уточнит не только маршрут княгини Ольги 947 г., но и масштаб ее деятельности в целом.

Ясно, что М. Панцырный пользовался каким-то поздним источником, содержащим путанные данные относительно первых этапов существования Витебска. Учитывая ошибки того же рода в дальнейшем, можно думать, что подобные просчеты произошли вследствие неумения Панцырного читать буквы-цифры славянского алфавита, а также переводить даты «от сотворения мира» на даты «от рождения Христова».

Начав с сообщения об основании Витебска, Панцырный, видимо, не знал, как продолжить свою работу, и обратился к теме, всегда важной для летописца-христианина, — к христианизации народов, вернее, их правителей. Поэтому сообщения за 965—990 гг. посвящены крещению польского короля Мешко (в летописи: Мечислава), венгерского короля Гейзы, княгини Ольги и князя Владимира Киевского.

Польский князь Мешко, а за ним и вся Польша крестились в 965 г., в 980 г. крестился венгерский король Гейза, а за ним вся Венгрия, в 956 г. крестилась в Константинополе Ольга, а в 980 г. — Владимир в Корсуне. Конец сообщения о крещении Владимира неясен — сам ли Владимир крестился на следующий год вторично уже в Киеве, или он крестил там только киевлян. Под 895 г. сообщается, что по благословению папы Адриана Кирилл и Мефодий перевели греческие книги на славянский язык и что тогда же состоялась в Риме первая церковная служба на славянском языке. Однако в записях, непосредственно следующих за этой, сказано (со ссылкой на «русские хроники»), что книги были переведены на славянский язык в 896 г., а рассчитывая по-русски — в 6400 г. Значит, в этом случае Панцырный пользовался двумя источниками и, не сумев согласовать их, привел две даты, хотя и совсем близкие, причем перевод даты от «сотворения мира» на «христианское» летосчисление он произвел путем вычитания 5504 лет.

После сообщения о крещении Владимира и времени перевода греческих книг на славянский язык следует заголовок: «Из русских хро-

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 48—49.

¹⁰⁶ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 106.

ник». Под этой рубрикой числится только пять сообщений, причем лишь первые три были действительно взяты из русских летописей; они содержат сообщения о переводе книг на славянский язык (о чем уже упоминалось), затем под 1114 г. сообщается о смерти Владимира, «внука витебской княжны», и под 1162 г. — о пятидневном обратном течении Волхова.

Все три указанных события были датированы в русских летописях, безусловно, «от сотворения мира», а перевод на современное летосчисление произвел, вероятнее всего, сам Панцырный, причем в обоих случаях он ошибся на 99 лет: Владимир умер в 1015 г., а в летописях Лаврентьевской и Ипатьевской сообщение о том, что Волхов пять дней тек «вспять», дано под 6571 г., т. е. под 1063 г.¹⁰⁷ Едва ли Панцырный имел эти летописи. Скорее можно предположить, что он пользовался какими-то краткими, притом случайными, выписками из них, иначе он заимствовал бы не три сообщения, а больше.

Что касается последующих двух известий, будто бы тоже основанных на «русских хрониках», то здесь явная ошибка, так как они касаются походов В. В. Голицына на Крым и датированы 1695 и 1697 гг., тогда как в действительности походы происходили в 1687 и 1689 гг. Вместе с тем важно отметить, что как Панцырный, так и Сурта проявили очень большой интерес к походам Голицына на Крым и завоеванию Азова Петром I. Все это происходило в эпоху напряженнейшей борьбы Речи Посполитой с Турцией и, естественно, сильно интересовало всех обитателей Восточной Европы и тем более летописцев. Походы Голицына происходили лет за 20 ранее предполагаемой смерти Панцырного, возможно в то время, когда Панцырный делал свои записи, но прочитать об этом «в русских хрониках» он не мог. Вероятнее всего, витебский летописец знал о походах по слухам (о Голицыне, например, сказано, что он получил от татар выкуп — несколько бочонков «шелегов»).

Следующий раздел озаглавлен: «Переписано из других хроник» (очевидно, это надо понимать так, что не из русских летописей). Действительно, в разделе, излагающем события за 1171—1543 гг., автор постоянно перескакивает от страны к стране, от события к событию. Из этого можно заключить, что он использовал самые разные источники, не пытаясь даже свести их в какую-то систему.

Раздел начинается с записи о том, что княжна Евфросиния построила в 1171 г. в Полоцке каменную церковь святого Спаса; далее (1179 г.) — что польский король Болеслав убил епископа Станислава; следующее (1199 г.) — что крестоносцы отбили у турок Иерусалим; затем (1213 г.) — что император Фридрих Барбаросса утвердил ордена Доминиканцев и Францисканцев¹⁰⁸. За 1211 г. — запись о появлении кометы, которую было видно 18 дней. Автор считал, что комета предсказывала скорый приход татар. Вслед за сообщением о комете идет запись за 1323 г., в которой сообщается об основании Вильно великим князем

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 163; т. II, стб. 152.

¹⁰⁸ И здесь почти все даты сдвинуты на сотню лет. Так, король Болеслав умер в 1081 г., Иерусалим взят крестоносцами в 1099 г., орден Доминиканцев утвержден в 1216 г., а Фридрих Барбаросса умер (утонул) в 1190 г.

Гедимином. Эта запись местами отличается от известий, имеющих в других белорусско-литовских летописях. Первое сообщение: волк, который был на Турьей горе, у Панцырного не железный, как обычно, а только чрезвычайно большой. Однако самое существенное касается волхва Лиздейко, который так удачно разъяснил князю сон. В летописи сказано, что Гедимин не только щедро одарил волхва (в некоторых летописях Лиздейко назван «наивысшим литовским попом»), но и назвал его Радзивиллом. Важность последнего заключается в том, что это одно из очень редких указаний на то, что Панцырный пользовался одной из белорусско-литовских летописей, притом такой, которая нам сейчас неизвестна. Учитывая то место из «Литовской и Жмонтской Кройники», где сказано, что Новогрудок завоевал князь Ердивил или Радивил¹⁶⁹, можно сказать, что Радзивиллы старались использовать летописи для прославления своего рода, «доделывая» недостающую им и так необходимую древность рода. Вместе с тем запись показывает, что поиски составителей летописей и места, где летописи составлялись, должны вестись в собраниях Радзивиллов.

Следующее сообщение из истории Литвы и Белоруссии ошибочно, и ошибка тем более недопустима, что касается как раз Витебска. Под 1332 г. записано, что литовский великий князь Ольгерд в том году женился на тверской княжне Марии или Уляне и что тверской князь дал Ольгерду в приданое Витебск. В заключение сказано, что Уляна родила Ольгерду 12 сыновей и в 1345 г. построила в Витебске каменную церковь святого Духа. Подобной путаницы не содержит ни одна из известных летописей или хроник. (Ольгерд женился в 1320 г. на витебской княжне Марии Ярославне, за которой получил Витебск и все Витебское княжество; от нее у Ольгерда было шесть сыновей. После ее смерти Ольгерд женился вторично на тверской княжне Уляне, которая тоже родила шесть сыновей, среди них Ягайло.)

Прочие сообщения летописи, касающиеся истории Великого княжества Литовского или отдельных его мест, тоже обычно путанные. Так, под 1415 г. следует сообщение о сожжении «за измену» митрополита Герасима и витебского старосты Цетивко. Митрополит Герасим был действительно сожжен, но не в 1415 г., а в 1433 г., причем летописи обычно осуждают князя Свидригайла, по чьему приказу был казнен митрополит, тогда как у Панцырного это объясняется изменой (объяснение, между прочим, совершенно правдоподобное). Кроме того, в других летописях нет упоминания о «витебском старосте». За известием о сожжении следует сообщение о казни Ольгердом пяти православных монахов, причем не указано, ни где, ни когда была совершена казнь. Поскольку легенда обычно указывает трех мучеников, то и в этом летописи Панцырного не сходится с остальными. Фантастично и сообщение за 1510 г., что царь Иван Васильевич «вымуровал», т. е. построил каменные стены, вокруг Смоленска. Реальные сообщения о том, что в 1387 г. Ягайло был крещен (но не сказано, как обычно, что он «принял крещение старого Рима») и что произошло объединение Польши с Литвой.

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. XXXII, с. 17—19.

Вот, в общем, и все, что содержится в летописи по истории Витебска и Великого княжества Литовского с 1211 по 1562 г. Все остальное действительно переписано из «разных хроник» и временами страдает большим количеством ошибок. За 1307 и 1376 гг. сообщается об Авиньонском пленении пап и их возвращении в Рим, за 1452 г. — о взятии турками Константинополя, за 1439 г. — о поездке во Флоренцию и о возвращении оттуда митрополита Исидора, о выступлении Мартина Лютера в 1523 г. и о захвате турками Венгрии. Весьма любопытно сообщение за 1495 г., в котором сказано, что португальский король Эммануил послал в Индию двух знающих астрономов (лиц «беглых в звездной науке»), послал морем на восход солнца Христофора, Колумба. «Впервые с помощью их разума, — сообщает летописец, — была найдена дорога в подземные края». В представлении Панцырного Христофор и Колумб — это два разных лица, притом нашедшие дорогу в «подземные края», т. е. на противоположную сторону земного шара. Далее, хотя нет сообщения, что источник сведений летописца изменяется, характер известий становится совершенно иным: ошибки в хронологии делаются редкими и события, заносимые в летопись, перестают быть случайными. С этого года события помещены последовательно, год за годом; известия, заносимые в летопись, если и не относятся исключительно к Витебску, то в нее вписывается то, что очень близко касается его. Так, за 1563 г. сообщается, что царь Иван Васильевич взял Полоцк. В 1577 г. седмиградский воевода Стефан Баторий стал королем польским. В 1601 г. был страшный голод. В 1602 г. казаки во главе со своим предводителем Дубиной истребили витеблян («вырезали Витебск») за измену. В 1604 г. того же Дубину и 12 его старших помощников казнили в Витебске, на Заручайскин Волотовках, причем троих посадили на кол.

Вообще, с начала XVII в. в летописи идут часто такие сообщения, которых в других источниках нет. За 1605 г., например, записано, что под Феллин (Фелич) ходил отряд витеблян в числе 500 человек под командованием витебского мещанина Мартина Лытки. Этот отряд захватил город, за что в 1606 г. Лытке было присвоено звание шляхтича, дана денежная награда и пожалована фамилия «Фелинский».

Не отражено в других источниках и выступление витеблян в 1614 г., когда их отряд был разбит русскими под Глазомичами, но в 1635 г. витебляне взяли реванш: под деревней Кашевичи они разгромили отряд русских, за что Витебску было возвращено магдебургское право.

Военные действия, происходившие в XVII в. между Речью Посполитой и Русским государством, отражены в летописи в виде предельно кратких сообщений. За 1609 г. сообщается, что король Сигизмунд III подступил к Смоленску и на следующий год взял его (в действительности это произошло в 1611 г. — *Н. У.*). В 1633 г. русские напали на Полоцк и полностью сожгли его, а в 1635 г. войска Шейна и «Прозора» (Прозоровского) были отбиты от Смоленска. В 1654 г. царь Алексей Михайлович занял все города в Литве и в Белой Руси, а в 1665 г. армия Хованского была разбита около Витебска. Отмечено также заключение мирных договоров между Россией и Речью Посполитой в 1619 и 1667 гг.

Как и Сурта, Панцырный называет Лжедмитрия царем, о котором

сказано только, что он в 1606 г. женился на «Сандомирянке Мнишек». Далее сообщается, что поляки, приехавшие в Москву вслед за «царем», после убийства «Дмитрия» были изгнаны из Москвы с позором.

В промежутке между военными известиями передаются разные сообщения из витебской жизни: «Благословенный Иосафат» (Иосафат Куцевич), отобрав у православных в Полоцке в 1620 г. собор святой Софии, приказал отремонтировать его, а за 1623 г. следует сообщение, что витебские мещане убили «благословенного», за что были покараны. В 1614 и 1629 гг. сгорели оба витебских замка, а в 1629 г. сгорела еще и соборная церковь, причем погибли очень большие богатства, однако, что именно сгорело, не сказано. В 1680 г. город сгорел целиком, сгорели четыре церкви, ратуша и лавки. Летописец также отмечал (в особенности это касается периода с 1677 по 1700 г.) разные неблагоприятные природные обстоятельства. Весной 1686 г. Западная Двина разлилась так широко, что затопила и снесла много домов. В 1694 г. выпал сильный град. В 1695 г. мороз побил урожай (но не сказано, когда случились заморозки), вследствие чего сильно поднялись цены на продукты. В том же году в мае выпал глубокий снег. В 1697 г. была сильная буря в Смоленске, в 1698 г. то же самое было в Витебске.

Среди этих чисто местных известий летопись сообщает о походах Петра на Азов, причем в 1695 г. после неудачной осады Петр будто бы возвращался в Москву через Витебск. За 1696 г. сообщается, что Азов взят. Летопись отмечает также избрания на престол и смерть королей польских.

Однако едва ли не самые интересные данные летописи касаются начала XVIII в. и, в частности, той обстановки, какая сложилась в связи с так называемой «домовой» или «сапежинской» войной, т. е. борьбой Сапег со шляхтой и поддерживавшими шляхту несколькими магнатскими фамилиями, но эти сведения местами путанные. Говоря о междоусобной войне, летопись отмечала лишь основные этапы, игнорируя детали, так как летописец знал об этом, вероятнее всего, по слухам. Война началась в 1700 г., когда Сапега, сын гетмана Великого княжества Литовского, сторонника шведов, разбил под Ошмянами войска Речи Посполитой, после чего в Вильно были расстреляны несколько князей Вишневецких, попавших в плен. Однако в битве под Олькениками (недалеко от Вильно) в ноябре 1700 г. Сапегы были разбиты силами Речи Посполитой, причем захваченного в плен сына Сапег шляхта изрубила на месте. (В действительности против Сапег выступали не части Речи Посполитой, а отряды шляхты, поддержанные силами князей Вишневецких и Огинских.) 8 июля 1701 г., сообщает летопись, войска Речи Посполитой совместно с отрядами панов Потеев (противников Сапег. — *Н. У.*) разбили около Дубровно крестьянскую армию, причем было «побито» 18 700 человек (из текста неясно, было ли столько всех крестьян, участвовавших в битве, или столько было из них убито). В обоих случаях цифра настолько большая, что вызывает сомнение.

Еще более невероятно сообщение летописи, что в 1701 г. казаки «с нашим Юревичем» побили шведов в Головчине под Могилевом. Как известно, в 1701 г. шведов, да еще на востоке Белоруссии, не было.

Битва под Головчином произошла между русскими и шведами только в 1708 г.

Реально эти события совсем недавно осветил белорусский историк А. П. Грицкевич¹¹⁰.

В Белорусском Поднепровье позиции Сапег были очень сильны: они владели там сильнейшей крепостью Белоруссии — Старым Быховом, им принадлежал ряд крупных имений, в их пользовании находилась Могилевская экономия (огромное государственное имение). Для борьбы с враждебной к ним шляхтой Сапег создали вооруженные отряды из крестьян и казаков (можно думать, что среди казаков было много «показаковавших» крестьян. — Н. У.), среди крестьян же было много бояр, земян, выбранцев, т. е. тех, кто был обязан нести в пользу феодала воинскую повинность, иначе говоря умевших обращаться с оружием.

Выступления этих отрядов произошли в Оршанском повете, Дубровенском графстве и ближайших к ним местах, позже распространились на район Головчина и Старого Быхова. Движение приобрело очень широкий размах: в нем приняли участие десятки тысяч крестьян, земян, выбранцев и других; оно было направлено против шляхты. Командовали этими силами Юревич и Бильдюкевич (очевидно, администраторы во владениях Сапег).

Борьба была очень упорной и велась с переменным успехом. В битве у Дубровно крестьяне потерпели поражение, потеряв убитыми 700 человек. В новой битве у того же Дубровно противник истребил еще 3 тыс. крестьян и тех, кто шел с ними. Однако в декабре 1701 г. крестьянские отряды окружили под Головчином 18 хоругвей шляхты и разгромили их. В конце концов Юревич потерпел поражение под Быховом, и на этом, кажется, массовое движение крестьян прекратилось.

Следовательно, у Головчина были разбиты не шведы, а шляхта, в битвах у Дубровно крестьяне потеряли не 18 700 человек, а 3700 (цифра тоже условная). Юревич представлен летописцем не предводителем крестьян, а противником шведов, и вообще, о том, что движение носило антифеодальный характер, летопись не говорит. Кстати, и Могилевская хроника (Ю. Трубицкий), уделившая много внимания борьбе сторонников и противников Сапег, о характере борьбы умалчивает.

О ходе Северной войны сообщалось, что в июле 1700 г. король Август II разгромил шведов и занял Кокенгауз, шведы были разбиты под Ригой казаками, но под Дерптом русские понесли поражение вследствие измены немца Адама Адамовича (!). Сверх того, летопись извещала, что витебская шляхта собралась на посполитое рушение у Черен, через Витебск прошло 17 тыс. русского войска на стругах (Западной Двиной), к Орше прибыл русский полковник и витебляне встречали русские войска, которым дали «десять стосов хлеба».

19 февраля 1701 г. в Витебске был царь Петр, откуда поехал в Биржи, а 14 марта того же года вторично был в Витебске на обратном

¹¹⁰ Грицкевич А. П. Князі Сапегі і сяляне. Аб сялянскім руху у Беларусі у пачатку XVIII ст. — Літаратура і мастацтва, Мінск, 1982, № 4, с. 16.

пути из Бирж. В мае полковник Каменецкий провез на стругах массу пороха и около тысячи солдат. 24 июня саксонцы, взорвав замок, ушли из Кокенгауза, а с ними ушли и русские части; в ноябре шведы отобрали у русских Дюнамюнде.

Относительно пространно, во всяком случае гораздо больше, чем обычно, сказано об экономических санкциях, предпринятых королем Августом II в отношении витеблян. Первоначально сообщается, что королевский комиссар Рыбинский приехал в Витебск, чтобы собрать с витеблян те суммы, которые они должны были рижанам. В мае тот же комиссар приехал вторично в сопровождении тысячи саксонских рейтаров. Очевидно, пребывание этого отряда было для города очень тяжелым, так как летописец в этом случае отрешается от своего беспристрастного стиля и сообщает, как тяжело было жителям переносить грабежи и своеволие саксонцев. Рыбинский забрал у витебских купцов 64 тыс. талеров деньгами в счет уплаты долгов рижским купцам, а кроме того, нагрузил 40 стругов пенькой и 15 коноплей (видимо, семенами конопли). Стоимость всего этого летописец исчислил в сумме около 100 тыс. талеров. Взамен взятого король освободил витеблян от всяких податей на семь лет.

За 1702 г. сообщения связаны почти исключительно с войной, причем война идет где-то далеко от Витебска и сообщения о ней краткие и глухие: в 1702 г. шведский король занял Вильно, где шведы перебили массу горожан, в Кракове шведы сожгли дворец, а Торунь вообще был уничтожен.

За 1703 г. летописец сообщает главным образом о движении русских воинских частей в районе Витебска. Через Витебск прошел отряд полковника Протопопова с 20 тыс. человек, второй отряд русских в 70 тыс. человек прошел через Оршу. Вскоре через Витебск прошел обоз в 1500 возов с порохом и ядрами, затем 8 тыс. (!) орудий, провезли лопаты и бердыши. В дополнение к этим тревожным вестям прибавилось знамение: 26 марта были видны одновременно три солнца.

За 1704 г. имеется сообщение о взятии Нарвы русскими. В том же году в Витебске была видна комета, через Витебск опять проходили русские части, а также пан Богдан Корсак с двумя полковниками проводили три полка смоленской шляхты.

За 1705 г. все записи касаются только движения русских воинских частей: в январе пришли части под командованием Б. П. Шереметева и разместились по мещанским домам, в мае крупные части двигались к Полоцку, на стругах везли военное снаряжение, генерал Баур захватил у шведов ряд городов в Прибалтике, в Витебске был царь Петр.

За 1706 г. сообщается, что царь Петр повел армию из Могилева в Белую церковь и что русские оставили Гродно, потопив при отступлении в Немане орудия, ядра и порох.

За 1707 г. летописец сделал 10 записей, за 1708 г. — 11 записей. За 1707 г. кратко записи о событиях в Быхове — об измене русским Синицкого и его разгроме, но это очень подробно изложено в хронике Ю. Трубницкого, и Панцырный ничего к его сообщениям не прибавил. Почти все остальные сведения касаются поборов денежных сумм и продуктов, выданных городом. Несмотря на то что король Август II

освободил город от всяких податей на семь лет, в 1707 г. войска Великого княжества Литовского истребовали от города много и денег и продуктов, значительными были поставки на русскую армию, но 12 июля 1708 г. все русские части ушли из Витебска и прибыли в Череву.

Наиболее трагическое сообщение приходится на 28 сентября 1708 г., когда отряд казаков и калмыков под командованием капитана Соловьева сжег город. А. П. Сапунов объясняет это тем, что витебские жители тайно поддерживали короля Станислава Лещинского и шведов¹¹¹. Далее опять следует сообщение о разных поборах.

Заключительные записи М. Панцырного датированы январем 1709 г. За этот год сделаны две записи, касающиеся солнца: 7 января были видны на западе три солнца, а 19 января — на небе два столба, а в середине солнце.

Часть летописи, написанная Чарновским, очень невелика по объему. Все содержащиеся в ней записи предельно кратки, и почти все касаются непосредственно событий, происходивших в Витебске. Хронологически эти записи относятся к 1601—1733 гг. Все известия, содержащиеся в части, которая написана Чарновским (за исключением 1733), имеются у Панцырного, но у Чарновского они еще короче, в них отсутствуют некоторые детали, сообщаемые Панцырным. Вместе с тем у Чарновского даты событий нередко сдвинуты на год, таким образом показывая, что он пользовался не тем календарным стилем, которым пользовался Панцырный. (Витебск, по летописи, был занят русскими войсками не в 1654 г., а в 1653 г.) В общем же, при крайне незначительном объеме части, написанной Чарновским, такие ошибки тоже малочисленны. Кроме известных, касающихся непосредственно Витебска, Чарновский сообщал, что в 1606 г. был «рокош», но даже не сказано, где он был. В 1607 г. к Москве шел «царь Димитрий» (очевидно, второй самозванец).

Последний раздел летописи принадлежит Аверкам, отцу и сыну. С 1710 по 1757 г. записи сделаны Гавриилом Кирилловичем Аверко, все остальное Стефаном Гавриловичем Аверко (он умер в 1759 г.). Записи Гавриила Аверки размещаются на одном листе (л. 24 об. — 25) и охватывают период с 1704 г. по 1757 г. За это время летописец сделал 11 записей. Можно предположить, что старший Аверко делал записи по своим наблюдениям или по своим воспоминаниям только начиная с 1736 г., так как лишь с этого времени записи более или менее постоянны, тем более что за весь предыдущий период имеются только два сообщения: за 1704 и 1710 гг., причем 1704 г. вклинился между 1736 и 1752 гг. Из 11 сообщений Гавриила Аверки пять касаются пожаров в Витебске, два — постройки церквей, два — эпидемий и эпизоотий, одно — о появившейся комете. Самым удивительным в части Гавриила Аверки является то, что в ней нет ни слова о Северной войне.

Стефан Аверко, закончив переписывание текстов, доставшихся ему от предшественников, сделал такое вступление к части, которую написал сам: «До сего времени история писана благородным его милости паном Гавриилом Кирилловичем Аверко, витебским бурмистром и

¹¹¹ Витебская старина, т. I, с. 581.

ландвойтом. Переписана его сыном Стефаном Гавриловичем Аверко в году господнем 1768 в месяце июле 13 дня по русскому календарю. А здесь опять наступает история, выписанная из разных читанных Стефаном Гавриловичем Аверко, который, прочитав, как в какой книге напечатано, так и вписал здесь в 1768 году». Однако С. Г. Аверко после выписок из работ разных авторов в самом конце летописи поместил списки членов магистрата, избранных после получения Витебском магдебургского права, затем список воевод, а также список умерших виднейших жителей города. Этому разделу тоже предшествует небольшое введение: «Здесь ниже находятся иные дела. Здесь вписаны имена и фамилии тех, кто был избран впервые после получения Витебском магдебургии в 1597 г. 17 марта».

И в самом деле, в заключительной части перечислены члены магистрата, включая войта, ландвойта, бурмистров, райцев и лавников, избранных в 1597 г. Далее следует указание, сколько и кому должен Витебск, и затем перечислены витебские воеводы начиная с 1516 г. Аверко отмечает, что он вписал в свою летопись всех воевод, о ком смог собрать данные, но о пяти у него сведений не оказалось. Среди перечисленных в летописи многие умершие носили фамилию Аверко.

В общем, только этот раздел работы С. Г. Аверко и представляет интерес, тогда как выписки из сочинений разных авторов даже не приведены ни в какую систему (начинаются эти записи с 1211 г., за которым следует 1515 г., потом 1416 г., за ним 1240 г., потом 1150 г. и т. д.).

Выписки сделаны из работ Длугоша, Кромера, Бельского, Гербурта, Валовского, Пясецкого, Приемского, Каховского, Квяткевича, Кояловича, Шатца. Этот список вызывает недоумение: в нем нет некоторых произведений, знакомство с которыми, казалось бы, было необходимым. Прежде всего это касается хроники М. Стрыйковского, некоторые известия которого о Витебске основаны на личных впечатлениях. Затем нет упоминания о работе Гваньини, прожившего в Витебске много лет и уделившего в своих работах этому городу какое-то внимание. Кроме упомянутой легенды о Лиздейко, никаких намеков на знакомство с белорусско-литовскими летописями нет. Не заметно также, чтобы кто-либо из авторов читал Синописис или украинские летописи.

Записи С. Г. Аверко о составе магистрата, витебских воеводах, датах смерти видных витебских мещан, вероятнее всего, основаны на документах магистратского архива, записи Чарновского и в особенности Панцырного базируются в самой основной части на личных наблюдениях или на рассказах очевидцев. Как обычно в то время, цифровые данные, приводимые в летописи, малодостоверны, говоря точнее, они сильно преувеличены. Вместе с тем в части, написанной Панцырным, содержатся уникальные данные из истории Витебска за XVII—XVIII вв.

* * *

Витебская летопись явилась результатом труда ряда лиц, витеблян по месту жительства, мещан по социальному положению. Все они были для своего времени людьми образованными, начитанными, знавшими

(возможно, не все) латинский, польский и русский языки, все они старались изложить историю своего города или хотя бы какой-то ее части, но значимость труда каждого была различной. Едва ли не меньше всех сделал С. Г. Аверко, главной заслугой которого является сведение воедино работ предшественников. Наибольшее значение имеет часть, написанная М. Панцырным.

Слуцкие хроники и летописи

Третьим белорусским городом, в котором велись летописи и хроники, в том числе городские, был Слуцк. Слуцк впервые упоминается в летописи под 1116 г., когда его захватил минский князь Глеб Всеславич у Владимира Мономаха ¹¹². С 1160 г. Слуцк стал столицей удельного княжества ¹¹³; в 20—30-е годы XIV в. он вошел в состав Великого княжества Литовского, но и городом и княжеством еще долго владели потомки Слуцких князей (Рюриковичи Туровской линии, последний князь из них — Юрий упоминается в 1387 г.) ¹¹⁴. В 1395 г. литовский великий князь Витовт передал города Копыль, находящийся недалеко от Слуцка, а затем Слуцк с княжеством князю Владимиру Ольгердовичу, старшему сыну Ольгерда Гедиминовича, выведя его из Киева. Сын Владимира Александр (Олелько) стал родоначальником новой княжеской Слуцкой династии — Олельковичей — Слуцких. Во владении Олельковичей Слуцк находился до 1612 г., когда перешел к Радзивиллам, которым с некоторыми перерывами он принадлежал до 1832 г. С 1832 по 1846 г. Слуцком владел князь Витгенштейн, у которого город выкупило государство.

Уже в XIII—XIV вв. Слуцк был известен как значительный центр ремесла и торговли. Магдебургское право, полученное городом в 1441 г., служит показателем его высокого развития. Будучи владением крупнейших феодалов Белоруссии, Слуцк стал экономическим, политическим и культурным центром князей Олельковичей — Слуцких. После перехода к Радзивиллам Слуцк утратил первенствующее политическое, а отчасти и культурное значение в пользу «столицы» Радзивиллов — Несвижа, продолжая оставаться важнейшим экономическим и военным центром Радзивиллов.

С 1581 г. в Слуцке существовали при дворе Олельковичей школа и типография, в 1586 г. были открыты братская школа и типография, в 1617 г. создана гимназия (кальвинская), первая в Белоруссии средняя школа. В XVI в. ряд молодых людей из Слуцка (очевидно, после окончания гимназии) обучались в университетах Кенигсберга и Ингольштадта ¹¹⁵. У владельцев города и в Троицком монастыре, расположенном на южной окраине Слуцка, имелаась масса рукописей и печатных книг.

Однако Слуцк не смог сохранить свои культурные богатства. А. Ельский, помещик Минской губ. и автор статей по различным вопро-

¹¹² ПСРЛ, т. II, стб. 282.

¹¹³ Грицкевич А. П. Слуцк: Историко-экономический очерк. 2-е изд. Минск, 1970, с. 5—6.

¹¹⁴ Там же, с. 11.

¹¹⁵ Там же, с. 11—12.

сам истории и культуры Белоруссии, в 1890 г. писал, что в Слуцке почти не осталось рукописей, так как они сгорели в 1655 г., а рукописи, сохранившиеся от пожара, после 1863 г. были вывезены в Вильно. Ксендз Антон Мошинский сообщил Ельскому, что ранее в Слуцке были богатые собрания (однако конкретно, что там было и куда девалось, не сказано; очевидно, ксендз тоже знал об этом в самых общих чертах), а сейчас ничего нет. Вместе с тем в Слуцке в 1882 г. имелось очень богатое собрание чрезвычайно редких книг. При евангелическом соборе находилась библиотека, в которой были собраны издания, напечатанные в Любче, Ракове, Слуцке, Несвиже, Остроге, Бресте, Заблудове, Евье, Упите, Супрасли, Кнышине, Луцке, Минске, Вильно, Кейданах, Почаеве и других местах. Были там и документы слущкого магистрата за 1655 г., материалы о сожжении атеиста Лыщинского и пр. Ю. Бергель, собравший эту редкостную коллекцию книг, умер в 1885 г. в Варшаве, и его библиотеку купил краковский букинист Игель¹¹⁶.

Относительно летописи, получившей название Слуцкой (иначе Уваровской) и напечатанной в т. XVII и XXXV ПСРЛ, сказано выше. Здесь же речь будет идти о хронике, которая озаглавлена «Из диариуша города Слуцка» («Из дневника города Слуцка»), в которой содержится описание двукратной неудачной осады города русскими войсками в сентябре 1655 г. Это произведение написано на польском языке и находится в составе одной из «Тэк» (громадные рукописные книги, в которых помещены документы по истории как Польши, так и Речи Посполитой в целом. «Тэки» были сделаны по заказу историографа Польши Адама Нарушевича во второй половине XVIII в.). «Тэка», содержащая слущкий «Диариуш», находится в библиотеке Чарторыйских в Кракове (Специальный отдел, № 148, л. 529—534).

В период, о котором говорится в «Диариуше», Слуцк принадлежал Богуславу Радзивиллу и, видимо, в то время, когда с него делалась копия для Нарушевича, оригинал хранился в Слуцке или в Несвиже, где находились архив Радзивиллов и их библиотека.

«Диариуш» начинается с перечисления мер, которые были приняты магистратом для обеспечения населения продуктами в ожидании начала осады. Очевидно, этому разделу предшествовал другой, в котором сообщалось, откуда или хотя бы с какой стороны пришли русские войска.

Буквально «Диариуш» начинается так: «Во время осады русскими происходила городская сессия (заседание магистрата.— *Н. У.*), на которой было постановлено продавать провиант нужному (т. е. своему.— *Н. У.*) населению таким образом: на день 8 корцев ржи¹¹⁷,

¹¹⁶ *Jęski A.* Wzmianka o bibliotece s. p. Juliana Biergiela pastora w Stucku.— *Biblioteka Warszawska*, 1890, N 1, s. 26—27; N 2, s. 222—223, 226.

¹¹⁷ Корец — мера сыпучих мер. По изысканиям К. В. Скурата, корец равнялся примерно 101 литру (*Скурат К. У.* Даунія беларускія меры. Мінск, 1974, с. 62—64). Однако в данном случае корец не мог содержать 101 литр, так как сделать дневной нормой на семью 800 литров ржи явно было невозможно. Еще в середине XVII в. в Белоруссии, как и во всем Великом княжестве Литовском, размеры были индивидуальны. Исходя из текста хроники, нельзя определить, какого размера был корец в Слуцке, но нужно думать, что он не превышал одного литра.

предупреждая при этом, что продавать хлеб следует только случким мещанам, но ни в коем случае ни наехавшим в город шляхтичам и их челяди, ни солдатам, ни копылянам (жителям города Копыля, которые тоже укрылись в Слуцке.— *Н. У.*), ни крестьянам, ни евреям, так как все они должны были иметь собственные запасы».

Город в то время (как, впрочем, и позже) был расположен на обоих берегах реки Случи и делился на Старый город (на правом берегу), в котором находились Верхний и Нижний замки, и Новый город (на левом берегу); кроме того, на правом берегу, к востоку от города, находился православный Троицкий монастырь.

Перед приходом русских губернатор города приказал насыпать вокруг него вал. Его насыпали днем и ночью, и к приходу войск А. Н. Трубецкого укрепление было готово. 2 сентября (по н. ст.) четыре полка русской армии с большим количеством артиллерии под командованием князя Трубецкого подошли с южной стороны к Слуцку, к Троицкому монастырю. Защитники города встретили русских орудийной пальбой, на что русские ответили огнем из ружей. Русская армия выжгла окрестные селения и ночью «подняла крик», но на приступ не пошла. 3 сентября русские начали артиллерийский обстрел, на что город отвечал огнем из своих орудий. Когда рассвело, горожане увидели, что русское войско окружило Слуцк со всех сторон; сам Трубецкой в это время находился в деревне Мысливщине. Эта кампания закончилась 6 сентября, когда русская армия, сняв осаду, двинулась к Несвижу, который и был взят.

Вторично армия Трубецкого совместно с отрядом казаков в 5 тыс. человек во главе с В. Н. Золотаренко (братом наказного атамана) вторично подошла к Слуцку. Перестрелка из орудий и на этот раз не отличалась интенсивностью. Трубецкой предложил жителям и командованию сдаться, но, получив отказ, не рискнул на более энергичные меры. 30 сентября русская армия двинулась к деревне Козловичи. Несколько городских хоругвей выступило вслед уходящим русским частям. Однако они не решились завязать бой.

«Диариуш» создан вскоре после прекращения военных действий, писал его, вероятнее всего, кто-то из случких мещан. Так как автор «Диариуша» пользовался новым календарем, то можно предположить, что он был католиком. В общем же, среди массы документов, которые имеются о войне 1654—1667 гг., слуцкий «Диариуш» дает краткое, но отчетливое представление об одном из эпизодов многолетней войны на территории Белоруссии между Россией и Речью Посполитой в середине XVII в.

* * *

В 1867 г. П. А. Гильтебрандт и А. Л. Миротворцев, работая в архиве Радзивиллов в Несвиже, обнаружили «маленький отрывок из Слуцкой летописи начала XV в. в латинской транскрипции XVIII в.» Вот этот отрывок: «И зараз кнегия град около града zaloжила и низина ровнаты ся и подвышаты ся почела и в коротком часе великое мнозство людзи славных, годных, можных, верных и зычливых мирян намножило ся на мешканье, и тиснути ся почали взглядом покою от неприя-

телев наступавших. Тая ж кнегиня церковь соборную Пресвятое Богородицы на Высоком городе названы дытынец зачавшы и скончыла року 1409» ^{118—119}.

Оба археографа, обнаружив белорусский текст, написанный латиницей, переписали его и напечатали гражданским русским шрифтом, не оговорив, как обычно, по каким правилам это было сделано. При двойной переделке шрифтов текст Гильтебрандта и Миротворцева должен несколько отличаться от оригинала, но можно думать, что отступления не получились столь значительными, чтобы разница между оригиналом и изданным в 1867 г. текстом была существенной. При чтении приведенного отрывка в глаза бросается слово «людзи». В оригинале (кириллицей) оно не могло быть так написано, поскольку «дзеканье» для белорусской письменности XV—XVI вв. неизвестно. Впрочем, возможно, что в том отрывке, который читали Гильтебрандт и Миротворцев, было написано иначе, слово же «людзи» получилось в результате опечатки. Затем, едва ли в оригинале было написано «ровнаты», «подвышаты». Очевидно, в рукописи на конце этих слов в латинской транскрипции стояла буква «у», которая в белорусской письменности XVIII в., писанной латиницей, читалась и как «ы», и как «и». Следовательно, эти слова, вероятнее всего, следовало читать как «ровнати», «подвышати».

Гильтебрандт и Миротворцев, очевидно учитывая дату, показывающую, что строительство случкого детинца было окончено в 1409 г., принимают эту дату. То же делает и исследователь истории Слуцка А. П. Грицкевич ¹²⁰. Однако анализ текста заставляет усомниться в этой дате, т. е. что запись была осуществлена в 1409 г. В отрывке сообщается, что в Слуцке был заложен «град около града». Следовательно, к тому времени, когда началось описанное в летописи строительство «града», один «град» уже существовал. Вероятнее всего, это было историческое ядро города — «Высокий город», в котором позже построили соборную церковь Пресвятой Богородицы. Поскольку в Слуцке в XVI в. имелись Верхний и Нижний замки, притом это были самые древние части Слуцка, сообщение летописи не вызывает сомнений. Соответствует действительности и сообщение, что при постройке «града при граде» (очевидно, Нижнего замка) пришлось «низина ровнаты и подвышаты», так как Слуцк расположен на ровной низкой местности и его укрепления построены на искусственно насыпанных возвышениях. Для Белоруссии это не было исключением: Радошковичский, Лидский, Борисовский ¹²¹ и ряд других замков были построены точно так же. Значит, и эта часть отрывка не вызывает сомнения.

Однако даты, приведенные здесь, сомнительны. В 1409 г. (когда строили «град») Слуцк принадлежал Владимиру Ольгердовичу (год смерти этого князя неизвестен) или его сыну Александру — Олельку только в течение 14 лет. Олелько в 1409 г. был, очевидно, еще подрост-

^{118—119} АСД. Вильна, 1867, т. I, с. VII.

¹²⁰ Грицкевич А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Минск, 1975, с. 203.

¹²¹ Чантурия В. А. История архитектуры Белоруссии: Дookтябрьский период. Минск, 1969, с. 31, 35 и др.

ком, так как женился (на дочери великого князя московского Василия Дмитриевича Анастасии) в 1417 г.¹²², что, следовательно, произошло уже после постройки как «града», так и церкви. Княгиня, которая организовала строительство замка и церкви, была, очевидно, вдовой (иначе, почему распоряжался в городе не князь, а княгиня!), притом женщиной властной, умевшей защитить свои владения. Поскольку Александр Владимирович (Олелько) в 1409 г. еще не был женат, то княгиней, руководившей строительными работами в Слуцке, могла быть только его мать.

Если же обратимся не к началу XV в., а к началу XVI в., то увидим, что данные летописи во многом уязвываются с обстановкой того времени. В начале XVI в. Слуцком и княжеством управляла вдова Семена Михайловича Слуцкого, умершего в 1503 г., — Анастасия, дочь князя Мстиславского. Это она сумела организовать оборону города как против татар, часто нападавших в начале XVI в. на Слуцк, так и против князя Михаила Глинского, пытавшегося взять город в 1508 г.

Поэтому утверждение летописи, что в Слуцк устремлялось «множество» людей «можных» (богатых, сильных), «взглядом покою от неприятелей наступавших», полностью согласуется с предыдущей частью.

Вместе с тем некоторые места не согласуются со всем сказанным. Так, в Слуцке в начале XVI в. не только были оба замка (Верхний и Нижний), но город перекинулся и на другую сторону реки Случи, и поэтому считать, что «град» был построен при княгине Анастасии и по ее распоряжению, нет оснований.

В летописи, написанной на языке, на котором писаны белорусско-литовские летописи XVI в., встречаются архаизмы, ведущие, может быть, даже не в начало XV в., а в более ранний период. В особенности это касается терминов, обозначающих укрепленную и наиболее старую часть города. В Слуцкой летописи эта часть называется или «дытынец» (детинец), или «град». В летописях примерно с середины XV в. твердо установились термины «зámок» для детинца и «место» для собственно города, той части, которая в русских источниках называется «посад», слово «град» если и встречается, то в виде исключения.

Летопись сообщает также о постройке в том же 1409 г. церкви Пресвятой Богородицы. Ряд авторов утверждает, что такая церковь была построена именно в 1409 г., однако все эти сообщения основаны на том же приведенном выше отрывке¹²³. Детализируя это сообщение, архимандрит Николай отметил, что «замковая Успенская церковь в память победы над татарами» была построена в 1409 г. князьями Олельковичами¹²⁴. Это уже почти фантастическое сообщение хотя бы потому, что в 1409 г. князей Олельковичей не существовало, так как их родона-

¹²² Boniecki A. Początek rodów w Wielkiem księstwie Litewskim w XV—XVI wieku. Warszawa, 1887, s. 316.

¹²³ Тр. Минского губернского статистического комитета: Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Минск, 1870, вып. 1, с. 233.

¹²⁴ Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864, с. 188. Эта же версия повторена затем Д. З. Щендриком и А. П. Сапуновым (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1905, т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия, с. 528).

чальник князь Александр — Олелько (как уже указывалось) еще не был женат и не имел детей, которые и начали называться Олельковичами. Кроме того, о победе над татарами в начале XV в. у Слуцка (а именно в честь этой победы должна быть построена церковь) неизвестно. Зато о наличии замковой церкви в начале XVI в. имеются вполне определенные данные. В хронике Быховца сказано, что в 1502 г. князь Семен Михайлович Слуцкий прибыл в свой «град». Взглянув из замка, из церкви святого Юрия, за речку Случь, князь увидел татар, скакавших по улицам «места»¹²⁵. «Замок» — это и есть «дытынец» Слуцкой летописи. Если князь Семен смотрел из церкви святого Юрия, то, значит, в 1502 г. в замке должны были находиться по крайней мере две церкви (святого Юрия и Богородицы).

В целом представляется, что в Слуцке (возможно, как раз при церкви Богородицы) в начале XV в., а может быть и гораздо раньше, были сделаны записи о событиях, которые затем, в начале XVI в., были включены в летопись, отчасти сохранив архаический язык более ранней эпохи, а вместе с тем перенеся обстановку начала XVI в. на столетие назад. Возможно, и то, что в летописи при ее переписывании вместо «1509» было поставлено «1409».

Из-за краткости сохранившегося текста нельзя определить, был ли это отрывок из летописи, посвященной специально городу Слуцку, что представляется сомнительным, или это фрагмент произведения, излагавший в основном историю князей Слуцких, что кажется гораздо более вероятным. Однако, поскольку имеющийся текст касается лишь города, отнесем эту летопись к городским.

При всех неясностях очевидно, что Слуцк в течение длительного времени был городом, где составлялись летописи или «Диариуши», и, пожалуй, можно не сомневаться, что исторических произведений, в которых излагалась история города и княжества, было гораздо больше, чем мы знаем сейчас. Двести лет Слуцк был столицей одного из самых крупных, богатых и культурных княжеств Белоруссии, в котором была собрана масса культурных ценностей, владельцы которых до самого конца (последняя княжна Слуцкая, жена Радзивилла, умерла в 1617 г.) оставались православными и числились покровителями «русской» веры и народности.

Городские хроники и летописи составляют для Белоруссии специальный вид летописания; это один из видов культурного наследия, оставленного белорусскому народу его предками-горожанами.

¹²⁵ ПСРЛ, т. XXXII, с. 169.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Белорусско-литовское летописание велось с перерывами в течение трехсот лет — с середины XIII в. до середины XVI в. Спустя сто лет после прекращения общегосударственного летописания в разных городах Белоруссии начали составлять хроники, посвященные главным образом событиям в этих городах.

В т. XXXII и XXXV «Полного собрания русских летописей» помещены 17 известных сейчас памятников летописного характера. Напечатанные в т. XXXV ПСРЛ летописи очень близки между собой, однако в каждой из них имеется что-либо, отсутствующее в остальных. Учитывая это, все они напечатаны отдельно полностью.

Если учесть, что у Стрыйковского было 15 летописей, ни одна из которых до нас не дошла, то мы имеем данные о 32 летописях. Это, конечно, лишь остатки той богатой литературы, которая имелась в свое время. Наличие школьной сети в стране и относительно высокий процент грамотного населения в городах позволяет предположить, что интересующихся летописями в XVI в., да и ранее было немало. Записи на полях Радзивилловской летописи говорят о том, что она побывала в пользовании лиц весьма среднего достатка, а ведь иллюстрированная летопись стоила гораздо больше обычной.

Во всех странах мира старинные, часто обветшавшие, рукописи если не истреблялись преднамеренно, то гибли от недосмотра. В этом отношении Белоруссия и Литва не составляли исключения. Однако здесь неблагоприятные условия имели исключительные размеры. Из всех районов СССР на территории Белоруссии и Литвы войны были особенно частыми и губительными. Следовательно, здесь истребление культурных ценностей (не говоря о прочем) происходило особенно интенсивно. Свой «вклад» в это дело внесли религиозные раздоры и колонизация верхушки населения. Примерно с середины XVII в. письменность и в Белоруссии, и в Литве стала переходить на польский язык, т. е. на латиницу. К середине XVIII в. этот процесс зашел так далеко, что когда нужно было переписать какой-либо старинный документ, писанный на старобелорусском языке кириллицей, его переписывали на том же языке, но латиницей. Написанное кириллицей становилось непонятным, и ценность таких рукописей снижалась.

Центрами, где собирались как рукописи, так и печатные книги, были монастыри. На примере Супрасльского монастыря видно, насколько богаты там были собрания, и едва ли этот монастырь был исключением. Гораздо более вероятно, что мы знаем о нем больше потому, что в свое время были опубликованы его инвентари. Велики были

собрания рукописей и книг у магнатов; крупнейшим из них было собрание Радзивиллов в Несвиже.

Общепризнанным является положение, что главным центром белорусско-литовского летописания был Смоленск (естественно, в то время, когда он находился в составе Великого княжества Литовского). Вопрос о том, велось ли летописание в Новогрудке, является дискуссионным. Однако предположение, что летописание эпохи Миндовга — Войшелка велось именно там, можно принять как вполне правдоподобное.

Вопрос о существовании полоцкого летописания находится за пределами нашего исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСД—Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной России
- ЖМНП—Журнал Министерства народного просвещения
- ИОРЯС—Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
- ИЮМ—Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской
- ЛЗАК—Летопись занятий Археографической комиссии
- ПСРЛ—Полное собрание русских летописей
- РИБ—Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею
- ЧОИДР—Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

- Август, имп. римский 94
 Август II, кор. польский и вел. кн. литовский 178, 191, 192, 197, 198, 219, 227, 228
 Август III, кор. польский и вел. кн. литовский 195
 Аверки, мещане витебские, авторы одной из витебских летописей 4, 229
 Аверко Гаврил Кириллович, мещанин, один из авторов витебской летописи 219—221, 229
 Аверко Дмитрий, мещанин витебский 220
 Аверко Стефан Гаврилович, один из авторов витебской летописи 220, 221, 229—231
 Авижонис (К. Avizōnis K.), историк литовский 24, 25
 Авраамка, монах, переписчик летописи 18, 51
 Адам, библ. 66
 Адамович Адам, виновник поражения русских под Дерптом (ошибочно) 227
 Адриан (Andrian), папа римский 222
 Адриан, патриарх всея Руси 181
 Адриан, патриарх константинопольский 181
 Айзик, вор 200
 Акгимонт см. Ольгимонт
 Аксинья, ж. кн. Одица Федора см. Одинец Ксения
 Александр Витовт см. Витовт
 Александр Казимирович, вел. кн. литовский и кор. польский 53, 64, 76, 84, 107, 114, 216
 Александр Кориатович, кн. новогрудский, с. кн. подольского Кориата-Михаила 119, 121
 Александр Македонский, полководец и гос. деятель 76
 Александр-Олелько, кн. Слуцкий см. Слуцкий
 Александр-Олелько, кн. Алексеев Л. В., археолог 218, 221, 222
 Алексей Михайлович, царь 201, 225
 Алкридов род см. Ольгердов род
 Альнек, автор рифмованной ливонской хроники 10
 Амартол Георгий, хронист византийский 40
 Амонт см. Шварн
 Амурат, султан 62
 Анастасия, д. вел. кн. московского Василия Дмитриевича, ж. Александра, кн. Олелько-Слуцкого 235
 Анастасия, д. кн. Мстиславского, ж. кн. Семена Михайловича Слуцкого 235
 Андрей, кн. киевский 115
 Андрей (Анрих, Генрих), магистр ливонский 97—99, 103
 Андрей, кн. полоцкий и псковский, с. вел. кн. литовского Ольгерда 66, 73
 Андрей Юродивый, автор «Житий» 37
 Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владимиро-суздальский 47
 Анна, ж. вел. кн. литовского Ольгерда (ошибочно) 112
 Антиох, царь сирийский 56, 117, 146
 Антонович В. Б., историк 16, 17
 Анцелот, герой средневековой повести 55
 Аполлон см. Палемон
 Арвид см. Ердвил
 Аркридов род см. Ольгердов род
 Арнаутов В. А., историк 54
 Аттила, предводитель гуннов 54, 55, 70, 93, 94, 117, 130
 Афет, библ. 53
 Ахмат-Гирей (Сахматкирей), хан татарский, крымский царевич, с. Менгли-Гирея 108, 109
 Ач-Гирей, хан перекопский 125
 Бабич Константин, кн. 3Г
 Бакланов Д., владелец Красноярского списка хроники 78

* Принятые сокращения: архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, библ.— библиейский, вел. кн.— великий князь, ВКЛ— Великое княжество Литовское, ген.— генерал, гос.— государственный, гр.— граф, д.— дочь, еп.— епископ, ж.— жена, иг.— игумен, имп.— император, кнг.— княгиня, кнж.— княжна, кн.— князь, кн-я— князья, кор.— король, королева, легенд.— легендарный, летоп.— летопись, митр.— митрополит, м-рь— монастырь, св.— святой, святая, с.— сын, ц.— церковь. Составитель указателей В. Г. Шерстобитова.

- Балаклай (Бала, Булаклай), полководец татарский 151, 165—167
- Бантыш-Каменский Д. Н., историк, с. Бантыш-Каменского Н. Н. 209
- Бантыш-Каменский Н. Н., историк 206, 207, 209, 212, 215
- Барбаросса см. Фридрих Барбаросса
- Барвинский Б. (Барвинські Б.), историк 55
- Баторий Стефан см. Стефан Баторий
- Батура Р. К. (Batura R.), историк 3, 20, 164, 165
- Батый (Бату), хан татарский 53, 62, 113, 135, 153, 158, 165, 166, 169
- Баур, ген. шведский 228
- Бевст, ген. короля польского Августа II 184
- Без-Корнилович М. О., историк 200
- Белокуров С. А., историк, археограф 44, 48
- Белый Петр Иванович см. Монтигирдович Петр Янович
- Бельский Иохим (Bielski I.), хронист польский 136
- Бельский Мартин (Bielski M.), хронист польский 19, 25, 83, 92, 102, 108, 112, 113, 136, 219, 230
- Бельский Семен Иванович, кн. 123
- Бергель Ю. (Bergel Julian), кальвинистский пастор в г. Слуцке 232
- Бильдокевич, шляхтич, предводитель отряда сторонников Сапег 227
- Бирута, ж. вел. кн. литовского Кейстута 60, 84, 119, 120, 127
- Бобровский М. К., филолог 38, 40—44
- Бобровский П. О., ген., автор работ о Гродненской губ. 34, 35, 38, 40, 42, 43
- Бова, герой средневековой повести 55
- Бодянский О. М., филолог-славист 3, 15, 16, 22, 55
- Болеслав Стидливый, кор. польский 126, 223
- Болховитинов см. Евгений, митр.
- Бонецкий А. (Boniecki A.), автор работ по генеалогии шляхетских фамилий ВКЛ 30, 67, 235
- Бонча-Синицкие см. Синицкие-Бонча
- Бонча-Синицкий см. Синицкий-Бонча
- Борис, легенд. кн. полоцкий, с. кн. Гинвила 72
- Борис, кн., с. вел. кн. Ольгерда (очевидно, назван вместо Дмитрия) 66
- Борис Александрович, вел. кн. тверской 127
- Борк, легенд. кн. литовский, с. кн. Палемона 133, 139, 147, 148
- Братановский Анастасий, архиеп. могилевский 205, 209
- Брике Ш. (Briquet S.), автор работ о филигранях 52
- Брюкнер А. (Brückner A.), историк, филолог 55, 56
- Брычислав Изяславич, кн. полоцкий 218
- Буганов В. И., историк 8, 75
- Будилович А. С., филолог 44
- Булаклай см. Балаклай
- Булевичи, кн. литовские 145
- Бурундай, полководец татарский 164, 165
- Буслаев Ф. И., филолог 78
- Бутав, кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
- Быховец Александр, помещик, владелец рукописи 6, 11, 67, 68
- Быховец Иосиф, философ 67
- Бычков А. Ф., археограф 51, 58
- Бычков И. А., археограф, библиограф 219
- Бычкова М. Е., историк 8
- Бялобрежский Михаил, польский писатель 39
- Вайтович (Вайтович) Н. Т., филолог 81
- Ваповский Бернард, хронист польский 82, 83, 91, 105, 106, 108, 113, 115, 117, 119, 129, 230
- Варвара Радзивилл см. Радзивилл Варвара
- Василевскене И. (Vasilevskienė I.), историк 59
- Василевские, мещане могилевские 185
- Василий см. Лаврыш
- Василий, кн. галицкий и владимирский 85
- Василий I Дмитриевич, кн. московский 49, 235
- Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 51, 57, 127
- Василий III Иванович, вел. кн. московский, 53, 66, 127
- Василий Иванович Шуйский см. Шуйский Василий Иванович
- Васильев Иван, пономарь 62
- Василько Романович, кн. владимири-волинский 96, 100, 165
- Вахевич Б. А., историк 23, 61, 62
- Ваццло, один из предводителей восстания в г. Кричеве 185, 193, 198, 214
- Вергилий, поэт римский 138
- Веремита Касьян Римлянин, писатель 37
- Верто Р. (Vertote R), аббат, историк французский 183
- Вигунт (Викгунт) Александр, кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
- Видимонт, дядя Бируты, ж. вел. кн. Кейстута 127
- Викинт, кн. литовский 145
- Викинт (Выконт, Неман, Немонос), легенд. кн. жемайтский, с. кн. жемайтского Монтвила 96, 112, 116, 140—142, 144, 145, 152, 154
- Виликанл, легенд. кн. литовский 145
- Вилли (Виллус), легенд. кн. литовский 135, 136
- Вильгельм, принц австрийский, жених кор. польской Ядвиги 124

- Висимот *см.* Вишимут
- Витвицкая А. В. (Витвицкая О.), историк 54
- Витгенштейн П. Н., кн. 231
- Витень (Витенес), вел. кн. литовский 84, 114, 118, 119, 144, 146, 157, 160
- Витовт Кейстутевич, вел. кн. литовский, с. вел. кн. литовского Кейстута 17, 18, 21, 27, 49, 50, 60, 64, 74, 82, 84, 112, 114, 117, 118, 120—122, 124, 125, 127, 131, 207, 231
- Вишимут (Висимот), кн. литовский 145
- Вишневецкая, кнж., ж. Ходкевича Григория 33
- Вишневецкие, кн-я 226
- Вишневецкий Иеремия, кн. 78
- Вишневецкий Михаил, кор. польский и вел. кн. литовский 52
- Вишук-Коялович *см.* Коялович-Вишук
- Владимир Андреевич, кн. старичий 63
- Владимир Васильевич, кн. владими́ро-волинский 73
- Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 231
- Владимир Данилович, кн. галицко-волинский 166
- Владимир Ольгердович, кн., с. вел. кн. литовского Ольгерда 121, 231, 234
- Владимир I Святославич, вел. кн. киевский 85, 222, 223
- Владислав IV, кор. польский и вел. кн. литовский 55, 77, 79, 201
- Войдило, слуга вел. кн. литовского Ягайло 127
- Войшелк (Войшвилек), вел. кн. литовский, с. вел. кн. литовского Миндовга 19, 72, 84, 95, 100—103, 128, 129, 132, 142, 143, 145, 146, 158, 159, 168, 238
- Вол, шляхтич 84
- Волкайте-Куликаускаене Р. К., историк 149
- Волович Юрий, пан 118
- Волчанский Иероним, еп. белорусский 184, 186, 195, 198, 214
- Вольфф И. (Wolff I.), историк польский 89, 161
- Востоков А. Х., языковед 41
- Вульгата, переводчик Библии на латинский язык 37
- Выслоух Северин (Wyslouch S.), историк польский 175
- Вылова С. Я., филолог 199
- Гапон, мещанин могилевский, работник могилевского магистрата 181
- Гастольд (Гастольдус) *см.* Гаштольд
- Гаштольд, воевода подольский 84
- Гаштольд, легенд. спутник Палемона, родоначальник рода Гаштольдов 73, 115, 116, 119, 160
- Гаштольд Альбрехт Мартинович, воевода новогрудский 161
- Гаштольд Андрей, воевода виленский 161
- Гаштольд Войтех 59
- Гаштольд (Гаштольдович) Мартин 161
- Гаштольд Станислав Альбрехтович, воевода новогрудский 161
- Гаштольд Ян (Иван), воевода виленский 105, 106, 161
- Гваньини А., автор историко-географических работ 25, 76, 181, 230
- Гвидон, герой средневековой повести 54, 55
- Гедимин, вел. кн. литовский 11, 16—18, 27, 51, 57, 73, 78, 82, 114, 119, 121, 123, 126, 129—131, 143, 161, 163, 224
- Гедиминовичи 150
- Гедройц Мельхиор, еп. жемайтский 114
- Гедрус, легенд. кн. литовский, с. кн. Романа 144, 157
- Гейза, кор. венгерский 222
- Гектор, один из легенд. спутников Палемона 159
- Генрик, маршалок магистрата Ливонского ордена 119
- Генрих *см.* Андрей, магистр ливонский
- Генрих Валуа («Француз»), кор. польский и вел. кн. литовский 190, 201
- Генрих Латвийский, автор хроники 10
- Георгий *см.* Борис, легенд. кн. полоцкий
- Герасим, еп. смоленский, потом митр. 21, 23, 27, 224
- Герберштейн Сигизмунд, имперский дипломат, путешественник 113, 127
- Гербурт, хронист 106, 115, 117, 230
- Гермонт, легенд. кн. литовский, с. кн. Свидригайло 144
- Гилигин, легенд. кн. литовский, с. кн. Гермонта 144
- Гильдебрандт П. А., археограф 206, 233, 234
- Гимбут, легенд. кн. жемайтский, с. кн. Куноса 139, 140, 145, 148, 152
- Гинвил (Борис, Георгий), легенд. кн. полоцкий, с. кн. Мингайло 72, 123, 142, 150, 163
- Гирус (Кирус), легенд. кн. литовский и жемайтский, муж Пяты 103, 133, 139, 141, 160
- Глеб, кн. 168
- Глеб *см.* Глеб Всеславич
- Глеб, кн. смоленский 165
- Глеб Всеславич, кн. минский 170, 231
- Глеб Рогволодович, кн. полоцкий, с. кн. Рогволода-Василия 142
- Глебович Николай Юрьевич, староста дрогичинский 118
- Глебович Петр, воевода новогрудский, наместник кревский 161
- Глинский Михаил, кн., руководитель восстания 1508 г. 64, 70, 235

- Говорский К. А., историк, археограф 33
- Голениченко Г. Я., историк 175
- Голиков И. И., историк 209
- Голицын В. И., кн. 189, 196, 222
- Гольцовские, кн-я, ветвь кн-зей Одинцевичей 30
- Гольца (Гольцас), легенд. кн. литовский, с. кн. Романа, родоначальник князей Гольцанских 144, 157
- Гольцанские, кн-я 160—162
- Гольшанский Андрей Альгимунтович, кн. 115
- Гольшанский Михаил Иванович, кн. 21, 60
- Гольшанский Павел, еп. виленский, кн. 74
- Гольшанский Семен Юрьевич, кн., воевода новогрудский, староста луцкий 161
- Гольшанский Юрий Семенович, кн. 105, 106
- Горбачий Иосиф, митр. киевский 210
- Гортанский Н. Г., переводчик Могилевской хроники 6, 179, 180, 183, 184, 187, 198—203
- Гостомысл, легенд. с.м.
- Грависсус, Грависсус с.м. Гровж
- Грекул Ф. А., историк 8
- Григорий, архим. галицкий 100
- Григорий, св. 65, 100
- Григорий Богослов, один из «отцов церкви» 35
- Григорий Двоеслов 35—36
- Григорий Иванович, переписчик Супрасльской летописи 29
- Гришкевич А. П., историк 227, 231, 234
- Гровж (Грависсус, Грависсус, Игровкис, Кгровж, Кгровжс), легенд. родоначальник Мошавидов 116, 133, 134 160, 162
- Грумль с.м. Крумпь
- Грушевский М. С. (Грушевский М. С.), историк 17
- Гук, работник могилевского магистрата 181
- Гуревич Ф. Д., археолог 163
- Давид Мстиславич, кн. луцкий 167
- Давят, кн. литовский 145
- Далматов Н. см. Николай, архим.
- Даниил, иг., автор «Хожения в святой град Иерусалим» 57
- Даниил Романович, кн. галицко-волинский 96, 100—102, 145, 158, 165, 167, 168
- Данилович И. Н. (Dąbrowski I.), историк 4, 5, 9—16, 18, 19, 22, 29, 34, 39, 42—45, 67, 68
- Дарспрунг с.м. Довспрунг
- Дашкевич Н. П., историк украинский 17
- Дашко Федорович, кн. 64
- Демьянович А. П., археограф 204
- Деспот-Зенович Юрий, кн. 201
- Детрил Каролус, полководец прусский 119
- Дионисий Ареопagit, еп. первый афинский 35
- Длугош Ян (Długosiej J.), хронист польский 19, 25, 50, 82—84, 102, 105, 106, 111, 113, 115, 117, 120—122, 124, 128, 135, 169, 171, 172, 219
- Дмитриева Р. П., составитель библиографии по летописанию, литературовед 4
- Дмитрий, кн. друцкий 117
- Дмитрий, кн. киевский (?) 112, 134
- Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 63, 127
- Добкевич Христофор, владелец рукописи—летописи, получившей название Олышевской 59
- Добрицкий Ф. Н., историк 34, 37, 46
- Довгирд (Долгирд, Долгирд), воевода виленский 45
- Довгирд, наместник Витовта в подольских замках 122, 125
- Довмонт, кн. литовский, позднее кн. псковский 100, 126, 146
- Довмонт, кн. утянский 111
- Довмонт Романович, легенд., с. кн. Романа 144, 157
- Довнар-Запольский М. В., историк 80, 179, 180
- Довойна, шляхтич 104
- Довойна Станислав Станиславович, воевода полоцкий 162
- Довойны, магнаты 134, 153
- Довспрунг, кн. литовский 134, 145
- Довспрунг (Дарспрунг, Доспрунгус), легенд. кн. литовский 133, 134, 139, 141, 142, 148, 149, 159, 160
- Долгирд с.м. Довгирд
- Долгов В. С., археограф 62
- Долгорукий, кн. 196
- Дорогостайские, магнаты 171
- Дорошкевич А. М., историк 198
- Доспрунгус с.м. Довспрунг
- Драгун Ю. И., историк 27
- Друцкие, кн-я 30, 108
- Друцкий Семен Дмитриевич, кн. 116
- Дубина, предводитель отряда казаков 225
- Дубровицкий Иван, кн. 63
- Дюсбург Петр, хронист 82, 83, 111, 119, 128, 169
- Евгений, митр. (Болховитинов) 53
- Евдокья, ж. вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского 63
- Евреннов П., владелец рукописи 66
- Евфимия, св. великомученица 36
- Евфросиния, кнж. 223
- Едывид с.м. Ердывид
- Ежи с.м. Юрий Лингвиевич
- Ейкша с.м. Ейкшис
- Ейкшис (Ейкша, Ейкшис, Екшис, Ечкшис, Кекшевич, Ликшис, Эвксис, Эйксис), ле-

генд. родоначальник
Довойнов 133
Ейкшис см. Ейкшис
Екатерина II, имп. 195
Екшис см. Ейкшис
Елена Ивановна, кнж., ж.
вел. кн. литовского
Александра Казими-
ровича 53, 76, 201, 216
Еленский Ф. Г., архео-
граф, историк 7, 187,
204—209, 211—213, 215
Елизавета (Елена), ж.
вел. кн. литовского Ка-
зимира Ягайловича 216
Ельский А. (Jelski A.),
помещик, автор работ
по истории Белоруссии
231, 232
Ердвил (Арвид, Едивид,
Кримунт, Радивил,
Скилмонт, Скиримонт,
Скиримонд, Скиримонт,
Скиримунт, Эрдвил), ле-
генд. кн. литовский, с.
вел. кн. жемайтского
Монтилла, родоначаль-
ник вел. кн. новогруд-
ских 71, 96—97, 104,
112, 115, 116, 126, 133,
134, 140—142, 144, 145,
150—156, 158, 159, 224
Ечькшис см. Ейкшис

Живибунд (Живинбуд,
Живинбид, Зивибунт),
легенд. кн. литовский
141, 154, 155, 160, 169,
170
Живибуд см. Живибунд
Живинбуд, кн. литовский
145
Жигимунд см. Сигизмунд
III Ваза
Жидимонт см. Сигизмунд
Кейстутевич
Жикимонт см. Сигизмунд
Кейстутевич
Жилко Дмитрий, кн. 108
Жилос И., историк 24, 25
Журовский В., архим. 40
Жучкевич В. А., географ
30, 31

Забережинский Ян Юрье-
вич, наместник полоц-
кий, воевода новогруд-
ский 64
Замойский, гр., владелец
библиотеки 42

Замыцкий Константин (Се-
мечко), кн. 109
Зара, поп могилевский 188
Заславские, кн-я, владе-
льцы рукописи в с.
Великая Берестовица
11, 68, 87, 88, 91, 93,
129
Зеновевич Криштоф Юрь-
евич, воевода брестский
89
Зеновевич Николай Бо-
гуславович, староста
минский и каштелян по-
лоцкий 89
Зеновевич Николай Юрь-
евич, подкоморий ош-
мянский 118
Зеновевич Станислав
Юрьевич, подкоморий
вилякомирский, позже
каштелян новогрудский
88—89
Зеновевич Ян Юрьевич,
каштелян витебский 89
Зеновевичи, феодалы 89
Зивибунт см. Живибунд
Зигфрид, магистр ливон-
ский 127
Золотаренко В., брат на-
казного атамана 233
Золотаренко И., полков-
ник украинский, потом
наказной атамана 196,
214
Зубрецкий (Зубревич),
кн. 71

Иван Алексеевич, царь,
с. царя Алексея Михай-
ловича 197
Иван I Данилович Кали-
та, вел. кн. московский
85
Иван III Васильевич, вел.
кн. московский 66, 109,
110, 122, 216
Иван IV Васильевич Гроз-
ный, царь 52, 63, 189,
224, 225
Иван Якимович см. Яки-
мович Иван
Игель, букинист краков-
ский 233
Игровжис см. Гровж
Изяслав, кн. новогруд-
ский 158
Изяслав, кн. свислочь-
ский 168
Иисус Навин, библи. 36

Иисус Христос, библи. 57,
157, 159
Иконников В. С., историк
179, 180
Ильинский, житель г. Мо-
гилева 210
Ильинский А. Г., исто-
рик 85
Иоани Богослов, библи.,
один из «отцов церкви»
37
Ионинас И. (Jonynas I.),
историк 24, 25
Иосифат Куцевич, ар-
хиепископ униатский
45, 188, 190, 207, 216,
218, 219, 226
Иосиф, интр. киевский 225
Иосиф II, имп. Священ-
ной Римской империи
195
Иосиф Флавий, древне-
еврейский историк 76
Ирод, царь Иудеи 117,
146
Истра см. Спера

Кадлубек Винцент, хро-
нист польский 102, 109,
171
Казакевич А. Н., историк
4
Казимир Ягайлович, вел.
кн. литовский и кор.
польский 21, 31, 36,
59, 105, 106, 117, 119,
120, 124, 125, 128, 129,
216
Кайдан (Койдан, Кадан,
Кайду), полководец та-
тарский 113, 165, 166
Каманин И. М. (Кама-
нин I), историк 54
Каменецкий, полковник
228
Кампей (Кампаниус,
Кампанюсс) см. Струм-
пос
Караболь, шляхтич 113
Карамзин Н. М., исто-
рик 169, 216
Карл XII, кор. шведский
185, 191, 193, 193, 203
Капл Детрил см. Детрил
Каролус
Карский Е. Ф., филолог,
языковед 3, 55—57
Карсюк Иван, житель г.
Слуцка 132
Каховский, хронист 230

- Качей (Качибей), хан татарский 52
 Квяткевич, хронист 230
 Кгровж, Кгровжс см. Гровж
 Кгрумпь см. Крумпь
 Кезгайло Михаил, воевода виленский и канцлер ВКЛ 105, 106
 Кезгайло Ян, староста жемайтский, каштелян виленский 105, 106
 Кейстут, вел. кн. литовский 18, 19, 49, 60, 82, 84, 119, 127, 131
 Кекшевич см. Ейкшис
 Кернус, легенд. кн. литовский, с. кн. Куноса 114, 139, 141, 142, 148, 149, 152
 Кидан, полководец татарский 155
 Кимбарь Сергей, архим. Супрасльского м-ря 35, 36
 Киприан, митр. 63
 Кирей, царевич крымский 62
 Кирилл, просветитель славянский 222
 Кирилл Иерусалимский 35
 Кирус см. Гирус
 Кишка Леон, митр. униатский 34
 Кишка Станислав Петрович, гетман ВКЛ 107
 Клепиков С. А., автор работ о филигранях 176
 Климашевский Ипполит, учитель гимназии, первый опубликовал отрывок хроники Быховца 67—69
 Кмита Филон, староста оршанский 33
 Козлов В. П., историк 198
 Козьма Индикоплов, купец византийский, автор «Христианской топографии» 37, 38
 Козьма Романович см. Романович Козьма
 Койдан см. Кайдан
 Коленда Гавриил, архим. Супрасльского м-ря 38
 Колигин, легенд. кн. литовский, с. Скирмонта 156, 157
 Колумб Христофор, мореплаватель 225
 Коломны 114, 115
 Компан, легенд. спутник Палемона 160
 Кондрат (Конрад), кн. мазовецкий 145
 Конисский Георгий, архиеп. белорусский 195
 Конос см. Кунос
 Константин V, имп. византийский 62
 Константин Кориатович, кн. 73, 121, 124
 Копанев А. И., историк 48
 Копинский Исаия, митр. киевский 78
 Копитар, славист 41
 Копынский З. Ю., историк 173, 174
 Корецкий В. И., историк 8
 Кориат-Михаил, кн. подольский, с. вел. кн. Ольгерда 119, 161
 Кориатовичи, потомки кн. Кориата 113, 122
 Корибут-Дмитрий (Курибут), кн., с. вел. кн. Ольгерда 66, 121, 122, 161
 Коригайло (Корикгал), кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
 Коринцов И. П., попечитель Виленского учебного округа 210
 Корсак Богдан, предводитель отряда смоленской шляхты 228
 Коршунов А. Ф., археограф 81
 Костомаров Н. И., историк 3, 15, 16
 Костюшко Тадеуш, руководитель восстания 209
 Кохановский Ян, поэт польский средневековый 37
 Коялович М. О., историк 43, 44, 204, 230
 Коялович-Виук Альберт (Kojalowicz-Wiuk A.), историк 19, 140, 152
 Крапивин П. С. (Krapivin), филолог 85
 Красинский, гр., владелец библиотеки в Варшаве 54, 55, 58
 Крашевский И. (Kraszewski J.), писатель 10, 12, 15
 Криве-Кривейто, легенд. еп. литовский, глава языческого литовского духовенства, 127, 128
 Кримунт см. Ердивил
 Кромер Мартин (Kromer M.), хронист польский 19, 25, 82—84, 91, 102, 105, 108, 110—113, 115, 117, 119, 120, 122, 124, 126, 128, 143, 219, 230
 Крумпь (Грумпь, Евксюс, Кгрумпь, Кунпль, Кумпль), легенд., один из вассалов кн. Ердивила 134
 Крыжановский С., историк польский 79
 Куковойт (Куковойтис), легенд. кн. литовский, с. Живибунда 71, 103, 114, 134, 141, 154
 Кукушкина М. В., историк 48
 Кулиш П. А., этнограф, историк 79, 80
 Кулов Стефан, владелец рукописи 77
 Кумпль см. Крумпь
 Кунос (Конос), легенд. кн. литовский, с. Палемона 133, 139, 141, 145, 147—149
 Кунцевич Иосафат см. Иосафат Кунцевич
 Курбатова И. Н. 199
 Курбский Андрей Михайлович, кн. 52
 Курдас, полководец татарский 167
 Курибут см. Корибут-Дмитрий
 Кучковичи, бояре 47
 Лавраш см. Лаврыш
 Лаврентий, с. кн. Тройдена 114
 Лаврыш (Василий, Лавраш, Лаврентий, Рымонт), кн. литовский 114, 126, 146, 157
 Лазутка С. А. (Lazutka S.), историк 59
 Ламанский В. И., филолог 85
 Ланквин см. Лингвений
 Ластовский В. У. (Lastowski V.), филолог 46
 Лауцявичюс Э. (Lau-

- ciavičius E.), автор работ о филигранях 52, 72, 176
- Лев, кн. владимирский 117
- Лев Данилович, кн. галицко-волинский 101, 102, 146, 165, 166
- Левенгаупт, ген. шведский 191, 193, 209
- Ледневич Павел, мещанин могилевский, работник могилевского магистрата 181
- Лелевель И. (Lelevel I.), историк польский 169, 170
- Леонид, архим. 49, 50
- Лех, легенд. кор. польский 77, 241
- Лжедмитрий II, самозванец 79, 225, 229
- Лиздейко, легенд., глава литовского языческого духовенства 120, 126, 127, 229, 230
- Ликшис см. Ейкшис
- Лимонов Ю. А., историк 82
- Лингвений (Ланквин), кн. мстиславский, с. вел. кн. литовского Ольгерда 66
- Линде С. Б., филолог польский 44
- Линиченко И. И., историк украинский 62
- Литавор Хрелтович см. Хрелтович Ян Литавор
- Литаон, легенд. кн. литовский 136
- Лихачев Д. С., филолог, литературовед 51
- Лихачев Н. П., историк 44, 47, 48, 56
- Лобода Григорий, гетман запорожский 184, 188
- Лопарев Хр., сотрудник Публичной библиотеки в СПб. 210
- Луцкевич Иван, организатор белорусского музея в г. Вильно 179
- Лытка Мартин, мещанин витебский 225
- Лыщинский, атеист 182, 232
- Любавский М. К., историк 30
- Любард (Любарт, Люборт), кн. карачевский, с. вел. кн. литовского Гедимина 66, 119, 155, 167
- Любомирский, кн. 189, 196
- Лютер Мартин, основатель немецкого протестантизма 225
- Магмет, султан 52, 62
- Магмет Мураши 62
- Мазепа Иван Степанович, гетман Украинны 184, 185, 188, 191, 195
- Малиновский А. Ф., архивист, историк 53
- Мальцев А. Н., историк 80
- Мамоничи, виленские издатели 39
- Мануил, импер. византийский 62
- Марий, полководец римский 135
- Марина Мишиек (Сандомирская), ж. Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, д. воеводы сандомирского 226
- Мария Богородица, библ. 55, 57
- Мария Магдалина, библ. 65
- Мария Тверская, вторая ж. вел. кн. Ольгерда (ошибочно) 112, 224
- Мария Ярославна, княж. витебская, первая ж. вел. кн. литовского Ольгерда 112, 218, 229
- Марко, королевич, герой средневековой повести 54
- Марков Василий, священник, владелец рукописи 62
- Маркольт Немец, «пан» львовский 102
- Мартинович Увар, мещанин могилевский, сборщик налогов 181
- Маскевич (Маскович) Богдан 118
- Матяш, кор. венгерский 125
- Матюша, предводитель отряда казаков 207, 212
- Махмет, с. султана Амурата 62
- Махмет-Гирей, хан крымский 86, 110
- Мейер Л. (Meyer L.), историк 10
- Мейерберг А., дипломат австрийский, автор мемуаров 174
- Мелешко Иван, феодал 46
- Мелхиседек 62
- Менгли-Гирей, хан переконский 109
- Менгу Темир, хан 165
- Мендольф см. Миндовг
- Меншиков А. Д., кн., ген. 197, 209
- Мефодий, просветитель славянский 222
- Мехержинский М. (Mehcherzyński M.), переводчик хроники Длаугоша 82, 135
- Меховский Матвей (Miechowski M.), польский ученый 25, 82, 83, 91, 102, 105, 106, 108, 110, 111, 113—115, 117, 119—124, 126, 128, 135, 136, 143, 169—171, 219
- Мешко (Мечислав), кор. польский 222
- Мещерский, кн. 215
- Мингайло (Михайло), легенд., вел. кн. новогрудский и полоцкий, с. Ердывила — Скирмонта 142, 145, 155, 171
- Миндовг (Мендольф, Миндауг, Миндов), вел. кн. литовский 11, 13, 19, 72, 78, 84, 94—103, 117, 128, 129, 142, 143, 145, 146, 158, 159, 168, 171, 238
- Миротворцев А. П., археограф 233, 234
- Михаил см. Михаил Сигизмундович
- Михаил Борисович, вел. кн. тверской 128
- Михаил Сигизмундович (Михаил, Михайлушка), кн., с. вел. кн. Сигизмунда Кейстутевича 31, 47, 128, 129
- Михаил Федорович Романов, царь 66
- Михаил Черниговский, кн. 29
- Михайло см. Мингайло
- Михайлушка см. Михаил Сигизмундович
- Мишиек Марина см. Марина Мишиек

- Могила, легенд. (от него название г. Могилев) 216
- Могила Петр, митр. киевский 210
- Модест, архим. 33, 34, 39
- Можайский Семен Иванович, кн. 107, 122
- Молесворт Роберт (Molesworth Robert), историк английский 183, 184
- Молчановский Н., историк украинский 16
- Монивид, с. легендарного Гровжа 133
- Монивид (Монивидович) Войтех Янович, воевода новогрудский 161, 162
- Монивид (Монивидович) Иван, воевода трокский позже виленский 162
- Монивиды, магнатский род 134
- Монтивид (Монтивид) Гимбутович, легенд. кн. жемайтский, с. Гимбута 112, 126, 134, 135, 140—142, 145, 152, 153
- Монтигирдович Петр Янович, воевода трокский 108
- Монтигирдович Петраш, воевода новогрудский 161
- Монтовтович Михаил, каштелян трокский, воевода новогрудский 161
- Мороз, бурмистр г. Вильно 193
- Мошинский Антон, ксендз в г. Слуцке 232
- Мстислав, кн. луцкий и пинский 156
- Мстислав Давыдович, кн. смоленский 152
- Мстислав Данилович, кн. галицко-волынский 126, 166
- Мстиславский, кн. 235
- Муравьев М. Н., ген.-губернатор виленский 210
- Муравьева Л. Л., историк 8
- Мурад-Кирей, царевич крымский 62
- Муханов П. А., археограф 71
- Наливайко Северин, руководитель крестьянско-казацкого восстания 188, 201, 207, 212, 213
- Наполеон I Бонапарт, имп. французский 208, 211
- Нарбут Винцент, помещик 68
- Нарбут Теодор (Narbutt T.), историк и археограф литовский 8, 9, 11, 13, 15, 67—71, 74, 104, 170—172
- Наримунт (Норимонт), кн. пинский, с. вел. кн. Ольгерда 66, 111, 126,
- Наримунт Романович, легенд. кн., с. кн. Романа 144, 157
- Нарушевич Адам, историк польский 232
- Неман см. Викинт
- Немира Федор, пан 118
- Немирович Николай, магнат 105, 106
- Немонос см. Викинт
- Нерон, имп. римский 56, 70, 93, 113, 117, 128, 130, 145, 146
- Нестан, наместник кн. Федора 114
- Никифоров Н. П., собиратель рукописей, житель г. Городца 45, 46, 48
- Николай, архим. 47, 235
- Николай (Далматов Н.), архим. Супрасльского м-ря, историк 34, 38—40, 42
- Николай I Павлович, имп. 216
- Никон, патриарх 196
- Новосильцев Н. Н., гос. деятель 44
- Ногай, хан татарский 166
- Ной, библи. 62, 190
- Норимонт см. Наримунт
- Оболенский М. А., кн., археограф 14, 36, 38, 53, 54
- Овстригайло см. Свидригайло
- Овидий Публий Назон, поэт древнеримский 39
- Огюстские, кн-я 5, 191, 226
- Огоновский Е., историк 16, 17
- Одинец Александр, кн. 29
- Одинец Григорий, кн., с. кн. Одица Александра 29, 31
- Одинец Иван, кн., родоначальник кн. Одицевичей 29
- Одинец Ксения (Аксинья), ж. кн. Одица Федора 29
- Одинец Федор, кн. 29
- Одинцевич Андрей Семенович, кн., городничий минский 32
- Одинцевич Богдан Федорович, кн. 30
- Одинцевич Василий, кн., дворянин великокняжеский 32
- Одинцевич Григорий, кн., дворянин великокняжеский 32
- Одинцевич Дмитрий Федорович (Гольцовский), кн. 30
- Одинцевич Екатерина, кнг., ж. кн. Семена Ивановича 29
- Одинцевич Иван, кн., боярин смоленский 30, 31
- Одинцевич Семен Богданович, кн., городничий гродненский 30, 32
- Одинцевич Семен Иванович, кн. 16, 17, 31, 32
- Одинцевич Семен Иванович, кн. 29
- Одинцевич Федор, кн. 29, 30
- Одинцевичи, кн-я 29—32, 45, 88
- Одоевские, кн-я 85, 127
- Оздобный Фома, староста Могилевского Братского м-ря 210
- Олег Иванович, вел. кн. рязанский 118
- Олег, с. кн. Романа Брянского 165
- Оленько (Александр), кн. родоначальник династии князей Оленьковичей-Слуцких 132, 231, 234—236
- Оленьковичи - Слуцкие, кн-я см. Слуцкие
- Оловяшка Калликст, архидиакон 182
- Ольга, кнг. киевская 218, 221, 222
- Ольгерд, вел. кн. литов-

- ский 18, 20, 27, 50, 52, 65, 73, 77, 84, 112, 114, 122, 127, 218, 224, 231
Ольгердов род 66
Ольгимонт (Акгимонт), легенд. кн. новгородский, с. кн. Скиргайло 142, 145
Онашевич И., историк 5
Орест, иг., автор одной из могилевских хроник 4, 7, 182, 183, 203—206, 209—213, 217
Осемятин (Осемьянович) 123
Осемятч Василий Иванович 122
Осемятч Семен, кн. 107
Оскин см. Остик
Остафий, воевода 101
Остик (Остикович) Григорий Станиславович 118
Остик Стефан Григорьевич 118
Острожский Константин Иванович, гетман ВКЛ 53, 64, 108, 118, 171
Павел, еп. каменецкий 122
Павел, еп., ректор духовной семинарии г. Риги 44
Павел I, имп. 195
Паевский Л., священник 46
Пансий, патриарх александрийский 196
Палей Семен, предводитель казаков 184, 194, 197
Палемон (Аполлон, Полемон), легенд. кн. 6, 63, 70, 72, 76, 90, 92, 94, 102, 111, 113, 114, 117, 126, 128, 130, 132—134, 136, 138, 139, 141, 143—145, 147, 148, 159, 162, 163, 169—171
Палеолог, имп. византийский [Константин] 127
Панцержинский, ксендз в г. Минске 193
Паницрный, один из авторов Витебской летописи 4, 219—225, 228—231
Парасковия (Пракседа), легенд. кнж. полоцкая 52, 84, 123, 126, 142
Паскевич И. Ф., ген.-фельдмаршал, наместник Царства Польского 44
Пассек Б., губернатор Могилева 186
Пафнутий, монах 193
Пац, вел. гетман ВКЛ 196, 198
Пац (Пацевич) Юрий, воевода новгородский 161
Пацы, магнаты 171
Пашуто В. Т., историк 3, 10, 29, 103, 145, 163, 164
Пелюш, кн., с. Тройната 119
Пересветов Иван Семенович, публицист XVI в. 62
Петр I Алексеевич, имп. 89, 174, 180, 181, 184, 189, 191, 193, 197, 204, 207, 214, 215, 219, 223, 226—228
Петр III Федорович, имп. 189
Петрыка, маршалок смоленский 63
Пимен, митр. 63
Писимонт, кн. туровский, с. вел. кн. Ольгерда, 155, 167
Пичета В. И., историк 24
Подкова Иван, гетман, запорожский казак, господарь молдавский 77
Поклонский Константин, полковник 208, 210, 215
Покровский В. Ф., историк 48
Полемон см. Палемон
Полоховский Серапион, еп. белорусский 192, 197
Полоцкий Михаил (ошибочно) см. Гольшанский Михаил Иванович
Полубинский, кн. 171
Поляк Ян, командир отряда 106
Помпей Гней, полководец римский 135, 136
Понятовский Станислав Август см. Станислав Август
Попов А. Н., историк 15, 16, 18, 19, 50
Попович см. Самойлович
Потен, магнаты 226
Поята, легенд. кн. 103, 114, 139, 141
Пракседа см. Парасковия
Преборовский, атеист 197
Прекст Гаврило, владелец дома в г. Могилеве 185, 188
Прешпор, легенд. спутник Палемона 159
Приемский, хронист 230
Приселков М. Д., историк 26
Прозоровский Д. И., археограф 52
Прозоровский Д. И. (Прозор), кн. 225
Пронские, кн-я 171
Протопопов, полковник 161, 228
Прохаска Антони (Prochaska A.), историк 17, 18, 50
Пташицкий С. (Plaszyski S.), историк, археограф 52, 55, 58—60, 74
Птолемей Клавдий, ученый александрийский 136
Публий Лион, ученый римский 111, 169
Пырчик, владетель Радзивилловской летописи 88
Пясецкий, хронист польский 230
Радзеевский, примас Польши 191
Радзивилл Богуслав, кн. 89, 232
Радзивилл Варвара, ж. кор. польского и вел. кн. литовского Сигизмунда II Августа 55, 66, 71
Радзивилл Януш, кн., гетман ВКЛ 38, 88, 89, 192, 208, 210, 236
Радзивиллы, кн-я 6, 32, 89, 171, 224, 231—233, 238
Радзивил, участник похода Ягайло на Польшу 104
Радзивил Монтвилович см. Ердивил Монтвилович
Радивил (Радивилович) Николай, воевода ново-

- грудский, вел. земский
маршалок 105, 106, 161
- Радивил (Родивилович)
Олена Николаевна, кн.
ж. кн. Семена Юрье-
вича Слуцкого 49
- Рачинские, гр., владель-
цы библиотеки г. Поз-
нани 54
- Рачинский А. В., собира-
тель рукописей 44, 51
- Роголод-Василий, кн.
полоцкий, с. кн. Бо-
риса-Георгия 142
- Рогов А. И., историк 5,
8, 11, 42, 83, 92
- Роман, кн. брянский 165
- Роман, легенд. кн., с. кн.
Гилигина, племянник
Трабуса 103, 144
- Роман см. Ромултус
- Роман Данилович, кн.
новогородский, 168
- Романов Е. Р., этнограф,
археолог, историк 80,
199, 200, 205, 206
- Романович Козьма, про-
топол могилевской
Спасской церкви 213
- Ромултус (Роман), ле-
генд. кн. литовский,
с. Трабуса 103
- Рудольф, магистр прус-
ский 127
- Румянцев Н. П., канцлер
198
- Рушковичи, кн-я 145
- Рыбаков Б. А., историк
218, 221, 222
- Рыбинский, комиссар
кор. польского Авгу-
ста II 228
- Рымонт см. Лаврыш
- Рынгольт, легенд. кн.
новогородский, с. Ол-
гимонта 12, 13, 84, 94,
95, 117, 126, 132, 142,
143, 145, 151, 154—156,
166
- Рытвянский (Рутвянский)
шляхтич 84, 117
- Рюриковичи Туровской
линии 231
- Савельева Е. А., филолог
183, 184
- Самойлович (Попович),
гетман украинский 189
- Сапега (Сопега) Казимир
Ян, кн., гетман поль-
ский, затем великий 126,
227
- Сапега Лев, канцлер и
вел. гетман ВКЛ 46,
186
- Сапеги, кн-я, крупные фе-
одалы 5; 191, 197, 207,
226, 227
- Сапунов А. П., историк,
археолог 7, 219, 220,
229, 235
- Сафонович, автор хрони-
ки 14
- Сахаров И. П., владелец
Слуцкой летописи 49
- Свентоград см. Свинторог
- Свидзинский Констан-
тин, собиратель руко-
писей 55
- Свидригайло (Оветригай-
ло, Швидригайло, Шви-
нтыгайло), с. вел. кн.
литовского Ольгерда,
одно время вел. кн.
литовский 18, 19, 21,
27, 30, 31, 47, 57, 60,
64, 66, 85, 118, 124, 125,
216, 224
- Свинторог (Свентоград,
Швинторог) Утенусо-
вич, легенд., вел. кн.
новогородский 131, 143,
144, 146, 156, 160
- Святослав Всеволодович,
кн. киевский 167
- Святослав Иванович, кн.
смоленский 26, 27,
64, 73, 74, 118
- Северьянов Н. С. 38
- Семен Михайлович, кн.
друцкий 167
- Семечко см. Замыцкий
- Константин
- Семянич Василий Ива-
нович, кн. 107
- Сенека, философ рим-
ский, политический де-
ятель 39
- Сивилла, пророчица 57
- Сигизмунд I Казими-
рович, кор. польский и
вел. кн. литовский 36,
55, 59, 64—66, 108
- Сигизмунд II Август, кор.
польский и вел. кн. ли-
товский 22, 36, 53, 55,
64, 71, 144, 162, 163
- Сигизмунд III (Жиги-
мунд) Ваза, кор. поль-
ский и вел. кн. литов-
ский 76, 89, 189, 196
201, 213, 225
- Сигизмунд (Жидимонт,
Жикимонт) Кейстуте-
вич, вел. кн. литовский
18, 19, 21, 27, 30, 31,
47, 55, 64, 67, 68, 85,
125, 146
- Сигизмунды, кор. поль-
ские и вел. кн-я литов-
ские 5, 13, 15
- Симеон, св. 49
- Симон, еп. Кафы 128
- Синицкие-Бонча, шлях-
тичи могилевские 191
- Синицкий-Бонча, шлях-
тич могилевский 191—
193, 197, 201, 203, 207,
228
- Скарга Петр, иезуит 39
- Скилмонт см. Ердивил
- Скиргайло (Скригайло),
кн., с. вел. кн. Ольгерда
51, 66, 74, 117, 121, 122,
167
- Скиргайло, легенд. кн. но-
вогородский, с. Швар-
но-Ямонта 142, 145
- Скиримонт, Скирмонт,
Скирмунт см. Ердивил
- Скоропадский Иван Иль-
ич, гетман украинский
214
- Скригайло см. Скиргайло
- Скурат К. У., историк 232
- Слуцкая Елена Никола-
евна, кнж., ж. кн. Юрия
Семеновича Слуцкого 49
- Слуцкая Софья, кнж., ж.
кн. Радзивилла 236
- Слуцкие, кн-я, владельцы
Слуцкого княжества
5, 6, 33, 88, 231, 236
- Слуцкий Александр-Оле-
лько, кн. 231, 234—236
- Слуцкий-Оленькович Се-
мен Александрович,
кн. 49, 120
- Слуцкий-Оленькович Се-
мен Михайлович, кн.
235, 236
- Слуцкий - Оленькович
Юрий Семенович, кн.
33, 49
- Смолька С. (Smolka S.),
историк польский 16—
18
- Соболь Спиридон, типо-
граф 175
- Соковини, боярин 190, 197

- Соколинская, книж., ж. кн. Одинцевича 30
- Соколинские, книж. 30
- Соколов С. И., редактор «Могилевских губ. ведомостей», профессор Могилевской семинарии 68, 205, 210
- Соловьев, капитан 229
- Соловьев А. В., историк 85
- Соломон, царь, библия 57
- Солтан, митр. униатский 35
- Солтан, феодал 46
- Солтан Александрович, воевода новогрудский 161
- Сопега см. Сапега
- Сорока Фурс, возный Гродненского повета 88
- Сосновский М., священник униатский, профессор Виленского университета 16, 43
- Софоний, архиеп. 57
- Софья Алексеевна, царица 189
- Софья Витовтовна, ж. вел. кн. Василия Дмитриевича 49
- Спера (Истра), легенда кн. литовский, с. Палемона 133, 139, 147—149
- Срезневский И. И., филолог 48, 96
- Станислав, еп. католический польский 223
- Станислав, кн. киевский 117
- Станислав Лещинский, кор. польский 191, 229
- Станислав-Август, кор. польский 195, 209
- Станислав Петрович см. Кишка Станислав Петрович
- Старовольский Ш., писатель польский 39, 208
- Стефан Баторий, кор. польский и вел. кн. литовский 76, 80, 190, 196, 207, 225
- Стефан Великий, господарь молдавский 106—108, 120, 122
- Стрельбицкий, помещик гродненский 42
- Струмпюс (Кампей, Кампаниус, Кампаниос), легенда родоначальник
- Гаштольд 115, 116, 134
- Стрыйковский Мачей (Strykowski M.), хронист польский 10, 15, 19, 22, 25, 66, 68, 70, 76, 82—95, 98—130, 133, 135, 136, 138, 139, 141—144, 147, 148, 150—155, 160, 162, 168—171, 181, 196, 230, 237.
- Студит Федор см. Федор Студит
- Сулла, военный и гос. деятель римский 135
- Сулин, ротмистр 215
- Сурта Т. Р., один из авторов Могилевской хроники 4, 6, 7, 173, 177—191, 194, 199, 201, 203, 204, 209, 212—214, 223, 225
- Сушицкий Ф. П. (Сушицкий Ф.), историк 22, 23, 25, 66
- Сыщенко, краевед 198
- Табора Войцех, еп. виленский 84, 110
- Татищев В. Н., историк 169
- Таудал, персонаж средневековой повести 57
- Тевтевил см. Товтивил
- Тенчинский (Точинский), гр., подкоморий краковский 107
- Тит, имп. римский 62
- Тихенькин Савва, житель г. Могилева 188
- Тихомиров И. А., историк 3, 16, 18, 19, 82, 83
- Ткачев (Ткачоу) М. А., историк 163
- Товтивил (Тевтевил) кн. полоцкий, племянник вел. кн. литовского Миндовга 19, 95—99, 145
- Толстой, губернатор г. Могилева 202
- Толстой П. А., автор мемуаров 174
- Тохтамыш, хан татарский 53, 125
- Точинский см. Тенчинский
- Трабус, кн. литовский, с. Скирмонта 103, 104, 144, 156, 157
- Тристан, герой средневековой повести 55
- Тройден Ромутович, кн. ятвяжский, дойновский с. кн. Романа 114, 116, 117, 126, 130, 131, 146, 157, 158
- Тройнат, кн. жемайтский 119, 142, 145, 167
- Тромонин К. Я., автор книги о флигранях 71
- Трубецкой, кн. 233
- Трубинские, семья, в четырех поколениях писавшая Могилевскую хронику 4, 7, 173, 184, 187, 199, 204, 214, 217
- Трубинский Александр Юрьевич, один из авторов Могилевской хроники 6, 177—179, 182, 184, 186, 187, 194, 200, 202, 203
- Трубинский Григорий см. Трубинский Юрий
- Трубинский Иван Михайлович, губернский секретарь 178, 184, 187, 199, 203
- Трубинский Михаил Александрович, один из авторов Могилевской хроники 6, 176—179, 182, 186, 187, 194, 195, 197—199, 202, 203
- Трубинский Юрий, один из авторов Могилевской хроники, 6, 177—180, 182—186, 189—194, 195, 197—199, 202, 203, 206, 209, 212—214, 227, 228
- Тукальский, митр. 196
- Турчинович О. В., историк 200, 217
- Тышкевич К. (Tyszkiewicz K.), гр. 219, 220
- Тышкевичи, графы 171, 219
- Уваров, гр., владелец рукописи 60
- Уваров С. С., гр., министр народного просвещения, археолог, президент Академии наук 16, 44
- Улашинский, владелец рукописи 60
- Ульяна, книж. тверская,

- вторая ж. вел. кн. Ольгерда 112, 224
- Урсула, легенд. принцесса британская 111
- Успенский, учитель, владелец Слуцкой летописи 49
- Успенский Василий Андреевич, пономарь Покровской ц. 62
- Устрялов Н. Ф., историк 209
- Утенус, легенд. кн. 131, 134, 143, 156, 160
- Федор Иванович, царь 66
- Федор Кориатович, кн. подольский 114, 122, 161
- Федор Студит, византийский церковный деятель 36
- Филиппович И. И. (Філіповіч І. І.), краевед 178, 180, 184
- Флоря Б. Н., историк 8, 172
- Фома, апостол, библ. 29
- Фома, монах киевский 51
- Фридрих, кн. поморский 124
- Фридрих Барбаросса, имп. Священной Римской империи 223
- Фриц, кор. датский и шведский 197
- Халецкий Михаил, посол кн. Александра 108, 109
- Хлебцевич, учитель в с. Жировицах 46
- Хмельницкий Богдан, гетман украинский 196, 207
- Хованский А. И., кн., воевода русский 196, 225
- Ходкевич А. И., староста гродненский 12
- Ходкевич Александр Иванович, основатель Супрасльского монастыря, воевода новогрудский 32, 35
- Ходкевич Григорий Александрович, подкоморий литовский, позже вел. гетман 32, 33
- Ходкевич Иван Александрович, с. кн. Ходкевича А. И. 32
- Ходкевич Иван Федорович, маршалок королевский, наместник витебский, воевода киевский 32
- Ходкевич Иероним Александрович, каштелян виленский 32
- Ходкевич София Григорьевна, ж. Кмиты Филона, д. Ходкевича Григория Александровича 33
- Ходкевич Юрий Александрович, стольник, троцкий каштелян, посол ВКЛ в Москву 32, 33
- Ходкевич Ян-Карл, вел. гетман и воевода виленский 33
- Ходкевичи, магнатский род в ВКЛ 5, 29, 32, 33
- Ходко, Ходор, Федор Юрьевич, родоначальник Ходкевичей 32
- Ходыницкий К. (Chodnicki K.), историк польский 68, 172
- Хоминские, помещики 6
- Хоминский Александр (Chominski A.), помещик, владелец рукописи 58
- Хоминский Франциск, последний воевода мстиславский 59
- Хорошкевич А. Л., историк 8
- Хрептович Литавор, маршалок королевский, воевода новогрудский 118
- Хрептович Ян Литавор, воевода новогрудский 161
- Христиан, еп. прусский 10
- Цезарь см. Юлий Цезарь
- Цетивко, староста витебский 224
- Цицерон Марк Туллий, писатель римский и гос. политический деятель и мыслитель 39
- Цыклер, полковник стрелецкий 190, 197
- Цыпля Кристоф, владелец Радзивилловской летописи 89
- Чагин Александр Васильевич, владелец рукописи 78
- Чантурия В. К., историк архитектуры 234
- Чарновские, один из авторов витебской летописи 218, 220
- Чарновский З. П., мещанин витебский, один из авторов Витебской летописи 226
- Чарновский П. 26
- Чарновский Ян, мещанин витебский, один из авторов Витебской летописи 219—221, 229, 230
- Чарторские (Черторызские), кн-я 30, 31, 232
- Чемерицкий (Чамырыцкі) В. А., историк, филолог 3, 8, 25—27, 64, 172
- Чернышев Захар, наместник, губернатор белорусский 195
- Черторыские см. Чарторские
- Четвертинский Сильвестр кн., архиеп. белорусский 192, 214
- Шайшадин Хозя, летописец турецкий 62
- Шалуга Ромуальд (Saluga R.), историк 68
- Шараневич И. (Szaraniewicz I), историк польский 16, 17, 20
- Шаскольский И. П., историк 184
- Шатц 230
- Шахмат-Гирей, хан татарский 120
- Шахматов А. А., филолог, языковед 3, 23, 24, 26, 43—45, 59, 64, 88
- Швари Данилович, кн. новогрудский, галицкий и вел. кн. литовский 101, 142, 146, 154, 168
- Швари (Шкварно, Амонт, Ямонт), легенд. кн. новогрудский, с. кн. Мингайло 142
- Швинтрыгайло см. Свидригайло
- Шени М., воевода русский 225
- Шереметев Б. П., ген.-фельдмаршал 228
- Шниацкий Варлаам, ар-

хнеп, могилевский 205,
208, 209, 211, 216
Шкварно см. Швари
Шлёцер А., историк 9,
10, 12, 14, 15
Шпилевский П., этнограф,
писатель белорусский
166
Шугалей, предводитель
отряда казаков 221
Шуйские, кн-я 189
Шуйский Василий Ива-
нович, царь 189

Щапов Я. Н., историк 75
Щендрик Д. З., историк
235
Щербаков С. А., историк
164
Щербинский О. В., учи-
тель Виленской гим-
назии, археограф 204

Эвксюз (Эйсюз) см. Ейк-
шис
Эйхвальд, профессор 41
Эммануил, кор. порту-
гальский 225
Эрдивил см. Ердивил

Юлиан, герба Урсени, ле-
генд. спутник Палемона
159
Юлий Цезарь, имп. рим-
ский 135, 136
Юревич, полковник Са-
пеги 226, 227
Юрий, кн. слущкий 231
Юрий Кориатович, кн.
121, 123, 124
Юрий Лингвеневиц
(Ежи), кн. 71
Юрий Львович, кн. га-
лицко-волинский, с. кн.
Льва Даниловича 101,
102
Юрий Святославич, кн.
смоленский 117, 118
Юхо Я., историк права 85
Ючас М. А (Jučas M.),
историк 25, 72, 74, 149

Явнутий, кн., с. вел. кн.
Гедимина 82
Ягайло (Якгайло) вел.
кн. литовский и кор.
польский, с. вел. кн.
литовского Ольгерда
18—20, 49, 66, 73, 82,
104, 105, 112, 115, 120,

121, 124, 125, 127, 131,
135, 148, 224
Ягеллоны 144, 160
Ядвига, кор. польская,
ж. кор. Ягайло 84, 124
Якимович Иван 118
Якубовский Ян (Jakubow-
ski J.), историк поль-
ский 19—22, 171
Ямонт см. Швари
Ян-Альбрехт, кор. поль-
ский 106—108, 122
Ян-Казимир, кор. поль-
ский и вел. кн. литов-
ский 52, 196, 198
Ян III Собесский, кор.
польский и вел. кн.
литовский 52, 184, 191,
197, 198
Ярополк Владимирович,
кн. 170
Ярослав Владимирович,
кн. киевский 218
Ярошевич И. (Jaroszewicz
J.), историк 171
Ярошевский, «регент» Мо-
гилевского магистрата
182
Ясас Р., историк 25
Яцек, подскарбий ВКЛ 37
Ящичник Иван 118

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Азов**, г. 189, 215, 233, 226
Албания 62, 63
Амстердам, г. 65, 183
Англия 137, 138
Андрусово, г. 196
Астрахань, г. 62—63
Атлантический океан 137
Аукштайтня, вост. Лит-
 ва 164
Африка 138
- Бавария** 41
Балтийское море (Вене-
 дицкое море, Море-Оки-
 ян) 86, 87, 93, 137, 138,
 149, 218
Баркулабово, с. в Могиле-
 вской обл. 79, 81
Барсуковское, имен. око-
 ло г. Могилева 208
Батурин, г. на Украине
 197
Белая церковь, г. 228
Белзские вол. 121
Белоруссия 4, 5, 7, 9, 11,
 14, 20, 21, 24, 25, 27,
 30, 33, 42, 46, 49, 54,
 78, 79, 83, 85, 87, 139,
 151, 158, 163—165, 167,
 173, 175, 182, 185, 203,
 204, 208, 211, 212, 216—
 218, 224, 226, 227, 231—
 234, 236, 237
Белоруссия вост. 29—32,
 67, 86, 89, 90
Белоруссия зап. 32, 49,
 90, 139, 155, 165, 166,
 204
Белоруссия сев. 73, 89
Белоруссия центр. 32, 49,
 90
- Белоруссия юго-западная**
 133, 153, 155
Белоруссия южн. 89
Белорусское Подвинье 86
Белорусское Поднепровье
 86, 175, 209, 227
Белорусское Полесье 169
Белосток, г. (в ПНР) 29,
 44
Белостокское в-во (в
 ПНР) 29, 86
Бельинский р-н Могиле-
 вской обл. 31
Бельск, г. (в ПНР) 121,
 139, 153, 155
Бендеры, г. на р. Днестр
 191
Березина, р., приток
 р. Днепр 86, 168
Берестейские вол. 121
Берестовица Великая (Ве-
 ликая Берестовица), с.
 недалеко от г. Бреста
 11, 87, 91, 93, 100
Берестье, г. см. Брест
Берладь, с. в Винницкой
 обл. УССР 123
Биржи (Биржай), г. в
 Литве 219, 227, 228
Бокута, г. в Подольи 112,
 113
Болонья, г. в Италии 89
Борисов, г. на р. Берези-
 на 60
Брабант, истор. обл. в
 Сев.-Зап. Европе 138
Бранск, г. в Подляшье 153
 155
Браславль, г. в Витеб-
 ской обл. 87, 139, 149,
 152
- Брацлав**, г. в Подольи,
 Винницкая обл. УССР
 108
Брест (Берестье), г. 79,
 80, 105, 109, 112, 121,
 139, 150, 151, 153, 155,
 165, 166, 173, 196, 232
Брестская обл. 11, 87
Бронница (Бронница), г.
 62
Бронницкий округ (в
 Московской обл.) 62
Брянск, г. 122, 123, 154
БССР см. Белоруссия
Буг, р. 139
Быхов, г. см. Быхов Ста-
 рый
Быхов Старый, г. на
 р. Днепр в Могилевской
 обл. 67, 79, 80, 182, 191,
 192, 196—198, 201, 203,
 217, 227, 228
- Вака**, р., приток р. Ви-
 лия 122
Валдай, г. 196
Варшава, г. 37, 42, 54, 55,
 59, 232
Вашюлы, с. (в совр. Ру-
 мынии) 123
Вгровск см. Угровск
Ведрошь, р. (в совр. Смо-
 ленской обл.) 21, 118
Ведрошь, сел. 21, 118
Великая Берестовица см.
 Берестовица Великая
Великий Новгород см.
 Новгород Великий
Великое кн-во Литовское
 см. Литовское Великое
 кн-во

* Принятые сокращения: в-во — воеводство, вол. — волость, вост. — восточный, г. — город, гос-во — государство, губ. — губерния, д. — деревня, зап. — западный, имен. — имение, истор. — история, кн-во — княжество, обл. — область, оз. — озеро, пов. — повет, ПНР — Польская Народная Республика, р-н — район, р. — река, сев. — север, сел. — селение, совр. — современный, у. — уезд, центр. — центральный, южн. — южный.

- Великое кн-во Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское *см.* Литовское Великое кн-во
- Веля *см.* Вилия
- Вена, г. 41, 196, 197, 215
- Венгрия (Венгерское панство) 118, 122, 124, 166—167, 222, 225
- Венецианское море *см.* Балтийское море
- Венеция, г. 70, 83, 93, 94
- Византия 63
- Виленская губ. 58, 157
- Виленский тракт 188
- Виленский у. 157
- Виленское место *см.* Вильно (Вильнюс)
- Виленское поле, у г. Могилева 201
- Вилия (Веля), р., приток р. Неман 87, 134, 135, 138, 140, 141, 148—152, 155—157, 159, 170
- Вилькомир, г. в Литве (совр.— Укмерге) 64, 133, 139, 141, 148
- Вильнюс (Вильнюс), г. 39, 40, 43, 51, 55, 64, 65, 104, 105, 109, 110, 120, 125, 126, 135, 136, 141, 148, 155—158, 160, 161, 179, 182, 193, 195, 196, 204, 205, 223, 226, 228, 239
- гора Тулова 224
- замок Низкий (Нижний), он же Кривой город 120
- Вилия, приток р. Вилия 135, 157
- Висла, р. 104, 124, 170
- Вислица, р. 105
- Витебск, г. 79, 86, 89, 97, 118, 173, 190, 207, 216, 218—222, 224—230
- замки: Высокий 221
Нижний 221
- Заручийские Волотовки, р.-и Витебска 225
- Богородицкая улица 220
- Подвинская улица 220
- Узгорская сотня 220
- Узгорское предместье 220
- Витебская губ. 199
- Витебская обл. 30, 31, 165
- Витебское кн-во 224
- Витьба, р. 221
- Владимир Волынский г. 102, 119
- Владимирищина 85
- Возвягль, с. на Волыни 168
- Волковийские вол. 121
- Волковыск, г. в Гродненской обл. 96, 121, 153, 158, 165, 168
- Волковысская земля 153
- Волхов, р. 223
- Волынь, истор. обл. на Украине 17, 53, 84, 86, 95, 102, 117, 121, 150, 151, 167, 169
- Воронеж, г. 214
- Ворскла, р. 18, 64
- Вроцлав, г. 106
- Гадес *см.* Кадис
- Галиция, истор. обл. на Украине 86
- Галич, г. в зап. Украине 100, 101
- Гальшое *см.* Гольшаны
- Гданьск, г. (в ПНР) 37
- Гедройцы, с. в Литве 157
- Германия 175
- Глазомичи, д. в Витебской обл. 225
- Глухов, г. в Сумской обл. 193
- Головчино, с. в Могилевской обл. 209, 226, 227
- Голтва, р. 63
- Гольцово, имен. в пост. Белоруссии 30
- Гольшаны (Гальшос), с. в Гродненской обл. 157, 165
- Гомель, г. 123, 197
- Горки, г. в Могилевской обл. 195
- Городенский (Гродненский) пов. 88
- Городец, г. на р. Волга 45, 48
- Городно, г. *см.* Гродно
- Городокский р.-и Витебской обл. 30
- Гровжишки, с. в Гродненской обл. 115, 116, 157
- Гродко *см.* Гродно
- Гродненская губ. 41, 42, 67
- Гродненская земля 153
- Гродненская обл. 85, 157
- Гродненский пов. *см.* Городенский пов.
- Гродно (Городно, Гродко), г. 32, 100, 112, 121, 133, 139, 150—152, 155, 165, 166, 173, 200, 228
- Грудок (Гродек), урочище около г. Заблудова 34
- Далмация, истор. обл. в Югославии 41
- Дания (Датское гос-во, Датское королевство, Дунское королевство) 137, 176—178, 180, 183, 184, 186
- Двина Западная, р. 87, 138, 139, 149, 151, 152, 159, 208, 218, 221, 222, 226, 227
- Девялтово (Девялтва, Делтува, Дяволта), истор. обл. в Литве 141, 145, 157, 162
- Девялтовское кн-во 141
- Делтува *см.* Девялтово
- Дерпт (Юрьев, совр.— Тарту), р. 47, 227
- Дзержинск *см.* Койдано-во
- Дитва, р., приток р. Неман 170
- Днепр, р. 51, 63, 67, 110, 155, 195, 211, 222
- Днестр, р. 107
- Докудово (Недокудово, Кулово), д. в Гродненской обл. 122
- Дорогичин, г. в Брестской обл. 121, 139, 150, 151, 153, 155
- Дорогичинские вол. 121
- Друшк, г. (совр.— сел. в Могилевской обл.) 29, 86, 134, 139, 151, 170
- Друшкое кн-во 150
- Дубисса, р., приток р. Неман 83, 92, 134, 138, 139, 147, 152
- Дубровенское графство (в совр. Могилевской обл.) 227
- Дубровно, г. в Могилевской обл. 226, 227
- Дунское королевство *см.* Дания
- Дюнамюнде г. 228
- Дяволта *см.* Девялтово

Европа 93, 135
Европа Восточная 85, 223
Европа Западная 76
Европа Центральная 165
Евье, с. в Литве 232
Ейшишки, с. в Литве 115, 116

Жаславль см. Заславль
Жемайтя (Жемотская земля, Жемойть, Жмудь, Побережная земля, Поморье, Самогития, зап. Литва) 11, 58, 84, 86, 87, 92, 111, 114, 116, 130, 138—144, 147—157, 159, 162, 166, 170

Жемайтское великое кн-во 156

Жемотская земля см. Жемайтя

Жемойть см. Жемайтя

Жировищи, с. в Гродненской обл. 41, 45, 46

Жмудь см. Жемайтя

Жосли, оз. в Литве 139

Заблудов, г. (в ПНР) 34, 232

Завильская (Завельская) земля, территория в Литве к сев. от р. Вилля 149

Завихост, г. (в ПНР) 104, 124, 129

Заволжская орда см. Орда Заволжская

Заславль (Жаславль), г. на Воляни 49, 117, 118

Зеландия, обл. в Нидерландах 138

Зельва, р., приток Немана 165

Зунд (Кисага, Шума), пролив 93, 135, 137, 138

Иерусалим, г. 57, 62, 223

Ильза, г. 101

Ингольдштадт, г. 231

Индия 225

Испания 139

Италия 6, 11, 18, 41, 58, 83, 91—93, 111, 113—115, 122, 126, 128, 134—138, 168, 170, 171

Кадис (Гадес), г. в Испании 138

Каменец, г. в Брестской обл. 121

Каменец Подольский, г. 45, 49, 64, 112, 113, 122, 125

Каменецкие вол. 121

Карачев, г. 139, 151, 154, 155

Каунас см. Ковно

Кафа, г. в Крыму 128

Кашевичи, д. в Витебской обл. 225

Кейданы (совр.— Кедайний), г. в Литве 232

Кёнигсберг, г. 88, 89, 231

Керново (Кярнаве), г. в Литве 23, 119, 134, 139, 141, 143, 144, 149, 156, 157

Киев, г. 17, 32, 76, 85, 108, 109, 112, 122, 128, 139, 193, 196, 221, 222, 231

Киевская губ. 79

Киевское кн-во 121

Киевщина 31, 150

Кисага см. Зунд

Клайпеда, г. 93

Клецк, г. в Минской обл. 21, 70

Кнышин, г. в Белостокском в-ве (в ПНР) 232

Кобрин, г. в Брестской обл. 158

Ковно (Куносово, совр.— Каунас) 119, 134, 138, 139, 147, 152, 160

Козловичи, д. около г. Слуцка в Белоруссии 233

Койданово (Крутогорье, совр.— Дзержинск), г. в Минской обл. 139, 151, 154, 155, 158, 166, 167

Кокентауз, г. 227, 228

Коломыя, г. в Иваново-Франковской обл. 106

Комаровичи, д. в Могилевской обл. 188

Константинополь (Царьград), г. 62, 74, 100, 197, 222, 225

Копыль, г. в Минской обл. 231, 233

Копысский р-н 186

Копысь, г. в Могилевской обл. 186

Корабль, д. в Виленской губ. 157

Корабль, р. 157

Корабы, д. в Ошмянском у. Виленской губ. 157

Корленское море см. Куршский залив

Корсунь, г. 196, 222

Краков, г. 7, 52, 59, 75, 89, 105, 109, 128, 228, 232

Красноярск, г. 75, 78

Кременец, г. в Тернопольской обл. 49, 121

Кричев, г. на р. Сож в Могилевской обл. 175

Кричевское староство 185

Крутогорье см. Койданово

Крым 189, 196, 223

Кулово см. Докулово

Куносово см. Ковно

Курляндское море см. Куршский залив

Куршский залив (Корленское море, Прусское или Курляндское море, Немновое или Малое море) 93, 137, 138, 147

Куявская земля, обл. Польши 166

Кярнаве см. Керново

Лаврышево, с. в Гродненской обл. 168

Латвия см. Литовское Великое кн-во

Лейден, г. 89

Ленинград см. Петербург

Лесная, д. в Могилевской обл. 193, 195, 197, 209

Ливония 111

Лиды, г. в Гродненской обл. 110

Лидский замок 234

Листава (Листаука), р., приток р. Вилля 179

Литалия см. Литовское Великое кн-во

Литва см. Литовское Великое кн-во

Литва Завильская 84, 148, 170

Литва западная см. Жемайтя

Литва Повилейская (Повильская) 84, 152

Литва Понеманская 152

Литования см. Литовское Великое кн-во

Литовская земля см. Литовское Великое кн-во

Литовская и Русская земля см. Литовское Великое кн-во

- Литовско-Полоцкое кн-во 171
- Литовско-русское гос-во см. Литовское Великое кн-во
- Литовское Великое кн-во (Латвия, Литания, Литва, Литования, Литовская земля, Литовская и Русская земля, Литовско-русское гос-во, Литовское гос-во, Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское Великое кн-во) 3—12, 14—18, 20—28, 31—34, 38, 42, 43, 48—51, 53, 58—61, 65, 67—70, 72—74, 76, 77, 79, 82—84, 86, 87, 89—93, 95, 96, 100, 101, 103, 105, 106, 108, 110, 111, 113, 115, 116, 118, 120—122, 124—126, 128—130, 132, 134—139, 141—143, 145—154, 156—160, 162—175, 179, 182, 191, 192, 196, 201, 205, 209, 212, 216, 218, 224—226, 229, 231, 232, 237, 238
- Литовское гос-во см. Литовское Великое кн-во
- Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское Великое кн-во см. Литовское Великое кн-во
- Логойск, г. в Минской обл. 219, 220
- Лоев, г. в Гомельской обл. 110
- Лондон, г. 183, 184
- Луга, р. 222
- Лузитания см. Португалия
- Лукомль, г. в Витебской обл. 89
- Луцк, г. 85, 117, 119, 121, 127, 129, 201 (ошибочно), 232
- Лысая гора (в ПНР) 105
- Львов, г. 55, 85, 146
- Любляна, г. (в Югославии, столица Словении) 42
- Любча, с. на р. Неман в Гродненской обл. 232
- Ляховичи, с. в Брестской обл. 215
- Мазовия, истор. обл. в Польше, 91, 158
- Малое море см. Куршский залив
- Межиземское море см. Северное море
- Мельник, г. (в ПНР) 112, 121, 139, 150, 151, 153, 155, 165
- Мельницкие вол. 121
- Меречь, замок в Литве 153
- Меречь, р., приток р. Неман 153
- Миния, р., приток р. Неман 138, 147, 149
- Минск г. 24, 79, 81, 86, 151, 170, 173, 193, 197, 201, 219, 232
- Троицкая гора 47
- Кафедральный собор 47
- Минская губ. 231
- Минская обл. 58
- Минское кн-во 170
- Митва, р., приток р. Неман 138
- Могилев, г. 79, 90, 173—175, 177, 179—196, 198, 200—203, 206—207, 226, 228
- Ильинская гора 188
- Самусева гора 188
- Олейная брама (ворота) 192
- Кармелитский костел 185
- Могилевская губ. 195
- Могилевская обл. 31, 67, 79
- Могилевский край 207, 212
- Могилевцы, имен. в Гродненской обл. 6, 67
- Могилевщина 206, 212
- Могильно, с. на р. Неман Минской обл. 12, 117, 126, 129, 132, 139, 143, 151, 154, 155, 158, 166, 170
- Мозырь, г. на р. Припять 139, 150, 151, 154, 155
- Молдавия 107, 108, 122, 124
- Монастыри:
- Богоявленский Оршанский в г. Орше 211
- Братский в г. Могилеве 204—205, 208, 210, 211
- Вознесенский в г. Минске 47
- Воскресенский Шкловский 211
- Жировицкий в Гродненской обл. 41, 45, 46
- Кутейнский около г. Могилева 175, 196, 201
- Лаврышевский в Гродненской обл. 168
- Пустынский около г. Мстиславля 211
- Святого Владимира в г. Владимире Волыном 102
- Святидуховский в г. Минске 46, 47
- Святотроицкий Вилевский 47
- Спаский в г. Могилеве 209
- Супрасльский близ г. Белостока 14, 29, 32—34, 36—38, 40—42, 44, 53, 232, 237
- Троицкий Вилевский 46
- Троицкий в г. Слуцке 231, 233
- Моравия см. Муравское панство
- Море-Окиян см. Балтийское море
- Москва, г. 18, 20, 24, 27, 29—31, 33, 48, 53, 65, 77, 79, 84, 109, 122, 127, 174, 190, 195, 196, 197, 209, 226, 229
- Московия см. Россия
- Мста, р. 222
- Мстибов см. Мстибогов
- Мстибовская земля 153
- Мстибогов (Мстибов), с. в Гродненской обл. 121, 153
- Мстиславль, г. в Могилевской обл. 26, 64, 90, 118, 175, 198, 207, 211, 216
- Муравское панство (Моравия) 166
- Муром, г. 57, 127
- Мысливщина, д. у г. Слуцка в Минской обл. 233
- Нальшанская земля, истор. обл. в Литве 165, 167
- Нарва, г. 190, 228
- Неаполь, г. 196, 198

- Невяжа (Нявяжис), р., приток р. Неман 86, 87, 138, 141, 147, 148, 152
- Недокудово см. Докудово
- Неман, р. 85—87, 92, 93, 100, 101, 134, 137—140, 147, 149—154, 159, 165, 166, 168, 228
- Немное или Малое море см. Куршский залив
- Несвиж г. Минской обл. 6, 231—233, 238
- Новгород Великий (Великий Новгород), г. 49, 66, 78, 127
- Новгород Северский, г. 108, 109, 122
- Новгородок см. Новогрудок
- Новгородская земля 222
- Новгородское кн-во (Новгородское Великое кн-во) 134
- Новогрудок (Новгородок), г. в Гродненской обл. Белоруссии 12, 21, 49, 78, 86, 95, 96, 100, 101, 103, 112, 115, 129, 132—135, 139, 140, 142—144, 150—159, 161—163, 165—171, 224, 238
- Новогрудская земля 151, 153
- Новогрудское Великое кн-во (Новгородское Великое кн-во) 101, 112, 126, 132, 134, 140, 142, 150—153, 155—159, 163, 165, 167, 168, 172
- Новогрудское воеводство 89
- Нявяжис см. Невяжа
- Одоев, г. Орловской обл. 85
- Окуневка, р., приток р. Припять 134, 138, 154, 155, 159, 167
- Олоск (Олеско?), г. Львовской обл. 119
- Олькеники, с. около г. Вильно 197, 226
- Ольшево, имен. в Виленской губ. (в совр. Минской обл.) 6, 58
- Опатов, г. (в ПНР) 105
- Орда Заволжская 125, 166
- Орда Перекопская 125
- Орловская обл. 85
- Орша, г. 65, 73, 90, 181, 198, 207, 216, 227, 228
- Оршанский пов. 189, 214, 227
- Острая гора см. Святая гора
- Островляны, имен. в Витебской обл. 30
- Острог, г. в Ровенской обл. УССР 108, 232
- Ошмяна, р., приток р. Вилия 30, 31, 115
- Ошмянский у. 157
- Ошмяны, г. в Гродненской обл. 30, 31, 226
- Падуя, г. 89
- Паланга, г. 60, 119, 120
- Париж, г. 41, 89, 183
- Перекоп 109, 125
- Перекопская орда см. Орда Перекопская
- Перемышль, г. (в ПНР) 124, 125
- Песочинская десятина, с. в Бронницком округе (в Московской обл.) 62
- Петербург (Ленинград), г. 40, 42—44, 47, 51, 55, 75, 89, 176, 179, 183, 187, 199, 205, 210, 218, 220
- Пинск, г. 101, 139, 146, 150, 151, 155, 158, 168
- Плоцк, г. (в ПНР) 50
- ПНР см. Польша
- Побережная земля см. Жемайтия
- Подвинье 31
- Подвинье Белорусское см. Белорусское Подвинье
- Подлясье, истор. обл. в Польше 86, 150, 153, 155, 169
- Поднепровье 17, 67
- Подолля (Подолье, Подольская земля), истор. обл. на Украине 16, 18, 21, 27, 44, 45, 52, 84, 112—114, 119—125, 167
- Познань, г. 54
- Полесье 150, 155
- Полесье вост. 151
- Полонина, местность в зап. Украине 101
- Полоцк, г. 44, 51, 60, 79, 83, 85, 86, 90, 97—99, 111, 116, 139, 140, 142, 150—152, 163, 171, 173, 193, 197, 198, 208, 211, 223, 225, 226, 228
- Полоцкая земля 90, 150
- Полоцкий пов. 30
- Полоцкое кн-во 142, 151
- Полтава, г. 184, 191
- Польская земля см. Польша
- Польское королевство см. Польша
- Польша (Великая Польша, Польская земля, ПНР, Польское королевство, Царство Польское) 21, 29, 38, 44, 50, 54, 67, 75—77, 79, 85, 86, 90, 91, 99, 104, 109, 113, 122, 124, 125, 166, 175—178, 185, 189—192, 195, 197, 198, 201, 203, 204, 208, 209, 214, 216, 218, 221—226, 232, 233
- Поморье см. Жемайтия
- Понеманье 152
- Португалия (Лузитания) 138
- Посожье 175
- Почаев, г. в Тернопольской обл. УССР 232
- Прибалтика, 188, 228
- Припять, р. 138, 139, 155
- Прихабы, с. в Рассонском р-не Витебской обл. 31
- Прихабы, с. в Сенненском р-не Витебской обл. 31
- Пропойск (совр. Славгород), г. в Могилевской обл. 175
- Пружанский у. в Гродненской губ. 42
- Пруссия 54, 89, 123, 169
- Пруское или Курляндское море см. Куршский залив
- Псков, г. 70, 127, 144
- Псковская губ. 199
- Путивль (Путвиль), г. в Сумской обл. 154
- Пьемонт, истор. обл. в Италии 115
- Радом, г. (в ПНР) 109
- Радошковичский замок, в Минской обл. 234
- Раков, г. в Минской обл. 232
- Рассонский р-н в Витебской обл. 31
- Ревель (соврем. — Таллин), г. 196

Репухово, д. 29
 Рига, г. 44, 98, 189, 196, 197, 227
 Рим, г. 19, 41, 52, 63, 72, 76, 93, 94, 99, 111, 117, 122, 123, 130, 133, 137, 145, 159, 162, 163, 222, 224, 225
 Ромово, с. (легенд.) 111, 128
 Рославль, г. в Смоленской обл. 118
 Российская империя см. Россия
 Россия (Московия, Российская империя, Русская земля, Русская сторона, Русские края, Русское гос-во, Русь) 14, 20, 21, 24, 26, 33, 38, 47, 49, 51, 65, 66, 75, 79, 84—87, 90, 96, 97, 108, 109, 112, 113, 116, 126, 135, 150—153, 170, 172, 175, 189—191, 195—197, 201, 203, 205, 208, 212, 214, 218, 221, 225, 233, 237
 Русская земля см. Россия
 Русская сторона см. Россия
 Русские края см. Россия
 Русское гос-во см. Россия
 Русь см. Россия
 Русь Белая 84—86, 127, 202, 208, 219, 221, 225
 Русь Западная 83
 Русь Киевская 26
 Русь Литовская (Белорусия и Украина) 21, 26
 Русь Малая см. Украина
 Русь Московская 26, 85
 Русь Северо-Восточная 85
 Русь Черная, обл. верхнего и среднего Немана 84—86
 Русь Южная 18
 Рыльский, г. 122
 Рязанская земля 62
 Рязань, г. 118, 206

Саксония 41
 Саксония Нижняя 170
 Самогития см. Жемайтис
 Сандомир, г. 105, 109
 замок 105
 Свенцянский у. Виленской губ. 58
 Свислочь, г. в Гродненской обл. 158, 168

Свислочь, г. в Минской обл. 168
 Свислочь, р., приток р. Березина 47, 168
 Свислочь, р., приток р. Неман 168
 Святая (Острая) гора 100, 101
 Святая (Швянтойя), р., приток р. Вилия 133, 138, 139, 147—149, 159
 Северное (Межиземское) море 93, 137, 138
 Северщина 108
 Сенненский р-н в Витебской обл., 31
 Сервачь (Сырьвачь), р., приток р. Неман 165
 Сибирь 78, 191
 Силезия см. Шлянская земля
 Скала, г. в Тернопольской обл. 112, 113
 Скандинавия 180
 Славгород см. Пропойск
 Слободино, с. Бронницкой округи 62
 Слоним, г. в Гродненской обл. 96, 158, 168
 Слонимский у. 67
 Слуцк, г. 21, 49, 89, 110, 132, 165, 201, 231—236
 Высокий город (Детинец) 234
 Новый город 233
 Старый город 233
 замки: Верхний 233—235
 Нижний 233—235
 Слуцкое кн-во 49, 235
 Случь, р., приток р. Припять 233, 235, 236
 Смоленск, г. 17, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 32, 51, 53, 63, 65, 79, 84, 85, 96, 108, 115, 117, 118, 177, 189, 196, 219, 224—226, 238
 Смоленская земля 222
 Смоленщина 30, 31
 Смоленщина зап. 32
 Смотрич, г. в Хмельницкой обл. 112
 Сочава см. Сучава
 Спера, замок 148
 Спера, оз. в Литве 139, 147, 148
 Средиземное море 137, 138
 Стародуб, г. в Брянской

обл. 63, 121, 122, 150, 151, 154, 155, 193
 Супрасль, г. см. Супрасльский м-рь
 Супрасль р. 34
 Сураж, г. (в ПНР) 121, 139, 155
 Суражские вол. 124
 Сучава (Сочава), г. (в Румынии), 123, 215
 Сырьвачь см. Сервачь

Таллин см. Ревель
 Тарту см. Дерпт
 Тверское кн-во 107
 Твиремень, г. в Литве 145
 Тибр, р. 137
 Тобольск, г. 97
 Торунь, г. 228
 Троки, г. см. Троки Новые
 Троки Новые, г. 31, 156
 Троки Старые, г. 121, 139, 156, 159
 Туров, с. в Минской обл. 139, 150, 151, 155, 165, 173
 Турция 76, 215, 223
 Турья гора см. Вильно,
 Турова гора
 Тыкотин, г. (в ПНР) 37
 Тюменская обл. 75, 97

Угровск (Вгровск), г. на Вольни 101, 102
 Укмерге см. Вилькомир
 Украина (Русь Малая) 16, 17, 20, 79, 85, 86, 164, 169, 190, 193—194, 196, 203, 206, 214
 Украина сев. 151
 Уманский у. 79
 Упитя, с. в Литве 232
 Утяны, с. в Литве 157

Фастов, г. в Киевской обл. 197
 Фелич см. Феллин
 Феллин (Фелич), г. в Эстонии 225
 Фландрия, истор. обл. в Сев.-Зап. Европе 138
 Флоренция, г. 225
 Франция 137, 138, 184, 215

Хойниш, г. (в ПНР) 84, 99, 106, 117, 125, 128
 Холм, г. 101
 Хотин, г. 196, 198

Царство Польское см.
Польша
Царьград см. Константинополь
Церкви:
Благовещения в Супрасльском м-ре 34
Благовещения в г. Витебске 221
Братская в г. Могилеве 189
Жировицкая в с. Жировицах Гродненской обл. 46
Михаила Великого в м-ре Святого Владимира в г. Владимире Волинском 109
Покрова Пречистые Богородицы в с. Слободине 62
Пресвятой Богородицы в г. Слуцке 234—236
Святого Духа в г. Витебске 224
Святого Михаила в г. Витебске 221
Святого Николая в г. Могилеве 182

Святого Спаса в г. Могилеве 214
Святого Спаса в г. Полоцке 223
Святого Юрия в г. Слуцке 236
Святой Софии в г. Полоцке 225
Спасская в г. Могилеве 213
Успенская в г. Слуцке 235
Червоны городок, г. на Подолии 112
Черей, г. в Могилевской обл. 227, 229
Чериков, г. в Могилевской обл. 175, 197, 198
Чернигов, г. 14, 108, 112, 122, 134, 139, 150, 151, 154, 155
Черповоды, имен. в Уманском у. Киевской губ. 79
Чехия 41
Чигирин, г. в Черкасской обл. 196, 198
Шавры, имен. в Лидском у. Виленской губ. (совр. Гродненская обл.) 67, 68

Швеция (Шведское королевство) 176—178, 180, 183, 186, 191
Шаянтойя см. Святая
Шерешев, местечко в Пружанском у. Гродненской губ. 42, 43
Ширвинта, р., приток р. Святая 138, 147—149, 159
Шклов, г. в Могилевской обл. 79, 196, 197, 211
Шттионская земля — Силезия, обл. Польши 166
Шотландия 137
Шума см. Зунд
Юра, р., приток р. Неман 92, 138, 147, 159
Юрборк (Юрбург) (совр. — Юрбаркас), г. в Литве 134, 138, 139, 147, 148
Юрьев см. Дерпт
Ярославль, г. 176
Ясельда, р., приток р. Припять 72, 126, 138, 151, 154, 159
Ятвяжская земля (Ятвягия) 126, 165

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава первая	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	9
Глава вторая	
НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ ЛЕТОПИСЕЙ	29
• Супрасльская летопись	29
• Никитинская летопись	45
• Слуцкая (Уваровская) летопись	48
• <i>Origo regis Jagyelo et Witholdi ducum Lithuaniae</i>	50
• Виленская летопись	51
• Летопись Археологического общества	51
• Волынская краткая летопись	52
• Летопись Рачинского	54
• Летопись Красинского	55
• Ольшевская летопись	58
• Румянцевская летопись	61
• Ефремовская летопись	65
• Хроника Быховца	66
• Хроника Литовская и Жмойтская	74
• Баркулабовская летопись	79
Глава третья	
ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ МАЦЕЯ СТРИЙКОВСКОГО	82
Общий обзор использованных Стрийковским летописей	82
Географо-политическая терминология Стрийковского	84
Летописи, которыми пользовался Стрийковский	87
Цитирование Стрийковским летописных текстов (передача «собственных слов летописцев»)	91
Система ссылок Стрийковского на летописи	100
Ссылки на все или несколько летописей	110
Глава четвертая	
ЛЕГЕНДАРНАЯ ЧАСТЬ ЛЕТОПИСЕЙ И ХРОНИК	130
Общие положения	130
Первые варианты легенды	135
Географические представления летописцев	136
Генеалогия великих князей литовских	139

Образование государственной территории Великого княжества Литовского	147
Значение легенды	158
Легендарная часть летописей в литературе	169
Глава пятая	
ГОРОДСКИЕ ХРОНИКИ И ЛЕТОПИСИ	173
Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Трубницких	173
«Записки» игумена Ореста	203
Витебская летопись Пандырного и Аверки	218
Слуцкие хроники и летописи	231
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	239
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	240
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	253

Николай Николаевич Улащик

Введение в изучение

БЕЛОРУССКО-
ЛИТОВСКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
АН СССР

Редактор издательства С. А. Левина
Художник Н. А. Игнатьев
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор В. Д. Прилепская
Корректоры Д. Ф. Арапова, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 28473

Сдано в набор 27.09.84.

Подписано к печати 10.12.84.

Т-23205. Формат 60×90¹/₄.

Бумага книжно-журнальная импортная

Гарнитура литературная

Печать высокая

Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 16,5 Уч.-над. л. 20,3

Тираж 1950 экз. Тип. зак. 3690

Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485

Профсоюзная ул., 90

Набрано в МПО «Первая Образцовая типография»
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

113054, Москва, Валуевская, 28

Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука».
421099. Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6. Зак. 1192

Издательство «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ. Т. 36

Сибирские летописи, ч. 1/ Ин-т истории СССР,

Ин-т истории, философии и филологии АН СССР,

Сибирское отделение АН СССР.—

М., 1985.— 50 л.— В пер.

Очередной том «Полного собрания русских летописей» включает памятники сибирского летописания XVII в., связанные с официальной тобольской летописью, которая создана в 1636 г. Саввой Есиповым. Впервые в полном виде, по шести редакциям, публикуется Сибирский летописный свод («Описание о городах и острогах Сибири»), а также многочисленные варианты древнейшего летописания Сибири.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

Сборник статей.

1984 г./ Ин-т истории СССР.— М., 1985.— 20 л.— В пер.

В сборник включены статьи о применении картографического метода в источниковедении, некоторых вопросах анализа договоров нефтепромышленных фирм конца XIX — начала XX в., о законодательных источниках по истории документирования слововой принадлежности в VIII — начале XX в., о формировании термина исторический источник.

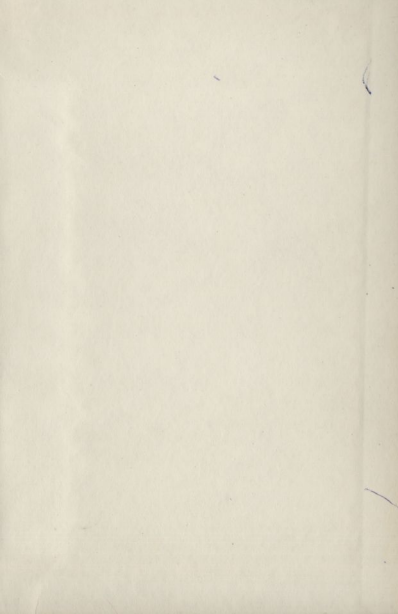
Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, МОСКВА, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345, ЛЕНИНГРАД, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091	АЛМА-АТА, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	196034	ЛЕНИНГРАД, В/О, 9 линия, 16;
370005	БАКУ, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);	220010	МИНСК, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
320093	ДНЕПРОПЕТРОВСК, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	103069	МОСКВА, ул. Горького, 19а;
734001	ДУШАНБЕ, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	117312	МОСКВА, ул. Вавилова, 55/7;
375002	ЕРЕВАН, ул. Туманяна, 31;	630076	НОВОСИБИРСК, Красный проспект, 51;
664033	ИРКУТСК, ул. Лермонтова, 289;	630090	НОВОСИБИРСК, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
42 043	КАЗАНЬ, ул. Достоевского, 53;	142292	ПУЩИНО, Московская обл., МР, «В», 1;
252030	КИЕВ, ул. Ленина, 42;	620151	СВЕРДЛОВСК, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	КИЕВ, ул. Пирогова, 2;	700029	ТАШКЕНТ, ул. Ленина, 73;
252142	КИЕВ, проспект Вернадского, 79;	700100	ТАШКЕНТ, ул. Шота Руставели, 43;
252030	КИЕВ, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);	700187	ТАШКЕНТ, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
277012	КИШИНЕВ, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	634050	ТОМСК, наб. река Ушайки, 18;
343933	КРАМАТОРСК, Донецкой обл., ул. Марата, 1;	450059	УФА, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
660049	КРАСНОЯРСК, проспект Мира, 84;	450025	УФА, ул. Коммунистическая, 49;
443002	КУЗЬМЫШЕВ, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	ФРУНЗЕ, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
191104	ЛЕНИНГРАД, Литейный проспект, 57;	310078	ХАРЬКОВ, ул. Чернышевского, 8 («Книга — почтой»);
199164	ЛЕНИНГРАД, Таможенный пер., 2;		

Sp. 502